

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Последний тайник. Фернандо Гамбоа.

Предисловие.

Загадки прошлого всегда манили людей блеском драгоценных камней и звоном монет. Но в сотни раз сильнее жажды наживы другая страсть – желание разгадать тайны прошлого. Интерес и любопытство – вот что движет поступками героев Фернандо Гамбоа. И пожалуй, это прекрасная причина. Современный человек разучился удивляться, его поглотила рутина повседневности и неизбывная скука. А ведь в душе каждого из нас живет искатель приключений, который просто ждет момента, чтобы отправиться в путешествие. Приключенческий жанр был и остается любимым для многих читателей. Ветер странствий звал в путь героев Г. Р. Хаггарда, Ж. Верна, Дж. Лондона и других знаменитых писателей. И наши современники, конечно же, не отстают от классиков. Эта книга познакомит вас с одним из самых ярких продолжателей приключенческого жанра – Фернандо Гамбоа.

Фернандо Гамбоа, летчик, водитель и неутомимый путешественник, родился в Барселоне в 1970 году. Его первая книга «Согагоп Мауа» («Сердце майя») имела большой успех, и благодаря ей он стал финалистом конкурса «Выдающиеся путешественники» («Grandes Viajeros»). Сейчас Гамбоа попеременно живет то в Испании, то в Латинской Америке, то в Африке. Жизненный опыт позволяет ему точно и достоверно изображать жизнь африканских и латиноамериканских племен. Он видел своими глазами неповторимую красоту Сахары и Амазонки и потому не может не любить их. Отличительная особенность его романов – это неиссякаемый интерес к жизни и людям, желание как можно больше узнать о мире.

Роман «Последний тайник» по-своему уникален, поскольку объединяет в себе черты классического приключенческого романа, о чем свидетельствуют динамичный сюжет, благородные поступки героев, и новые веяния литературы, как, например, загадки в духе «Кода да Винчи» Дэна Брауна. Можно сказать, что это роман-ребус, увлекательный и непредсказуемый от первой страницы до последней.

Главный герой книги, Улисс Видаль, чем-то похож на Индиану Джонса и своего тезку Одиссея. О смысле своей жизни он говорит так: «Любой из сменяющих друг друга эпизодов нашей жизни уникален, он никогда не повторяется, и я не хочу проморгать ни один из них...» Семейные узы кажутся ему цепью, которой человек прикован к дому, а потому превыше всего для него – свобода. Он – одинокий романтик, который любит и ценит жизнь, но в то же время готов рискнуть ею для спасения другого.

Когда Улисс случайно находит на дне Карибского моря бронзовый колокол, внутренний голос подсказывает ему, что он стоит на пороге необычайного открытия. Показав находку старому другу отца, профессору истории, он узнает, что колокол был отлит в XIX веке тамплиерами. Только как он оказался в Карибском море? Неужели рыцари-храмовники побывали в Америке до Колумба и уж не здесь ли они спрятали свои сокровища? Герои отправляются на поиски. То, что они найдут, способно перевернуть всю историю человечества... Впереди Улисса ждут опасность и успех, а главное – невероятное открытие и настоящая любовь.

Читайте и открывайте загадки истории. Ключи к тайне тамплиеров разбросаны по всему миру!

Слова признательности

Я от всего сердца благодарю своих родителей, Фернандо и Канделарию, поддерживавших меня во время моей поездки в пустыню. А еще я благодарю Тельви Кастильо, который подобно лучу освещал мне дорогу в течение многих лет, – именно он заставил меня стать тем, кем я теперь являюсь. Большое спасибо Диего Роману, Сусане Роман, Серхио Матарину, Патрисии Инсуа и Каталине Рамирес, вдохновлявшим меня и помогавшим мне – каждый по-своему – при создании этой книги. И конечно же, спасибо Лоле Гулиас и Фернандо Риваресу, благодаря которым этот роман вышел в свет и попал на полки книжных магазинов.

Всем им – моя искренняя признательность.

Фернандо Гамбоа

Буря

– Зарифляйте главный парус! – донесся сквозь шум бури громкий голос. – Укрепляйте мачту!

Никто не крикнул в ответ. Несколько человек, пробиваясь сквозь огромные волны, то и дело накатывающиеся на палубу, подбежали к мачте и начали отчаянно карабкаться вверх по канату, чтобы зарифить парус еще до того, как ветер, дувший со скоростью семьдесят узлов, разорвет его на куски или, что еще хуже, повалит единственную мачту судна.

Брат Хоан Калабона, не обращая никакого внимания на распоряжения капитана, наблюдал за происходящим, стоя на корме судна. Он не укрывался ни от ветра, ни от дождя и лишь пытался покрепче держаться за поручни, чтобы его не смыло за борт очередной волной. Несмотря на вероятную опасность, он предпочитал находиться здесь, на палубе, а не внутри судна, где стоял невыносимый запах блевотины и мочи.

Монах с удивлением отметил, что корабль, всего лишь несколько часов назад пребывавший в прекрасном состоянии, теперь беспомощно болтался среди огромных темно-серых волн, обрушивающихся на него со всех сторон. Эти волны рвали канаты, заставляли скрипеть и трескаться древесину, обдавали мелкими брызгами, из-за сильного ветра превращавшимися в острые иголки и больно вонзавшимися в незащищенную одеждой кожу тех, кто находился на мостике. Стоявший в двух шагах от монаха – в данной ситуации эти два шага можно было бы приравнять к двум лигам[1] – капитан Вильнёв всматривался в темноту, пытаясь разглядеть за громадными пенящимися волнами другие корабли их флотилии. Держась за поручни одной рукой, капитан другой указывал лоцману, куда нужно направлять судно, и выкрикивал что-то. И хотя лоцман кивал ему в ответ, вряд ли он мог расслышать и половину того, что пытался сказать капитан. Хоан Калабона, промокший до нитки и изо всех сил вцепившийся в поручни, мысленно спрашивал себя, а не возжелал ли Господь Бог, чтобы их путешествие закончилось прямо здесь, в этих водах.

Прошло уже почти восемь недель с того момента, как они под прикрытием ночной темноты вышли из порта Ла-Рошель в открытое море. Восемнадцать кок[2] длиной от семидесяти до восьмидесяти футов взяли курс на запад, увозя в своих трюмах весьма ценный груз. Трюмы были забиты до отказа. Более того, чтобы поместить весь груз, пришлось выкинуть из трюмов камни, служившие в качестве балласта. Двадцать два дня потребовалось на то, чтобы, не заходя ни в какие порты, достичь Счастливых островов и на одном из них, самом западном, под названием Гомера, пополнить запасы воды, овощей и фруктов. После этого флотилия плыла по океану целых двадцать пять дней (а может, даже двадцать шесть или двадцать семь – какая теперь разница?). Питьевую воду, которая уже начала портиться, несколько дней назад начали выдавать только по одной большой чашке в день на закате солнца. Овощей и фруктов хватало всего на неделю, и даже червивое сушеное мясо теперь вспоминалось как настоящее лакомство. На перегруженных судах для съестных припасов было выделено так мало места, что их запас очень быстро истощился. И если в ближайшие дни Господь не выведет их корабли к какому-нибудь большому острову, они превратятся в призраков, плывущих на тот свет.

Однако неистовый шторм отодвинул все заботы на второй план.

– Брат Хоан!

Услышав, что его зовут, монах открыл глаза и увидел прямо перед собой старшего боцмана, по лицу которого обильно струилась дождевая вода.

– Идите вниз! – крикнул боцман. Его голос почти полностью заглушался ревом бушующего моря и ветра. – Находиться здесь слишком опасно!

Калабона в ответ лишь отрицательно покачал головой. Старший боцман чертыхнулся, сплюнул сквозь зубы и, постояв в нерешительности несколько секунд, отвернулся, чтобы продолжить бороться со штормом.

Хоан Калабона опустился на скользкую палубу и, стоя на коленях и обхватив одной рукой стойку поручней, соединил обе ладони на уровне груди, чтобы помолиться. Его поза, конечно, была не очень-то подходящей для молитвы, как не очень подходящим было место для нее, однако в подобной ситуации ему только и оставалось, что молиться.

Внезапно монах заметил, что драгоценный перстень, немой свидетель всех его жизненных невзгод и страданий, который прежде плотно сидел на пальце, теперь болтается на нем. Хоан и в самом деле так сильно похудел, что ему приходилось подвязывать веревкой штаны, чтобы они не спадали с него. Похудел, конечно, не только он – все его товарищи, участвующие в этом путешествии, с каждым днем становились все более похожими на ходячие скелеты. Но одна лишь мысль о том, что он может потерять вещь, ставшую символом смысла его существования, испугала монаха больше, чем этот жуткий шторм. Аккуратно приоткрыв висевший у него на шее маленький кожаный мешочек, брат положил в него то, что отождествлялось с последней надеждой ордена и из-за чего неисповедимые пути Господни привели его, Хоана, на этот корабль. И вот теперь, в эту промозглую ноябрьскую ночь, он стоит на коленях на палубе и молится прямо посреди урагана о спасении своей жизни.

Хоан закрыл глаза и, попытавшись хотя бы на время забыть о свирепом шторме, стал молиться Господу, прося его о спасении своей собственной души и душ тех несчастных людей, которые боролись за свои жизни посреди беснующейся водной стихии. И вдруг он услышал – нет, скорее даже не услышал, а почувствовал всеми своими внутренностями – ужасный скрежет где-то под ногами. Это могло означать только одно: их прочнейшая кока, построенная в расчете на то, чтобы выдерживать даже самые сильные северо-западные ветры, получила смертельное ранение и теперь уже никогда не доплывет до места назначения.

1

Едва я успел вынырнуть из воды и вытащить регулятор изо рта, как услышал крики Джека, который, наклонившись и держась обеими руками за якорный трос, стоял на носу яхты.

– Улисс! Якорь опять застрял! Нырни-ка еще разок и вытяни его.

– Опять застрял? Ну что за дерьмо!

Я неохотно сунул в рот регулятор и нажал на клапан, выпуская воздух из плавательного жилета, а затем медленно погрузился в глубину, из которой только что вынырнул.

– Не одно, так другое, – недовольно пробормотал я, опускаясь все глубже и глубже. – До добра это не доведет.

После всплытия необходимо потратить не менее пяти минут на декомпрессию, а мне приходится сразу же снова погружаться, чтобы потом максимально быстро подняться – и все из-за этого чертова якоря. За всю свою жизнь я впервые столкнулся с якорем, который все время где-то застревает. Каждый день – одно и то же. Нужно поставить Джеку ультиматум: или якорь, или я. На яхте мы с этой железякой явно не уживаемся.

Я огляделся по сторонам, пытаюсь увидеть в воде якорный трос – ровную белую линию, протянувшуюся от темнеющего сверху корпуса яхты «Мартиниз Ло» к расположенному на девятиметровой глубине рифу. Наклонившись всем телом, я поплыл к тому месту, где на самом дне угадывался нижний конец якорного троса, чтобы вытащить этот дурацкий якорь как можно быстрее.

Через несколько секунд я был уже возле якоря, выглядывающего из огромного живого коралла, который в слабом свете тропического вечера, пропуская сквозь себя миллионы литров воды, предстал передо мной во всем своем великолепии – с ярко-красными, желтыми, белыми и темно-лиловыми образованиями самых невероятных форм. Появляясь то сверху, то снизу, то сбоку, вокруг коралла шныряли сбившиеся в необыкновенно подвижный косяк бесчисленные маленькие рыбки серебристо-голубоватого цвета, уникального даже для многокрасочной морской фауны. Рыбки сновали туда-сюда очень быстро и хаотично, но при этом, казалось, совсем не боялись находившихся рядом гораздо более крупных рыб. Огромная одинокая барракуда, медленно проследовавшая над рифом, словно ковбой, объезжающий свое ранчо и приглядывающий за пасущимися стадами, посмотрела на меня с таким видом, как будто мое присутствие ее раздражало. К окружающему меня всеобщему движению добавилось целое облако пузырьков: это я, не сдержавшись, выругался, когда заметил, что одна из трех лап злополучного якоря каким-то совершенно невероятным образом пробила насквозь кусок коралла и зацепилась за него.

Я несколько раз толкнул якорь, однако мои усилия привели лишь к тому, что из-за взметнувшихся вверх частичек водорослей и крупинок песка вода вокруг меня помутнела, и теперь уже трудно было разглядеть, почему мне не удастся высвободить лапу этого дьявольского якоря.

Отвлекаясь на несколько секунд от своего занятия, я посмотрел, какой запас воздуха у меня еще оставался после сорока пяти минут пребывания под водой со своими клиентами и этого непредвиденного погружения. Шестидесят атмосфер. Получалось, что на данной глубине минимальный допустимый предел давления в баллоне будет достигнут через три минуты, а значит, в любом случае придется подниматься на поверхность.

Я раздраженно выхватил длинный нож из прикрепленного к икре правой ноги чехла, намереваясь, если потребуется, искромсать в куски хоть весь коралловый риф. Попытавшись вонзить нож в коралловую массу, в которой застрял якорь, я невольно удивился ее необычайной твердости, а затем, приглядевшись к ней получше, обратил внимание на странную форму. Коралл был похож на кольцо с диаметром двадцать или двадцать пять сантиметров, и именно в отверстие этого кольца угодила якорная лапа. Я еще никогда не видел коралловую массу подобной формы, и мне даже стало жаль разрушать ее ради высвобождения этого дурацкого якоря, который я почти ненавидел. Однако у меня не было другого выхода, и я, преодолевая сопротивление воды, изо всех сил ударил по ней ножом.

– Это еще что за чертовщина?.. – удивленно пробормотал я, почувствовав, как лезвие ножа, ударившись обо что-то очень твердое, завибрировало.

Там, где только что был коралл, теперь виднелось что-то зеленое, покрытое остатками коралла. Получалось, что кольцо, в котором застряла якорная лапа, было частью какого-то предмета из сильно окислившегося металла, но коралловое наслоение мешало его разглядеть.

Я несколько секунд удивленно разглядывал находку. По всей видимости, этот предмет был создан рукой человека, причем – если судить по толщине коралловой корки – очень и очень давно. «А может, – подумал я, – это что-то очень ценное?»

Внезапно я вспомнил, что нахожусь на девятиметровой глубине, что запас кислорода в моем баллоне быстро иссякает и что якорь все еще никак не хочет вылезать из рифа. Снова проверив наличие воздуха в баллоне, я поморщился: стрелка манометра уже переместилась в красный сектор. Нужно было, не мешкая ни секунды, что-то предпринимать.

Я понимал, что если я поднимусь на поверхность, не высвободив якорь, то получу нагоняй от Джека. К тому же ему наверняка захочется лично спуститься под воду и самому попытаться справиться с застрявшим якорем, – но тогда он обнаружит найденное мною загадочное металлическое кольцо. Если же я поднатужусь и все-таки вытащу якорь, то, чтобы вернуться сюда позже и получше рассмотреть свою находку, мне нужно будет уговорить хозяина снова приплыть именно сюда. В этом случае придется рассказать Джеку о найденном мною кольце.

Я задумчиво посмотрел сначала на кольцо, затем на якорь и канат и, наконец, на нож, который все еще сжимал в правой руке. И если бы кто-то в этот момент взглянул на меня, то он заметил бы, как мое лицо за стеклом маски расплылось в коварной улыбке...

– Не сердись, Джек, – сказал я с плохо скрываемым ехидством, забравшись на палубу и держа в руке кончик перерезанного ножом каната. – У меня не было другого выхода: воздух в баллоне уже заканчивался. Но ты не переживай: мы завтра ненадолго вернемся сюда и я вытащу якорь. Я хорошо запомнил, где он находится.

– Ну что ж, тебе виднее, – буркнул в ответ помрачневший Джек. Он стоял на палубе, уперев руки в бока и стараясь смириться с мыслью, что его якорь стоимостью в тысячу долларов на какое-то время останется лежать на морском дне.

На следующее утро, едва только рассвело, я уже сидел на палубе яхты, стоявшей на одном из причалов Утилы, островка в Карибском море к северу от

Гондураса, и ждал отплытия, не обращая внимания на прохладный утренний бриз. Кроме своего снаряжения, я втихаря притащил сюда небольшой мешочек с молотком и зубилом. Накрытый для маскировки полотенцем, он лежал между баллонами со сжатым воздухом. Вскоре появился сонный, еле сдерживающий зевоту Джек, и, обменявшись вместо приветствия парочкой язвительных замечаний, мы вышли в море.

Пренебрегая правилами безопасности при нырянии, я погрузился в воду один и поплыл к тому месту, где лежал якорь, а мой хозяин, не выспавшийся из-за продолжавшейся вчера до поздней ночи попойки, снова завалился спать. Я без труда нашел якорь и, стараясь не терять времени, набросился на риф с молотком и зубилом, чтобы высвободить предмет, скрывающийся под неровной поверхностью коралла. Это оказалось не так-то просто, и, вырвав якорную лапу из металлического кольца, я продолжил крушить коралл вокруг него, пока не догадался, что оно является частью какого-то шарообразного предмета диаметром сантиметров двадцать. В результате моих усилий этот предмет постепенно приобретал форму, и наконец, после очередного сильного удара мне удалось отделить его от коралловой массы. К моему удивлению, находка – она была сантиметром тридцать в длину и сантиметром двадцать в ширину – имела форму колокола.

Чувствуя такое же психическое напряжение, как когда-то в детстве, когда я, будучи двенадцатилетним мальчиком, украл в супермаркете шоколадку, я достал из кармана мешок и положил в него странный предмет, а затем, надув немного свой плавательный жилет (чтобы компенсировать увеличение массы), поплыл в сторону яхты. Убедившись, что Джека в пределах видимости нет, я поспешно привязал мешок под водой к кормовой лестнице и снова погрузился в воду. На этот раз я занялся якорем: прикрепив его к транспортному бую, предназначенному для подъема со дна тяжелых предметов, я наполнил этот буй воздухом. Уже в следующее мгновение он рванул вверх и с шумным всплеском появился на поверхности, словно огромная красная медуза, страдающая аэрофагией.

Минуту спустя я вынырнул возле носовой части яхты и, помня, что мой хозяин пребывает в состоянии тяжелого похмелья, заорал что есть мочи:

– Эй, Джек! Поддай мне руку! Черт бы побрал этот твой якорь!

– Да не ори ты, я тебя и так слышу, – раздался в ответ ворчливый голос Джека, а затем из-за бортового ограждения высунулась его физиономия с покрасневшими, сощуренными от солнца глазами.

Я подтянул транспортный буй к лестнице и помог Джеку поднять его на борт вместе с якорем. При этом я старался забить голову еще не отошедшему от похмелья Джеку своей болтовней, чтобы он не увидел, что к кормовой части яхты привязан какой-то мешок. Но Джек, похоже, пребывал в таком состоянии, что, будь этот мешок размером с рояль, он все равно ничего бы не заметил.

Как только я поднялся на борт, он запустил двигатель и яхта на максимальной скорости направилась в сторону пристани. Не теряя времени, я осторожно вытянул из воды свое маленькое «сокровище» и спрятал его в помещении, в котором хранились инструменты.

Затем я уселся в носовой части яхты и подставил лицо теплому соленому ветерку, чувствуя себя счастливым от того, что мне удалось незаметно втащить на борт свою находку и спрятать ее. Ради этого мне, правда, пришлось пойти на хитроумный маневр: именно я организовал вчера вечером грандиозную попойку, в результате которой, как и было мною рассчитано, Джек, дородный калифорниец, к которому я нанялся на работу восемь месяцев назад, проснулся сегодня утром в совершенно разбитом состоянии.

По мере того как яхта приближалась к острову, мы все отчетливее видели среди высоких кокосовых пальм почерневшие от времени черепичные крыши деревянных домов, окрашенных в столь милые моему глазу пастельные тона. На многих домах развевались красные полотнища с белой полосой – опознавательный знак центров подводного плавания, являвшихся на этом островке, который был населен бедными рыбаками, основным видом экономической активности. Десять лет назад, когда я приехал на Утилу в первый раз, здесь было только два таких центра, а вся «цивилизация» состояла из маленькой улочки, бара, кафетерия, примитивной дискотеки и одного-единственного автомобиля, на котором и поехать-то было некуда.

Теперь же, после того как по всему миру расползлись слухи, что именно возле этого острова находится самый большой коралловый риф западного полушария, тысячи любителей подводного плавания из многих стран стали ежегодно приезжать на Утилу, чтобы побултыхаться в здешних водах. Несмотря на то что подобный наплыв туристов обеспечивал мне возможность работать инструктором подводного плавания в этом райском уголке планеты, в глубине души я тосковал по прежней тишине и безмятежности этих мест, принесенных в жертву ради сомнительного процветания.

Как только мы пришвартовались, я сразу же начал сгружать с яхты свое снаряжение. Когда на борту из всего инструмента остались одни лишь большущие клещи, я достал мешок со своей находкой и, взвалив его на плечо, с беззаботным видом отнес в бунгало, мое временное жилище. Войдя в дом и закрыв за бой дверь, я поспешно достал из мешка свое «сокровище», чтобы рассмотреть его при ярком дневном свете.

Проглядывавшие сквозь беловатую коралловую корку небольшие участки металла имели зеленоватый цвет. Хотя коралловое наслоение и скрадывало форму этого предмета, было вполне очевидно, что я держу в руках не что иное, как колокол. Я смотрел на него и думал, что мне, пожалуй, вряд ли когда-нибудь удастся узнать, каким образом этот колокол оказался погребенным в коралловом рифе посреди Карибского моря...

Восемь месяцев, возможно, и не такой уж большой промежуток времени, однако я еще никогда не работал так долго на одном и том же месте. В течение долгих лет я то и дело переезжал с одного места на другое, работая большей частью инструктором по подводному плаванию и ведя довольно неприветливую жизнь. Достигнув возраста, в котором у большинства мужчин уже есть собственный дом, автомобиль, жена и пара сопливых ребятишек, я был еще весьма далек от всего этого. Я с юных лет очень любил путешествовать и с трудом представлял, что смогу жить какой-то другой жизнью – не такой, как живу сейчас. Конечно, время от времени меня начинали одолевать кое-какие сомнения, и тогда я всерьез задумывался о том, правильно ли я поступаю. Однако в подобных случаях я тут же пытался отогнать от себя тревожные мысли и для этого просто вставал и шел на пляж – благо, что я всегда находился рядом с каким-нибудь пляжем. Там я дышал соленым морским воздухом, слушал шелест накатывающихся на берег волн, любовался желтоватыми листьями кокосовых пальм, от которых отражались лучи тропического солнца... Такое случалось со мной в разных уголках планеты: на Антильских островах, на Красном море, в Занзибаре, в Таиланде. Но где бы это ни происходило, я каждый раз неизменно приходил к одному и тому же выводу: я ни за что не променяю свою бродяжью жизнь, полную неповторимой красоты и ярких впечатлений, на оседлую жизнь даже в самом лучшем в мире доме с палисадником и собакой.

Вот и на Утиле мне стало тесновато, душа уже несколько дней настойчиво жаждала перемен, и, учитывая, что сезон подводного плавания близился к завершению, я вполне резонно подумал, что Джек не окажется в большом убытке, если у него станет одним инструктором меньше. С каждым днем в центре подводного плавания сновало все меньше людей, клиентура таяла прямо на глазах, а потому я без особых колебаний решил устроить себе каникулы и поехать в родную Барселону, чтобы повидать там свою матушку, пообщаться с друзьями, а заодно попытаться найти какую-нибудь информацию относительно моей загадочной находки.

Я упаковал свои немногочисленные пожитки в рюкзак и туда же положил тщательно завернутый в материю увесистый колокол, мысленно констатировав, что мне наверняка предложат доплатить авиакомпании за превышение допустимого веса багажа. Кроме того, если меня уличат на таможне в попытке вывезти за пределы страны археологическую реликвию, мне потом придется немалое время наслаждаться знаменитым гостеприимством гондурасских тюрем. Но как бы там ни было, я твердо решил рискнуть.

В тот момент, сидя у себя в бунгало и пытаясь как можно лучше замаскировать колокол среди снаряжения для подводного плавания, я даже представить себе не мог, какие напасти и злоключения навлечет на меня это решение.

2

Неделей позже я приземлился в барселонском аэропорту Прат и, выйдя из здания аэропорта, попросил таксиста доставить меня на Парижскую улицу, к

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
моему скромному жилищу, доставшемуся мне в наследство от бабушки. Оно находилось прямо посреди района Эксампле и представляло собой расположенную на мансардном этаже квартирку с большими окнами и балконом, на котором стояли два пожелтевших от солнца пластиковых шезлонга. Квартира состояла из гостиной, спальни, кухни и ванной, и в ней царил, если можно так выразиться, интимная атмосфера. Все здесь, казалось, было спроектировано соответственно размерам моей покойной бабушки, весьма миниатюрной женщины, а потому я с ростом метр восемьдесят никогда не чувствовал себя в этой квартирке комфортно. Но это, тем не менее, было жилище, причем принадлежащее мне, и я с течением времени привык к нему и даже стал считать своим родным домом.

Я поставил дорожную сумку на пол в гостиной и, не зажигая света, подошел к холодильнику. Открыв дверцу, я вспомнил, что у меня сейчас нет ни электричества, ни воды, ни газа, ни тем более еды. Невозмутимо пожав плечами, я направился в спальню и упал на кровать, чувствуя себя изможденной жертвой неудобных сидений пассажирского салона туристического класса и резкой смены нескольких часовых поясов.

Несколько часов спустя, когда мой внутренний будильник, все еще настроенный на центральноамериканское время, подсказал мне, что уже десять утра, я проснулся – проснулся как раз в тот момент, когда солнце здесь, в Барселоне, уже начало прятаться за крышами близлежащих домов, предвещая тем самым наступление вечера. Разглядывая отражение красноватого солнечного диска на стекле окна, я лежал и размышлял, что же мне следует сделать в первую очередь – принять душ или спуститься в расположенный на другой стороне улицы китайский ресторан и перекусить там. Наконец я вспомнил, что в квартире нет воды, а желудок стал выражать свой протест таким громким урчанием, что все мои сомнения тут же развеялись.

Сидя в ресторане и поедая лапшу, я думал о том, чем мне следует заняться завтра. Нужно было, конечно же, навестить матушку, чтобы, во-первых, пообщаться с ней и, во-вторых, воспользоваться ее душем и еще кое-какими элементарными удобствами. Кроме того, следовало решить, какие шаги необходимо предпринять, чтобы узнать историю найденного мной на морском дне колокола. Понимая, что на следующий день мне все еще придется мучиться от смены часовых поясов, я решил встать как можно раньше, чтобы успеть выполнить хотя бы половину того, что запланировал. Поэтому, немного прогулявшись и размяв ноги, я разыскал на книжной полке уже почти прочитанную мною книгу о поисках сокровищ, а затем проглотил две таблетки снотворного. Очень скоро я заснул. Снились мне, конечно же, пираты и ушедшие под воду колокольни.

– Улисс! Когда ты приехал? Почему ты не предупредил о приезде? Я бы встретила тебя в аэропорту! Проходи, сынок, проходи, не стой в дверях! Как ты загорел!.. – тараторила без умолку моя матушка. С подернутыми сединой каштановыми волосами, в платье ярких тонов, несмотря на то что ей было уже около шестидесяти, она то и дело поправляла у себя на носу очки в толстой оправе, какие обычно носят секретарши, и радостно улыбалась мне.

– Привет, мама, очень рад тебя видеть, – я с трудом вклинился в непрерывную болтовню своей матери и нежно обнял ее. – Как тут у тебя дела?

– Неплохо, как всегда. Но если бы я умерла, ты об этом даже не узнал. Ты не звонил мне месяца три!

– Не обижайся, мама. Ты ведь знаешь, что я не люблю разговаривать по телефону. Кроме того, – сказал я, придав своему лицу дурашливое выражение, – я известен тем, что общаюсь с женщинами только одного со мной возраста... Так что мне нужно было поддерживать свою репутацию.

– Ну и сыночек мне достался! Я давно уже поняла, что мне следовало бы усыновить какого-нибудь мальчугана, который был бы со мной поласковее.

– Он только и делал бы, что объедал тебя!

– Да хоть бы и так, но он, по крайней мере, звонил бы мне, чтобы рассказать, как у него дела.

Задав мне еще несколько обычных для подобной встречи вопросов, матушка отправилась в кухню, чтобы приготовить мне огромную картофельную запеканку,

а я пошел принимать душ. Мне всегда нравилось возвращаться домой после долгого пребывания за границей. Ничто так не заставляет снова почувствовать себя окруженным заботой и лаской ребенком, как знакомые еще с детских лет запахи и обстановка родительского дома.

– А ты, я вижу, все еще рисуешь, – громко произнес я, разглядывая картины, которыми были увешаны все стены от пола до потолка.

– Еще как рисую! – донесся из кухни заносчивый голос моей матушки. – Я даже собираюсь устроить совместно с подругами настоящую выставку.

– Выставку? И что ты на ней будешь выставлять?

– Давай-давай, ехидничай! Посмотрим, что будет, когда я продам какую-нибудь свою картину и ткну тебе чеком прямо в физиономию.

– Да я не ехидничаю, а наоборот, радуюсь. Прямо-таки готов визжать от восторга.

– Смотри, останешься без запеканки.

– Всё, сдаюсь. А когда откроется выставка?

– Мы еще не согласовали точную дату, но примерно через месяц.

– Ну, возможно, у тебя что-нибудь и получится... – сказал я, а затем, подумав, что рискую и в самом деле остаться без запеканки, поспешно добавил: – Я даже уверен, что у тебя обязательно все получится.

Вкратце поведав о своем житье-бытье на Утиле (о найденном в море колоколе я предпочел умолчать) и слопав сочную запеканку, я затем спровоцировал матушку выложить мне все последние новости, касающиеся ее жизни и жизни ее подруг – особенно тех, которые все еще были замужем. Разведенные и вдовы подруги моей матери уже давно объединились в своего рода тайное общество, цель которого заключалась главным образом в том, чтобы убедить все еще «порабощенных своими мужьями» женщин в преимуществах незамужней жизни. Выслушав очень внимательно – правда, скорее из вежливости, чем в силу реального интереса, – почти часовой рассказ матушки, я оставил ей большой целлофановый мешок со своей грязной одеждой, чтобы она ее постирала. Затем, чмокнув матушку в обе щеки, я сообщил ей, что мне пора идти, поскольку у меня полно дел. Разумеется, я заверил ее, что обязательно навещу ее завтра, чтобы дослушать рассказ о разводе некоей подруги Лолы, а заодно и забрать свою – к тому моменту, надеюсь, уже постиранную – одежду.

Я уже выходил на лестничную площадку, когда вдруг кое о чем вспомнил. Резко обернувшись, я спросил:

– Кстати, мама, а у тебя есть номер телефона профессора Кастильо?

– Кого? Кастильо? Не знаю. Думаю, что нет. А зачем он тебе? – С лица матушки тотчас исчезла приветливая улыбка, и оно скривилось, как будто до нее донесся запах тухлых яиц.

– Мне нужно кое о чем спросить профессора, но для этого необходимо сначала найти его.

– Я даже не представляю, о чем ты можешь говорить с этим нудным стариканом, – с презрением фыркнула матушка. – Ну, разве что о пыли и паутине.

– Мама, речь идет об очень важном деле.

– Хорошо, я посмотрю у себя среди всякого хлама – только там его номеру и место! – Матушка сердито взмахнула рукой, давая тем самым понять, что она выполнит мою просьбу, но с большой неохотой.

– Спасибо, мама. – Я улыбнулся и тихонько закрыл за собой дверь.

Я слишком поздно вспомнил о той неприязни, которую испытывала к профессору Кастильо моя мать. Она была уверена в том, что страсть к археологическим мифам, овладевшая моим отцом в последние годы его жизни, являлась следствием его дружбы с профессором Кастильо и что именно профессор заразил

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
отца своими нелепыми идеями, которыми тот буквально бредил вплоть до своей смерти. По правде говоря, с оставшимся в моей памяти образом отца почти неразрывно был связан образ еще одного человека, и этим человеком являлся не кто иной, как «проф» – так я в шутку называл профессора Кастильо. Более того, на своих последних прижизненных фотографиях отец был чаще запечатлен рядом с улыбающимся «профом», нежели со своей женой.

Остаток дня я посвятил тому, чтобы превратить свою квартиру в более-менее пригодное для жизни место, а вечером, при свете свечей, решил заняться своим «сокровищем», достав загадочный предмет из таза с аммиачным раствором, в который я положил его сразу же по приезде, и вооружившись щипчиками и щеткой, я начал аккуратно освобождать металл от обволакивающей его коралловой корки. К слову, многолетние наслоения, подвергнувшись воздействию аммиака, отделялись уже гораздо легче.

Я терпеливо сдирал коралловую массу слой за слоем, и мне в конце концов, уже глубокой ночью, удалось полностью очистить свою находку, если не считать покрывавшей ее в некоторых местах зеленой корки, которую я пока не решился трогать. На моей находке, которая и в самом деле оказалась колоколом, имелись две опоясывающие ее в средней части полосы, а между ними виднелись наполовину стершиеся символы – то ли буквы, то ли рисунки, – детально изучать которые посреди ночи мне, естественно, не хотелось. Будучи не в силах бороться со сном, я решил отложить свои изыскания до утра и завалился спать. Однако, уже поднявшись из-за стола и собравшись задуть свечи, я не выдержал и решил еще разок внимательно осмотреть свою находку.

Мерцающий свет отражался от поверхности колокола какими-то фантазмагорическими отблесками, с помощью которых колокол, как мне показалось, отчаянно пытался поведать свою историю. Но, к сожалению, этот язык был мне непонятен.

К середине следующего дня в моей квартирке уже имелись электричество и вода. Более того, моя матушка, хотя и с большой неохотой, все-таки сообщила мне номер телефона профессора Кастильо. Я зашел в телефонную будку на углу улицы и набрал этот номер.

– Алло! Профессор Кастильо?

– Да, это я, – раздался с другого конца линии твердый голос.

– Вас беспокоит Улисс Видаль.

– Улисс? – Мне показалось, что голос на другом конце линии дрогнул.

– Он самый. Как поживаете, проф?

– Замечательно! – живо ответил профессор Кастильо. – А ты? Давненько я о тебе ничего не слышал! Ты сейчас где, в Барселоне?

– Да, приехал сюда пару дней назад. Мне хотелось бы с вами встретиться... если, конечно, это возможно.

– Ну конечно, возможно! В любой момент, Улисс, когда захочешь.

– Может, завтра?

– Хорошо, только давай во второй половине дня. Придешь ко мне домой?

– Спасибо за приглашение, но я предпочел бы, чтобы вы пришли ко мне. Я хочу вам кое-что показать.

– Что именно?

– Я и сам еще толком не знаю, что это такое. Мне хотелось бы, чтобы вы пришли и посмотрели на этот предмет.

– Ты все еще живешь в квартире своей бабушки?

– Да, именно там. Приходите в шесть, ладно?

– Хорошо, приду, – сказал профессор, а затем, после небольшой паузы,

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
добавил: – По-видимому, что-то очень древнее.

– О чем это вы?

– О том предмете, который ты хочешь мне показать. Он, наверное, очень древний, а иначе зачем бы тебе понадобилось обращаться к нудному преподавателю средневековой истории, тем более уже ушедшему на пенсию?

Все мои последующие попытки договориться по телефону о встрече с кем-нибудь из моих лучших друзей закончились безуспешно. Они отделялись от меня не очень-то оригинальными отговорками типа «много работы в офисе», «мне нужно сдать машину в мастерскую» и «я на этой неделе очень сильно занят». Впрочем, я на них не обиделся. Они все успели жениться и были связаны по рукам и ногам кучей всевозможных дел и обязанностей, утратив в свои тридцать лет былую энергию и оптимизм. Это был один из тех моментов в жизни, когда я чувствовал себя ужасно одиноким, все больше и больше теряющим связь со своими друзьями и с каждым днем отдаляющимся от некогда привычного для меня мира, в который я уже давным-давно не вписывался. Иногда даже начинало казаться, будто все остальные люди знали нечто такое, чего мне никто не объяснил, но о чем мне обязательно нужно узнать, если я хочу и впредь ощущать себя частью общества.

Но что я мог поделаться? Если человек не обременен семьей и не очень-то обеспокоен тем, что думают о нем другие люди, он постепенно обнаруживает, что многие из ранее казавшихся ему вполне естественными поступков начинают терять для него всякий смысл.

Вполне возможно, что я, как мне однажды сказала знакомая женщина, остался таким, каким был в двадцатилетнем возрасте, и жил сейчас в мире иллюзий, думая лишь о сегодняшнем дне. Эдакий убежденный приверженец девиза «Carpe diem» [3]. Но вот что я знал наверняка, так это то, что не соглашусь променять свою теперешнюю жизнь ни на какую другую. Тем не менее этим вечером мне было очень грустно, и я отправился в мой любимый бар «Кораблекрушение», размещающийся в корпусе старого судна. Мне вдруг захотелось утопить свою печаль в джине и, возможно, даже наклюкаться этой тоскливой сентябрьской ночью до такой степени, чтобы жизнь – пусть даже и ненадолго – снова показалась прекрасной и удивительной.

Каждый раз, возвращаясь в родную Барселону, я чувствовал себя здесь все более и более чужим. Мне казалось, что все прохожие почему-то смотрят не на идущих им навстречу людей, а на свой пупок, улицы выглядят какими-то холодными и неуютными, а дети – замкнутыми и молчаливыми. Мои прогулки по городу неизменно заканчивались тем, что я забредал в кварталы, населенные выходцами из арабских стран и Латинской Америки, где люди при встрече громко приветствуют своих знакомых, а иногда даже обнимаются. Что касается незнакомцев, идущих по тротуару навстречу друг другу, то они смотрят один другому прямо в глаза. Как ни странно, я чувствовал себя психологически наиболее комфортно – так сказать, «среди своих» – не в стилизованных кафе типа «Старбакс», а в арабских заведениях, где публика состоит в основном из алжирцев, хотя по-арабски я знал всего лишь несколько слов. Возможно, все это являлось следствием моего долгого пребывания в зарубежных странах, в которых я хотя и был чужаком, но никогда там себя таковым не чувствовал. Посидев немного в баре и купив там большую бутылку «Блу Бомбей Драй Джин», я зашел в кафе и поужинал кебабом из баранины (я пристрастился к этому блюду, когда был в Египте), а затем степенным шагом направился домой, на свое ночное свидание с бутылкой джина. По дороге я слушал растекающиеся по окрестным улочкам аккорды гитары, представлявшие собой вольную интерпретацию знаменитой мелодии «Между двумя водами».

Я проснулся позже, чем намеревался, и, чувствуя себя измученным и одиноким, решил принять холодный душ (в моей квартире по-прежнему не было газа), чтобы привести свою нервную систему в нормальное состояние. Вытираясь перед зеркалом и разглядывая свое отражение, я заметил, что, если не считать темных кругов под глазами, у меня был вполне приличный вид. Конечно, я не мог похвастаться мускулатурой спортсмена, но, тем не менее, имел хорошую физическую форму, а загар на моей коже от долгого пребывания на солнце выглядел как ее естественный цвет. И хотя я не рискнул бы сравнивать себя с Брэдом Питтом, личный жизненный опыт свидетельствовал о том, что я был вполне привлекательным для определенного типа женщин, что позволяло мне легко находить себе подходящую компанию, когда я вдруг начинал тосковать по нежной женской коже.

Затем меня начали мучить сомнения, какой именно прием пищи следует себе устроить – завтрак или обед. Стоя у кухонного шкафа, я переводил взгляд с банки с шоколадной пастой на банку с фабадой[4] и размышлял, чем же лучше попотчевать себя в это время суток, которое вполне подходило как для позднего завтрака, так и для раннего обеда. Наконец во мне победил лакомка и я, наклонившись над столом, стал с удовольствием намазывать шоколадную массу на ломтик батона, то и дело поглядывая на лежавший в центре стола небольшой зеленоватый колокол, рядом с которым все другие предметы казались банальными и никчемными.

Ровно в назначенное время раздался зуммер домофона, а двумя минутами позже в мою дверь громко постучали костяшками пальцев. Когда я открывал дверь, моя рука, по правде говоря, слегка дрожала, потому что я не виделся с профессором Кастильо уже много лет – почти с того самого дня, когда погиб мой отец. И хотя вчерашний телефонный разговор с профессором меня немного успокоил, я пока мог только догадываться, как он поведет себя со мной после столь длительного перерыва в нашем с ним общении.

Однако все эти сомнения терзали меня недолго – ровно столько времени, сколько мне понадобилось на то, чтобы открыть дверь.

Я увидел перед собой хорошо знакомую фигуру старого друга моего, ныне уже покойного, отца. Несмотря на то, что теперь профессор Кастильо показался мне не таким высоченным, как раньше, а волосы на его голове стали совершенно седыми, во всем остальном он был таким же, каким я видел его в последний раз много лет назад: небольшая бородка, добродушная улыбка и огромные голубые глаза за стеклами очков в роговой оправе. Я даже не сомневался, что под его неизменной широкой клетчатой рубашкой и пиджаком в крапинку, как и прежде, скрывались крепкие мускулы, которыми профессор мог похвастаться.

– Улисс! Как я рад снова видеть тебя! – воскликнул Кастильо, вовлекая меня в свои медвежьи объятия.

– Я тоже, проф, – еле выдавил я из себя. – Но если вы не прекратите так сильно меня сжимать, эта встреча может стать для меня последней.

Он от души рассмеялся, однако подержал меня в своих лапах еще несколько секунд, а затем слегка отстранил от себя и окинул мою фигуру пронзительным взглядом.

– Или ты сильно подрос, или я усох, – сказал он. – Ты уже не такой коротышка, каким был раньше!

– А что стало с вашими волосами, проф? Вы покрасили их, придав им платиновый оттенок, чтобы выглядеть более респектабельно? Если да, то должен вам сообщить, что ваши усилия были напрасными.

– Кто бы говорил! Ты, наверное, чтобы стать таким загорелым, потратил кучу денег на солярий и теперь сидишь на хлебе и воде, – парировал Кастильо.

Мы оба от души рассмеялись, радуясь тому, что снова встретились и что продолжаем отпускать в адрес друг друга язвительные шуточки, как будто со времени нашей последней встречи, после похорон моего отца, не прошло целых десять лет.

Мы разместились в гостиной и затем более часа рассказывали друг другу о своем житье-бытье. Я узнал от профессора, что ему надоело заниматься преподаванием, а потому он вышел на пенсию и теперь попеременно тешит себя занятиями в спортзале и работает, как он выразился, над «мудреным сочиненьицем», посвященным экономической экспансии королевства Арагон в четырнадцатом веке. Он не очень-то надеялся, что ему удастся опубликовать этот научный труд, но работал над ним с удовольствием.

Я поведал профессору о многочисленных местах, в которых мне довелось побывать, а также о том, чем я занимался в каждом из них. Когда дошла очередь до моего пребывания на Утиле, я вкратце рассказал о своей таинственной находке.

– Это то, что лежит у тебя на столе? – спросил Кастильо, махнув рукой в

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
сторону округлого предмета, накрытого красным полотенцем.

Я кивнул.

– Ну и любишь же ты устраивать театр! – воскликнул профессор, насмешливо глядя на меня. – Что ж, давай посмотрим, что тут у нас есть, – добавил он. Однако стоило ему приподнять полотенце, как его лицо застыло от изумления.

– Ну, что скажете? – спросил я, выдержав паузу в целую минуту, но так и не дождавшись от Кастильо какой-либо реакции.

– Это колокол.

– Как замечательно, что вы наконец-то открыли мне глаза! А я-то думал, что это кларнет!

– Это колокол, – повторил профессор, не обращая внимания на мой выпад. – Бронзовый колокол.

– Тогда возникает вопрос, каким образом бронзовый колокол мог оказаться на дне Карибского моря. Мне, признаться, никогда не доводилось слышать, чтобы на коралловых рифах строили колокольни.

– А колокольни тут вообще ни при чем, – спокойно заметил Кастильо. – Это корабельный колокол.

– С каких это пор на кораблях стали использовать колокола? – удивился я.

– В наше время их уже почти не используют, а вот в старину на каждом судне на мостике имелся колокол.

Помолчав, профессор провел кончиками пальцев по зеленоватой поверхности моей находки и добавил:

– А этот колокол, судя по его форме и степени окисления, был отлит очень-очень давно. Хотелось бы установить, когда именно, однако сделать это будет весьма затруднительно.

– Может, следует оттолкнуться от надписи?

– Какой надписи? – встрепенулся Кастильо.

– Я имею в виду надпись на колоколе. Если бы вы не были таким близоруким, то увидели бы ее здесь, между этими двумя полосами. – Я показал пальцем на едва различимые полустертые буквы.

– И в самом деле! Если ты разрешишь мне взять колокол в университет, я смогу расшифровать эту надпись в течение нескольких дней, – взволнованно произнес профессор, хватая меня за руку.

– В этом нет необходимости.

– Как это нет необходимости? Это самый лучший способ узнать, откуда взялся этот колокол.

– Я хотел сказать, что нет необходимости тащить колокол в университет, потому что я уже снял копию с этой надписи.

– Каким образом? Тут ведь почти ничего не видно.

– А очень просто, – ответил я, забавляясь замешательством профессора, – с помощью карандаша и бумаги. – После этого я достал из своей сумки листок бумаги и протянул его профессору. На этом листке, полностью закрашенном обычным карандашом, были отчетливо видны два слова на латыни.

– Ты что, меня разыгрываешь? – перешел на шепот профессор, впившись глазами в листок.

– Вовсе нет, проф. Я сделал эту копию с надписи сегодня утром, однако я не понимаю, что означают эти два слова. Вы же знаете, что я не силен в латыни.

Профессор Кастильо заерзал на стуле, а затем посмотрел на меня поверх своих очков. Его взгляд показался мне слишком уж пристальным.

– Улисс, ты можешь мне поклясться, что это все не шутка?

Теперь уже я уставился на профессора, удивляясь его недоверчивости. По лбу Кастильо медленно стекала капелька пота, а его губы слегка подрагивали. Я еще никогда не видел его таким взволнованным.

– Улисс, на этом колоколе написано «MILITES TEMPLI»[5].

– Ну и что?

– Но ведь это невозможно!

– Как это невозможно, если на нем четко написаны именно эти слова?

– А ты уверен, что нашел его на коралловом рифе у берегов Гондураса?

– Ну конечно! – Меня уже начали раздражать сомнения профессора. – Доказательство лежит прямо перед вами, не так ли? – нервно спросил я, указывая обеими руками на колокол. – На нем до сих пор еще видны остатки коралла!

– Неужели ты не понимаешь, что это значит, Улисс?

– Нет, не понимаю. А еще мне непонятен ваш скептицизм. В тех местах когда-то очень давно затонуло судно, и я нашел его колокол. Там, на дне Карибского моря, лежат десятки затонувших кораблей. Вполне вероятно, что в том месте на дне можно найти гораздо более ценные предметы, и если я первый их обнаружу, то мне, пожалуй, удастся наконец распрощаться со своей бедностью.

– Улисс, дело не только в этом. Ты, я думаю, натолкнулся на нечто гораздо более важное и, возможно, сделал одно из самых значительных открытий в истории.

Слова профессора заставили меня надолго замолчать.

– Что вы имеете в виду, проф? – после паузы спросил я.

– А то, что «MILITES TEMPLI» являлось простонародным наименованием ордена бедных рыцарей Христа. Этот орден называли также орденом Храма Соломона, однако наиболее широко он известен как орден тамплиеров.

– Тогда получается, что затонувшее судно принадлежало тамплиерам. Ну и что из этого?

– То есть как это «что из этого»?! – возмущенно воскликнул профессор. – Ты что, совсем не разбираешься в истории?

– Я прекрасно знаю, кто такие тамплиеры! – насупившись, обиженно произнес я. – Однако мне непонятно, что невероятного может быть в том, что тамплиеры являлись хозяевами этого затонувшего судна.

– Невероятность заключается не в том, кто, а в том, когда. Тут я совершенно растерялся и, ничегошеньки не понимая, молча уставился на профессора.

– Улисс, орден Храма был создан в 1118 году с целью защиты паломников, прибывающих в Святую землю, и...

– Простите, а нельзя ли короче?.. – перебил я профессора, подняв, словно студент на лекции, руку.

Профессор Кастильо, недовольный тем, что его перебили, несколько секунд молчал, хлопая ресницами.

– Ну что ж, можно и короче, – наконец сказал он. – Орден Храма накопил такие богатства и приобрел такую огромную власть, что французский король Филипп IV и Папа Римский Климент V стали завидовать ему и сговорились отобрать у ордена Храма все имеющееся у него имущество. Они выдвинули

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
против тамплиеров абсурдные обвинения в святотатстве, в результате чего все члены ордена подверглись преследованиям. Многие из них бросили в тюрьму, многих – убили. В общем, в сентябре 1307 года, – продолжал профессор, выделяя голосом произносимую им цифру, – в результате быстрых и жестоких действий врагов орден прекратил свое существование. А в 1312 году король заставил Папу Климента V официально распустить Орден рыцарей Храма, являвшийся самой крупной и самой могущественной организацией в период средневековья, в результате чего тот навсегда канул в Лету.

Профессор произнес свою последнюю фразу как эпитафию. Взглянув на меня и увидев, что его слова не произвели ожидаемого эффекта, он нахмурился.

– Улисс, ты меня удивляешь! Неужели тебе по-прежнему ничего не понятно? – воскликнул он, воздев руки. – Ты что, не помнишь, в каком году была открыта Америка?

– Конечно, помню! – сердито буркнул я. – Двенадцатого октября тысяча четыреста девяносто... Вот черт! Этого не может быть!

3

Я уже минут десять сидел, уставившись в меню ресторана, но ничего при этом не видел, и когда официант-китаец подошел к нашему столику во второй раз, я так и не прочитал ни единой строчки.

– Что вы будете заказывать? – спросил официант, в голосе которого чувствовалось легкое раздражение.

– Да, я... я возьму цыпленка в лимонном соке и что-нибудь попить... негазированную воду, – сказал я, держа в руках открытое меню, которое не удосужился прочитать. – А вы, профессор? – обратился я к своему спутнику.

– Я? Что я? – удивленно переспросил Кастильо, отрывая рассеянный взгляд от меню, которое он держал в руках вверх тормашками.

– Что вы возьмете на ужин, профессор? – спросил я, движением головы показывая на томящегося в нетерпении официанта.

– А-а, ужинать... Пожалуй, салат и воду...

Было очевидно, что наши мысли блуждают сейчас где-то совсем в ином месте. Если конкретно, то в семиэтажном здании, расположенном на другой стороне улицы. Минут десять назад мы с профессором решили спуститься в китайский ресторан, чтобы перекусить и попытаться оправиться от шока, который вызвало у нас столь неожиданное открытие. Однако нервное напряжение все никак не спадало, и мы почти не разговаривали с того самого момента, как вышли из моей квартиры. Наконец я не выдержал и первым заговорил на волнующую нас обоих тему.

– А может, кто-нибудь нашел этот колокол в шестнадцатом или семнадцатом веке и решил установить его на своем судне? – спросил я не очень уверенным тоном.

– Вряд ли. Колокол являлся для любого судна символом, и поэтому никто не стал бы вешать на мостике своего корабля случайно найденный колокол, – ответил профессор, сделав резкий жест, как будто хотел физически отодвинуть в сторону высказанные мной сомнения.

– А можно допустить, что кто-то отлил этот колокол двумя столетиями позже, но при этом запечатлел на нем название ордена? – не унимался я.

– А зачем? Я тебе уже говорил, что тамплиеров разогнали как организацию на основании судебного решения, в котором их обвинили в поклонении дьяволу и содомии. Думаешь, после всего этого кто-то стал бы использовать их имя на колоколе, который служил символом судна? Это все равно что в наше время переодеться в Усаму бен Ладена и отправиться гулять по Нью-Йорку.

– Да, вы правы. Я просто пытаюсь найти какие-нибудь слабые места в наших умозаключениях. Вы ведь и сами всего лишь четверть часа назад кричали: «Это невозможно! Это невозможно!» Прежде чем вскочить на стол и начать танцевать, я хочу убедиться, что мы ничего не упустили.

– Я тоже обо всем этом напряженно думаю с того самого момента, как ты показал мне колокол, – озабоченно произнес Кастильо, – и, как мне кажется, в данном случае мы не ошибаемся. Чем больше я размышляю, тем больше крепнет моя уверенность, что сделанное мною предположение – правильное.

– Допустим, мы и в самом деле не ошибаемся, – сказал я. – И какие шаги следует предпринимать в подобных случаях? Позвонить в редакцию одной из барселонских газет, обратиться в университет или же к издателям книги рекордов Гиннеса?

– Пока что никуда не нужно звонить. Все, что у нас на данный момент есть, – это окислившийся колокол и твои голосовые утверждения. Заяви мы сейчас об этом открытии – и нас тут же обвинят в фальсификации. В случае же, если нам кто-то поверит, тебе придется пожертвовать славой, связанной с этим открытием. Поверь мне, даже самый порядочный ученый ради подобной славы продал бы свою собственную мать.

– И что вы предлагаете? Никому ни о чем не говорить?

– Да, именно так. Нам следует поискать в архивах подробную информацию о тамплиерах, об их знаниях в области навигации, а также попытаться найти какое-нибудь подтверждение нашей гипотезы, – веско произнес профессор, – и лишь потом, когда мы соответствующим образом подготовимся, сообщить о своем открытии определенным научным кругам, которые так или иначе отреагируют на него.

– Замечательно. Но у меня есть совсем другое предложение. Нам ведь нужны доказательства, да?

– Ну конечно.

– Тогда почему бы нам не отправиться на Утилу и самим не раздобыть эти доказательства?

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что мы могли бы понырять немного в море и посмотреть, нет ли там еще чего-нибудь интересного. Я прекрасно помню, в каком именно месте находится риф, на котором покоился этот колокол, и ничто не мешает нам отправиться туда и немного пошарить по морскому дну. Может, нам удастся снова что-нибудь найти.

– Ты шутишь? – Кастильо бросил на меня недоверчивый взгляд. – Археологическая экспедиция подобной важности не может заключаться в том, чтобы «немного пошарить» по морскому дну, – она должна проводиться после подготовки всех соответствующих документов и под тщательным наблюдением высококвалифицированных специалистов. На такую подготовку уйдет несколько лет, а сами археологические раскопки потребуют еще больше времени.

– Понятно, – сказал я, потирая подбородок. – Но если археологические раскопки когда-нибудь все-таки начнутся, то кто их будет проводить? Боюсь, что не вы, а какая-нибудь организация с условным названием «Исследователи морских глубин». Вы сами только что признались, что конкуренция в сфере археологии жесточайшая. Неужели вы действительно думаете, что нам позволят хотя бы оказаться в списке тех, кто в перспективе может быть увенчан лаврами за данное открытие?

– По правде говоря, нам будет очень трудно попасть в число участников раскопок столь огромной важности, – вздохнув, ответил профессор и перевел взгляд на стоящие на столе тарелки. Мы с ним даже не заметили, как их сюда принесли. – Думаю, что нас рано или поздно попытаются оттеснить в сторону.

– И вас устраивает подобное положение дел? Вы и в самом деле согласны на такое?

– Ну, в общем-то, наибольшее значение имеет само открытие, а не то, кто его сделал, – сказал профессор, хотя и без особой уверенности. – Есть, безусловно, более квалифицированные специалисты, чем я, и они лучше меня выполнят эту работу.

– Вы это серьезно?

– Нет. Откровенно говоря, нет. А впрочем, не знаю, – задумчиво произнес Кастильо. – Но, как бы там ни было, у нас нет ни средств, необходимых для экспедиции, ни соответствующих разрешений. Так что мы не сможем проверить данное дело, как бы нам этого ни хотелось.

– Мы вдвоем, безусловно, не сможем, – согласился я с ним. – Однако я знаю человека, у которого имеются все необходимые средства. Что касается разрешений, то уж где-где, а в Гондурасе... В общем, там есть много способов заполнить нужные разрешения.

– И что же это за человек, который мог бы нам помочь?

– Его зовут Джон Хатч, он американец. Я познакомился с ним несколько лет назад, когда искал работу во Флориде. Самое интересное для нас заключается в том, что у него есть своя фирма, «Хатч Мэрин Эксплорейнз», которая занимается поднятием затонувших в море судов.

– Так он, по-видимому, охотник за сокровищами, да? Привлекать к данному делу университет ты, похоже, не очень-то хочешь, а охотника за сокровищами – пожалуйста?

– А я и не собираюсь этого отрицать. Охотник за сокровищами, который владеет судном, оснащенным новейшим оборудованием для определения местонахождения затонувших кораблей, имеет возможность привлечь к работе немалое число высококвалифицированных специалистов в этой области и обладает в данной сфере деятельности более чем десятилетним опытом. Он, без всякого сомнения, на голову выше любого из своих конкурентов, и благодаря этому человеку мы сможем решить очень многие проблемы.

– А ты ему доверяешь?

– Конечно нет! Но мы, дабы гарантировать себе свою долю славы, подпишем с ним контракт. Единственным недостатком, – добавил я, уставившись на тарелочку с фисташками, – является то, что охотник за сокровищами, как вы его называете, руководствуется только одним мотивом – наживой. И поэтому я не очень уверен, что репутация и слава будут достаточными стимулами для того, чтобы мистер Хатч согласился поучаствовать в нашей маленькой аванюре. Так что вам, наверное, придется слегка пофантазировать и убедить его в том, что благодаря этому рифу мы сможем разжиться золотом и драгоценностями. Вы, конечно, сумеете состряпать историю, которая выглядела бы правдоподобно, и, используя свои научные лавры и седину, заинтересуете Хатча, который должен поверить, что игра стоит свеч.

Улыбнувшись, профессор поправил очки и с самодовольным видом откинулся на спинку стула.

– Дорогой Улисс, в этом, к счастью, не будет никакой необходимости.

– А можно узнать, почему? – спросил я, удивляясь самоуверенности Кастильо.
– Такие типы, как Хатч, реагируют только на блеск золота.

– Друг мой, мне не придется ничего придумывать, ибо история, которую ты имеешь в виду, уже существует.

– В самом деле? И что же это за история?

– Как раз такая, какую ты просишь «состряпать» – о золоте и драгоценностях, покоящихся внутри кораллового рифа в трюме затонувшего судна, некогда принадлежавшего ордену Храма, – сказал профессор и, улыбнувшись еще шире, спросил: – Неужто ты никогда не слышал об исчезнувших сокровищах тамплиеров?

4

В тот вечер мне больше не удалось добиться от профессора Кастильо каких-либо объяснений. Распалив мое воображение упоминанием о сокровищах тамплиеров, он затем вдруг стал упорно уклоняться от интересующей меня темы и старался свести разговор к обычной ерунде. «Завтра утром у меня дома», – такова была его последняя фраза по поводу сокровищ тамплиеров. Почти не

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
сомкнув ночью глаз из-за причуды заинтриговавшего меня профессора, я уже в девять часов утра стоял у двери его подъезда и, желая покончить с ним, немилосердно давил на кнопку домофона.

– Это ты, Улисс? – раздался слегка искаженный домофоном голос.

– Нет, это служба по уходу за беспомощными пенсионерами, – ответил я, умышленно изменив свой голос. – Нам стало известно, что в этом доме есть один такой.

– Ладно, входи.

Послышался зуммер, и я, толкнув рукой огромную железную дверь, вошел в подъезд.

Как и во многих других старых домах, темный подъезд был похож на подземный ход, помещением для консьержей служила каморка под лестницей, а видневшийся где-то в глубине подъезда лифт имел такой допотопный вид, что невольно возникало желание проигнорировать это достижение цивилизации и подняться на нужный этаж по лестнице.

Тем не менее, собрав все свое мужество, я вошел в лифт и, поскольку цифры на кнопках уже давно стерлись, нажал кнопку, соответствующую, как мне показалось, шестому этажу. Однако когда лифт остановился и его двери открылись, я понял, что ошибся, – в этом доме, по-видимому, кроме первого этажа, имелся еще и цокольный. Поднявшись еще на один этаж, я увидел облупленную деревянную дверь, возле которой висела небольшая табличка с надписью «ПРОФЕССОР ЭДУАРДО КАСТИЛЬО МЕРИДА». Я с силой надавил на кнопку звонка, предвкушая увидеть хозяина, одетого в халат и ругающего меня на чем свет стоит за то, что я разбудил его долгими назойливыми звонками. К моему разочарованию, профессор предстал передо мной в довольно бодром виде.

– Какие у тебя мешки под глазами! Ты что, плохо спал? – с издевкой спросил он, наверняка догадавшись, чем была вызвана моя бессонница.

– Нет, это у меня просто макияж такой.

Ничего больше не сказав друг другу, мы прошли в гостиную, и только тут мне пришло в голову, что я еще никогда не бывал у профессора Кастильо дома. Он бесчисленное количество раз приезжал домой к моим родителям и даже ко мне, а вот я ни разу не навещал его. Внутреннее убранство профессорской квартиры полностью соответствовало расхожим представлениям о том, какой должна быть обстановка в жилище одинокого и уже ушедшего на пенсию преподавателя истории: старомодная мебель, на стенах – обои, наклеенные еще в те времена, когда только начали появляться цветные телевизоры, с высокого потолка свисает необычайно уродливая люстра. Однако главной отличительной чертой этого жилища являлось то, что оно было в буквальном смысле слова завалено книгами. Книги стояли на полках высоченных, аж до потолка, этажерок, в серванте, лежали стопками на столе, стульях и даже на полу. В общем, везде. Книги эти были различных типов и размеров, однако доминировали среди них фолианты традиционного формата, с твердой, покрытой кожей или материей обложкой, с внушительным переплетом и ни с чем не сравнимым запахом старой бумаги, который, как мне кажется, иногда несет в себе даже больше информации, чем слова, на этой бумаге напечатанные. А еще мне бросилась в глаза огромная – два на три метра – карта земных полушарий, вставленная в изящную рамку и занимающая большую часть стены. Для меня было очень странно видеть эту карту в жилище человека, который, насколько я знал, выходил из дому только в том случае, если в этом действительно возникала необходимость.

– Хочешь чем-нибудь перекусить? – спросил профессор, жестом приглашая меня присесть на одно из стоявших в гостиной кресел.

– Нет, спасибо. Перед тем как отправиться сюда, я позавтракал.

– Что ж, тогда давай сразу перейдем к делу, – предложил Кастильо, присаживаясь в другое кресло. – Ты ожидаешь, что я поведаю тебе легенду о сокровищах тамплиеров, так ведь? Не возражаешь, если мы сначала немного углубимся в историю?

– Ну, если по-другому никак не получается...

– Не переживай, я не стану тебя чрезмерно утомлять. – Положив руки на подлокотники кресла, профессор слегка прокашлялся и начал свой рассказ: – Видишь ли, Улисс, как я тебе уже говорил, орден бедных рыцарей Христа был основан в 1118 году французским рыцарем Гуго Пайенским с похвальной целью – защитить прибывающих в Святую землю паломников от шаек разбойников-мусульман, которые бесчинствовали на дорогах, ведущих к Иерусалиму. Орден этот был монашеским и одновременно военным, то есть в него входили монахи, которые, вместо того чтобы делать копии с рукописей или выращивать овощи, разъезжали по окрестностям Иерусалима на боевых конях, в кольчугах и с мечом на поясе. В те времена это было нечто совершенно новое. Орден получил всестороннюю поддержку со стороны католической церкви и приобрел немалый авторитет, который в последующие два столетия только рос.

– Одну секундочку, профессор, – перебил я своего собеседника. – Если эти люди были монахами, то как они могли носить оружие и убивать других людей, пусть даже и мусульман? Разве в Библии не написано «Не убий!» и все такое прочее?

– Ты задал весьма уместный вопрос. И в самом деле, поддержка, оказанная ордену тамплиеров со стороны Папы Римского, заставила теологов того времени изрядно поломать себе голову, дабы придумать обоснование, с какой это стати отряд воинственно настроенных монахов разъезжает с оружием в руках по Иудее и участвует в различных столкновениях. Однако католическая церковь, к тому моменту уже изрядно поднаторевшая в решении многочисленных скандальных вопросов, дала-таки теоретическое обоснование этому явлению. Так, в распространенном чуть позже трактате «De laudibus novae militiae»[6] заявлялось, что, хотя в идеале не следует проливать человеческую кровь, в том числе и кровь нехристиан, однако если от этих самых нехристиан приходится защищаться, то не будет грехом поднять на них свой меч во имя Христа. Как бы там ни было, остается только удивляться, каким образом орден тамплиеров сумел добиться для себя такой громкой славы уже в первые десять лет своего существования, ибо в этот период его численность, а следовательно, и количество рыцарей, которых он мог выставить для охраны дорог, ведущих в Иерусалим, составляла всего лишь девять человек.

– Всего лишь девять?..

– Да, именно так. Более того, известно, что эти девять человек не очень-то часто выезжали за пределы Иерусалима и предпочитали находиться под защитой его стен. После того как они дали обет целомудрия и бедности и поклялись в верности христианскому королю Иерусалима Балдуину II, этот правитель дал им разрешение разместить свою, выражаясь современным языком, штаб-квартиру возле храма Соломона, а точнее говоря, возле руин этого храма. Именно там они обычно и находились, а потому их и стали называть тамплиерами[7], то есть храмовниками. Итак, как я тебе уже говорил, в течение первых лет существования своего ордена тамплиеры не очень-то перегружали себя оказанием помощи беззащитным паломникам. Зато, если верить ходившим в те времена слухам, они самым активным образом занялись археологическими раскопками в развалинах храма Соломона, древнейшего иудейского храма. Согласно легенде, здесь когда-то были спрятаны важнейшие реликвии иудеев: мифический золотой семиствольный светильник, называемый «Менора», Стол Соломона и знаменитый Ковчег Завета.

– И они нашли эти реликвии? – спросил я, слегка наклонившись вперед.

– Об этом никаких конкретных сведений нет, – ответил профессор. – Я ведь тебе уже говорил, что это всего лишь слухи и легенды. Однако определенные подозрения вызывает тот факт, что несколько лет спустя Гуго Пайенский в сопровождении нескольких рыцарей тайно отправился в Париж и привез туда таинственный ящик внушительных размеров. После этой поездки в обществе начался, выражаясь современным языком, бум, и вскоре орден превратился в самую влиятельную организацию средневековья, превосходившую по своему могуществу и богатству любое европейское государство той эпохи.

– Но как могло получиться, что группа из девяти монахов-воинов, давших обет бедности, переросла, как вы говорите, во влиятельнейшую и могущественнейшую организацию? Я этого не понимаю.

– Ну, это является частью той тайны, которая всегда окружала тамплиеров.

Так вот, некоторые исследователи высказывали предположение, что существовало только одно место, в котором тамплиеры могли раздобыть все то золото и серебро, которое было необходимо им для финансирования деятельности ордена, и место это – Америка.

– Значит, все это правда! И у нас есть тому доказательство!

– Не надо спешить, мой юный дилетант, – возразил профессор, со скептическим видом качая головой. – Предмет, который ты нашел, еще не доказательство. Я допускаю, что наше предположение верно и найденный тобой колокол можно считать подтверждением того факта, что тамплиеры и в самом деле доплывали до берегов Америки. Однако пока еще рано делать вывод о том, что источником их богатства являлся вывоз золота и серебра оттуда. – Профессор усмехнулся, как будто о чем-то вспомнил, и продолжил: – Кроме того, я искренне полагаю, что тамплиеры не очень-то нуждались в подобной деятельности, поскольку они и так зарабатывали огромные суммы денег, выступая в роли банкиров международного масштаба.

– А-а, понятно. Если они создали свой банк... тогда это все проясняет.

– Ну, это был, в общем-то, не совсем банк. Дело в том, что, благодаря пожертвованиям наиболее набожных королей и вообще знати, тамплиеры постепенно стали владельцами усадеб и крепостей почти по всей Европе и, пользуясь этим, ввели понятие векселя, по которому можно было получить деньги в любой из принадлежавших им крепостей. Это означало, что если торговец или дворянин желал отправиться, например, из Бургоса в Милан, то ему не нужно было брать с собой все необходимые для путешествия деньги, которые, кстати, у него могли отнять по дороге какие-нибудь грабители. Вместо этого предпринявший вояж аристократ передавал определенную сумму тамплиерам, а они выдавали ему взамен документ, по которому он мог, прибыв к месту назначения, получить свои деньги назад. Таким образом, обогащаясь за счет многочисленных пожертвований и успешно занимаясь экономической деятельностью, орден тамплиеров превратился в своего рода транснациональную корпорацию, обладавшую огромными ресурсами и не менее огромным влиянием. Дело дошло даже до того, что у них стали брать займы короли и другие правители, и, как ни парадоксально, именно это и стало одной из причин уничтожения ордена храмовников.

– А нельзя ли объяснить поподробнее? – спросил я, все больше и больше увлекаясь данной темой.

– Случилось так, что в 1291 году крепость Сен-Жан д'Акр – последний оплот христианства в Святой земле – захватили мусульмане, в результате чего был нанесен серьезный удар по престижу ордена тамплиеров, а значит, исчез сам смысл его существования как организации, оберегающей Святую землю и охраняющей прибывающих туда паломников. Лишившись своей репутации непобедимых защитников христианства, тамплиеры вскоре утратили и благосклонное отношение к себе со стороны духовенства и дворянства европейских стран. От прежнего ордена бедных рыцарей Христа осталось одно лишь название, поскольку они уже практически не участвовали в сражениях, как подобает рыцарям, и, конечно, давно перестали быть бедными. Огромные богатства, которые тамплиеры скопили за два века успешной экономической деятельности, вызвали зависть у многих монарших особ, в том числе и у французского короля Филиппа IV, прозванного Красивым. Филипп был амбициозным монархом, который ради достижения своих целей не останавливался ни перед чем. Известно, что король испытывал серьезные финансовые затруднения и, по всей видимости, с нескрываемой завистью смотрел из окон своего дворца на расположенную поблизости главную резиденцию ордена тамплиеров – своего рода средневековый Форт-Кнокс, в котором хранились сокровища ордена, главным образом золото и драгоценные камни.

– Дальше можете не продолжать. Мне все понятно: этот французский король сговорился с Папой Римским хорошенько «потрясти» орден тамплиеров.

– Да, именно так. – Кивнув мне, профессор продолжил: – Четырнадцатого сентября 1307 года, выдвинув сфабрикованные обвинения, Филипп IV приказал схватить всех членов ордена, включая верховного магистра Жака де Моле. Многочисленные владения тамплиеров во Франции были конфискованы, а укрепленная главная резиденция ордена взята штурмом. Филипп был уверен, что в подвалах этой резиденции хранится золото тамплиеров.

– А его там не оказалось?..

– Единственное, что ожидало Филиппа, так это большой и неприятный сюрприз. Хотя солдаты короля обшарили все помещения резиденции снизу доверху, им не удалось найти там ни одного сантима[8].

– И куда же подевалось золото тамплиеров?

– Этого не знает никто. Оно попросту исчезло, – ответил профессор, сопроводив последнее слово жестом, который делает фокусник, когда показывает публике пустой цилиндр, из которого внезапно исчез только что находившийся там кролик.

Я задумался над рассказом Кастильо, рассеянно блуждая взглядом по стоящим на этажерках книгам, а затем, когда мне удалось навести в своих мыслях относительный порядок, снова обратился к своему собеседнику.

– Откровенно говоря, профессор, – с невеселым видом произнес я, – хотя только что услышанная мною история звучит впечатляюще, я не вижу никакой связи между исчезнувшим золотом тамплиеров и нашим маленьким бронзовым колоколом. Мне, в общем-то, не верится, что подобными жиденькими аргументами мы сможем убедить Хатча.

Кастильо пристально посмотрел на меня, и по его взгляду я понял, что он ожидал услышать именно эти слова.

– Дело в том, Улисс, – сказал он, устраиваясь в кресле поудобнее, – что данная история на этом не заканчивается.

– И вы еще обвиняли меня в том, что я люблю устраивать спектакль! – с деланным возмущением воскликнул я. – Может, вы наконец расскажете мне все сразу или так и будете цедить по капельке все утро?

Кастильо, явно довольный тем, что ему удалось разозлить меня, тихонько рассмеялся, а затем продолжил свой рассказ:

– После того как все тамплиеры во Франции были арестованы, король приказал пытаться их, надеясь, что кто-нибудь из рыцарей не выдержит истязаний и расскажет о местонахождении сокровищ ордена. Однако, несмотря на жуткие пытки, которым подвергли тамплиеров, все они упорно молчали – то ли в силу своей безграничной преданности ордену, то ли просто потому, что у них действительно не было сведений о том, где спрятаны сокровища. – Профессор сделал паузу, а потом, сняв очки и начав протирать стекла платком, добавил: – Да, они все упорно молчали. Все, кроме одного.

– Мне кажется, вы прочитали слишком много исторических детективных романов, профессор, – с иронией произнес я. – А еще этими своими паузами вы действуете мне на нервы.

– Я скоро закончу, очень скоро. Однако позволь мне насладиться этим моментом, он мне очень нравится, – улыбнувшись, признался Кастильо.

Решив, что спорить со стариком бесполезно, я откинулся на спинку кресла и жестом показал профессору, что он может поступать так, как ему вздумается.

– Видишь ли, – сказал профессор, поднимаясь с кресла и подходя к окну, – один из тамплиеров – его звали Жан де Шалон, – не выдержав пыток, признался, что за день до массовых арестов его товарищей он видел, как из главной резиденции ордена были вывезены все сокровища, хранившиеся в подвалах. По словам этого человека, пятьдесят рыцарей-тамплиеров доставили их из Парижа в расположенный на западном побережье Франции порт Ла-Рошель, который находился под контролем тамплиеров. Там эти сокровища вроде бы были погружены на восемнадцать судов, чуть позже вышедших в неизвестном направлении... – Сделав очередную паузу и бросив рассеянный взгляд на улицу, профессор добавил: – Больше никто никогда не слышал ни об этой флотилии, ни о сокровищах, которые она куда-то увезла.

Я целую минуту размышлял над тем, что только что рассказал Кастильо, а затем робко спросил:

– И вы подозреваете, что колокол, который я нашел возле берегов Утилы,

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
когда-то находился на одном из судов этой флотилии?

– Я не подозреваю, Улисс, – заявил профессор, отвернувшись от окна и пронзительно посмотрев на меня. – Я в этом абсолютно уверен.

5

– Ну что ж, приманку мы ему забросили, – сказал я, щелкнув мышью на кнопке «Отправить». – Теперь нам остается только ждать, как он отреагирует.

– А может, нам лучше было бы связаться с ним по телефону? – спросил профессор, упираясь в стол обеими руками.

– Нет, не думаю. Такого человека, как Джон Хатч, не очень-то просто разыскать даже с помощью телефона, а еще сложнее растолковать ему по телефону всю эту, честно говоря, не слишком правдоподобную историю. Я уверен, что он ежедневно просматривает свою электронную почту, а то, о чем мы ему написали, наверняка вызовет у него интерес.

– Надеюсь, что именно так все и будет.

Мы еще час назад перешли из гостиной профессора в его кабинет, который, к моему огромному удивлению, оказался довольно просторным и современно обставленным. Здесь имелся плоский жидкокристаллический телевизор, висевший на стене, как картина, а также внушительных размеров стол, на котором размещался полный комплект оргтехники: компьютер с плоским монитором, сканер и принтер.

– Вот это да, проф! – восхищенно воскликнул я. – Вы преподнесите мне сюрприз за сюрпризом. Никогда бы не подумал, что вы являетесь приверженцем новейших технологий.

– Ну, у каждого человека есть свои маленькие слабости, – с самодовольным видом ответил профессор. – Но ты никому об этом не говори: мне ведь нужно поддерживать репутацию старомодного профессора...

Ближайшие несколько часов нам с Кастильо нечем было заняться. Учитывая разницу во времени между Испанией и Флоридой, ответ Хатча следовало ожидать не раньше середины дня, и поэтому, решив удовлетворить гложущее меня любопытство, я стал подробно расспрашивать профессора о тамплиерах и их легендарных сокровищах.

– Профессор, а почему вы так уверены, что найденный мною колокол когда-то находился на одном из судов, перевозивших сокровища рыцарей-храмовников? Может, он был на каком-нибудь другом их судне, приплывшем в те воды совсем в иное время, а позже затонувшем?

– Конечно, такой вариант развития событий возможен, – ответил Кастильо, – но, по-моему, маловероятен. Несмотря на мою абсолютную уверенность в том, что картографы ордена знали о существовании Америки, я сомневаюсь относительно путешествий тамплиеров за океан. Вряд ли их суда часто курсировали между Старым и Новым Светом. Если бы они стали сновать туда-сюда, об их странствованиях все равно стало бы известно: или кто-нибудь из их же моряков проболтался бы, или их корабли рано или поздно натолкнулись бы на какое-нибудь английское, испанское или португальское судно...

Подойдя к встроенному мини-бару и выдержав паузу, профессор продолжил:

– Кроме того, маршрут, по которому им пришлось бы двигаться, чтобы попасть в Америку, используя океанские течения, пролегал бы мимо Канарских островов, ибо сюда они вынуждены были бы подходить, чтобы пополнить свои запасы пищи и питьевой воды. Частое появление там судов тамплиеров, направляющихся неизвестно куда, неизбежно вызвало бы подозрения. Поскольку ученые не имеют абсолютно никакой информации ни о трансатлантических путешествиях тамплиеров, ни хотя бы о том, doplывали ли их корабли до Канарских островов, было бы вполне логичным предположить, что рыцари ордена пересекали океан очень и очень редко. К тому же не следует забывать, что подобные путешествия в те времена были сопряжены с огромным риском.

– Признаться, больше всего меня удивляет, профессор, ваша уверенность в

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
том, что в начале четырнадцатого века европейцам – пусть даже далеко не всем – было уже известно о существовании Америки.

– На самом деле в Европе узнали об этом намного раньше, – ответил Кастильо и, указав на бутылки с ликером, спросил: – Хочешь чего-нибудь выпить?

– Нет, спасибо. – Я отрицательно покачал головой. – А что значит «намного раньше»?

– Хм... Трудно сказать... Наверное, об Америке стало известно во времена финикийцев, а может, и еще раньше.

– Да как же в те времена можно было пересечь Атлантический океан?! И почему не осталось никаких подтверждений, что подобные путешествия и в самом деле совершались еще в далекой древности?

Профессор усмехнулся.

– Улисс, гораздо правильнее было бы поставить совсем другой вопрос: почему на протяжении трех тысяч лет известной нам истории человеческой цивилизации никто – хотя бы совершенно случайно! – не обнаружил огромный массив суши, который пересекал всю планету, почти от полюса до полюса? Если бросить закупоренную пустую бутылку в море возле Канарских островов, то через пару месяцев она, скорее всего, окажется где-нибудь у американских берегов. А древние финикийцы, между прочим, были гораздо более искусными мореплавателями, чем пустая бутылка... Кстати, – оживился Кастильо, который как будто о чем-то вспомнил, – я тебе сейчас кое-что покажу.

Профессор вышел из кабинета, и я услышал, как он начал лихорадочно рыться в своих книгах. Наконец раздалось победоносное восклицание «Эврика!» и Кастильо вернулся в кабинет, держа в руках уже открытую на какой-то странице пыльную книгу.

– Вот! – торжествующе сказал профессор. – Это записанный Геродотом рассказ о том, как египетский фараон Нехо II в 608 году до нашей эры отправил финикийских мореплавателей в экспедицию, поручив им узнать, что находится за дальними пределами Красного моря, которое в те времена называли Эритрейским. Здесь написано так: «...повелел он финикийцам, чтобы на судах своих отправились они в путешествие и чтобы вернулись в море Средиземное со стороны Геркулесовых столпов, и по морю этому прибыли обратно в Египет. И выплыли финикийцы в море Эритрейское, и направились в сторону юга. Во время путешествия своего высаживались они, когда наступала осень, в каком-нибудь месте на побережье Ливии...» В те времена Африку называли Ливией, – пояснил профессор и продолжил читать: – «и засевали там землю, и ждали урожай. Собрав же урожай, плыли они дальше. Так прошло два года, и на третий год проплыли они мимо Геркулесовых столпов и вернулись в Египет». – Профессор с самодовольным видом посмотрел на меня: – Ну, что скажешь?

– Никогда бы не подумал, что за шестьсот лет до нашей эры уже вошли в моду морские круизы.

– Но это еще не все! – проигнорировав мои слова, увлеченно произнес Кастильо. – В девятнадцатом веке на территории бразильского штата Параиба, который примыкает к побережью Атлантического океана, на скале была обнаружена надпись, высеченная людьми, спасшимися после кораблекрушения. Их судно отправилось в путешествие с побережья Красного моря, обогнуло мыс Доброй Надежды, а затем, двигаясь на север вдоль западного побережья Африки, попало в сильные морские течения, которые отнесли его к какому-то неизвестному берегу. – Кастильо по привычке сделал одну из столь любимых им пауз, а затем с пафосом объявил: – Эта надпись была начертана финикийскими буквами!

– Понятно, – сказал я, хотя и без особого энтузиазма.

– Ты, похоже, мне все еще не веришь, – усмехнулся профессор, почувствовав мой скептицизм. – Путешествие через Атлантику, если мореплавателям удастся отыскать нужные течения и если повезет с ветрами, не такое уж и сложное мероприятие, как может показаться на первый взгляд. В наше время подобное путешествие удавалось совершать даже на гребных лодках и досках для виндсерфинга. Еще много лет назад небезызвестный Тур Хейердал совершил путешествие из Африки в Южную Америку на корабле, построенном по образцу

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
древнеегипетских судов, и тем самым подтвердил, что, с технической точки зрения, совершить подобный вояж было вполне возможно даже в те далекие времена.

– Да, – кивнул я, – однако господин Хейердал точно знал, куда он направляется, а жители так называемого Старого Света, как мне известно, вплоть до шестнадцатого века были убеждены, что Атлантика – это огромный океан, простирающийся аж до берегов Китая и населенный ужасными морскими чудовищами, которые пожирают суда, отплывшие слишком далеко от берега.

– А знаешь, кто сочинял все эти небылицы?

– Понятия не имею.

– Финикийцы, Улисс. Да-да, именно они.

– И зачем финикийцам понадобилось выдумывать столь ужасные истории?

– Все очень просто: они руководствовались вторым из древнейших мотивов, определяющих человеческое поведение, – алчностью. В те времена финикийцы были самыми лучшими мореплавателями и купцами. Имеются достоверные сведения, что они возили для обмена товары в такие отдаленные регионы, как Индия, Западная Африка и Исландия. Поэтому было бы вполне логично предположить, что финикийцы пытались сохранить в секрете те маршруты, которые они использовали для совершения своих путешествий, а потому и рассказывали байки о страшных морских чудовищах и прочих ужасах всем тем, у кого могло возникнуть желание узнать, что же находится к западу от Гибралтарского пролива. В известной мере сам факт, что подобные небылицы так долго – в течение аж двух тысяч лет! – были в ходу, наталкивает на мысль, что кто-то был невероятно заинтересован в их распространении.

– Уж не хотите ли вы сказать, что существовал некий финикийско-тамплиерский заговор?.. Я, конечно, очень уважаю вас, профессор, но не слишком ли вы увлекаетесь подобными фантазиями?

– А ты сам подумай, – со всей серьезностью произнес Кастильо и пристально посмотрел на меня. – Финикийцы, а может, какие-нибудь еще более древние, чем они, мореплаватели, открывают Америку и, решив сохранить свое открытие в тайне, запугивают всякими рассказами тех, кто пытается выяснить, куда же это они то и дело плавают. Со временем их измышления становятся устойчивой частью общественного сознания, что, в общем-то, неудивительно. Однако несколькими столетиями позже рыцари ордена Храма находят в Сирии или Палестине какие-нибудь древние документы, в которых описывается маршрут, по которому можно попасть на далекий и неведомый континент, используя определенные морские течения и благоприятные ветры. Тамплиеры решают посмотреть, куда же ведет этот маршрут, и...

– И что?..

– Ну как это что? Они открывают Америку! А точнее говоря, открывают ее уже во второй раз. Затем, исходя из каких-то своих соображений и зная о существующих в ту эпоху страхах перед Атлантическим океаном, рыцари-храмовники решают сохранить столь важное открытие в тайне. Им удается скрывать тайну до тех самых пор, пока на сцене мировой истории не появляется наш дорогой Христофор Колумб, который совершает свой триумфальный выход на сцену истории. – Усмехнувшись, профессор скрестил на груди руки и воскликнул: – И тайны больше нет!

– Надеюсь, вы простите меня за то, что я попытаюсь выступить в роли «адвоката дьявола», – сказал я, упираясь ладонями в свои колени, – но все, что вы поведали, звучит не очень убедительно. Если бы вы сейчас были прокурором, выступающим в зале суда, то обвиняемого тут же отпустили бы на все четыре стороны из-за отсутствия доказательств.

– Тебе нужны доказательства? – с вызывающим видом спросил Кастильо. – А ты поверил бы мне, если бы я убедительно продемонстрировал, что Колумб вовсе не был первооткрывателем Америки, что он заполучил эти лавры благодаря тому, что ему стала известна информация, раздобытая в свое время тамплиерами?

– Если бы вы мне это продемонстрировали, то я, без всякого сомнения,

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
уверовал бы в истинность ваших утверждений, – не скрывая иронии, заявил я.

– Что ж, это будет лучше, чем просто вышвырнуть тебя из моего дома за тупость и упрямство! – Профессор Кастильо ткнул в мою сторону указательным пальцем. – Итак, я тебе уже объяснял, – в его голосе зазвучали торжественные нотки, – что орден бедных рыцарей Христа был распущен благодаря усилиям короля Франции Филиппа IV и Папы Римского Климента V. Последнего верховного магистра ордена, Жака де Моле, сожгли на костре восемнадцатого марта 1314 года. Тамплиеры были либо брошены в темницы, либо сожжены на костре, владения ордена конфискованы, а их знаменитые сокровища, словно по мановению волшебной палочки, исчезли. Казалось бы, на этом все и закончилось... Но не тут-то было! Дело в том, что за пределами Франции – в других странах Европы – далеко не все тамплиеры подверглись гонениям. Более того, в Португалии тамплиеров-беженцев приняли с распростертыми объятиями. В этой стране, используя хитрый маневр, их замаскировали под видо́м нового ордена, созданного самими же тамплиерами с благословения короля Португалии и получившего название «Орден Христа». Тамплиеры, безусловно, были честными людьми, а потому и не очень изобретательными в вопросе выбора названия для своей новой организации.

Профессор стал мерить шагами свой кабинет, глядя куда-то в пустоту, как будто он сейчас находился не у себя дома, а в университете и читал при этом лекцию студентам исторического факультета.

– Данный орден, – продолжал он, – стал хранителем всех тамплиерских архивов, в том числе географических и навигационных карт. Однако наличие всех этих материалов держалось в строжайшей тайне в течение почти ста лет, и лишь в начале пятнадцатого века руководители ордена Христа стали частично раскрывать свои знания в области навигации ближайшим соратникам португальского принца Генриха Мореплавателя, при котором начался период беспрецедентного расцвета мореходного дела. Португальцы достигали отдаленных точек африканского побережья, в результате чего были основаны ставшие впоследствии процветающими колонии на островах Мадейра и Азорских. Однако, как ни странно, португальцы никогда не плавали западнее и юго-западнее островов Зеленого Мыса, хотя, стоило им воспользоваться соответствующими пассатами, – и они оказались бы у берегов Бразилии. – Профессор указал рукой куда-то вдаль. – Столь странное поведение было, без сомнения, результатом договора, заключенного между орденом Христа и принцем Генрихом Мореплавателем. Орден добился покровительства со стороны королевского двора в обмен на знания, да и то весьма ограниченные, потому что, само собой разумеется, тамплиеры отнюдь не горели желанием, чтобы кто-то, кроме них, смог бы добраться до Америки. В качестве аргумента я могу сослаться на тот факт, что у всех португальских судов, плывущих западнее мыса Бохадор, что на Канарских островах, на парусах в качестве опознавательного знака должен был использоваться тамплиерский крест...

– Вы хотите сказать, – перебил я профессора, – что огромный красный крест, фигурирующий на всех изображениях кораблей Колумба, был тамплиерским крестом?

– Да, именно так.

– Только не говорите мне сейчас, что Колумб был тамплиером.

– Ты дашь мне возможность договорить до конца или нет? – раздраженно спросил профессор, выгибая бровь дугой.

– Ну конечно, проф, – ответил я, улыбаясь. – Прошу вас, продолжайте.

– А о чем я говорил?.. – спросил Кастильо, уставившись в потолок. – Ах да, я говорил, что тамплиеры, используя созданный ими орден Христа в качестве ширмы, контролировали движение судов по Атлантическому океану. А теперь мы отвлечемся на некоторое время от тамплиеров и вспомним об одной интересной истории, произошедшей в середине пятнадцатого века. Тогда после некоего таинственного кораблекрушения на берег португальской провинции Алгарве был выброшен оборванный моряк, который, будучи амбициозным, пронырливым человеком, очень хорошо разбирающимся в людях, сумел менее чем через три года добиться руки фелипы Мониш Перештрелу, девушки благородного происхождения. Она была дочерью португальского мореплавателя Бартоломеу Перештрелу, глубоко религиозного человека, тесно связанного с орденом Христа. Вышеупомянутый моряк, сумевший выжить после кораблекрушения

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

(кстати, никому из ученых так и не удалось найти какую-либо достоверную информацию о его настоящем имени, религиозной принадлежности, а также о том, откуда он родом), устроился на службу к генуэзским купцам и приобрел огромный опыт мореплавания. Ему довелось побывать даже в таких отдаленных местах, как побережье Гвинеи. Однако самый настоящий подарок этот баловень судьбы получил, роясь в личном сундуке своей недавно скончавшейся супруги. Среди доставшихся ей когда-то по наследству вещей он нашел странные навигационные карты, на которых были обозначены неизвестные ему участки суши, находившиеся, как было написано на этих картах, «в 750 лигах на запад от острова Иерро». Человека этого, – продолжал профессор, соединив кончики пальцев, – как ты уже, наверное, догадался, звали Христофор Колумб.

– Получается, что... – Я был настолько ошеломлен услышанным, что едва мог говорить. – Значит, вы утверждаете, что Колумб сумел доплыть до Америки только потому... что у него была карта с обозначением соответствующего маршрута?..

– Не просто карта, а карта с множеством заметок и пояснений по поводу расстояний, морских течений, ветров и времени пути. Однако, к его несчастью, эти записи были закодированы, и, по всей видимости, именно поэтому Колумб совершил во время своего первого морского путешествия несколько труднообъяснимых ошибок. В частности, Христофор Колумб спутал испанские мили с арабскими, в результате чего сделал ошибочный прогноз относительно того, сколько дней займет пересечение Атлантического океана. Данный просчет едва не закончился для него плачевно, потому что, как тебе наверняка известно, на его судне «Санта-Мария» вспыхнул мятеж.

– Что-то мне не очень во все это верится... – откровенно признался я.

– А я советую тебе в это поверить, потому что данная информация – достоверная. Тебе нужно всего лишь прочитать грамоту, которую в 1492 году, за три с половиной месяца до первого путешествия Колумба через Атлантический океан, подписали король и королева Испании. В этом документе Колумб упоминается не иначе как «адмирал и вице-король островов и материков, которые он открыл». Обрати внимание, что в этой формулировке говорится об островах и материках, которые он открыл, а не которые он откроеет.

Профессор замолчал, словно ожидая моей реакции на его рассказ. Однако я тоже молчал: мои мысли лихорадочно кружились вокруг всего, что мне довелось сейчас услышать.

– Просто не знаю, что и сказать... – наконец промямлил я. – Ничего более удивительного я в своей жизни не слышал.

– Ну так как, теперь ты веришь в то, о чем я тебе перед этим говорил?

– Вы ведь знаете, что я – неисправимый скептик, однако во всем, что касается данной темы, я полагаюсь на ваши знания.

– Вот так-то лучше, – сказал Кастильо, удовлетворенно кивнув. – А теперь давай спустимся в бар и выпьем пива, а то у меня от этих долгих разговоров в горле пересохло.

За пивом последовал аперитив, а за ним – обед и кофе, так что мы вернулись в квартиру профессора лишь в пятом часу. К тому моменту Кастильо успел сообщить мне еще очень много сведений об «альтернативной истории», не нашедшей никакого отражения в школьных учебниках. Он, в частности, рассказал, что в Америке до сих пор времени находят египетские амулеты, карфагенские монеты и финикийские орудия труда. Однако американские исследователи доказали, что некоторые из этих предметов уже в наше время были перевезены из Старого Света в Новый, где их закопали в землю, чтобы какой-нибудь археолог-любитель сделал «случайное» открытие. Поэтому ко всем подобным «находкам» стали относиться как к очередному обману – даже к тем, которые были весьма правдоподобными.

А еще мы с профессором очень долго и пространно говорили о Христофоре Колумбе.

– Интересен тот факт, – разглагольствовал Кастильо, – что до сего момента

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
не имеется сколько-нибудь достоверной информации о том, откуда он, собственно говоря, взялся. Официальная версия гласит, что Колумб был генуэзским моряком, сыном торговца тканями и что во время одного из торговых путешествий, когда он плыл вдоль португальских берегов, его корабль был атакован пиратами, в результате чего этот баловень судьбы и оказался на берегу португальской провинции Алгарве. Однако совсем недавно было доказано, что единственный документ, в котором Колумб заявляет, что он генуэзец, – это всего лишь грубая подделка, вследствие чего версия о его генуэзском происхождении, образно говоря, трещит по швам. К тому же известно, что Колумб ни разу не написал ни одного слова по-итальянски – даже в своей переписке с генуэзскими банкирами, у которых он просил денег. По моему мнению, более правдоподобной является та версия, – продолжал профессор, – согласно которой Колумб был сыном каталонских купцов или купцов с Мальорки еврейского происхождения, и именно поэтому он скрывал свое прошлое, в том числе и от собственных детей. Ты ведь знаешь, что в те времена, – недовольно поморщившись, произнес профессор, – быть евреем означало рисковать своим здоровьем.

Вернувшись в квартиру профессора, мы прошли напрямик в его кабинет и тут же увидели, что в нижнем углу монитора компьютера мигает иконка в виде конверта, означающая, что по электронной почте пришло письмо.

6

– А что, по-вашему, он должен был нам ответить? Это самый лучший ответ, который он мог дать, – сказал я, глядя на заметно приунывшего профессора.

– Ехать во Флориду только ради того, чтобы обсудить наше предложение... По правде говоря, я не ожидал, что дело примет такой оборот.

– А что, вы обременены какими-то другими делами? Может, носки надо постирать или аквариум почистить?..

– Проблема совсем не в этом, – пробормотал Кастильо. – Проблема заключается в том, что... что я не очень люблю летать на самолете.

– Вы хотите сказать, что боитесь летать на самолете?

– Не просто боюсь, Улисс, а панически боюсь, – признался Кастильо, и я заметил, что его пальцы стали нервно подрагивать.

– Но тут уж ничего не поделаешь, – безжалостно сказал я. – Чтобы убедить Хатча, нам необходимо лететь к нему во Флориду. И главным нашим козырем являетесь вы – специалист по средневековой истории.

– Да, но... – неуверенно произнес профессор и замолчал, видимо пытаясь придумать какую-нибудь отговорку.

– Вы должны принять волевое решение, проф. Я прямо сейчас забронирую авиабилеты через Интернет, и не пройдет и недели, как мы с вами встретимся с охотником за сокровищами. А до того времени мы постараемся собрать побольше информации о тамплиерах и об их исчезнувших богатствах. Нам следует убедить Хатча, что мы с вами не какие-нибудь полоумные фантазеры, и для этого представить ему, кроме колокола, еще и множество других подтверждений, что внутри этого рифа находится нечто ценное. Главное, чтобы Хатч поверил нам и решился потратить свои деньги и свое время на поиски этого «нечто».

Через пять дней мы приземлились в международном аэропорту Майами. В течение всего перелета профессор пичкал себя всевозможными успокоительными средствами, а затем бродил по проходу между сиденьями с радостно-придурковатым выражением на лице. Как мы и договорились по телефону с Хатчем, в аэропорт за нами приехал желтый пикап, принадлежащий компании «Хатч Мэрин Эксплорейшнз». Познакомившись с водителем и положив свой багаж в кузов, мы сели в кабину, и пикап помчался в направлении островов Флорида-Кис, на одном из которых находился главный офис Хатча.

Мы пересекли остров Ки-Ларго и поехали по самому длинному в мире шоссе, построенному на сваях над водой. Двумя часами позже мы прибыли в туристическую зону городка Ки-Уэст – самого южного населенного пункта

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Соединенных Штатов. Городок состоял главным образом из обсаженных тропическими растениями аккуратных деревянных домов со звездно-полосатым флагом у крыльца и с висевшими повсюду табличками, предлагающими морские прогулки на катере, подводное плавание и ловлю рыбы в открытом море.

Водитель доставил нас к маленькой гостинице, расположенной на окраине городка, и предупредил, что заедет за нами в пять. У нас оставалось достаточно времени для того, чтобы привести себя в порядок, перекусить и с помощью крепкого кофе окончательно вывести профессора из полусонного состояния.

Точно в назначенное время мы вошли в центральный офис компании «Хатч Мэрин Эксплорейшнз». Там нас уже ждал Джон Хатч, мужчина средних лет, ростом под метр девяносто, с пронизательными голубыми глазами и наигранно-любезным выражением на лице, за которым скрывался холодный и расчетливый ум. Одет он был в цветастую рубашку и джинсы.

– Привет, Улисс! Рад тебя видеть! – воскликнул Хатч по-испански, хотя и с сильным американским акцентом, и крепко пожал мне руку.

– Привет, Джон. Как дела?

– Как всегда, хорошо. Работы у нас – хоть отбавляй...

– Да, похоже, дела у тебя действительно идут неплохо. Ты, кстати, и свой испанский заметно улучшил.

– Улисс, ты ведь знаешь, как много испанского золота я поднял с морского дна. Так что не грех было бы и поднатореть в этом языке. Шучу, конечно, – хохотнул Джон. – Истинная причина моей тяги к испанскому заключается, как обычно, в женщине. Есть тут одна кубиночка, от которой я становлюсь просто crazy[9].

– Что касается женщин, то в твоём возрасте, Джон, с этим следует быть поосторожнее, а то можешь нарваться на инфаркт.

– Да ладно, у меня хоть и брюхо стало теперь побольше, а волос на голове – поменьше, I'm still[10] в прекрасной форме, – ответил, задиристо улыбаясь, Хатч. Затем, засучив рукав, он продемонстрировал мне свой накачанный бицепс.

– Вижу, вижу... – кивнул я и, показав жестом на профессора, добавил: – Познакомься: профессор Эдуардо Кастильо Мерида, один из лучших европейских специалистов по средневековой истории.

– Рад с вами познакомиться, профессор, – сказал Хатч, протягивая руку. – Как мне следует называть вас?

– Называйте меня «профессор», – ответил Кастильо. – Я, знаете ли, больше привык именно к такому обращению, сеньор Хатч. – Затем профессор пожал плечами и добавил: – Хотя, в общем-то, если вы станете называть меня teacher[11], это тоже будет вполне приемлемо.

– Замечательно! – с добродушным видом воскликнул Хатч. – Улисс, teacher, вы не против того, чтобы пройти в мой кабинет?

Через несколько секунд мы уже сидели в черных кожаных креслах, и я с невольным любопытством рассматривал многочисленные трофеи, добытые хозяином кабинета. Это были предметы, поднятые Хатчем с морского дна во время ранее проведенных им раскопок: прекрасно сохранившийся кремниевый пистолет, золотая монета, «замурованная» в большом прозрачном пластиковом кубике, который Хатч, похоже, использовал в качестве пресс-папье...

– Это золотой дублон[12], отчеканенный в Новой Испании, – пояснил Хатч, заметив мой заинтересованный взгляд и переходя на английский язык. – Он был единственной ценностью, которую мне удалось обнаружить на затонувшем в семнадцатом веке испанском галеоне. Это жуткое фиаско произошло несколько лет назад, и я тогда едва не разорился – а все потому, что слишком увлекся энтузиазмом других людей и не провел, как того требует моя работа, предварительного анализа... – Пристально посмотрев на меня, Хатч добавил: – И

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
раз уж жизнь преподала мне такой урок, я решил хранить эту монету здесь, у себя на столе, чтобы никогда больше не совершать подобных ошибок.

Заметив краем глаза, что профессор бросил на меня обеспокоенный взгляд, я, однако, сделал вид, будто бы не понял скрытого в словах Хатча намека, и с безмятежным видом произнес:

– Благодарю тебя за то, что ты согласился принять нас, Джон. Я ведь знаю, что ты всегда очень занят. Однако когда я объясню тебе, ради чего мы сюда приехали, ты поймешь, что наше предложение дает тебе самый большой шанс во всей твоей жизни. – Говоря все это Хатчу, я чувствовал себя ярмарочным шарлатаном, но при этом изо всех сил старался выглядеть так, словно у меня не было и тени сомнения в том, что предлагаемый нами проект обязательно увенчается успехом и что упомянутое Хатчем «жуткое фиаско» нам отнюдь не угрожает.

– Ну что ж, посмотрим, – сказал Хатч, откинувшись на спинку кресла. Он бросил на нас с профессором оценивающий взгляд и попросил: – А теперь расскажите-ка поподробнее, что вы там мне писали по электронной почте о самых огромных за всю историю человечества сокровищах.

– Ну и какое решение он, по-твоему, примет? – спросил у меня профессор, когда мы уже стояли на улице у центрального офиса компании «Хатч Мэрин Эксплорейшнз», в котором до этого провели более двух часов, провозившись с ксерокопиями, рисунками и картами.

– По правде говоря, не знаю, – честно ответил я. – Если бы речь шла о затонувшем испанском галеоне, то не было бы никакой проблемы. Но когда я упомянул тамплиеров, у Хатча неожиданно изменилось лицо и мне показалось, что он готов вышвырнуть нас за дверь. Как бы там ни было, через пару дней Хатч даст ответ, а пока нам остается только наслаждаться морем, солнцем и мохо[13].

– Нет, я лучше потрачу время на то, чтобы более тщательно изучить все те материалы, которые мы сюда привезли.

– Об этом не может быть и речи, – энергично возразил я. – Здесь вы у меня в гостях. Сейчас мы вернемся в гостиницу, переоденемся и отправимся ставить на уши этот городишко.

– Дело в том... Видишь ли, я не взял с собой соответствующей одежды.

– Не имеет значения. Тут почти все ходят в плавках и купальниках. Уж плавки-то вы с собой взяли? – Взглянув на профессора, я и без слов понял, что ничего этого у него нет.

Нам пришлось прождать целых три дня, которые мы, кстати, провели весьма насыщенно, прежде чем позвонившая нам секретарша Хатча сообщила, что ее босс ждет нас в своем кабинете сегодня в шесть.

Слегка нервничая, мы явились в офис Хатча минута в минуту. На этот раз Хатч держался уже не так радушно. Не говоря ни слова, он жестом пригласил нас присесть. Некоторое время мы сидели почти в полной тишине, нарушаемой лишь легким шелестом вращающегося на потолке вентилятора. Хатч смотрел на нас с профессором испытующим взглядом – то на одного, то на другого, но главным образом на меня, – и в глазах его, как мне показалось, светилось недоверие. Прошло несколько томительных минут, и я почувствовал, как от волнения мои ладони стали влажными. И когда я уже подумал о том, что, пожалуй, придется обращаться в какую-нибудь другую компанию, занимающуюся раскопками на морском дне, Хатч вдруг наклонился вперед, уперся локтями в крышку огромного стола из красного дерева и взял в руки свое драгоценное «пресс-папье».

– Сделка заключена, – сказал он, наклоня «пресс-папье» то вправо, то влево. – Возможно, когда-нибудь я об этом пожалею, – добавил он, аккуратно ставя пластиковый кубик с монетой на стол. – Однако сделка заключена, – повторил он и протянул мне свою правую руку.

– Гениально! – восхищенно воскликнул я, крепко пожимая Хатчу руку. – Когда мы начнем работу?

– Мы? – удивленно спросил он, поднимая бровь. – Вы свою часть работы сделали, и если нам удастся отыскать эти сокровища, вы получите свой процент от прибыли. Однако работа для вас уже закончена.

– Нет, Джон, – категорически возразил я. – Мы хотим принимать участие в этих раскопках.

– Извини, но торговаться по этому поводу я не намерен, моя бригада уже сформирована, подобраны самые лучшие специалисты. В моем распоряжении есть высококвалифицированные водолазы, океанографы, археологи и историки, – сказал Хатч и, сопровождая свои слова недвусмысленным жестом, добавил: – Больше нам никто не нужен.

– Но ведь профессор Кастильо – специалист по средневековой истории, и никто так не разбирается в том, что касается тамплиеров и их тайн, как он. А я – хороший подводный пловец. Так что мы оба можем принести большую пользу.

– Я уже сказал «нет», Улисс. Это вам не лекции в университете читать и не туристов плаванию с аквалангом обучать.

Я настаивал, но Хатч, похоже, не собирался уступать. Профессор Кастильо слушал наш разговор с погрустневшим лицом, на котором было написано: «Я и не сомневался, что этим все закончится». Однако мне даже в голову не приходило, что нам придется сдаться. Поскольку я обещал профессору, что мы оба будем участвовать в этой археологической экспедиции – в том случае, если она, конечно, состоится, – то так тому и быть. Глубоко вдохнув, я решил пустить в ход свой последний, а точнее, единственный козырь.

– Джон, – сказал я таким спокойным тоном, на какой только был способен, – если ты не возьмешь нас с собой, тебе никогда не узнать, где искать эти сокровища.

Я, безусловно, блефовал, а потому молился про себя, чтобы профессор понял мой замысел и не ляпнул сейчас что-нибудь неуместное. У меня не было другого выхода: либо я любой ценой заставлю Хатча включить нас в состав экспедиции, либо нам с «профом» придется убраться отсюда как двум последним дуракам. Мы, слава богу, пока еще не сообщили Хатчу, в каком именно месте следует искать затонувший корабль, поэтому я старался проявить твердость, надеясь, что упрямый американец в конце концов пойдет на уступку.

Хатч молчал и сверлил меня сердитым взглядом, по-видимому взвешивая в уме все «за» и «против» и лихорадочно подсчитывая соотношение потенциальных расходов и пользы от нашего участия в организованной им бригаде, а также прикидывая, что он может потерять, если пошлет меня ко всем чертям. У меня не было ни малейших сомнений в том, что если бы Джон решил, что у него есть хотя бы минимальные шансы определить приблизительное местонахождение затонувшего судна без моей помощи (пусть даже это и создало бы ему массу дополнительных трудностей), то нас с «профом» тут же вышвырнули бы на улицу. Джон Хатч был не из тех людей, которые готовы смириться с шантажом. Вряд ли бы он терпел, чтобы две залетные птицы вроде нас с профессором ставили бы ему свои условия.

Он слегка поерзал в своем черном кожаном кресле, возможно ожидая, что я не выдержу и пойду на попятную.

Тот, кто заговорит в подобной ситуации первым, неминуемо проиграет схватку.

Он об этом знал.

Знал об этом и я.

После довольно продолжительной паузы хозяин кабинета заговорил.

– Хорошо, – не скрывая своего раздражения, сказал Хатч. – Я согласен, чтобы вы оба работали на судне. Оба. Но никакой зарплаты за это получать не будете. – С угрожающим видом ткнув поочередно в каждого из нас указательным пальцем, он добавил: – А если вы попытаетесь мешать работе моей бригады, я высажу вас в ближайшем порту. Договорились?

Я посмотрел на профессора, и тот легким кивком дал мне понять, что он

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
согласен с этими условиями.

– Хорошо, Джон, такой подход мне кажется справедливым, – удовлетворенно произнес я. – И у меня к тебе все тот же вопрос: когда мы начнем работу?

7

Судно – оно называлось «Мидас» – очень сильно раскачивалось из-за волн, то и дело ударявших в его нос. От этих ударов поднимались фонтаны брызг, а сильный юго-восточный ветер затем обрушивал их на палубу. Мы еще два дня назад покинули Ки-Уэст, и погода с тех пор все время ухудшалась, что, впрочем, было неудивительно, поскольку в этих местах уже давным-давно начался сезон тайфунов. Сегодня небо с самого утра было затянуто свинцовыми тучами, которые, отражаясь на поверхности моря, придавали ему такой вид, словно оно было покрыто тонким слоем ртути.

Хотя мы плыли по теплomu, как принято считать, Карибскому морю, я накинул легкую куртку, чтобы защититься от влажного, достигающего скорости почти тридцать узлов ветра, который то и дело хлестал меня, бросая в лицо мельчайшие соленые брызги и заставляя закрывать глаза.

Через несколько часов мы должны были достичь прибрежных вод Гондураса и еще до наступления темноты прибыть к тому самому рифу, где менее месяца назад я нашел маленький бронзовый колокол. За это время произошло так много событий, что мне уже казалось, будто я гоняюсь за таинственными сокровищами тамплиеров гораздо дольше.

Представляю, какое лицо было у моей матушки, когда я позвонил ей по телефону и сообщил, что не смог заглянуть еще разок, потому что нахожусь во Флориде и занимаюсь поисками затонувшего судна в компании с профессором Кастильо.

– Ты шутишь? – удивилась матушка.

– Нет, мама, это правда. Мы еще позавчера отправились на Утилу, – сказал я, тщетно пытаюсь вызвать у нее хотя бы малейший интерес к происходящему.

– Сынок, но ведь ты же только-только оттуда приехал... И какое отношение к данной затее имеет этот чертов Эдуардо Кастильо?

– Мама, он всего лишь согласился помочь мне, когда я его об этом попросил, – ответил я, стараясь успокоить уже начинающую нервничать матушку. – Тебе нет никакого смысла продолжать его ненавидеть... Пришло время забыть о том, что тогда произошло...

– Я знала, что мне не следовало давать тебе его номер телефона, – перебила меня матушка. – Я сама во всем виновата.

– Послушай, я ведь позвонил сейчас, чтобы сообщить, что у меня все в порядке. Я собирался рассказать тебе о своих планах, а не спорить до хрипоты. По-моему, тебе лучше примириться с мыслью, что твой сын поступает так, как считает нужным. Кстати, некоторое время я проведу в компании профессора Кастильо. – Я вздохнул и добавил: – Так что прекрати говорить глупости и пожелай мне удачи.

– Да, сынок, конечно. Просто...

– Что «просто», мама?

– Да так, Улисс, ничего... – сдавленным голосом произнесла матушка. – Просто мне показалось, будто я снова слышу твоего отца. Будь поосторожнее, прошу тебя.

Я стоял у поручней на палубе и вспоминал этот телефонный разговор, когда вдруг услышал, как чей-то доброжелательный голос произнес за моей спиной «Привет!». Оглянувшись, я увидел приближающуюся ко мне Кассандру Брукс – симпатичную миниатюрную блондинку, главного археолога нашей экспедиции. Она встала рядом со мной, прислонившись к поручням.

– Что, интересно, ты тут делаешь? – спросила Кассандра, выговаривая слова с характерным мексиканским акцентом. – Пытаешься заработать себе насморк?

– Привет, Касси. Мне просто хотелось немножко покоя, вот я и пришел сюда. Кроме того, меня гораздо сильнее укачивает в каюте, чем здесь, на палубе.

– Меня, дружище, тоже. Честно говоря, я слопала уже половину своих таблеток от морской болезни. – Пристально посмотрев на меня, она спросила: – Ты чем-то обеспокоен?

– Нет, – поспешно ответил я, – просто немного взволнован. Мне очень хочется найти эти сокровища, но не столько из-за денег, сколько из желания совершить что-нибудь значительное.

– Хочешь стать знаменитым? – спросила, усмехнувшись, Кассандра.

– Нет, дело не в этом, – пылко возразил я. – Во всяком случае, это не главное. Я ведь не так уж молод, а все еще не нашел себя в этой жизни. Иногда меня одолевают сомнения... Так что если мы найдем сокровища, мне, возможно, удастся обрести душевный покой.

– Улисс, – ласково произнесла Кассандра, прикоснувшись рукой к моему плечу, – не нужно ставить обретение тобой душевного покоя в зависимость от успеха этого предприятия. Состояние нашей души не должно зависеть от того, сумеет ли экспедиционная команда обнаружить на морском дне затонувшие сокровища.

Теперь уже я пристально смотрел на Кассандру, невольно любуясь ее выразительными зелеными глазами.

– Да, ты права, – согласился я, кладя свою ладонь поверх ее ладони, лежащей на поручнях. – Абсолютно права.

Мы познакомились с ней всего лишь за несколько часов до отплытия из Ки-Уэста, однако между нами сразу же возникла взаимная симпатия, и мы теперь относились друг к другу, как давние товарищи. Возможно, это случилось по той простой причине, что мы с Кассандрой, если не считать профессора Кастильо, были на судне единственными представителями испаноязычного населения среди целой толпы гринго. Я немало удивился, когда мне представили красивую светловолосую женщину с изумрудно-зелеными глазами и англосаксонской фамилией, которая, однако, оказалась уроженкой Акапулько.

– А тут нет ничего удивительного, – сказала Кассандра, когда через два дня после нашего знакомства, загорая вместе с ней на носу судна, я спросил ее, с каких это пор мексиканки стали светловолосыми и зеленоглазыми. – Мой отец – типичный американец. Как-то в молодости он решил провести свой отпуск в Акапулько и, приехав туда, познакомился с моей мамой, смазливой смуглянкой, в которую тут же по уши влюбился. Они поженились, отец остался жить в Мексике, и через некоторое время родилась я, белокурая девчонка. Цвет волос, глаза и фамилия достались мне от папы-американца, а во всем остальном я – стопроцентная мексиканка.

– Ну, тогда твоих родителей можно поздравить, – сказал я, пытаюсь быть галантным. – Эксперимент по слиянию рас им явно удался.

– Большое спасибо, – смутившись, ответила на мой комплимент Кассандра. Несмотря на смуглость кожи, она покраснела, отчего, как мне показалось, стала еще красивее.

– А почему ты решила заняться подводной археологией?

– По правде говоря, это было почти неизбежно. Мой отец – бывший водолаз, а мама – археолог. Разве у меня оставался выбор?

– А тебе нравится то, чем ты занимаешься?

– Да, очень, – убежденно ответила Кассандра. – Моя семья всегда жила неподалеку от моря, и отец научил меня плавать еще до того, как я начала ходить. К тому же я, сколько себя помню, была без ума от археологии. От природы я очень любознательная, и поднятие с морского дна корабля, затонувшего сотни лет назад, вызывает у меня прямо-таки бурю восторга. Больше всего на свете мне нравится извлекать из земных недр предметы, пролежавшие вдали от человеческих глаз и рук на протяжении целых столетий.

– Однако то, чем ты занимаешься здесь с Хатчем, не совсем археология, разве не так?

Кассандра посмотрела на меня таким взглядом, как будто я только что заставил ее проглотить лягушку.

– Я знаю, – произнесла она глухим голосом. – Уже пару раз я была на грани того, чтобы послать все это к чертям собачьим. Однако работу сейчас найти не так-то просто, и при всей моей антипатии и к Хатчу, и к тому, чем он занимается, я вынуждена признать, что он платит за мою работу неплохие деньги... Кроме того, трудно устоять перед соблазном поучаствовать в поисках затонувших сокровищ.

– Я тебя понимаю. Я тоже заразился золотой лихорадкой, хотя раньше никогда не стремился к тому, чтобы быть богатым, – сказал я и с заговорщической улыбкой добавил: – Но это было раньше.

На следующий день, ровно в семь часов утра, Хатч с помощью пронзительной сирены и объявлений по мегафону созвал участников экспедиции на палубу в носовой части судна. В экспедиционной команде насчитывалось чуть меньше двадцати человек: водолазы, океанографы, специалисты по геологии морского дна и определению местонахождения затонувших предметов, компьютерщики и, конечно же, специалисты по подводной археологии, в числе которых была и Касси. Профессор Кастильо тоже вышел на палубу, однако стоял, опираясь на поручни, чуть в стороне от всех остальных: он явно чувствовал себя здесь не в своей тарелке.

Меня удивила малочисленность экипажа нашего пятидесятиметрового судна. Возможно, я и проглядел кого-нибудь из членов экипажа, но в общей сложности их было человек шесть-семь, не больше. Я вспомнил, как во время первого совместного ужина капитан Престон рассказывал мне о каких-то имеющихся на этом судне технологических чудесах, которые делали его, как он утверждал, уникальным. Однако в тот вечер так сильно штормило – и на море, и в моей одурманенной алкоголем голове, – что единственное, о чем я теперь мог рассказать, это долгие поиски моей каюты.

Наконец на мостике появился Хатч. Сюда пришел и неизменно следовавший за ним везде и всюду серб Горан Ракович, мрачный на вид человек с темным прошлым, участвовавший в свое время в войне на территории бывшей Югославии. Если верить ходившим по судну слухам, он был беспредельно предан Хатчу и сопровождал того повсюду, как доберман своего хозяина.

Хатч поднял руку, прося тишины. Гул среди собравшихся утих.

– Леди и джентльмены! – громко сказал Хатч на английском языке, официальном языке общения на судне. – Некоторые из вас уже знают, с какой целью мы находимся здесь, однако от большинства – в качестве меры безопасности – мы пока что скрывали подробности, касающиеся предстоящих работ. Мы делали это не потому, что кому-то из вас не доверяем, а потому, откровенно говоря, – Хатч лукаво улыбнулся, – что мы вообще никому не доверяем.

В толпе, стоявшей на палубе, послышался смех. Кто-то крикнул: «Эй, Джон, ну и сукин же ты сын!» Хатч сделал жест, как будто он выстрелил из пистолета, и выразительно посмотрел на того, кто это крикнул. Когда смех и возгласы поутихли, он продолжил:

– Мы прибыли сюда, чтобы разыскать сокровища, причем такие, какие вам и не снились. – Он вытянул руку вперед, показывая на играющие за бортом волны. – Где-то глубоко под килем этого судна, среди песка и кораллов, лежат, ожидая, когда мы до них доберемся, несметные богатства,

Выдержав паузу, дабы его слова успели произвести должный эффект, Джон Хатч сделал небольшой экскурс в историю:

– Семьсот лет назад, когда, как считалось раньше, нога белого человека еще не ступала на территорию Америки, из Европы отплыла небольшая флотилия. Трюмы судов были набиты золотом, серебром и драгоценными камнями. Корабли эти прибыли в здешние воды. Как минимум один из них – хотя мы и не знаем, по какой причине, – затонул со всем своим драгоценным грузом. Благодаря профессору Кастильо и Улиссу Видалю, – сказал Хатч, бросив взгляд на нас с

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
профессором, – нам теперь известно, в каком именно месте покоится это затонувшее судно. Оно прямо под нашими ногами!

Хатч снова замолчал, чтобы перевести дух, а затем, прислонившись к поручням, произнес еще более громким голосом:

– Еще никто и никогда не находил так много ценностей в одном-единственном затонувшем судне. Даже я. – После этих слов среди присутствующих опять послышался смех, но Хатч, не обращая внимания, продолжал говорить: – Я скажу вам больше: то, чем мы с вами будем здесь заниматься, начиная с сегодняшнего дня, станет для нас не просто попыткой разбогатеть. Если нам удастся выполнить стоящие перед нами задачи – а можете не сомневаться в том, что так оно и будет, – мы перевернем историю!

Хатч поднял правую руку до уровня лица и, сжав пальцы в кулак, заорал:

– Эти сокровища ждут нас, ребята! Так давайте же возьмем их!

Раздавшийся вслед за этим дружный хор радостных возгласов и свиста еще долго не утихал на палубе судна, которое покачивалось на волнах, и никто не заметил, что море едва ли не с каждой минутой становилось все более мрачным и угрожающим.

Полчаса спустя, когда страсти немного улеглись, в конференц-зале, вокруг стоявшего там огромного деревянного стола, собралась группа из семи человек. На столе была разложена морская карта, изданная Океанографическим институтом США, с изображением района, прилегающего к островам Ислас-де-ла-Байя. Председательствовал на этом совещании Хатч, с одной стороны которого уселся его заместитель Ракович, а с другой – капитан судна Николас Престон. Кроме них Хатч пригласил на совещание Клайва Брауна – руководителя группы водолазов, Кассандру Брукс – главного археолога экспедиции, профессора Кастильо – советника по вопросам истории, а также меня – наверное, помня о моих заслугах первооткрывателя затонувшего судна.

– Господа, – сказал Хатч, когда все расселись вокруг стола, – поскольку вы, как я понял, уже познакомились, я не стану представлять вас друг другу и сразу же перейду к делу. Я хочу разъяснить вам, с какой целью мы находимся здесь и чем нам предстоит заниматься в ближайшие дни.

Он поочередно взглянул на каждого из нас, а затем продолжил совещание.

– Присутствующий среди нас мистер Видаль, – Хатч повернулся в мою сторону, – менее месяца назад нашел здесь, на рифе, некий предмет. По всей видимости, данный предмет некогда находился на судне, которое принадлежало средневековому военно-монашескому ордену, скопившему огромные богатства. Этот орден в наши дни широко известен как орден тамплиеров.

Хатч сделал паузу, давая присутствующим время вникнуть в смысл его слов.

– В один прекрасный день в начале четырнадцатого века, то есть почти за двести лет до того, как на этот континент прибыл Христофор Колумб, из Франции вышли восемнадцать кораблей, в трюмах которых находились накопленные орденом тамплиеров сокровища. Мы полагаем, что один из кораблей этой флотилии затонул в здешних водах. Наша задача состоит в том, чтобы определить местонахождение останков этого судна, тщательно обследовать их, а затем, когда мы выясним, где именно покоятся перевозившиеся ценности, поднять их со дна и увезти с собой. Перед каждым из вас лежит на столе подробное письменное изложение всего того, о чем я вам сейчас вкратце сообщил.

Хатч поерзал в своем кресле и, прокашлявшись, продолжил:

– Некоторые из вас уже участвовали в подобного рода экспедициях, некоторые находятся на этом судне впервые. Хочу предупредить и тех, и других, что на этот раз все будет намного сложнее, чем раньше. Мы не просто будем искать здесь несметные сокровища – у нас есть уникальная возможность изменить существующие представления об истории человечества. Даже не просто изменить, а кардинальным образом перевернуть! Если нам удастся доказать, что европейские корабли впервые появились в здешних водах намного раньше, чем предполагалось, придется переписать все учебники истории во всех странах мира. И когда ваши дети через несколько лет прочитают в новых

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
учебниках, что бесстрашные исследователи на судне «Мидас» разгадали тайну открытия Америки, вы сможете с гордостью им сказать, что вы были в числе этих исследователей.

– А почему на этот раз все будет сложнее, чем раньше? – спросил известный своим прагматизмом Браун.

– Главным образом потому, что у нас почти нет информации ни о типе корабля, который мы ищем, ни о его габаритах и тоннаже. Корабль этот пролежал под водой в два раза дольше, чем любое из тех судов, с которыми нам доводилось иметь дело, и наверняка сильнее других пострадал и глубже увяз в морском дне. Кроме того, – сказал Хатч, и его лицо слегка помрачнело, – на парусных судах в те времена еще не использовались пушки. Как вам всем известно, наилучшим способом поиска затонувших судов сейчас является магнитная детекция, позволяющая обнаружить крупные металлические предметы, прежде всего корабельные орудия.

Сделав очередную паузу, Хатч обвел взглядом присутствующих и добавил:

– К счастью, «Мидас» является самым лучшим из всех когда-либо построенных судов, предназначенных для определения местонахождения затонувших кораблей. – Он самодовольно улыбнулся. – Кроме того, в нашем распоряжении имеются первоклассные технологические новинки двадцать первого века: мощные магнетометры, устройства для определения плотности вещества, самый лучший из поступивших в продажу гидролокаторов. Короче говоря, если корабль, который мы ищем, и в самом деле лежит где-то поблизости на морском дне, мы непременно его найдем.

Хатч снова замолчал, и Кассандра, воспользовавшись паузой, подняла руку.

– Слушаю вас, мисс Брукс, – сказал Хатч, строго посмотрев на Кассандру.

– Я хочу задать один вопрос, который продиктован исключительно моим любопытством. Я, как и почти все члены нашей команды, работаю здесь за заранее оговоренную плату – плату, по правде говоря, более чем щедрую. – Касси посмотрела на Хатча и глубоко вдохнула. – Однако мне все же хотелось бы знать, сделана ли хотя бы приблизительная оценка стоимости тех сокровищ, которые мы ищем?

– Наиболее точную информацию по данному вопросу может дать профессор Кастильо, – ответил Хатч и повернулся к профессору, который, увидев, что все сейчас смотрят на него, смущенно потупился.

– Хм... – кашлянул Кастильо, слегка робея от осознания, что ему придется говорить по-английски. – Дело в том, что стоимость, которую имеют данные сокровища в настоящее время, очень и очень трудно определить. Думаю, что на затонувшем корабле находились не только драгоценные металлы в слитках и драгоценные камни россыпью, но и старинные украшения, произведения ювелирного искусства, подарки, сделанные монархами, религиозные реликвии...

– На общую сумму, которая составляет около пятисот миллионов долларов, – грубо перебил профессора Хатч.

Браун восторженно присвистнул, а у остальных присутствующих на пару секунд перехватило дыхание.

– Согласно существующим данным, стоимость сокровищ, накопленных тамплиерами, составляла более десяти миллиардов современных американских долларов, – продолжал Хатч. – Как нам известно, все сокровища ордена тамплиеров были вывезены на восемнадцати судах, так что путем несложной арифметики у нас и получается кругленькая сумма – приблизительно пятьсот миллионов долларов. Разве не так, профессор?

– Да, можно сказать, что так. Именно эта цифра и получается, – кивнул профессор, немного смущенный тем, что его бесцеремонно прервали.

– Еще есть какие-нибудь вопросы? – спросил Хатч и увидев, что никто не поднял руки, жестко произнес: – Ну что ж, тогда приступим к работе. Каждый из вас знает, чем ему следует заниматься, и мне, я думаю, нет необходимости напоминать вам, что времени у нас мало. Сейчас уже самый разгар сезона тайфунов, в нашем направлении движется активный циклон, и поэтому в любой

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
момент может возникнуть необходимость побыстрее унести отсюда ноги. Так что нельзя терять ни минуты. Сейчас мы уже заканчиваем составление предварительных карт морского дна, и я рассчитываю, что не далее как сегодня, во второй половине дня, водолазы начнут свою работу.

Хатч замолчал, поочередно посмотрев на каждого из нас.

– Я нанял вас на работу, потому что вы – самые лучшие специалисты в своей области, – произнес он после недолгой паузы, – и поэтому рассчитываю, что вы проявите свои способности в полной мере. Постарайтесь меня не разочаровать. – Его голос, как мне показалось, прозвучал слишком сурово.

Медленно поднявшись с кресла, Хатч напоследок бросил:

– и не забывайте: *tempus fugit*[14].

8

Через час бригада по поиску затонувшего судна была готова и в воду уже спускали магнетометр – аппарат в форме двухметровой ракеты с установленными в нижней части датчиками, которые, как мне объяснили, при помощи каких-то там волн способны обнаружить лежащую на дне монетку на расстоянии двадцать метров. Вслед за магнетометром к работе стали готовить и современнейший цифровой гидролокатор производства голландской компании «Маринескан», способный сгенерировать и передать на монитор компьютера четкое изображение морского дна со всеми лежащими на нем предметами, размер которых чуть больше человеческой ладони.

Вскоре «Мидас» начал двигаться по кругу с радиусом в одну милю, постепенно уменьшая радиус и приближаясь по спирали к центру круга – тому самому месту, где мною был обнаружен бронзовый колокол.

Когда я спросил капитана Престона, почему мы не поступили наоборот, начав поиск не от периферии к центру, а от центра к периферии, он только пожал плечами.

– Так решил Хатч, – сказал капитан. – Он всегда поступал в подобных случаях именно таким образом, и уж кто-кто, а я не стану оспаривать его решения.

– Но ведь если бы мы начали от центра, то закончили бы свою работу быстрее, – настаивал я.

– Знаешь, парень, если уж ты оказался на этом судне, то тебе не следует забывать, что здесь командует Джон Хатч. Ты, конечно, можешь подвергнуть сомнению его методы работы – порой и в самом деле довольно необычные – и даже начать говорить об этом вслух, однако среди тех, кто занимается поисками затонувших галеонов, Джон пользуется особой славой. Его считают своего рода живой легендой, а потому на «Мидасе» лучше не обсуждать принимаемые им решения. Хатч не тот человек, который способен смириться с тем, что его действия и решения подвергаются хотя бы малейшему сомнению. – Капитан положил руку на мое плечо и, словно предостерегая меня, повторил: – Хотя бы малейшему...

В течение более девяти часов мы плавали со скоростью десять узлов по беспокойному морю, все время сужая зону поиска. Уже наступила ночь, когда предварительный «зондаж» морского дна был завершен и в конференц-зале собралась та же самая компания, что и утром. Я почти весь день слонялся без дела по палубе, горя желанием побыстрее погрузиться в воду и начать поиски затонувшего судна – ну, или того, что там от него осталось. Я с нетерпением ожидал этого момента с тех пор, как профессор Кастильо открыл мне глаза на огромное значение моей находки.

Мы снова расселись в конференц-зале за столом, оживленно болтая друг с другом в ожидании прихода Хатча, который, как мы предполагали, сообщит нам о результатах проделанной сегодня работы. По репликам собеседников я понял, что далеко не я один изнываю от ничегонеделания и жажду как можно быстрее приступить к работе под водой.

Через несколько минут появился Хатч – как всегда, в сопровождении своего мрачного спутника Раковича. Джон поудобнее уселся в своем кресле и стал

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
наблюдать, как компьютерщики подсоединяют портативный компьютер к огромному плазменному телевизору, висевшему на стене конференц-зала. Когда они закончили, Хатч окинул нас торжествующим взглядом и сказал, обнажив зубы в акульей улыбке:

– Господа, мы нашли его.

Тут же раздались дружные аплодисменты, смех, радостные возгласы. Я в восторге обнял сидевшую слева от меня Касси, а она звонко чмокнула меня в щеку.

Когда снова установилась тишина, Хатч нажал несколько клавиш на портативном компьютере и повернулся в сторону висевшего на стене телевизора.

– Менее чем в полумиле от того места, которое нам указал мистер Видаль, мы получили от нашего гидролокатора вот эту картинку.

На экране появилось изображение поверхности морского дна, рельеф которого был показан с помощью различных оттенков коричневого цвета, а наиболее высокие выступы были оранжевыми. Присмотревшись к одному из выступов, я заметил, что это не что иное, как затонувшее судно, борта которого были выделены желтым цветом.

– Корабль находится на глубине всего лишь пятнадцати метров от поверхности воды и покрыт довольно тонким слоем песка, – продолжал Хатч, – так что наша работа в значительной степени облегчается...

Повернувшись к Кассандре, Хатч спросил:

– Мисс Брукс, ваша группа готова?

– Не переживайте, – с самоуверенным видом заявила Касси. – Уже завтра утром мы будем производить под водой необходимые измерения и вообще заниматься предварительным осмотром того места, где находится затонувший корабль.

– Прекрасно. – Хатч удовлетворенно кивнул. Взглянув затем на Брауна, он задал ему точно такой же вопрос.

– Мы все готовы и с нетерпением ждем начала работы, – ответил Браун. – Мы поможем археологам выполнить их задачу, и когда они закончат, начнем очистку того места, где находится судно, от песка.

– Замечательно. – Хатч снова кивнул. – У кого-нибудь есть вопросы?

– Да, у меня есть вопрос, – сказал я, поднимая руку. – Как могло получиться, что корабль находится на таком большом расстоянии от того места, где я нашел бронзовый колокол?

– На этот вопрос есть несколько вариантов ответа, однако наиболее правдоподобной кажется ситуация, при которой у судна появилась течь и экипаж решил уменьшить его массу. Для этого они выкинули за борт все тяжелые предметы, без которых можно было обойтись. Например, колокол, – сказал Хатч, а затем, уже слегка нетерпеливым тоном, добавил: – Есть еще какие-нибудь сомнения, мистер Видаль?

– У меня тоже есть вопрос, – неожиданно вмешалась Кассандра. – Если, конечно, вас не затруднит на него ответить... А удалось ли обнаружить что-нибудь там, внизу, при помощи магнетометра?

– Ах да, конечно! Спасибо, что напомнили мне об этом, мисс Брукс, – с притворной вежливостью произнес Хатч. – Благодаря магнетометру там действительно кое-что обнаружили... – Окинув взглядом всех присутствующих, Хатч сообщил:

– Когда мы приблизились к данному участку, стрелка магнетометра начала зашкаливать.

Этой ночью я очень долго не мог заснуть: во-первых, потому что был сильно взволнован ожиданием предстоящей завтра работы, а во-вторых, потому что из-за сильной качки у меня началась морская болезнь, от которой мой желудок

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
едва ли не выворачивало наизнанку. Кроме того, я никак не мог забыть о том – вроде бы невинном – поцелуе в щеку, которым одарила меня Кассандра и который я все еще чувствовал на своей коже.

Наутро от бессонницы у меня появились темные круги под глазами, однако, зайдя в столовую позавтракать, я по лицам других людей понял, что прошедшей ночью бессонница мучила не только меня.

По распоряжению Хатча я был включен в группу водолазов, возглавляемую Клайвом Брауном, опытейшим ныряльщиком, который уже давненько, и весьма эффективно, работал на Хатча. Браун, как рассказали мне его подчиненные, превыше всего ставил безопасность вверенных ему людей, и поэтому те уважали его и слепо ему доверяли. Полностью довериться Брауну они посоветовали и мне. Оживленно болтая, мы вынесли снаряжение для подводного плавания на палубу, а затем, обливаясь потом, стали натягивать на себя костюмы из неопрена толщиной в пять миллиметров. Костюмы эти считались чрезмерно плотными для той широты, на которой мы находились, однако они как нельзя кстати пришлись сейчас, поскольку нашей группе предстояло работать по нескольку часов в день на глубине пятнадцать метров.

Я с удивлением узнал, что при погружении в воду мы не будем использовать классические баллоны со сжатым воздухом. Вместо них нам предстояло установить у себя на спине сложные устройства по реутилизации воздуха, изготовленные компанией «Сайлент Дайвинг Систем» и называемые среди ныряльщиков «дыхалками». Хотя я как-то раз с ними уже сталкивался, мне все еще не верилось, что с помощью воздушного фильтра и двух маленьких баллонов, вмонтированных в легкий каркас, можно в два раза увеличить время непрерывного пребывания под водой и при этом не нуждаться в увеличении периода, необходимого для декомпрессии. У этих устройств имелось еще одно дополнительное преимущество, весьма полезное для некоторых видов подводных работ: из них не выходил выдыхаемый человеком воздух, и поэтому видимость для ныряльщика значительно улучшалась, так как перед его лицом уже не маячили пузырьки использованного воздуха.

Тщательно подготовившись, мы спустились в воду со специальной платформы, расположенной в кормовой части судна, а вслед за нами, вооружившись фотоаппаратами и видеокамерами, в воду погрузились археологи во главе с Кассандрой.

Мы, как и было оговорено на утреннем «брифинге», собрались тесной группой приблизительно в десяти метрах от судна. Увидев неподалеку от себя Кассандру, я подплыл к ней.

– Волнуешься? – спросила Касси, когда я был уже рядом с ней.

– Немножко, – соврал я. – А ты?

– Меня всю просто колотит, – ответила она и засунула себе в рот регулятор.

Кивнув друг другу, мы выпустили из своих плавательных жилетов воздух и начали медленно опускаться с беспокойной поверхности моря в его безмятежную глубину.

Солнце в этот ранний час стояло еще невысоко, а небо во многих местах было покрыто облаками, и поэтому видимость в этих водах, обычно кристально-чистых, не превышала сейчас десяти метров. Когда мы начали погружаться всей группой в глубину, я, посмотрев вверх, с удивлением заметил, что, хотя от судна не тянулось вниз ни якорной цепи, ни каната, оно, несмотря на волнение моря, почему-то оставалось по отношению к морскому дну абсолютно неподвижным. Я подумал, что нужно будет обязательно спросить об этом капитана, как только мы возвратимся на «Мидас».

Пока я предавался подобным размышлениям, мои товарищи-водолазы, уже почти достигнув дна, поплыли параллельно его поверхности в северном направлении. Я поспешил пристроиться к ним. Возглавлявшая всю эту группу Касси, проплыв несколько десятков метров, сделала нам знак рукой, чтобы мы остановились, а затем стала очень медленно продвигаться вперед одна, ощупывая дно кончиками пальцев.

Вскоре она остановилась и начала разгребать ладошками песок, пока нашему взору не предстал хорошо видимый на фоне беловатого песка темный предмет –

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
большой полусгнивший деревянный брус, пролежавший здесь, на морском дне,
несколько сотен лет.

9

Имея уже изрядный опыт в проведении подобных работ, члены нашей группы быстренько разбились по парам и расплылись в разные стороны, охватив довольно большой участок дна, чтобы попытаться определить контуры полностью увязшего в песок корабля и тем самым свести до минимума зону раскопок. Через каких-нибудь полчаса прямоугольная зона площадью приблизительно в шестьсот квадратных метров была заставлена по периметру красными флажками. Два помощника Касси фотографировали обозначенное пространство, разбив его на участки, чтобы с помощью компьютера сгенерировать мозаичное цифровое изображение исследуемой зоны.

Моя задача заключалась в том, чтобы, разместившись на несколько метров выше своих товарищей, наблюдать, не угрожает ли кому-нибудь из них какая-либо опасность. Примерно тем же самым я иногда занимался и во время своей работы с группами аквалангистов-любителей, с которыми проводил подводные прогулки по заданию центров подводного плавания, хотя, вообще-то, чаще всего я работал в этих центрах в роли инструктора.

Конечно же, в данном случае мне не пришлось особо напрягаться, потому что лихорадочная работа, начавшаяся в нескольких метрах ниже меня, выполнялась не кем-нибудь, а ныряльщиками с многолетним опытом. Поэтому я лишь праздно наблюдал сверху за тем, как десять человек перемещались у самого дна, совершая четкие, уверенные движения, напоминающие своего рода подводный балет.

Примерно через час, завершив работу, мы вернулись на поверхность моря. Я, как и полагалось, всплыл последним, убедившись перед этим, что внизу никого не осталось. Затем, собравшись всей группой, мы поплыли на спине в сторону судна. Забраться на палубу было не так-то просто, потому что «Мидас» очень сильно раскачивался на волнах.

Оказавшись наконец-то на палубе, мы первым делом стащили с себя неопреновые костюмы, а потом каждая группа приступила к своим обязанностям. Археологи с фотоаппаратами и видеокамерами ушли в компьютерный зал, а водолазы, включая меня, занялись опреснением снаряжения для подводного плавания и наполнением баллонов сжатым воздухом, чтобы быть заранее готовыми к следующему погружению.

В это утро я больше не видел Кассандру: она, запершись в компьютерном зале вместе со своими помощниками и программистами, составляла из сделанных под водой снимков цифровое изображение морского дна. Зато я встретил профессора Кастильо: он стоял на мостике и с рассеянным видом смотрел куда-то в сторону линии горизонта.

– Как дела, профессор? Скучаете?

– В подобной ситуации было бы, конечно, стыдно признаться в этом, но я действительно скучаю. Дело в том, что я чувствую себя на «Мидасе» лишним. У меня сложилось впечатление, что я здесь не столько помогаю, сколько мешаю.

– Не говорите глупостей. Как только мы начнем доставать оттуда, – я показал рукой на море, – различные предметы, именно вы займетесь их идентификацией и составлением соответствующего каталога. Никто на этом судне не разбирается лучше вас во всем том, что мы можем обнаружить на дне.

– Возможно, ты и прав, однако пока я вынужден констатировать, что все чем-то заняты, а я болтаюсь без дела. Я чувствую себя настоящим пенсионером. – Профессор невесело улыбнулся.

Наступила неловкая пауза.

– Кстати, Улисс, – встрепенувшись, сказал профессор, – Хатч назначил совещание на двенадцать часов. Думаю, он хочет узнать, что же вам удалось найти на дне. По правде говоря, я тоже сгораю от любопытства. Ты не мог бы мне хоть что-нибудь рассказать?

– Да я бы с удовольствием, вот только со дна поднялось столько песка, что

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
оттуда, где я находился, мне почти ничего не было видно, если не считать каких-то больших предметов, выступающих в различных местах из дна. Однако у меня уже не осталось ни малейших сомнений в том, что мы нашли именно то судно, которое искали.

Ровно в двенадцать часов мы снова собрались в конференц-зале – все, кроме Кассандры, которая, наверное, еще готовила свой отчет. Хатч с недовольным видом разглядывал свое драгоценное «пресс-папье», а все остальные оживленно обсуждали утреннее погружение, гадая, сколько же уйдет времени на то, чтобы раскопать сокровища, от которых нас отделял всего лишь тонкий слой песка.

В двенадцать десять в конференц-зал вошла Касси – с растрепанными волосами и в купальнике, поверх которого она надевала перед погружением свой неопреновый костюм. По всей видимости, она так торопилась подготовить отчет, что не успела даже зайти в каюту и переодеться.

– Извините за опоздание, – сказала Кассандра, усаживаясь за стол и искоса поглядывая на Хатча. – Я закончила свою работу буквально несколько секунд назад.

Она откинула ладонью прядь волос, норовившую соскользнуть ей на лицо.

– Ничего страшного, мисс Брукс, ваши извинения принимаются, – сказал Хатч. Бросив взгляд на черную папку, которую Кассандра положила перед собой на стол, он спросил: – Ну и чем вы нас порадуете?

– Как вы уже знаете, мы пока всего лишь определили контур затонувшего корабля и проработали рельеф той зоны, на которую нас вывели гидролокатор и магнетометр, – продолжила Кассандра и достала из папки компакт-диск. Вставив его в портативный компьютер, она добавила: – Однако на данный момент уже нет никаких сомнений в том, что там, на дне, лежит деревянное судно. Она положила руку на компьютерную мышь и, двигая ладонью и нажимая кнопку, вывела изображение, сохраненное на компакт-диске в виде файла, на экран плазменного телевизора. Затем она поднялась со стула и, словно учительница у доски, встала у экрана телевизора.

– То, что вы видите вот здесь, – произнесла Касси, показывая пальцем на довольно расплывчатую картинку, на которой угадывалось песчаное дно с какими-то черноватыми полосами, – это мозаичное цифровое изображение, составленное из почти двухсот фотоснимков, сделанных сегодня утром. Как вы и сами можете убедиться, из-под песка проглядывают какие-то темные предметы. Это не что иное, как деревянные конструкции остова затонувшего корабля. При более внимательном рассмотрении, – Кассандра провела пальцем по экрану, – можно увидеть весь контур этого судна.

– Похоже, что оно повалилось на борт, – сказал Браун, наклоняя голову, чтобы лучше разглядеть изображение.

– Мы, кстати, такого же мнения, – откликнулась Касси. – Скорее всего, судно лежит на левом борту.

– Однако как могло получиться, – удивленно спросил я, – что эти деревянные конструкции не покрыты кораллами и не по-реждены бактериями, хотя они несколько сот лет пролежали под водой?

– Хороший вопрос, – усмехнулась Кассандра с таким видом, как будто заранее знала, что ее об этом спросят. – Думаю, что ничего этого не произошло по той простой причине, что обломки судна вскоре после кораблекрушения оказались полностью покрыты песком, который и защитил их от бактерий и кораллов. Возможно, тот же самый шторм, который потопил корабль, сразу же засыпал его песком, и он без особых повреждений пролежал в своей «могиле» в течение нескольких сотен лет – до тех пор, пока мы его не нашли.

– Понятно. А какие, по-твоему, габариты этого судна?

– По моим расчетам, двадцать четыре или двадцать пять метров в длину и около восьми метров в ширину.

– Эти цифры совпадают с типичными размерами средневековых судов? – осведомился Хатч.

– По правде говоря, я не очень-то разбираюсь в конструкции кораблей того периода. Однако среди нас есть человек, который, по-видимому, знает это лучше остальных. Что скажете, профессор Кастильо?

Оказавшись в центре внимания, профессор смутился и, чтобы выиграть время и немного собраться с мыслями, прокашлялся.

– Начиная с тринадцатого века, – заговорил он голосом лектора, – в Европе получил распространение новый тип судна, который назывался «кока». Англичане, к слову, называли его «кой». Благодаря своему двойному корпусу из соединенных внахлест деревянных конструкций, это судно было очень прочным. В его кормовой части имелась довольно большая надстройка – иногда подобная надстройке, но уже меньших размеров, была и в его носовой части. У него были внутренний руль и одна-единственная мачта... Ни одного судна этого типа до нашего времени не сохранилось, – продолжал профессор, почесывая подбородок, – однако, как удалось выяснить ученым, подобные корабли предназначались для длительных морских путешествий коммерческого характера по Атлантике – например, между Испанией и Исландией. Эти суда вполне были способны доплыть из Европы до здешних вод, если, конечно, на борту имелось достаточно провизии для экипажа. Кроме того, размеры, снятые с затонувшего корабля, полностью совпадают с размерами судов упомянутого типа.

– Прекрасно, профессор, благодарю вас за интереснейшую лекцию, – не без сарказма сказал Хатч. – Похоже, что все признаки указывают на то, что мы нашли корабль, который искали. Поэтому, – Хатч окинул взглядом всех присутствующих, – если никто не хочет больше ничего добавить, мы начнем раскопки прямо сегодня.

Сцепив пальцы в замок, он уперся локтями в столешницу и слегка наклонился в сторону Брауна:

– Мистер Браун, ваша бригада займется удалением песка с помощью вытяжного насоса. Вам нужно будет согласовывать свои действия с мисс Брукс, чтобы она и ее люди могли брать освобождаемые вами из песка предметы и поднимать их сюда, на «Мидас». В вашем распоряжении всего лишь двадцать четыре часа. Ровно через сутки правый борт судна должен быть полностью очищен, чтобы мы могли перейти ко второму этапу нашей работы.

Не меняя положения тела, Хатч повернул голову в мою сторону.

– Вы, мистер Видаль, поступаете в распоряжение мистера Брауна, – сказал он.

Затем Джон посмотрел на профессора:

– Вы, профессор Кастильо, остаетесь на палубе, чтобы заниматься идентификацией и систематизацией всего того, что бригада археологов поднимет на судно.

– С удовольствием, – промямлил профессор, несколько смутившийся от повелительного тона хозяина «Мидаса».

– Итак, господа, готовьте своих людей, а заодно что-нибудь перекусите, потому что нас ждет очень напряженный день. Через два часа вы и ваши люди должны начать работу под водой.

С этими словами Хатч поднялся со своего кресла и вышел из конференц-зала, как всегда, в сопровождении Раковича, от которого с самого момента нашей погрузки на это судно я еще не услышал ни одного слова.

10

После плотного обеда, состоявшего из телячьего филе и жареного картофеля, я вышел на палубу, чувствуя, что готов не только к погружению, но и вообще к чему угодно. Неподалеку от меня лежал уже подготовленный водолазами и смотанный кольцами шланг вытяжного насоса, предназначенного для удаления песка. Один из концов шланга был вставлен в специальную выемку на корме судна, рядом с платформой, с которой мы спускались в воду, а второй лежал на палубе, словно огромная анаконда с разинутой пастью. К нему с двух сторон были прикреплены стальные ручки.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– Думаю, мне не нужно напоминать вам о том, что работа, которой мы сейчас займемся, является довольно сложной, – сказал Браун, обращаясь ко всем водолазам и тем самым отрывая меня от размышлений. – Наша задача заключается в том, чтобы удалять песок и показывать археологам все те предметы, которые мы обнаружим. Помните, что мы ни в коем случае не должны сдвигать эти предметы с того места, где они лежат. Повторяю: наша задача – очистить зону раскопок от песка, и это единственное, что мы будем делать. – Нахмутив брови, он добавил: – Мы сейчас – самые обыкновенные уборщицы, так что, тетеньки, берите пылесос, – сказал Браун, кивнув в сторону шланга. – Принимайтесь за работу!

Мы дружно направились к шлангу, но тут Браун подошел ко мне и, взяв за руку, отвел меня в сторону.

– А ты, Улисс, – твердо произнес он, – начнешь с того, что побудешь, как и сегодня утром, нянькой. Однако всем нам, в том числе и тебе, придется поработать с этим шлангом. Ты когда-нибудь уже сталкивался с вытяжным насосом?

– Только один раз, да и то много лет назад, когда я работал в порту. Однако тот насос был меньше по размерам, и работал я с ним совсем недолго.

– Ну, раз у тебя есть кое-какой опыт, ничего нового я тебе не открою, хотя, конечно, этот насос наверняка помощнее того, с которым ты работал в порту. Это вообще самый мощный вытяжной насос в мире. Ее изготовили по нашему индивидуальному заказу. Он всасывает десять кубических метров песка в минуту. Единственное, о чем я хотел бы тебя попросить, так это быть максимально внимательным и осторожным. – Браун слегка сдавил мне руку и пояснил свою озабоченность: – Несколько месяцев назад один из наших водолазов случайно поставил ладонь прямо перед отверстием шланга, когда насос работал... – Лицо Брауна помрачнело. – Теперь он чешет себя яйца не пальцами, а локтем.

Совместными усилиями и с большой осторожностью мы опустили конец шланга на дно моря и включили насос. Эта машина и в самом деле оказалась очень мощной: она начала всасывать песок с невероятной скоростью. Некоторые из водолазов, перемещаясь в воде у самого дна, принялись устанавливать какие-то вехи, предназначение которых мне было неизвестно, а возглавляемые Кассандрой археологи с настороженным видом передвигались вслед за шлангом, внимательно осматривая очищенную от песка полосу. Они чем-то напоминали охотничьих собак, идущих по лисьему следу. Я, как и утром, расположился в воде на несколько метров выше своих товарищей по погружению и пристально наблюдал за тем, как они работают. По мере того как водолазы освобождали затонувшее судно от песка, его очертания просматривались все лучше и лучше.

Я был всецело поглощен созерцанием происходящего и с восхищением наблюдал, как слаженно работают водолазы и археологи, когда вдруг почувствовал, что откуда-то из-за моей спины доносится легкое жужжание. Оглянувшись, я застыл от ужаса: на расстоянии чуть более метра от моей головы светились два огромных неподвижных глаза и прямо ко мне угрожающе тянулись две длинные лапы с жуткого вида клешнями. Я невольно вскрикнул, и из моего рта вырвалось и поднялось вверх целое облачко пузырьков. Честно говоря, будь я сейчас не на морской глубине, а на суше, то наверняка наделал бы в штаны.

Лишь несколько секунд спустя до меня дошло, что передо мной находится вовсе не чудовище, выплывшее из морской пучины и замышляющее меня сожрать, а всего лишь безобидный ТПА – телеуправляемый подводный аппарат, оснащенный прожекторами, видеокамерами, различными датчиками и парочкой роботизированных рук. Я перевел дыхание и с досадой подумал о том, что сейчас кто-то из сидящих перед монитором в рубке управления едва не лопнул от смеха.

Судя по всему, Хатч не собирался выпускать из виду ни одного этапа подводных работ, и данный аппарат давал ему прекрасную возможность контролировать все, что происходило на дне, при этом даже не прикасаясь к костюму для подводного плавания.

Чтобы работы под водой не прекращались ни на минуту, водолазы и археологи были разбиты на группы, работающие посменно. Браун составил график, в котором он, согласно установленным в военно-морском флоте США нормам

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
времени на декомпрессию, отметил, как долго каждый из нас должен находиться в воде и вне воды. Браун также проинструктировал нас, когда именно нам следует принимать пищу и ложиться спать. Он даже дал рекомендации по поводу того, в какое время желательно принимать душ.

День уже клонился к вечеру, когда вновь настала моя очередь погружаться в воду. Признаться, я весьма скептически относился к работе в полутьме, так как в подобных условиях мы вполне могли либо упустить что-нибудь важное, либо даже повредить какие-то части затонувшего судна. Но ничего не поделаешь, решил я, послушно натянув на себя неопреновый костюм. Затем я надел плавательный жилет фирмы «Скубапро» и, убедившись, что аккумуляторная батарея фонаря полностью заряжена, закрепил на спине «дыхалку». Когда мои приготовления к погружению были закончены, я проковылял классической гусиной походкой аквалангиста к краю платформы. Взглянув на уже коснувшееся линии горизонта солнце, я спустился на воду.

Остальные три человека из моей смены тут же последовали за мной, и я дал им сигнал на погружение. Когда я тоже начал опускаться в глубину и посмотрел вниз, то невольно замер от удивления.

Вся зона проведения работ была прекрасно освещена мощными подводными лампами, установленными на вехах, которые были воткнуты в песок во время моей предыдущей смены. Белый песок загадочно поблескивал под лучами искусственного света, а в центре освещенной зоны виднелась уже едва ли не половина почерневшего от времени корпуса затонувшего корабля. Вокруг него, словно привлеченные светом мотыльки, сновали туда-сюда несколько человек в масках и ластах, что делало эту сцену похожей на кадры из какого-то фантастического фильма.

Ночь прошла в напряженной работе, и мне еще два раза пришлось погружаться в воду и возвращаться на «Мидас», причем последнее возвращение совпало с восходом солнца: из-за линии горизонта медленно выкатывался его красноватый диск. Но когда я плыл по поверхности беспокойного моря в направлении судна, мне было не до красоты природы: все мои мысли были о том, как бы поскорее добраться до койки и заснуть.

Перед следующим погружением мне предстояло спать всего лишь несколько часов, а потому я, побыстрее сняв с себя снаряжение для подводного плавания и придя в свою каюту, на скорую руку вытер голову и тело полотенцем и рухнул на койку, уже не обращая ни малейшего внимания ни на заметно усилившуюся качку, ни даже на храп моего соседа по каюте – профессора Кастильо.

Когда меня разбудил зазвонивший будильник, я, чувствуя, что мои силы уже более-менее восстановились, вскочил с койки, оделся и отправился в столовую, намереваясь покончить там со всеми запасами арахисового масла, какие только имелись на «Мидасе». В столовой я увидел профессора Кастильо и Кассандру: они сидели за одним столом и оживленно о чем-то беседовали. Кивнув им в знак приветствия, я подошел к стойке самообслуживания, взял поднос и начал ставить на него приглянувшиеся мне блюда.

– А профессор мне сейчас кое-что про тебя рассказал, – сообщила Касси, когда я подошел к их столику.

– Мне страшно даже представить, что он мог тебе про меня наговорить.

– Не переживай, Улисс, почти ничего такого, что может заставить тебя покраснеть, – стал оправдываться профессор.

– Судя по произнесенному вами слову «почти», речь шла о каком-нибудь постыдном эпизоде из моей жизни, а вы к тому же наверняка еще и приврали.

– Профессор приврал ровно столько, сколько было необходимо для того, чтобы этот эпизод выглядел смешным. – Касси лукаво покосилась на профессора, а затем обратилась ко мне: – Кстати, как тебе сегодняшняя ночка?

– Она мне показалась целой вечностью, – ответил я и мимикой показал, как сильно устал.

– Не знаю, утешит тебя это или нет, но через пару часов мы рассчитываем закончить удаление песка. У тебя впереди еще одна смена?

– Да, через полчаса мне опять лезть в воду. После таких частых погружений у меня, наверное, скоро из ушей пойдет азот.

– Хм... Это, видимо, будет любопытное зрелище, – усмехнулась Кассандра, с напускным интересом потирая себе подбородок. – Скажешь мне, когда начнет идти азот: я хочу сделать несколько фотоснимков.

– Смейся, смейся. А я вот умру, и тогда тебя будут мучить угрызения совести.

– О чем это вы? – спросил профессор, с недоуменным выражением на лице слушавший наш с Касси разговор.

– А вы разве не занимаетесь подводным плаванием? – удивилась Кассандра.

– Если бы Господу было угодно, чтобы люди плавали под водой, он снабдил бы их жабрами и плавниками, – пробурчал профессор.

– Значит, не занимаетесь, – констатировала, слегка улыбнувшись, Кассандра. Затем она посмотрела на меня и спросила: – Сам объяснишь или мне это сделать?

– Будь так добра.

– Видите ли, профессор, – начала Касси, сцепив пальцы и опершись локтями о стол, – каждый раз, когда мы погружаемся под воду, наш организм впитывает азот и кислород, поступающие из баллонов со сжатым воздухом. После возвращения на поверхность маленькая часть этого азота остается в тканях и затем – в течение нескольких часов – выходит из них. Проблема заключается в том, что если делать очень много погружений подряд и не давать организму достаточно времени для удаления накапливающегося с каждым погружением азота, то это может привести к негативным последствиям.

– Каким именно?

– Ну, это зависит от количества погружений, времени, проведенного под водой, и глубины погружения. Последствия могут быть различными: от простого зуда в конечностях до церебральной эмболии.

Профессор крутнулся на своем стуле и посмотрел на меня с явно обеспокоенным видом.

– Получается, ты сейчас занимаешься тем, что очень вредно для здоровья, да?
– осведомился он.

– Не переживайте, у нас имеются специальные подводные компьютеры и декомпрессиметры, при помощи которых, чтобы не допустить наступления негативных последствий, можно точно рассчитать необходимое соотношение между временем, проведенным на той или иной глубине, и временем, проведенным вне воды, – попытался успокоить я профессора.

– Улисс, надеюсь, ты знаешь, на что идешь. Если с тобой что-нибудь случится, твоя мать меня убьет, причем как минимум два или три.

– Не стоит волноваться, проф, я все держу под контролем, и, кроме того, сегодня больше всего времени придется провести под водой Касси и ее подчиненным. Так что вы уж лучше ей пожелайте быть осторожной. – Внимательно посмотрев на безмятежное лицо Кассандры, я добавил: – Мне очень не хотелось бы, чтобы с ней приключились какие-нибудь неприятности.

Кассандра, в этот момент рассеянно гонявшая ложечку по своей, уже пустой, чашке и уставившаяся на остатки кофе на дне, подняла на меня глаза и ласково улыбнулась.

Я снова опустился на глубину, но теперь уже не при искусственном, а при дневном свете. Когда я взглянул на место проведения работ, мне снова пришлось удивиться происшедшим там переменам. Менее суток назад здесь было лишь нетронутое песчаное дно с прорисовывающимися на его поверхности отдельными почерневшими деревянными обломками. Теперь же перед моим взором

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
предстал полностью очищенный от песка борт корабля, который, как ни странно, был почти неповрежденным – если не считать нескольких отвалившихся частей обшивки, обнаживших похожий на ребро кита шпангоут. Даже для такого дилетанта, как я, теперь было понятно, с какой стороны находится нос, а с какой – корма, и я уже вполне мог различить полубак, возвышающийся на пару метров над палубой.

Еще ни одна находка не вызывала у меня таких сильных эмоций, как эта, и мне был понятен тот энтузиазм, который заставлял археологов – как, например, Касси – проводить свою жизнь, исследуя дно мирового океана. Все вокруг меня казалось каким-то нереальным и даже волшебным, как будто я сейчас сидел в кинотеатре и смотрел фантастический фильм. Мне почему-то не верилось, что нам удалось разыскать судно, о котором еще совсем недавно никто ничего не знал и которое лежало на морском дне, засыпанное песком и всеми позабытое, в самом невероятном для него уголке планеты. Мне даже пришла в голову мысль, что найти этот корабль здесь – это все равно что обнаружить гробницу египетского фараона где-нибудь под Великой китайской стеной.

На этот раз, хотя все еще продолжалось удаление песка, основная работа состояла в том, чтобы снова сделать сотни фотоснимков и доставить их на «Мидас».

Когда мы закончили работу и вынырнули на поверхность, небо было покрыто хмурыми тучами, а вокруг нас резвились волны с белыми барашками. На платформе судна ждала Касси: она без лишних разговоров взяла у нас фотоаппараты и ушла с ними в компьютерный зал, где ее уже ждали программисты.

Когда я с помощью двух членов экипажа «Мидаса» вскарабкался на палубу и стал снимать с себя снаряжение для подводного плавания, ко мне подошел Браун. Изо рта у него торчала огромная сигара.

– Как дела, малыш? – поинтересовался он.

– Хорошо, даже очень. Один борт уже полностью очищен, и мы сделали множество снимков.

– Гениально, – сказал Браун, дружески похлопав меня по плечу. – Мистер Хатч попросил меня передать тебе, что в двенадцать ноль-ноль у нас будет еще одно совещание.

С этими словами Браун повернулся, чтобы уйти.

– Один момент, – произнес я и схватил его за руку. – Я хочу вас кое о чем спросить.

– Валяй.

– Кто управляет ТПА на этом судне?

– Обычно это делает Ракович. А почему ты об этом спрашиваешь?

– Просто из любопытства, – ответил я, подумав, что у мистера Раковича, тенью следовавшего везде за Хатчем (его даже стали дразнить за глаза «тенью»), весьма своеобразное чувство юмора.

Измученный ночной работой под водой и не успевший выспаться, я лежал в полудреме на своей койке в ожидании предстоящего совещания. Взглянув в очередной раз на часы и увидев, что уже десять минут первого, я стремительно поднялся, выскочил из каюты и побежал, спотыкаясь, в конференц-зал. Совещание уже началось, и, услышав, как я вхожу, все повернули головы и посмотрели на меня. Я быстренько прошмыгнул к столу, бормоча какие-то извинения, и сел рядом с профессором. Несколько секунд я чувствовал на себе сердитый взгляд Джона Хатча, который, конечно же, был отнюдь не в восторге от того, что я оказался таким непунктуальным.

– Можете продолжать, мисс Брукс, – сказал он, обращаясь к Кассандре, которая в этот момент стояла у висевшего на стене плазменного телевизора.

– Итак, как я уже доложила, у нас имеется детальное изображение правого

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
борта, – заговорила Касси, произнося английские слова с легким мексиканским акцентом. Она слегка повернулась, чтобы показать пальцем на мозаичное цифровое изображение затонувшего судна. – Таким образом, можно констатировать, что этот борт находится в удивительно хорошем состоянии – и это несмотря на то, что судно пролежало на морском дне несколько столетий. Мы предполагаем, что корабль мог затонуть из-за шторма, так как на нем пока не обнаружено никаких следов столкновения с рифом. Очевидно, во время бури судно сразу же засыпало песком, благодаря чему его поверхности были изолированы от микроорганизмов, которые обычно очень быстро расправляются с древесиной затонувших кораблей.

– Скажите, а во время освобождения судна от песка не было найдено каких-нибудь личных предметов или элементов оснастки судна? – спросил профессор Костилио, преодолев робость, которая охватывала его во время подобных совещаний. – Я спрашиваю об этом, поскольку мне до сих пор не показали ни одного такого предмета.

– Таких предметов пока не обнаружено, но в этом нет ничего странного. Когда корабль тонет и переворачивается на борт, наиболее тяжелые предметы, такие, как оружие, монеты и керамика, соскальзывают с палубы, опускаются на дно раньше судна и со временем увязают в донном песке все глубже и глубже. Поэтому вполне возможно, что они погребены еще более глубоко, чем само судно.

– Итак, – вмешался Хатч, – если у мисс Брукс нет возражений, мы перейдем к стадии подъема содержимого корабля.

Поднявшись с кресла и подойдя к висевшему на стене телевизору, он встал с другой его стороны.

– Сегодня во второй половине дня нам предстоит вырезать в борту судна квадратное отверстие со стороной в один метр вот в этом месте, где, как мы предполагаем, находится главный трюм, – сказал Хатч и ткнул пальцем в какую-то точку на темнеющем на экране корпусе судна. – Затем мы установим защитную рамку, чтобы не допустить образования трещин в борту, и введем в это отверстие ТПА с включенной видеокамерой.

Хатч с довольным видом окинул взглядом всех присутствующих. В глазах хозяина «Мидаса» светилась алчность.

– Господа, – торжественно произнес он, – нам предстоит узнать, что же приготовил для нас Санта Клаус!

11

Всех, кто находился на судне, охватило нервное напряжение. Сидя во время обеда в столовой, люди смотрели не столько в свою тарелку, сколько куда-то в пустоту. Признаться, то же самое делал и я, то есть таращился в пустоту. Несмотря на то что вчерашний день был очень тяжелым и не менее тяжелым обещал быть день сегодняшний, я почти не притронулся к еде. На душе у меня было очень тревожно... Впрочем, не у меня одного: сидевшие со мной за одним столом профессор Костилио и капитан Престон тоже почти ничего не ели.

– Так всегда бывает в подобной ситуации, капитан? – поинтересовался я у Престона.

– Лишь непосредственно перед началом операции по подъему содержимого судна, – задумчиво ответил тот. – Самое худшее – это неопределенность. Как только нам удастся выяснить, что же находится в трюме затонувшего корабля, обстановка станет гораздо менее напряженной. Причем, независимо от того, что мы там обнаружим.

– И что же там может находиться? Каково ваше мнение? – спросил профессор.

– Мое мнение заключается в том, что в подобном случае лучше не иметь никакого мнения. Я уже много лет работаю в этой сфере, а потому знаю, что можно ожидать чего угодно. – Престон сделал паузу и перевел взгляд на потолок. Через несколько секунд он продолжил: – Помнится, восемь лет назад мы занимались одним судном в территориальных водах Кубы. Как выяснилось, это был пиратский корабль семнадцатого века. Его трюм был забит награбленным у испанцев серебром. Хатчу удалось договориться с

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
правительством Кастро о том, что все ценное, найденное на этом судне, будет разделено между ним и нами поровну. После трех месяцев подготовительных работ и недели напряженного труда под водой – мы тогда, кстати, даже потеряли одного человека, – в тот самый момент, когда мы поднимали на борт «Мидаса» первый слиток серебра, появился кубинский фрегат. Он сделал по нашему судну предупредительный холостой выстрел, и нам не оставалось ничего другого, как побыстрее поднять своих водолазов на борт и убраться подобру-поздорову.

– Вот так дела! И что, вы остались совсем ни с чем?

– Да нет, кое-что мы с собой все-таки увезли: покрытую коралловыми наростами бронзовую бомбарду. Возможно, вы ее уже видели: она стоит у входа в центральный офис «Хатч Мэрин Эксплорейшнз»... – Усмехнувшись, Престон добавил: – Она теперь используется в качестве горшка для роз.

Я невольно почувствовал уважение к стоицизму старого моряка. И тут мне вспомнилось, что еще вчера я хотел кое о чем спросить у него.

– Простите мне мое невежество, капитан, но не могли бы вы объяснить, как это «Мидас» умудряется находиться на одном и том же месте, если с него не сбрасывают якорь?

– А-а... Я вижу, ты наблюдательный. А ведь это замечают далеко не все, – сказал Престон, поднимая брови. – Какое тебе дать объяснение: короткое или длинное?

– Давайте начнем с короткого.

– Тут все дело в колдовстве.

– Хорошее объяснение, – усмехнулся я. – Теперь давайте перейдем к длинному.

– Это судно, – с гордым видом начал объяснять Престон, – как тебе, наверное, уже не раз говорил Джон, оснащено самыми что ни на есть новейшими корабельными системами. У нас есть высокоточная спутниковая система определения местоположения, суперсовременные средства связи, активные и пассивные радары, а также новейшие устройства компании «Рэйтеон», которые позволяют обнаруживать объекты, определять их местонахождение и отслеживать их движение. В этом отношении наше судно оснащено лучше любого военного корабля из всех, какие существуют в мире. Однако наибольшую гордость, – сказал Престон и выпрямился на своем стуле, – у меня вызывает система автоматического сохранения положения в пространстве. Используя информацию, поступающую от системы определения местоположения, главный компьютер нашего судна непрерывно определяет, в какой именно точке земного шара находится «Мидас», при этом ошибка составляет всего лишь несколько дюймов. От этого компьютера непрерывно подаются команды на множество маленьких гребных винтов, расположенных на киле, благодаря которым судно сохраняет свое положение в пространстве вопреки всем ветрам и течениям. Так что у нас уже нет необходимости в якорю, тем более что его невозможно использовать на очень большой глубине. Да и якорная цепь может оборваться в самый неподходящий момент.

– Я даже представить себе не мог, что существуют подобные технологии, – не скрывая своего изумления, сказал я и восхищенно покачал головой.

– Сама по себе подобная технология не является новой, – с неожиданно равнодушным видом произнес капитан, – однако мы довели эффективность ее использования до максимума. Как я тебе уже говорил, – Престон снова приосанился, – «Мидас», по всей видимости, является самым технически совершенным судном в мире.

После не очень плотного обеда возглавляемая Кассандрой группа археологов в сопровождении трех водолазов спустилась с платформы в воду и стала медленно погружаться, оставляя после себя облачка пузырьков выпускаемого из плавательных жилетов воздуха. Остальные водолазы – в том числе и я, – проводив бригаду Кассандры, принялись с помощью имеющегося на левом борту судна подъемного крана опускать в воду ТПА «Фантом IV», изготовленный компанией «Дип Оушн Инжиниринг», – тот самый телеуправляемый подводный аппарат, который днем раньше нагнал на меня столько страха.

Как только закончилась работа на палубе, я немедленно отправился в рубку, из которой управляли ТПА. Рубка на «Мидасе» представляла собой небольшое помещение и сейчас была битком набита людьми. Капитан Престон, Браун, профессор, двое водолазов, Ракович и, конечно же, Хатч – все они напряженно всматривались в изображение, поступающее на монитор с камеры ТПА. Как мне и говорил Браун, управлял аппаратом Ракович: он использовал для этого незатейливый джойстик, который был вмонтирован в металлический ящик с множеством различных кнопок. Прибор был установлен перед маленьким пятнадцатидюймовым экраном, на который, кроме цветного изображения, выводилась также различная текущая информация о ТПА: его скорость, направление движения, сведения о глубине погружения и положении в пространстве.

Когда ТПА опустился на десятиметровую глубину, были включены его прожекторы. Неожиданно вспыхнувший яркий свет не на шутку перепугал проплывавшую в этот момент прямо перед прожекторами маленькую каракатицу. Когда аппарат приблизился к затонувшему судну, водолазы уже просверлили дрелью в его корпусе несколько отверстий и вставили в них длинные раздвижные крюки, с обратной стороны которых имелись своеобразные по форме ручки. Затем они достали из сумки механическую пилу. Я с удивлением увидел, как они всего лишь за каких-нибудь пять минут выпилили в борту корабля квадрат со стороной примерно в один метр и затем, используя крюки, отделили выпиленный квадратный «кусочек» от остального борта. А еще я увидел, как Кассандра, которую легко можно было отличить от всех остальных по светло-русой косичке, внимательно следила за каждым движением своих товарищей, то и дело оглядывающихся на нее и жестах спрашивающих разрешения на те или иные действия. Как только в борту появилось аккуратно сделанное отверстие, Кассандра подплыла к нему вплотную, потрогала его края ладонями и затем подала сигнал водолазам, чтобы те установили рамку из раздвижных алюминиевых пластин точь-в-точь по периметру отверстия.

Когда рамка была установлена, находившиеся у затонувшего судна археологи и водолазы отплыли в сторону, а Касси через видеокамеру ТПА жестом дала знать Раковичу, что настал его черед. Ракович, медленно перемещая ТПА, расположил его прямо напротив отверстия, сделанного в борту корабля. Все, кто сейчас находился в рубке управления, невольно затаили дыхание, когда Ракович двинул джойстик вперед и ТПА устремился в черное чрево затонувшего судна, пролежавшего здесь, на морском дне, несколько веков. Вместе с ТПА туда мысленно устремились и мы.

Передние прожекторы ТПА высветили довольно узкий проход, в котором аппарату почти негде было маневрировать. Ракович двигал его в этом тесном пространстве очень осторожно. Пока на экране монитора нельзя было разглядеть ничего, кроме деревянных перегородок и сотен небольших округлых камней на дне.

– Эти камни использовались в качестве балласта, – прошептал Хатч, словно догадавшись о возникшем у меня вопросе. – Теперь нам нужно найти отверстие, ведущее в грузовой трюм.

ТПА продолжал двигаться вперед с вызывающей тоску медлительностью, пока наконец прямо перед ним, преграждая ему путь, не появились несколько сложенных одна на другую толстенных деревянных досок.

– Лестница... – сказал Хатч, сдерживая волнение.

Я поначалу ничего не понял, но затем, когда картинка на экране переместилась чуть-чуть вправо, я заметил, что эти доски были ступеньками лестницы, которую с первого взгляда мне не удалось разглядеть.

ТПА стал разворачиваться вправо и вскоре высветил своими прожекторами не закрытое люком входное отверстие. Он устремился в это отверстие и оказался в более просторном помещении, куда уже несколько сот лет не попадал ни единый лучик света. Аппарат начал крутиться вокруг своей оси, пока в поле зрения его видеокамеры не попала маленькая деревянная дверь. Ракович приблизил ее изображение с помощью зума видеокамеры, и в свете прожекторов стало видно, что на двери висит огромный ржавый замок.

– Ну наконец-то! – воскликнул, не сдержавшись, Хатч. – Направь его к этой двери.

ТПА на этот раз двигался намного быстрее, словно проникся энтузиазмом своего хозяина, хотя управлявший аппаратом Ракович с самого начала работы с ним проявлял не больше эмоций, чем каменная статуя. Что касается остальных, то все, кто наблюдал сейчас за ТПА, стояли, сжав от волнения кулаки и обливаясь потом. Казалось, мы даже слышали, как колотятся наши сердца, гонящие по артериям кровь в два раза быстрее, чем обычно. Тем временем ТПА приблизился к двери, и не успел я даже задаться вопросом, каким же, черт возьми, образом он проникнет через эту закрытую дверь, как в правой части поля зрения появилась одна из металлических «рук» телеуправляемого аппарата, которая ловким движением схватила замок своей клешней. Затем мы увидели, как появилась вторая «рука»: она уперлась в обрамление двери. Получив на свой немой вопрос одобрительный кивок Хатча, Ракович нажал какие-то кнопки – и дверь с проржавленным замком под давлением клешней разлетелась на части. Когда замутившая воду тучка из частичек ржавчины и щепок осела, ТПА своими клешнями оттолкнул в сторону то, что осталось от двери, проплыл над ее порогом и осветил прожекторами находившееся за ней помещение.

В рубке тут же раздались несколько сдавленных нечленораздельных возгласов, и только профессор – да и то лишь через несколько секунд – сумел произнести хоть какие-то слова:

– Нет, этого не может быть...

Несмотря на недостаточно четкое изображение, каждый из нас мог различить валяющиеся в трюме старинные металлические предметы как гражданского, так и военного предназначения: серпы, плуги, клинки топоров, шпаги, кирасы, шлемы и многие-многие другие проржавевшие железяки, сваленные по периметру трюма в беспорядочные груды.

Получалось, что мы сделали важное археологическое открытие – нашли затонувшее старинное грузовое судно, прекрасно сохранившееся и набитое изделиями своей эпохи. Однако искали мы здесь нечто совсем другое...

Как неоспоримое подтверждение нашей ошибки, в правом нижнем углу поля зрения отчетливо был виден тяжелый аркебуз – огнестрельное оружие, появившееся намного позже эпохи тамплиеров.

12

На этот раз все сидевшие в конференц-зале мрачно смотрели куда-то вниз, будучи не в силах оправиться от пережитого несколько часов назад разочарования. Клайв Браун покусывал кончик своей потухшей сигары, словно пытаясь тем самым ослабить охватившее его нервное напряжение. Взгляд Кассандры скользил вдоль затейливых волокон древесины стола. Капитан Престон, когда мы случайно встретились с ним глазами, поднял брови и грустно улыбнулся, как бы говоря мне: «Я же тебя предупреждал». Хатч, по правую руку которого сидел, словно каменная статуя, Ракович, уже в третий или даже четвертый раз перечитывал краткий отчет, переданный ему несколько минут назад Кассандрой. Профессор Кастильо внимательно рассматривал через лупу цифровую фотографию содержимого грузового трюма затонувшего судна, сделанную при помощи ТПА.

– Тут не может быть никаких сомнений, – подавленно произнес профессор, нарушая напряженную тишину. – Это кремневый аркебуз, скорее всего испанский, изготовленный в шестнадцатом или семнадцатом веке. – Переведя взгляд с фотографии на Хатча, он добавил: – Несмотря на ржавчину, данный предмет можно со стопроцентной уверенностью идентифицировать как аркебуз, из чего следует однозначный вывод: найденное нами судно отнюдь не является кораблем тамплиеров начала четырнадцатого века.

– Таким образом, вы полностью согласны с предварительным отчетом, составленным мисс Брукс? – уточнил Хатч.

– Да, полностью, – кивнув, ответил профессор.

– Прекрасно... – пробормотал Хатч, и его губы скривились в усмешке.

Чтобы избавиться от накопившегося напряжения, он несколько раз наклонил голову то в одну, то в другую сторону. Затем он снова устался на лежавший

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
перед ним на столе документ и тихим голосом спросил:

– Кто-нибудь может дать объяснение тому, что произошло?

Все присутствующие, конечно же, продолжали сидеть молча, поскольку не имели ни малейшего представления о том, почему наши усилия закончились провалом. По всем признакам сокровища тамплиеров должны были находиться именно на этом затонувшем судне (не хватало разве что старинной карты, на которой их местонахождение было бы обозначено крестиком), но их там почему-то не оказалось. Обнаруженный нами корабль, как выяснилось, был вовсе не судном тамплиеров, и это вызвало у людей намного больше отчаяния и разочарования, чем если бы мы вообще ничего не нашли на морском дне. При других обстоятельствах члены экспедиции отметили бы подобную находку распитием шампанского и взаимными поздравлениями, однако в данной ситуации наши чувства были иными. С самого начала мы настроились на то, чтобы найти корабль, трюмы которого были бы набиты слитками золота и серебра, драгоценными украшениями и камнями. Теперь же, обнаружив вместо этого какие-то ржавые предметы труда и кое-что из оружия, мы все пришли в уныние.

– А не могло ли случиться так, – робко предположил я, – что судно, которое мы искали, оказалось за пределами исследуемой нами зоны или же что мы его просто не заметили?

– С тем оборудованием, которое у нас имеется, не заметить затонувшее судно просто невозможно, – спокойно возразил Хатч. – Любой железный предмет, даже покоящийся глубоко в песке, был бы обязательно обнаружен. Что касается предположения, что затонувший корабль тамплиеров мог оказаться за пределами исследуемой нами зоны, то это, в общем-то, возможно, но маловероятно. Начавшее тонуть деревянное судно, трюмы которого доверху набиты тяжелыми предметами, тонет очень быстро, а не тащится еще несколько миль по морю. Если же колокол, который ты нашел, – сказал Хатч, откинувшись на спинку кресла, – оказался в море не в результате кораблекрушения, а по другой причине, то это чертово судно может сейчас лежать на дне в какой угодно точке Карибского моря, – если оно вообще затонуло.

– А может, все-таки стоит попытаться немного расширить зону поиска? Вдруг нам повезет? – не унимался я.

– Улисс, – с досадой произнес Хатч, нетерпеливо заерзав в кресле, – наши расчеты относительно возможного смещения в результате воздействия ветров и течений не могут быть ошибочными. Нет смысла продолжать поиски корабля, в существовании которого мы не уверены. К тому же мы толком не знаем, где именно он должен находиться.

– Тем не менее я считаю, что...

– Мистер Видаль! – грубо перебил меня Хатч, у которого, похоже, начали сдавать нервы. – Почему, по-вашему, мы работали двадцать четыре часа в сутки? У меня самое лучшее в мире поисковое судно, самые лучшие технологии, самые лучшие специалисты по поиску затонувших кораблей, но, как следствие, и самые высокие затраты на единицу времени. Каждый день поисковых работ стоит больших денег! – Хатч, нахмурившись, наклонился в мою сторону и процедил сквозь зубы: – Проработать безрезультатно целую неделю – это для меня очень дорого. Месяц такой работы – и я банкрот. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Конечно, понимаю, – ответил я, начиная злиться: назидательный тон Хатча ужасно раздражал меня. – Но разве можно считать нашу работу безрезультатной, если мы обнаружили затонувшее четыреста лет назад судно? Не продлить поиски еще на несколько дней, раз уж мы находимся здесь, было бы крайне глупо!

Лицо Хатча покраснело от прилива крови. Едва сдерживая гнев, Джон поднялся со своего кресла, и мне на какой-то миг показалось, что у него сейчас начнется нервный припадок. Однако босс сумел взять себя в руки: очень медленно опустившись в кресло, он на несколько секунд закрыл глаза. Когда он снова открыл их и уже гораздо более спокойно заговорил со мной, о его недавней ярости напоминали лишь слегка искривленные губы.

– Я – профессиональный охотник за сокровищами, – устало произнес он, – причем, несомненно, самый лучший в мире. Но ни в коем случае не сборщик

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
металлолома и не антиквар. Я не вижу для себя оснований вступать с вами в дискуссию относительно моих решений. И потом, я даже не знаю, зачем вы вообще находитесь в этом зале... – Хатч тяжело вздохнул и обратился к остальным присутствующим: – Если никто не хочет что-либо добавить, то...

– А я согласна с Улиссом, – внезапно раздался уверенный женский голос.

– Откровенно говоря, мисс Брукс, мне на ваше мнение наплевать. Здесь вам не демократия. Это моя фирма, мое судно и моя экспедиция, так что решения принимаю исключительно я. И хочу поставить вас всех перед фактом: мы возвращаемся в Ки-Уэст. Мистер Браун, – Хатч исподлобья посмотрел на своего «главного водолаза», – я даю вам время до завтрашнего полудня на то, чтобы вы подняли на борт все наше оборудование. В четырнадцать часов мы отсюда уходим. Все, конец совещания.

Хатч резко поднялся с кресла и вышел из конференц-зала. Вслед за ним тут же устремился Ракович, успевший, тем не менее, пристально посмотреть на меня своими серыми глазами... И взгляд его был отнюдь не дружелюбным.

Дверь за Хатчем и Раковичем захлопнулась с такой силой, что из глубины конференц-зала откликнулось эхо. Однако не успело это эхо затихнуть, как я отчетливо услышал голос Кассандры.

– Придурок... – проворчала она, сердито посмотрев на закрывшуюся за Хатчем дверь.

Подойдя к серой двери каюты номер семь, я постучал по ее металлической обшивке костяшками пальцев, не произведя при этом почти никакого звука. Тем не менее с другой стороны двери тут же раздался голос:

– Кто там?

– Это я, Улисс.

– Заходи, не заперто.

Толкнув тяжелую дверь, я зашел в каюту и увидел, что Кассандра лежит на койке в коротких штанишках и облегающей футболке и держит в руках книгу. Кивнув мне, она поспешно сняла маленькие наушники плеера.

– Надеюсь, я тебе не помешал, – сказал я, отдавая дань вежливости.

– Вовсе нет. Ты мне никогда не мешаешь.

– А что ты слушала?

– Джаз, он помогает мне расслабиться, – ответила Кассандра. – Присаживайся, дружище, не стой, как столб. – Она показала мне на придвинутое к письменному столу кресло на колесиках.

– С тобой все в порядке? – спросил я, переставляя кресло к ее койке и устраиваясь в нем. – Почему ты не пришла на ужин?

– Просто мне не хотелось встречаться с Хатчем, – объяснила Кассандра, презрительно скривив губы. – Хотя, признаться, мне бы не помешало перекусить.

– Ну так я и принес тебе кое-что, – сказал я, доставая из карманов апельсин и яблоко.

– Ты – просто золото, Улисс. – Кассандра чмокнула меня в щеку и положила принесенные мною фрукты на прикроватный столик. – Скажи, а что привело тебя в мое скромное жилище? – поинтересовалась она, снова растянувшись на койке.

В этот момент Касси показалась мне необычайно красивой. Ее светлые волосы, струящиеся по плечам, нежное лицо, не тронутое косметикой, пронзительный взгляд, от которого я ощущал легкую дрожь в коленках, – весь ее облик вызывал у меня искреннее восхищение.

– Видишь ли, – смущенно пробормотал я, словно опасаясь, что Касси может

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
прочитать мои мысли, – я чувствую себя виноватым в том, что произошло сегодня в конференц-зале. Началось все с меня, а пострадала в конечном счете ты.

– А почему ты решил, что я пострадала? – спросила Кассандра, нахмутив лоб.

– Ну... я имел в виду, что из-за моего упрямства ты едва не поругалась с Хатчем. Мне очень не хотелось бы, чтобы по моей вине у тебя возникли какие-то проблемы.

– А-а, ну тогда можешь не переживать, потому что я больше не собираюсь работать на этого ублюдка. Сегодняшняя перепалка – это далеко не первый подобный инцидент. С меня хватит. – Кассандра протянула руку и положила ладонь на мое колено. – Так что успокойся, я в любом случае пошлю Хатча ко всем чертям уже в ближайшие дни. Я – археолог, а не расхитительница могил.

– Не знал, что тебя мучает эта дилемма.

– А как же ей не мучить меня? – встрепелась Касси. – Ты ведь и сам, наверное, заметил, что Хатча интересует только золото. Он без зазрения совести разнесет в щепки даже уникальное древнее судно, если только заподозрит, что внутри него может находиться что-то ценное. Меня он использует всего лишь потому, что я в этом деле являюсь наиболее эффективным орудием для достижения его корыстных целей, а не потому, что для него имеет какое-то значение подводная археология.

Мы оба замолчали, и я стал размышлять, думает ли Касси сейчас о том же самом, что и я. Возможно, я ошибался, но ведь она, как и многие члены экспедиции, оказалась на этом судне из-за собственной алчности.

– И что ты собираешься делать? – наконец спросил я.

– Что ты имеешь в виду? Как я собираюсь жить дальше? Я кивнул.

– Понятия не имею, дружище. По правде говоря, я еще никогда всерьез не задумывалась о будущем. Я просто занимаюсь тем, чем мне нравится заниматься сейчас, а вот что со мной будет в будущем... Что будет, то и будет.

Я внезапно подумал, что Кассандра нравится мне все больше и больше.

– А тебе хотелось бы, прежде чем мы отсюда уплывем, взглянуть на то место, где я обнаружил колокол? – спросил я, меняя тему. – Риф, уверяю тебя, очень живописный, а у нас завтра свободный день...

– Еще бы! Я уже давным-давно не плавала под водой ради собственного удовольствия. – Снова положив ладонь на мое колено, Кассандра осведомилась: – В котором часу мы туда отправимся?

Впервые с тех пор как мы покинули Флориду, небо стало лазурно-синим и абсолютно безоблачным. Казалось, Карибское море радуется тому, что люди прекратили ковыряться в его дне и скоро уберутся восвояси. Поверхность воды стала безмятежно-спокойной, и где-то далеко на юге даже начали проглядывать смутные очертания одного из мысов гондурасского берега. На часах не было еще и девяти утра, а потому жара еще не ощущалась, однако, судя по безоблачному небу и полному отсутствию ветра, нас ожидал знойный тропический день.

Я возился со своим снаряжением для подводного плавания, когда появилась – тоже со снаряжением в руках – Кассандра, на которой был не очень-то скрывающий тело купальник.

– Добрый день! – поздоровалась она и приветливо улыбнулась.

– Добрый день! – ответил я, стараясь не пялиться на соблазнительные части ее тела. – Ты не будешь надевать неопреновый костюм?

– Нет. Думаю, сегодня обойдусь без него. Неужели тебе не нравится мой купальник? – На ее губах заиграла лукавая улыбка.

– Да нет, пожалуй, нравится, – смущенно ответил я. Увидев, что я покраснел,

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Касси громко рассмеялась.

– Мне приятно осознавать, что я тут не единственная, кого можно вогнуть в краску.

Мы продолжали шутливо болтать, прилаживая баллоны со сжатым воздухом к своим плавательным жилетам и подсоединяя регуляторы.

– К сожалению, нам придется некоторое время плыть на поверхности, потому что риф находится довольно далеко, – сказал я, когда почти все уже было готово и мне оставалось только прикрепить на запястье декомпрессиметр.

– Что значит «далеко»?

– Примерно полмили в этом направлении. – Я махнул рукой, указывая на восток.

– А-а... – Касси задумчиво потерла себе подбородок. – Подожди-ка минутку, у меня появилась кое-какая идея. Жди здесь, – с этими словами Кассандра развернулась и поспешно куда-то ушла.

Через пару минут она вернулась с двумя черными пластиковыми чемоданами в руках. Аккуратно поставив их на палубу, Касси раскрыла один из них и стала показывать мне его содержимое.

Посреди заполнителя из серой пластиковой пены, повторяющей очертания хранящихся в чемодане предметов, лежал черный цилиндр с небольшим пультом управления и гребным винтом, диаметр которого был приблизительно двадцать сантиметров. На цилиндре виднелся логотип компании «Эдвансед Дайвинг Текнолоджи».

– А это еще что за чертовщина?

– Это тебе не чертовщина, а новейшая модель подводного буксировщика. Его можно прикрепить к баллону со сжатым воздухом. Таким образом, руки у тебя останутся свободными и ты можешь делать ими что угодно. Так что тебе не придется возиться с этим устройством, как с обычным громоздким буксировщиком, и ломать себе голову, куда же его девать, когда разрядится аккумуляторная батарея. Кроме того, он весит меньше пяти килограммов и управляется всего лишь одним пальцем – при помощи вот этого пульта. Данный буксировщик – последний «писк» в технологии подводного плавания, и он стоил Хатчу немалых денег, но мы с тобой... – Кассандра с коварным видом посмотрела на меня и закончила: – Мы с тобой не постесняемся самовольно взять это надежное устройство и совершить с его помощью прогулку по морю.

Когда мы плыли к рифу, царившую под водой естественную тишину нарушал лишь легкий гул наших маленьких гребных винтов. Касси находилась справа от меня. В ее левой руке поблескивал небольшой металлоискатель, который она прихватила с собой «на всякий случай». Подталкиваемые вперед электродвигателями, мы плыли в направлении рифа, а под нами, совсем неглубоко, белело песчаное дно. Наше появление напугало наполовину зарывшегося в песок маленького ската, и он, отчаянно метнувшись куда-то в сторону, быстро исчез. Чуть позже нас окружил и плыл некоторое время бок о бок с нами косяк из бесчисленного множества малюсеньких серебристых рыбок. Косяк был похож на огромное переливающееся кольцо, в центре которого и оказались мы с Кассандрой.

Когда мы уже подплывали к коралловому рифу, я с усмешкой подумал, что по иронии судьбы затеянная мной авантюра по поиску затонувшего корабля тамплиеров закончится как раз в том месте, где она и началась менее месяца назад.

Мы с Кассандрой стали плавать между округлых выступов кораллового рифа, напомилавших большие полушария человеческого мозга, а затем в шутку погнались за осьминогом, который, спасаясь от нас бегством, выпустил в нашу сторону струю темной жидкости. Она тут же превратилась в небольшое облачко, скрывшее его от нас. А еще мы поиграли с морской черепахой, приплывшей на коралловый риф, чтобы избавиться здесь от мучающих ее паразитов. Коралловые рифы являются той частью мирового океана, где разнообразие форм жизни и расцветки живых существ достигает своего максимума. Что касается этого

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
кораллового рифа, который находился посреди огромного пространства бесплодного песчаного дна, то он напомнил мне оазис в африканской саванне, куда в поисках пищи и пристанища устремляются со всей прилегающей округи всевозможные живые существа, являющиеся друг для друга либо хищником, либо добычей.

Наблюдая за тем, как моя спутница пытается выманить из укрытия пугливого лангуста, я вдруг краем глаза заметил, что к нам стремительно приближается какая-то тень. Резко повернув голову, я увидел, что эта тень – не что иное, как огромная акула-бык.

Я поспешил к Кассандре, пытаюсь защитить ее от страшного хищника и чувствуя при этом, что мои движения стали такими же заторможенными, как при замедленных съемках. Касси, которая еще не заметила акулу, по всей видимости, подумала, что я вдруг ни с того ни с сего решил на нее наброситься, а потому, защищаясь, вытянула в мою сторону руки и, ударив меня коленкой в живот, отпрянула назад. Я заметил, как в ее глазах засветился страх. Однако этот страх очень быстро превратился в ужас, когда четырехметровая акула, чиркнув плавником по баллону со сжатым воздухом, проплыла всего лишь в нескольких сантиметрах от ее маски.

Очень быстро оправившись от охватившего ее ужаса, Касси решила взять инициативу в свои руки и, когда я снова приблизился к ней, показала мне рукой на выступ кораллового рифа, за который мы могли спрятаться.

Быстро подплыв к этому выступу, я подумал, что мне, пожалуй, еще никогда не приходилось сталкиваться с таким необоснованно агрессивным поведением акулы. Хотя, как известно, взрослая акула-бык вырабатывает столько же тестостерона, сколько и слон-самец во время брачных игр, акулы данного вида редко нападают на ныряльщиков, а тем более в столь откровенно агрессивной манере. Кроме того, проработав на этом рифе в течение нескольких месяцев, я видел возле него, да и то довольно редко, лишь пятнистых акул, причем они никогда не создавали особых проблем ни мне, ни моим клиентам. Однако все это было в прошлом, а сейчас у меня вдруг возникла очень серьезная проблема – проблема, которая весила около четырех центнеров и была снабжена острыми зубами, напоминающими зубья механической пилы. Самое же худшее в данный момент заключалось в том, что я не заметил, куда это чудовище подевалось, и, соответственно, не знал, с какой стороны следует ожидать его следующего появления.

Мы с Кассандрой притаились, прижавшись к поверхности рифа, хотя, конечно, понимали, что рано или поздно нам придется покинуть свое убежище. Акула могла ждать бесконечно долго, а мы – нет.

После пары минут напряженного ожидания, так и не заметив каких-либо признаков присутствия акулы поблизости рифа, я решил слегка высунуться из-за выступа, за которым прятался, чтобы проверить, а не уплыла ли эта зубастая тварь восвояси – так же неожиданно, как и появилась. Я повернулся на сто восемьдесят градусов и оказался лицом к лицу, а точнее, маска к маске с Кассандрой, которая, не понимая, что я задумал, с силой сжала мне руку. Я жестами объяснил ей, что собираюсь отправиться на «вылазку» и хочу, чтобы она прикрыла мой «тыл». Касси в ответ кивнула, и я, чувствуя, как бешено колотится мое сердце, оттолкнулся от поверхности рифа и медленно поплыл вверх.

То, что произошло со мной в следующую секунду, можно вкратце охарактеризовать как кошмар, вызвавший у меня смятение и панику.

Едва я отделился от рифа, как буквально на расстоянии ладони от моего носа появилась огромная открытая пасть, в которой топорщились несколько рядов острых, как ножи, зубов, и пасть эта явно намеревалась откусить мне голову. К счастью, я все еще держал Кассандру за руку, и это дало мне возможность, еще крепче вцепившись в ее кисть, изо всех сил рвануться вниз. Через долю секунды я услышал, как где-то прямо над моим затылком щелкнули друг о друга зубы мощных сомкнувшихся челюстей. Морское чудовище снова стремительно пронеслось над нашими головами, а затем, отплыв от рифа на пару десятков метров, резко развернулось и медленно, но решительно снова направилось к нам, обнажив свои ужасные челюсти.

Ситуация становилась критической. Мы лежали на коралловом рифе, прижавшись к его поверхности, но стоило нам хоть немного от него отплыть, как мы вновь

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
могли оказаться в полной власти страшного морского хищника. Однако мы понимали, что покинуть этот риф нам необходимо еще до того, как в баллонах закончится воздух... Если, конечно, мы доживем до этого момента. Я посмотрел на Кассандру, искренне жалея, что впутал ее в непредвиденную передерягу, но именно в это мгновение у меня в голове родился план. Поразмыслив несколько секунд и не придумав ничего лучше, я достал маленький нож, прикрепленный ремнем к моей голени, и сделал небольшой надрез на ладони. Затем я покинул наше ненадежное убежище, будучи уверенным, что мое появление в открытой воде и запах крови отвлекут все внимание акулы на меня и в результате у Кассандры появится возможность спастись бегством. Я в последний раз взглянул на Касси, сделав знак – глупейший в данной ситуации, – чтобы она не волновалась, а сам направился к противоположному краю рифа, стараясь увлечь за собой огромную акулу.

«Так просто тебе, скотина, меня не взять», – подумал я и, включив буксировщик на максимальную мощность, поплыл к небольшой нише, образованной в рифе. Это углубление находилось неподалеку от того места, где когда-то – как мне сейчас казалось, в моей прошлой жизни – я нашел бронзовый колокол, из-за которого мы с Касси были вынуждены теперь спасать свою жизнь. Скользя над поверхностью рифа, я лихорадочно искал глазами какую-нибудь железяку или другой прочный предмет, который можно было бы использовать в качестве оружия. Несмотря на мои усилия, ничего такого мне найти не удалось, потому что в свое время мы, инструкторы по подводному плаванию, работавшие на Утиле, при подготовке к туристическому сезону тщательнейшим образом очистили этот риф от всякого барахла. И вот теперь наши усилия могли привести к крайне печальным последствиям.

Акула затаилась всего в каком-нибудь десятке метров от меня. Хищница обнажила зубы и слегка выгнула спину, что однозначно свидетельствовало о том, что она подготовилась к нападению. Я успел подплыть к нише, в которой намеревался спрятаться, однако из-за буксировщика, прикрепленного к моему баллону со сжатым воздухом, мне удалось влезть в нее только наполовину, так что мои ноги остались снаружи, в полном распоряжении агрессивно настроенной акулы. В таком положении оставаться, конечно, было нельзя, но времени, чтобы отцепить буксировщик от баллона, у меня уже не было. Поэтому с быстротой, выработанной многолетним опытом обращения со снаряжением для подводного плавания, я стащил его с себя и буквально за одну секунду забрался в углубление. Наружу я выставил буксировщик, баллон со сжатым воздухом и плавательный жилет, оставив у себя в нише только регулятор, соединяющий мой рот с баллоном со сжатым воздухом. Теперь мне оставалось лишь молиться, чтобы плавающая неподалеку зубастая тварь не додумалась вырвать у меня этот баллон.

А еще мне очень хотелось надеяться, что Кассандра сумеет убраться отсюда подальше и спасется, потому что ситуация становилась все более критической. Акула медленно плыла взад-вперед всего в нескольких метрах от меня, словно размышляя, как бы ей выманить меня из укрытия и сожрать. Кровь, вытекающая еле заметной струйкой из пореза на моей ладони и дразнящая ее обоняние, а также уязвимость моего положения настолько сильно привлекали акулу, что она вряд ли решила бы отказаться от столь легкодоступной добычи и уплыть. Я понял, что надо срочно придумать, как отпугнуть кровожадную хищницу, – в противном случае мне придется на себе испытать силу ее челюстей.

Мой маленький нож против такой огромной рыбины был абсолютно бесполезен, да и лапами ее тоже вряд ли можно было испугать. Правда, в моем распоряжении имелись еще баллон со сжатым воздухом, плавательный жилет и буксировщик, но какой от них толк? Я лихорадочно размышлял, как же следует поступить, и тут у меня возник план, поначалу показавшийся довольно нелепым. Однако ничего другого мне в голову не пришло, а потому я решил рискнуть. Стараясь спровоцировать акулу, чтобы она подплыла поближе, я наполовину вылез из своего укрытия. Она, естественно, не заставила себя долго ждать и, приоткрыв пасть, тут же устремилась ко мне. Из всех сил пытаюсь побороть нарастающий страх, я дождался, когда акула подплывет почти вплотную, и резко вынул изо рта регулятор. Затем я поднес регулятор к гребному винту буксировщика и, включив его на малую мощность, нажал на клапан подачи воздуха. Поток воды от буксировщика подхватил выходящий из регулятора воздух и погнал большое облако маленьких пузырьков прямо на акулу. К моему превеликому удивлению (я выполнял все эти действия без особой надежды на успех), акула застыла на месте, а потом, вероятно испугавшись находящегося перед ней странного существа, которое направило на нее целый воздушный

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
поток, решила поискать себе более привычную добычу. Сделав оборот на сто восемьдесят градусов, она презрительно вильнула хвостом и исчезла в лазурной глубине моря.

Не теряя ни секунды, я проворно надел на себя снаряжение и стремительно поплыл к выступу, за которым пряталась Кассандра. Признаться, я изумился, когда понял, что Касси не уплыла оттуда в какое-нибудь более безопасное место и даже не осталась сидеть под выступом рифа, а покинула это убежище и направилась искать меня: я увидел, как она плывет мне навстречу. Получалось, что она не захотела спасти свою собственную жизнь, а решила рискнуть ею ради того, чтобы попытаться помочь мне. «Вот в таких-то ситуациях и познается сущность человека», – подумал я.

Подплыв друг к другу и увидев, что оба целы и здоровы, мы на радостях обнялись, а затем опустили на риф и уперлись в его поверхность коленями, чтобы немного отдохнуть.

И вдруг Кассандра сильно сдавила ладонью мое плечо. Подумав, что Касси снова заметила акулу, я начал отчаянно вертеть головой, пытаюсь определить, с какой стороны зубастое чудовище подплывает к нам. Однако акулы нигде не было, и, вопросительно посмотрев на Кассандру, я понял, что дело вовсе не в кровожадной хищнице: Касси показывала мне рукой на ярко мигающую красную лампочку металлоискателя, который она все еще держала в руке.

Как раз там, где я чуть было не угодил в зубастую акулю пасть, внутри кораллового рифа, судя по показаниям металлоискателя, лежал какой-то металлический предмет высокой плотности. Поскольку мы находились сейчас неподалеку от того места, где я нашел загадочный бронзовый колокол, я тут же подумал, что предмет, на который отреагировал наш металлоискатель, может иметь какое-то отношение к этому колоколу. Кассандра, видимо, пришла к такому же выводу и настроила свой металлоискатель на максимум чувствительности. Медленно, пядь за пядью, она водила им над поверхностью рифа, внимательно следя за маленькой красной лампочкой. Я наблюдал за Касси, которая, как мне показалось, уже совершенно забыла об акуле, преследовавшей нас всего несколько минут назад.

Я не был на этом рифе с тех самых пор, как нашел колокол. Раньше мне даже в голову не приходило, что здесь можно обнаружить что-нибудь подобное. Работая на Утиле в течение нескольких месяцев инструктором по подводному плаванию, я сотни раз плавал у этого рифа со своими клиентами и никогда не встречал в этих местах ничего необычного. Но сейчас я не очень удивился, когда Касси, ощупав поверхность рифа рукой, достала из чехла свой нож и, поковыряв им в коралловой массе, извлекла из нее какой-то маленький предмет, который затем начала очень внимательно рассматривать.

Однако мне не удалось скрыть волнения, когда, повертев свою находку в руках и содрав с нее коралловые наслоения, Кассандра поднесла ее к моему лицу и я увидел, что это не что иное, как массивный золотой перстень с какой-то бляжкой, изготовленной из того же материала.

13

Безрезультатно пошарив по поверхности рифа в поисках каких-нибудь других металлических предметов и израсходовав на это три четверти имевшегося в наших баллонах запаса воздуха, мы включили свои буксировщики на максимальную мощность и поплыли обратно на «Мидас». Через десять минут мы уже карабкались, помогая друг другу, на расположенную в кормовой части судна платформу, чувствуя на себе укоризненный взгляд Брауна. Он, конечно же, догадался, что Хатч не давал нам разрешения использовать устройства, которые висели сейчас у нас на спинах. Но прежде чем Браун успел вымолвить хотя бы слово, мы наперебой стали рассказывать ему о нашей встрече с акулой, и он, оставив нас в покое, тут же подозвал своих подчиненных. Он велел двум из них взять противоакульи дубинки и опуститься на глубину, к затонувшему судну, где все еще продолжали работать несколько водолазов.

Снимая с себя снаряжение, я старался сохранять спокойствие и напряженно размышлял о происшедшем с нами инциденте. Наконец, не выдержав, я решил поделиться своими сомнениями с Касси.

– Станный это был случай, – произнес я, смывая пресной водой из шланга остатки морской воды со снаряжения, которое только что снял. – Акулы

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
нападают на людей таким вот образом только в фильмах, рассчитанных на дилетантов. И чего эта тварь так взъелась на нас?

– Знаешь, а ведь виновата в этом, наверное, я.

– Ты?! Почему?

– Смотри... – Касси повернулась ко мне спиной и коснулась пальцем своей ноги. На ней был виден едва заметный след от крови, медленно сочившейся из маленькой ранки на ягодице – там, где заканчивался купальник.

– И где это ты умудрилась пораниться?

– Не знаю. Думаю, что, когда мы играли с черепахой, я зацепилась за выступ коралла, но сама этого даже не заметила.

– Тогда все понятно: акулы чувствуют запах крови на расстоянии нескольких километров.

– Да, обоняние у этих тварей отменное. Впредь я обязательно буду надевать неопреновый костюм, даже если вода будет очень теплой. Кстати, – мягко произнесла Кассандра и взяла меня за руку, – ты вел себя довольно глупо, но очень мужественно. Я никогда этого не забуду. – В ее глазах светилось восхищение. Приподнявшись на носочки, она быстро, но очень нежно прикоснулась своими влажными губами к моим губам.

Положив вымытое пресной водой снаряжение на просушку, мы поспешно направились в мою каюту. По дороге нам, однако, пришлось зайти в медпункт, чтобы продезинфицировать рану Касси и наложить шов на моей порезанной ладони.

Войдя наконец-таки в каюту, мы увидели профессора Кастильо, который лежал на койке в одних трусах и что-то читал. При нашем появлении он едва не свалился на пол.

– Прежде чем заходить, могли бы и постучать! – сердито буркнул профессор, натягивая штаны.

– Извините, проф, мы просто очень спешили, – ответил я, не обращая особого внимания на негодование Кастильо. – Подойдите-ка сюда, вас наверняка заинтересует вот это.

Касси запустила пальцы за чашечку купальника и вытащила предмет, который мы нашли на рифе. Она положила его на стол, замочив при этом лежавшие там листки.

– Что это может быть? – тихо спросил я.

– Я бы сказала, что это перстень, – так же тихо произнесла Кассандра.

– Я и сам вижу, что это перстень. Однако он не похож на обычные современные перстни. Уж слишком большой.

– Можно взглянуть, что вы там принесли? – услышал я за своей спиной голос профессора.

– Ну конечно. Мы и пришли сюда, чтобы показать его вам, – ответил я, отступая в сторону.

Профессор открыл одну из своих коробок и достал оттуда лупу, которую, как говорил мне Кастильо, он всегда брал с собой, куда бы ему ни приходилось отправляться. Зажав найденный нами предмет большим и указательным пальцами, профессор посмотрел на него через лупу.

– Ну и дела! – произнес он после довольно продолжительного молчания.

– Что значит «ну и дела»? – нетерпеливо спросил я.

– Этот предмет похож на перстень...

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

- Этот предмет похож на перстень... – повторил я, имитируя голос профессора.
- Тут, я вижу, собрались великие специалисты по перстням.

Профессор Кастильо повернулся ко мне и, насмешливо посмотрев на меня поверх очков, закончил свою фразу:

- ...однако это вовсе не перстень.

Мы с Кассандрой обменялись непонимающим взглядом.

- А что же это тогда такое, профессор? – спросила Касси, и я заметил, как она напряглась.

– Это, дорогая моя, печать. Печать тамплиеров. Теперь мы уже втроем с огромным интересом стали разглядывать золотую штучку, которую профессор держал в руках.

- Она находилась в нескольких метрах от того места, где я нашел колокол, – тихо сказал я, разгадав немой вопрос Кастильо.

– А больше там ничего не было? – осведомился профессор, не отрывая взгляда от печати тамплиеров.

- Нет, больше ничего. По крайней мере, в радиусе десяти метров, – задумчиво ответила Кассандра.

– Но ведь там все-таки может быть что-то еще, да? Риф ведь довольно большой!

– Ну, разве какой-нибудь очень маленький предмет. Если бы там находились более-менее большие предметы, приборы «Мидаса» наверняка засекали бы их, – сказала Кассандра, а затем уныло добавила: – Теперь у нас уже не осталось времени на то, чтобы вернуться на риф и прочесать его вдоль и поперек.

- Но если мы поговорим с Хатчем, то, возможно...

– Вы что, шутите? – поспешно возразила Кассандра. – После всего, что произошло вчера в конференц-зале, он, без сомнений, просто вышвырнет вас за борт. Вы ведь собственными ушами слышали, что магнетометр ничего, кроме затонувшего судна, в радиусе одной мили не обнаружил, а это значит, что мы вряд ли сможем найти что-нибудь помимо того, что нам уже удалось отыскать. Хатч ни за что не согласится потратить на обследование рифа даже один день. Впрочем... – Кассандра вдруг вздрогнула и замолчала.

– Что случилось, Касси? – я пристально посмотрел на Кассандру, удивляясь резкой перемене в ее поведении.

- Впрочем... – задумчиво повторила она.

И вдруг Кассандра ахнула и снова замолчала. Глядя в широко раскрытые глаза мексиканки, я подумал, что ей в голову пришла какая-то идея, но она ничего по этому поводу не сказала, а лишь ткнула в меня указательным пальцем и дрожащим от волнения голосом спросила:

- А какие, по твоему мнению, у этого рифа размеры?

– Не знаю, – пробормотал я, слегка опешив от столь неожиданного вопроса. – Наверное, метров двадцать или тридцать в длину и метров восемь или десять в ширину... – Тут до меня дошло, какая именно мысль посетила Кассандру, и я очень медленно договорил: – Ширину.

Кассандра, улыгнувшись, задорно воскликнула:

– Черт возьми! А ведь оно было прямо у нас под носом! Мы оба замолчали, продолжая смотреть друг на друга. Профессор, все это время внимательно разглядывавший найденный нами предмет, наконец оторвался от него и, бросив взгляд сначала на меня, а затем на Кассандру, спросил:

– Можно поинтересоваться, о чем это вы болтаете? Не кажется ли вам, что вы ведете себя так, как будто меня здесь вовсе нет? По правде говоря, мне это не очень нравится. – С этими словами профессор Кастильо скрестил руки на

груды и добавил: – Может, вы потрудитесь ввести меня в курс дела?

– Ну конечно, проф, и даже с удовольствием, – шутливым тоном ответил я. – Вы ведь совсем недавно говорили нам, что длина средневекового судна типа «кока» составляла двадцать с лишним метров, да?

– Это действительно так.

– Представляете, именно такую длину имеет и тот коралловый риф, на котором я когда-то нашел колокол и на котором мы сегодня обнаружили вот эту печать. Не слишком ли много совпадений?

– Ты хочешь сказать, что затонувшее судно тамплиеров сейчас находится внутри того кораллового рифа?

– Нет, профессор, я хочу сказать, что судно тамплиеров превратилось в коралловый риф.

В столовой не было никого, кроме меня и Касси. Некоторое время мы сидели молча, и я поймал себя на том, что, словно замороженный, смотрю на стоящую передо мной бутылку с газированной водой, как будто наблюдение за многочисленными пузырьками могло помочь найти ответ на мучивший нас вопрос.

– Вот чего я никак не могу понять, – наконец не выдержал я, – так это причину того, почему его не засек магнетометр.

– А что тут непонятного? Потому что в затонувшем корабле тамплиеров не было достаточно больших металлических предметов.

– Тогда отсюда следует, что на этом судне не перевозили золото.

– Совсем не обязательно, – ответила, качая головой, Кассандра. – Если у этого судна появилась, скажем, небольшая течь, из-за которой оно стало постепенно тонуть, то у экипажа могло оказаться вполне достаточно времени, чтобы перегрузить содержимое трюмов на другие корабли. Вспомни, что речь шла о флотилии из восемнадцати судов.

– Согласен, – сказал я. – Предположим, что так оно и было. Но мы ведь, по крайней мере, должны были обнаружить железные детали самого судна: гвозди, кольца, дверные петли... да мало ли что еще!

– Тут тоже можно найти объяснение, Улисс. – Кассандра поерзала на стуле. – Дело в том, что на средневековых судах использовалось очень мало железа. Metallургия тогда находилась на довольно низком уровне, производимое ею железо очень быстро ржавело, а потому при строительстве судов отдавалось предпочтение древесине и веревкам, которые и к воздействию соленой среды намного устойчивее, и заменяются гораздо легче.

– Таким образом, нет никаких аргументов, которые однозначно исключали бы возможность того, что судно тамплиеров и в самом деле превратилось в коралловый риф.

– Во всяком случае, мне такие аргументы в голову не приходят.

– Однако золота там, в рифе, нет.

– Именно так, дружище, – подтвердила Кассандра, – его там нет.

Мне очень не хотелось верить, что затеянная мною авантюра закончилась провалом, однако я понимал, что в конце концов с этим придется смириться.

– Получается, – разочарованно произнес я, – что на всей этой истории с поиском тамплиерского судна можно поставить точку...

Кассандра бросила на меня усталый взгляд, в котором сквозила печаль.

Мы с унылым видом вернулись в каюту и увидели, что профессор все еще рассматривает перстень с прикрепленной к нему печатью. Когда мы вошли, он взглянул на нас и неодобрительно покачал головой:

– Ну и лица у вас обоих! Такое впечатление, что вы только что вернулись с похорон.

– Что-то вроде того, – вяло откликнулся я.

– Да ладно тебе, Улисс, – усмехнулся Кастильо, – все не уж так плохо.

– Что я могу вам на это ответить? – сказал я, чувствуя, что абсолютно необоснованный оптимизм профессора начинает меня раздражать. – После того как наша команда вроде бы выяснила, где именно находится затонувшее судно, мы вдруг узнаем, что это совсем другой корабль. А то судно, которое мы искали, превратилось, по всей видимости, в коралловый риф, то есть практически исчезло. – Я в отчаянии рухнул на свою койку. – Так что нет ни сокровищ, ни доказательств существования перевозившего их судна – в общем, нет ничего, кроме старинного колокола и перстня с печатью.

– Да не переживай ты так, еще не все потеряно.

– Что вы хотите этим сказать? – оживилась Кассандра.

– А то, что еще рано трубить отбой. У нас все-таки есть колокол и эта печать, – бодро заявил профессор. – И очень интересная, кстати, штукавина.

– Вы, я вижу, ее хорошенько почистили, – заметила Кассандра. – И что на ней изображено?

– Мне теперь абсолютно ясно, что это не что иное, как печать тамплиеров. Если ты внимательно ее рассмотришь, – профессор поднес печать поближе к лицу Кассандры, – то увидишь, что в центре изображены два всадника на одной лошади. Это символ тамплиеров.

– Да-а? – Кассандре, как мне показалось, становилось все интереснее и интереснее. – И что он означает?

– Хороший вопрос, – сказал профессор Кастильо, явно радуясь тому, что у него появилась возможность блеснуть своими знаниями. – Как тебе, вероятно, известно, на протяжении веков относительно истории ордена тамплиеров выдвигалось множество догадок и предположений, причем большей частью довольно нелепых. О тамплиерах говорили, что они якобы обладали сверхъестественными способностями, продали свои души дьяволу, вступили в сговор с инопланетянами и даже укрывали где-то у себя потомков Иисуса Христа... Однако все это не более чем домыслы, – категорически заявил профессор. – Вот в этом, например, изображении двух всадников на одной лошади многие видели либо аллегория гомосексуализма, либо элемент кабалистического кода. На самом же деле это был, вероятнее всего, символ обета бедности, который давали все те, кто вступал в орден Храма. Два рыцаря на одной лошади – это, по-моему, очень выразительная метафора.

– Прекрасно, проф, – вмешался я, приподнимаясь на койке. – Ваш рассказ очень интересен, но мне кажется, что эта вещица никуда нас не приведет. – Язвительно улыбнувшись, я показал на печать и добавил: – Если только, конечно, лошадка этих двух вояк не подскажет нам дорогу.

– Лошадка не подскажет, – с самодовольным видом произнес профессор, – а вот я, возможно, и подскажу.

– Что вы имеете в виду? – Кассандра удивленно вскинула брови.

– Я хочу сказать, что мне известно, по какой дороге нам следует идти. – Усмехнувшись, профессор сделал наивно-удивленное лицо и спросил: – А разве мы с вами еще не говорили про эту надпись?

– Черт вас подери, профессор, – не выдержал я, – а ну-ка выкладывайте нам все и сразу!

– Я вижу, ты хочешь лишить бедного старика одного из немногих доступных ему удовольствий, – с напускной удрученностью проворчал профессор.

– Да ладно, перестаньте ломаться и расскажите нам все, что знаете. Надеюсь, мы не услышим что-то вроде сюжета для романа Агаты Кристи.

– Хорошо, хорошо... После того как я тщательно почистил печать, мне бросилось в глаза, что на ней, кроме изображения двух всадников на одной лошади, имеется еще и надпись на латинском языке: Ioanus Calabona Magister Marratundorum. Сможешь перевести ее, Улисс?

– Вряд ли. Я говорю на латыни только во время воскресных месс.

Касси громко рассмеялась.

– Очень остроумно, – усмехнулся профессор. – Эта фраза переводится так: «Хуан Калабона, магистр карт мира».

– Получается, что эта печать принадлежала картографу?

– Именно так. И благодаря своей догадке ты набираешь в нашей викторине тысячу призовых очков!

– Но я все равно не могу понять, куда эта надпись может привести нас.

– Она ведет нас к внутренней поверхности этого же перстня.

– Вы, я вижу, могли бы писать романы-триллеры, – сказала Касси.

– «И ты, Брут?!» – театрально закатив глаза, с пафосом произнес профессор широко известную фразу Юлия Цезаря. – Ну и нетерпеливая же пошла нынче молодежь!

– Будь добра, Касси, отойди-ка в сторонку, я сейчас выброшу его отсюда через иллюминатор.

– Не забывай, Улисс, что насилие является последним доводом невежды, – веско произнес профессор, явно наслаждаясь происходящим. – Ну да ладно, я, так и быть, перейду к делу, пока вы не лопнули от любопытства. На внутренней части перстня имеется надпись, состоящая всего из двух слов...

– Сделав одну из своих любимых пауз, профессор подмигнул мне и доба-вил: – Посмотрим, сможешь ли ты перевести хотя бы их.

– Не злобствуйте, проф, вам ведь уже известно, на каком уровне находится мое знание латыни. Обратитесь лучше к Кассандре – судя по ее недавнему смеху, она разговаривает на латыни не хуже Сенеки.

– А ведь я не говорил тебе, Улисс, что эта надпись на латыни. Она, между прочим, на каталанском языке.

– На каталанском? – в один голос переспросили мы с Кассандрой.

– Именно так, ребятки, на каталанском. И звучит она так: Monestir de Miramar.

– Монастырь Мирамар... Значит, хозяин перстня был каталонским монахом-картографом? – предположила Кассандра.

– Необязательно. Однако следует иметь в виду, что в Средние Века самыми лучшими картографами Европы были картографы с Мальорки. Именно на этом острове составляли навигационные карты, которые использовались почти на всех судах той эпохи, а общепринятым языком на Мальорке был каталанский. Получается, что хозяин этого перстня мог быть выходцем с этого острова и, судя по прикрепленной к перстню печати, членом ордена Храма. Таким образом, – с задумчивым видом констатировал профессор, – у нас имеется печать тамплиера по имени Хуан Калабона, который находился на одном из кораблей своего ордена. Будучи «магистром карт мира», этот человек должен был знать, куда направляется это судно, а также иметь при себе какую-нибудь географическую или навигационную карту, потому что, откровенно говоря, я сомневаюсь, чтобы тамплиерская флотилия отправилась через океан со всеми сокровищами ордена, не зная при этом, куда, собственно, она плывет.

Профессор вновь сделал паузу, тяжело вздохнул, а затем, взглянув на нас с Кассандрой, сказал:

– Я подозреваю, что ключ к мучающей нас загадке находится за несколько тысяч километров отсюда. – Посмотрев через иллюминатор куда-то далеко в море, он добавил: – Точнее, в некоем монастыре, основанном несколько сотен лет назад.

– Вы что, и в самом деле считаете, что сокровища тамплиеров могут находиться в этом монастыре... Как его?.. Мирамар? – удивилась Кассандра.

– Иначе говоря, профессор предлагает махнуть рукой на затонувшее тамплиерское судно, – вмешался я, – и продолжить наши поиски совсем в другом направлении, то есть руководствуясь подсказкой, которую мы получили благодаря найденному нами перстню.

Я на несколько секунд замолчал, рассеянно прислушиваясь к глухому гулу только что запущенного главного двигателя «Мидаса», а затем продолжил:

– Если мы разыщем монастырь нашего таинственного картографа, то у нас, пожалуй, появится хоть какой-то шанс выяснить, куда же направлялась тамплиерская флотилия, а значит, выйти на след исчезнувших сокровищ тамплиеров.

– Ты хочешь сказать, что, несмотря на постигшее нас фиаско, собираешься продолжать поиски этих сокровищ?

– Я хочу сказать, Касси, что мы собираемся продолжить эти поиски. Или у тебя на ближайшие несколько недель есть какие-то более интересные планы?

14

Стараясь не обращать внимания на покрывающую иллюминатор дурацкую полосатую пленку, я смотрел через него, наблюдая, как в пяти тысячах метров ниже меня медленно проплывают измученные зноем равнины Кастилии. Отвернувшись от иллюминатора, я бросил взгляд на спавшего рядом со мной профессора, который перед полетом опять напичкал себя успокоительными средствами. Чуть правее, в кресле у прохода, сидела Кассандра. Она читала роман Артуро Перес-Реверте «Королева Юга», но при этом, по-видимому, время от времени украдкой поглядывала на меня. Я это понял, поскольку она очень быстро заметила, что за ней наблюдают, и лукаво мне улыбнулась.

– Чего пялишься?

– Да так, ничего, – смущенно ответил я, – просто очень рад, что ты летишь вместе с нами.

– А я рада тому, что ты позволил мне составить вам компанию. Работать с Хатчем уже надоело, а мне постоянно нужны какие-нибудь перемены в жизни. Этот причудливый перстень и легенда о сокровищах тамплиеров вызвали у меня не меньше интереса, чем у вас с профессором.

– Понятно... Но ты, однако, не забывай, что нет никакой гарантии, что мы сумеем найти эти сокровища.

– Знаю, Улисс, знаю. По правде говоря, я не очень-то верю, что нам удастся что-то найти.

– Тогда я вообще не понимаю, зачем ты решила поехать с нами.

Касси закрыла книгу и шумно вздохнула.

– Мне кажется, что профессор был прав, – заявила она.

– В чем?

– Да он как-то сказал, что ты тугодум.

После того как самолет приземлился в аэропорту Барселоны, мы с Кассандрой довели профессора на такси до подъезда его дома. Все еще находясь под воздействием успокоительных средств, Кастильо стал с отрешенным видом вспоминать, в какую из своих дорожных сумок он положил ключи. Однако когда мы предложили проводить его до двери квартиры, он заявил, что ни в чьей

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
помощи не нуждается, и настоял на том, чтобы мы ехали по своим делам. Я сказал таксисту свой домашний адрес, и вскоре мы с Касси вошли в мою квартиру, поставив свои дорожные сумки прямо посреди гостиной.

– Я тебя предупреждал, что моя квартирка очень маленькая...

– Не такая уж она и маленькая, – возразила Кассандра, жестом показывая мне, чтобы я перестал оправдываться. – Кроме того, у тебя, я вижу, есть большой балкон.

– Я бы не сказал, что он большой...

– Ну, ты ведь знаешь, как иногда говорят: размер не имеет значения. – Кассандра лукаво подмигнула мне,

– С этим я вполне согласен. Мне, например, нравятся миниатюрные красотки, а не какие-нибудь дылды.

– Рада это слышать, – усмехнулась Касси. – А теперь покажи мне, куда я могу положить свои вещи.

– Я сам их куда-нибудь положу. Выбор тут небольшой, потому что у меня всего одна жилая комната, она же спальня. Я высвобожу для твоих вещей место в шкафу.

– В этом нет необходимости. Мы ведь не задержимся в Барселоне надолго, а потому мои вещи вполне могут полежать и в сумке.

– Как хочешь. Но спальня в любом случае предоставляется в твое полное распоряжение, а я буду спать в гостиной на диване.

– Улисс, спасибо тебе, конечно, за заботу, но по логике вещей на диване следует спать мне. Я маленькая, и уместиться на нем мне будет намного легче, чем тебе.

– Об этом не может быть и речи. Ты – моя гостья, а значит, будешь спать на кровати.

– Ладно, спорить не стану. Покажешь мне все остальные помещения?

Мы совершили экскурсию по моему жилищу – конечно же, весьма непродолжительную, потому что общая площадь квартиры составляла всего лишь шестьдесят квадратных метров, – а затем, решив отдохнуть после долгого перелета, сопровождавшегося сменой нескольких часовых поясов, прямо в одежде завалились на кровать и уснули.

Шестью часами позже я проснулся от громкого треньканья. Сонно взглянув на пробивавшиеся между шторами лучи заходящего солнца, я подумал, что меня опять ждет самый что ни на есть заурядный вечер, каких в моей жизни было бесчисленное множество. Однако уже через секунду я понял, что ошибся: перевернувшись на бок, я увидел пристально смотрящие на меня изумрудно-зеленые глаза.

– Ты храпишь, – серьезным тоном произнесла Кассандра.

– Ты тоже, – ответил я.

– Это неправда.

– Нет, правда.

– Я не храплю, – сердито заявила Кассандра.

– Еще как храпишь! Я даже подумал, что надо будет позвонить Спилбергу и спросить его, нельзя ли использовать запись твоего храпа в очередном фильме про парк Юрского периода!

– Ах ты лжец! – негодуя воскликнула Касси, приподнимаясь на кровати. – Сейчас я тебя проучу!

Она схватила подушку и стала размахивать ею, смеясь и осыпая меня шуточными ругательствами.

Треньканье, от которого я проснулся несколько минут назад, было звуковым сигналом: на мой мобильный телефон пришло сообщение от профессора Кастильо. Профессор предлагал нам с Касси прийти к нему завтра домой на обед. Прочитав это сообщение, я вдруг почувствовал, что умираю от голода. Сказав об этом Касси, я услышал в ответ, что и она тоже не прочь перекусить.

Мы решили принять душ, переодеться и затем сходить поужинать в расположенный рядом с моим домом китайский ресторан. Касси быстренько открыла свою дорожную сумку, выхватила из кипы одежды первое, что попало под руку, и, показав мне язык, поспешно, чтобы я ее не опередил, заскочила в ванную.

Я остался сидеть на кровати и стал с ехидной улыбкой ждать, когда она откроет кран.

– Улисс! – наконец послышалось из ванной. – Черт побери! Как тут включается горячая вода?

Ужин прошел просто замечательно: мы полакомились вкуснейшим рисом с различными подливками и не менее вкусной лапшой, а еще выпили множество бокалов сангрии[15]. Затем – уже где-то за полночь – мы возвратились в мою квартиру и, на ощупь найдя в темноте диван, обессиленно плюхнулись на него. И я, и Касси чувствовали, что нас одновременно одолевают алкоголь, смена часовых поясов и усталость, накопившаяся за несколько дней работы в Карибском море.

– Надеюсь, он нарвется когда-нибудь на белого кита, и тот устроит ему хорошую взбучку... – сказала вдруг Кассандра, думая о чем-то своем.

– Кто?

– Как это кто? Хатч!

– Не знал, что ты его так ненавидишь.

– Да никакая это не ненависть, – вяло произнесла Касси, немного помолчав. – Честно говоря, я ненавижу скорее саму

себя за то, что так долго работала на Хатча, помогая ему присваивать ценности с затонувших судов.

Кассандра снова замолчала, задумавшись о чем-то своем. После довольно долгой паузы она продолжила – все тем же укоризненным тоном по отношению к самой себе:

– Я польстилась на хорошую плату и иллюзию романтики. И в результате изменила своим принципам. Я сама себе противна.

– Да не осуждай ты себя так, – попытался я утешить Кассандру, накрывая своей ладонью ее маленькую ладошку. – Мы все в этой жизни иногда совершаем поступки, за которые не испытываем потом особой гордости. Главное, что ты поняла свою ошибку и пытаешься ее исправить. Многие люди не делают даже этого. Очень многие.

– Спасибо, Улисс, но я рассказываю тебе все это совсем не для того, чтобы ты меня утешал. Я... я всего лишь дала волю своим чувствам... Извини.

– Тебе не нужно передо мной извиняться. По правде говоря, я очень рад тому, что ты мне настолько доверяешь, что делишься со мной своими мыслями. А еще я очень рад, что нахожусь сейчас рядом с тобой... – Неожиданно смутившись, я добавил: – И что моя ладонь лежит на твоей.

Касси слегка улыбнулась и, опустив глаза, ответила:

– Я тоже, Улисс. Я тоже...

Я почувствовал, что ее ладошка стала теплее. Струившийся сквозь оконные

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
стекла слабый лунный свет отражался от светлых волос Кассандры. А еще, попадая на ее зрачки, этот свет заставлял их так пленительно блестеть, что казалось, будто он исходит из глубины изумрудных глаз.

Я пристально посмотрел Кассандре прямо в глаза, пытаюсь отгадать, а не думает ли она сейчас о том же, что и я. В моем сердце появилось щемящее чувство, которое я не испытывал уже давным-давно. Кроме того, мне вдруг показалось, что из моей руки в руку Касси перескочила маленькая искорка, затем добежавшая до ее губ, которых почти не было видно в темноте, но которые сейчас наверняка стали влажными и страстными. Я почувствовал, как в моей душе нарастает неудержимое желание прильнуть своими губами к губам Кассандры, и, прислушавшись к ее неровному дыханию, понял, что точно такое желание сейчас испытывает и она. Медленно, сантиметр за сантиметром, я стал приближаться к Касси. Я уже ощущал на своем лице ее жаркое дыхание и даже слегка наклонил голову, чтобы коснуться губами ее губ, когда совершенно неожиданно почувствовал, что мне в грудь уперлась ее рука.

– Улисс... – прошептала Кассандра. – Мне кажется, что уже поздно, а ведь завтра нас ждет очень трудный день.

15

К счастью, я поставил будильник на одиннадцать утра – в противном случае даже жаркие солнечные лучи, освещавшие диван, на котором я лежал, не смогли бы вырвать меня в это – пусть уже далеко не раннее – утро из цепких объятий Морфея. Я громко зевнул и, все еще толком не проснувшись, поплелся в ванную. Однако дверь ванной, как я ни крутил и ни дергал ручку, почему-то не открывалась. Подумав, что ее, наверное, заклинило, я рванул ручку намного сильнее и... услышал с той стороны двери недовольный женский голос:

– Да успокойся ты, дурачок! Хочешь выломать дверь?

После секундного замешательства, в ходе которого мои полусонные нейроны слегка взбодрились, я вспомнил о том, что я в своей квартире сейчас не один, а также о том, что произошло, а точнее говоря, не произошло этой ночью.

– Извини, – пролепетал я. – Не знал, что ты там находишься.

– А кто, по-твоему, тут может находиться?

– Я просто хотел сказать, что... Нет, ничего. Тебе что-нибудь нужно?

– Только одно: чтобы ты мне не мешал.

– Да, конечно.

Полушарие моего мозга, отвечающее за логическое мышление, к сожалению, все еще не очнулось от сна, и вести даже незамысловатые разговоры мне было трудно, – а потому я отправился в кухню, намереваясь приготовить себе чашечку крепкого кофе.

Минут через десять дверь ванной отворилась и до меня донесся звук шлепающих по полу босых ног. Повернув голову, я увидел, как по коридору мимо кухни проскользнула укутанная в банное полотенце миниатюрная фигурка, и услышал мимолетное «Доброе утро!», от которого у меня почему-то защемило в груди.

– М-м... Как приятно пахнет! Ты не мог бы и мне приготовить чашечку кофе, солнышко?

– Конечно! – машинально ответил я, а затем, нахмутив брови, озадаченно пробормотал себе под нос: – «Солнышко»?..

Не успел я приготовить Кассандре кофе, как она уже сидела за кухонным столом в веселеньком цветастом платье, в котором она была похожа на беззаботную студентку, и вытирала волосы полотенцем.

– Что случилось? – спросила она, заметив, что я то и дело поглядываю на нее.

– Да так, ничего. Просто я первый раз вижу тебя в платье.

– Оно тебе нравится? – Касси привстала со стула и ладонью стала приглаживать на себе платье.

– Очень. Ты в нем такая красивая...

– Спасибо, – Кассандра поблагодарила меня за комплимент и снова уселась на стул. – Я купила его несколько лет назад, и оно уже старенькое, но я до сих пор люблю его.

В этот момент засвистел кофейник, и я, жестом показав Кассандре, чтобы она не вставала из-за стола, подошел к плите, взял кофейник и налил дымящийся кофе в маленькую чашечку. Подняв взгляд на Касси, я увидел, что она с удивлением смотрит на эту чашку.

– Что-то она уж слишком маленькая.

– Так ведь это чашка для кофе. Если хочешь побольше кофе, то мне придется налить тебе в стакан.

Кассандра взяла чашечку за ручку, поднесла ее к губам и сделала очень осторожный маленький глоток.

– Тьфу! – воскликнула она, ставя чашку обратно на стол. – Слишком крепкий, да к тому же еще и горький.

– Но ты ведь не положила сахар.

– Дело тут не только в сахаре. Этот кофе, он очень... он очень густой. Ты всегда его так готовишь?

– А-а, понятно! – прозрел я. – Ты привыкла пить кофе так, как его пьют в Америке. Надо было меня об этом предупредить!

– А откуда я знала, что ты приготовишь мне такую бурду? – стала оправдываться Кассандра, показывая пальцем на стоявшую на столе чашку.

– Это не бурда, Касси. Это – кофе. А вот то, что обычно пьешь ты, – это не кофе, а помой.

– Называй его как хочешь, но тот кофе, по крайней мере, можно пить.

Мы поехали к профессору на метро и большую часть пути пребывали в неловком молчании: сидели и смотрели через находившееся напротив нашего сиденья окно, метакриловое стекло которого было покрыто примерно такой же полосатой пленкой, как и иллюминатор в самолете, на мелькавшие мимо стены тоннеля. Рассеянно блуждая туда-сюда взглядом, я размышлял о странном стремлении некоторых людей ставить всевозможные фильтры на все предметы, через которые мы воспринимаем окружающий мир.

Время от времени мы встречались с Кассандрой взглядом. Не знаю, о чем она при этом думала, но я, глядя на нее, вспоминал тепло ее дыхания и блеск зеленых глаз... А еще ее руку, упершуюся мне в грудь и не позволившую прильнуть к ней.

Признаться, в тот миг меня охватило чувство досады и разочарования... Теперь же мне не давало покоя ощущение, что я оказался в каком-то дурацком положении. Я готов был дать голову на отсечение, что Кассандра хотела меня: ее слова и жесты однозначно свидетельствовали об этом. Но я, по-видимому, дал маху, поскольку повел себя подобно мартовскому коту, когда при первой же возможности попытался наброситься на нее. И вот я сидел и с опаской ждал, что она повернется ко мне и скажет, что не желает стеснять меня в моей малюсенькой квартире и поэтому хочет переехать в квартиру профессора.

Если она так скажет, то и поделом мне, решил я.

Когда профессор Кастильо открыл нам дверь, он был одет в элегантный шелковый халат, а от его гладко выбритых щек ощутимо пахло лосьоном после бритья. Судя по жизнерадостному выражению лица, он уже отошел и от успокоительных средств, и от перемены нескольких часовых поясов.

– Как дела? – поинтересовался Кастильо, отступая в сторону, чтобы мы могли пройти внутрь квартиры.

– Очень хорошо, спасибо, – ответила, покосившись на меня, Касси.

– И вы сумели поместиться вдвоем в твоей квартирке? – с легким ехидством спросил профессор, обратившись ко мне.

– Да, и неплохо поместились... Во всяком случае, лично я считаю, что неплохо, – промямлил я, опасаясь, как бы Касси не сказала чего-нибудь лишнего.

– Да, нам там очень хорошо, спасибо, – улыбнулась Кассандра. – Все просто замечательно. – Проходя по коридору, она незаметно для профессора подмигнула мне.

Что ж, похоже, Касси ничуть не обиделась на меня за вчерашнее. Как будто ничего и не было...

По правде говоря, мне довольно редко удавалось понять логику женщин, а на этот раз смазливая худенькая мексиканка прямо-таки загнала меня в тупик. Поэтому, входя в гостиную и усаживаясь на старомодный диван, я решил, что, начиная с этого момента, больше не буду пытаться понять мотивы ее поведения и пушу свои отношения с ней на самотек. Как в фильме с запутанным сюжетом: что-то понять можно только незадолго до того, как на экране появятся слова «Роли исполняли...».

– Я рад за вас, – бодро произнес профессор и, показав рукой на стол, накрытый невзрачной скатертью, и уже расставленные на нем тарелки, спросил: – Сначала аперитив или сразу же перейдем к обеду?

Не успев переключиться со своих размышлений, я не ответил на вопрос профессора, и тогда Кассандра, весело улыбнувшись, сказала:

– Профессор, я умираю от голода.

Признаться, я не ожидал, что профессор способен на такое. Оказалось, Кастильо неплохо разбирается в кулинарии, а потому приготовленное им филе с перцем и гарниром, к которому были поданы еще и внушительные по размерам бокалы с красным вином «Риоха», стало для меня сюрпризом, и, надо сказать, приятным. Мы хорошенько приложились ко всему, что стояло на столе, а затем еще полакомились принесенным профессором ванильным мороженым с орехами и карамелью.

Едва мы успели расправиться с десертом, как профессор вручил нам обоим по бокалу бренди, после которого я, расположившись поудобнее на стуле, впал в приятное полудремотное состояние.

– Вам понравилось? – с самодовольным видом поинтересовался Кастильо, сцепив пальцы на животе.

– Вкуснятина, – облизываясь, ответила Касси.

– А что будет на обед завтра? – спросил я.

Профессор усмехнулся моей – не очень-то и глупой – шутке и, уперев локти в стол, посмотрел на меня и Кассандру с очень знакомым мне выражением лица.

– Мне удалось кое-что выяснить... – загадочным тоном произнес он.

Мы с Кассандрой уставились на профессора, ожидая, что он сейчас сообщит нам нечто сногшибательное. Однако он наслаждался привычной для него игрой в неизвестность и выдерживал паузу до тех пор, пока я не нахмурился, сердито сдвинув брови. Наконец Кастильо запустил руку в карман своего халата и достал оттуда золотой перстень.

– Как я и предполагал, – торжественно начал он, держа перстень большим и указательным пальцами, – печать, прикрепленная к этому перстню, принадлежала ордену Храма, а надпись на перстне и в самом деле свидетельствует о том, что его хозяин был своего рода картографом.

- А раньше мы разве этого не знали? – удивился я.
- Вплоть до сегодняшнего утра это было всего лишь предположением. Вчера вечером я послал по электронной почте письмо одному своему коллеге из университета Балеарских островов и пару часов назад получил от него ответ, в котором он подтверждает правильность моего предположения.
- Вы рассказали обо всем своему коллеге? – заволновалась Касси.
- Конечно, не обо всем, дорогая моя. Я рассказал ему ровно столько, сколько счел необходимым. Однако я пообещал ему, что через несколько дней мы с ним обязательно встретимся. Он – крупнейший специалист по портуланам четырнадцатого века.
- По каким еще портуланам? – удивился я.
- Портуланами называются географические карты, которыми пользовались средневековые мореплаватели, – пояснила мне Касси.
- У вас прекрасные знания, Кассандра, – похвалил ее профессор. – Вы, наверное, хорошо учились в университете.
- А я вообще очень толковая девушка.
- И очень странная, – машинально добавил я.

Догадавшись, вероятно, о смысле, который я вложил в свои слова, Касси пристально посмотрела на меня и, когда я уже приготовился услышать в ответ какое-нибудь едкое замечание, вдруг снова с заговорщическим видом подмигнула мне:

- В этом и заключается мое очарование.

Профессор, с недоумением наблюдавший эту сцену, решил вмешаться, чтобы разговор не дай бог не пошел по какому-нибудь другому руслу и увел нас от темы, ради которой мы сюда пришли.

- Хм... как я уже сказал, я обещал этому ученому мужу, что в ближайшие дни навещу его, а потому зарезервировал на послезавтра три билета до Пальмы,

– Вам, я вижу, наконец-то понравилось летать на самолете, – с лукавой улыбкой произнесла Кассандра. – Или вам больше нравится принимать успокоительные средства?

- А я не говорил, что мы отправимся туда на самолете, – усмехнувшись, ответил профессор. – Мы поплывем на теплоходе. Отплытие – в девять утра.

– Одну минутку, – вмешался я. – А зачем нам всем туда ехать? Может, будет достаточно вас одного? Дело в том, что я еще после предыдущей поездки не успел распаковать свои вещи и мне хотелось бы провести несколько дней дома и отдохнуть.

Профессор посмотрел сначала на меня, а потом на Кассандру.

– Хм... Отдохнуть... Мне, конечно, очень жаль, ребятки, но, боюсь, вам придется поехать со мной на Мальорку... – И, зная наперед, какой эффект произведут его следующие слова, профессор с напускным равнодушием сказал: – Дело в том, что мой коллега сообщил мне об одном очень интересном объекте, находящемся на этом острове. В общем, думаю, вы не откажетесь помочь мне разведать, что же представляет собой пресловутый монастырь Мирамар.

16

– На самолете мы смогли бы добраться туда за каких-нибудь тридцать минут, – ворчал я, пытаясь поудобнее устроиться в кресле.

– Путешествие на теплоходе гораздо более приятное, да и продлится оно всего лишь четыре часа, – возразил профессор, не отрывая взгляда от книги, которую он читал.

– Четыре часа беспросветной скуки, – не унимался я, поскольку не испытывал особого восторга от предстоящего путешествия на поблескивающем на солнце теплоходе-катамаране. Эдакий гигантский морской автобус, курсирующий взад-вперед по серовато-синим водам Средиземноморья.

В этот момент появилась Кассандра: она принесла поднос с тремя чашками кофе и, подав каждому по чашке, расположилась в своем кресле между мной и профессором.

– Ну и долго же пришлось объяснять бармену, каким образом приготовить мне кофе! – раздосадованно пожаловалась она. – Мне раньше казалось, что ничего сложного в этом вроде бы нет.

– А может, все из-за твоего чудного акапулькского акцента? – решил поддеть я Кассандру. – Признаться, я не понимаю и половины того, что ты говоришь.

– Так ты что, ее еще и слушаешь? – подыграл мне профессор, не упуская возможности подлить масла в огонь.

– Идите вы оба к черту!

– Вот видите, проф, что происходит, когда колония обретает независимость. Там просто перестают уважать свою бывшую метрополию.

– Это верно, – закивал профессор, сдерживая смех. – Мы научили их читать и писать, и вот как они нам теперь отплачивают.

Касси повернулась к нему, кусая губы, а затем совершенно неожиданно с силой ударила меня локтем в живот, тем самым поставив точку на нашем издевательствах над ней.

Придя в себя от застигнувшего меня врасплох удара, я попытался сконцентрироваться на приключенческом романе, лежавшем у меня на коленях и открытом на той же самой странице, на которой я остановился перед своим отъездом с профессором Кастильо в Майами. Однако все мои мысли неизбежно возвращались к воспоминаниям о вчерашнем вечере. Я вспоминал, как мы с Кассандрой ходили в Барселонский собор, слушали игру уличных музыкантов на улице Бисбе, а затем сидели в баре «Кораблекрушение». Там, среди смеха и шуток, Касси объяснила мне, как правильно пить текилу. Оказывается, этот мексиканский напиток нужно пить, как она выразилась, «в чистом виде», а лимон и соль – это только для гринго и для показухи. Мы засиделись аж до трех часов ночи, рассуждая о том, в каких уголках мира лучше всего заниматься подводным плаванием, и если бы официанты не стали демонстративно опускать на окнах жалюзи, то мы, наверное, до сих пор еще сидели бы за столом в том баре, болтая и смеясь. Ко мне домой мы возвратились на такси и, поднимаясь в лифте, стояли вплотную друг к другу и пристально смотрели один другому в глаза, не произнося ни слова. Все мое тело было охвачено легкой дрожью, и я в тот момент понял, почему Кассандра накануне ночью не стала со мной целоваться...

Мы оставили свой скромный багаж в небольшой гостинице, расположенной в столице Балеарских островов неподалеку от площади Испании, и, совершив легкую послеобеденную прогулку, подошли к зданию исторического факультета университета Балеарских островов, в котором нам предстояло встретиться с другом профессора Кастильо.

Войдя в это здание и осведомившись у вахтера, как найти нужный нам кабинет, мы поднялись по лестнице и прошли по одному, а затем по другому коридору и в конце концов оказались перед массивной деревянной дверью, на которой висела табличка с надписью: «ПРОФЕССОР ЛУИС МЕДИНА».

Профессор Кастильо пару раз стукнул костяшками пальцев в дверь и, услышав в ответ какую-то нечленораздельную фразу, открыл дверь и решительно зашел в кабинет.

– Гляди-ка, кто пришел! – раздался громкий голос. – Эдуардо! Сколько лет, сколько зим! А загорелый какой! Проходи, проходи!

– Как поживаешь, Луис? Оторви свою профессорскую задницу от стула и дай мне тебя обнять.

Мы с Кассандрой слушали этот разговор, стоя с другой стороны слегка приоткрытой двери. Прошло несколько томительных минут, прежде чем профессор наконец вспомнил о нас и, выглянув из кабинета, поманил нас рукой. Войдя в кабинет, я с удивлением увидел там мужчину очень высокого роста, полного, с бритой головой, чем-то похожего на главного героя широко известного сериала «Коджак», но только гораздо более крупного телосложения. Он – видимо, это и был профессор Медина – приблизился ко мне, сделав два гигантских шага и, любезно улыбнувшись, протянул руку.

– Ты, должно быть, Улисс, да? – спросил он зычным голосом, вполне соответствовавшим его внешности.

– Именно так, – ответил я, опасаясь, как бы мне после его энергичного рукопожатия не пришлось обращаться к хирургу. – А эта сеньорита, – добавил я, кивнув на Касси, – Кассандра Брукс.

– Такого приятного сюрприза я не ожидал! – воскликнул великан, пожимая руку Кассандры с нарочитой осторожностью. – Nice to meet you, Miss Brooks[16].

– Вы можете разговаривать со мной по-испански, – ответила, усмехаясь, Касси. – Я говорю на этом языке достаточно хорошо.

– О, извините, я по вашей фамилии подумал, что... – стал оправдываться профессор Медина, все еще не выпуская ладошку Кассандры из своей лапы. – Очень приятно с вами познакомиться.

– Сеньорита Брукс – археолог, – пояснил профессор Кастильо.

– Так она, получается, еще и моя коллега! – восторженно воскликнул великан. – Тогда мне вдвойне приятно! – Посмотрев на профессора Кастильо, он заметил: – С такой прекрасной компанией ты можешь приезжать ко мне, когда тебе вздумается, Эдуардо. В любое время.

– Знаю я тебя, старый развратник... – с нарочитой ворчливостью ответил профессор Кастильо. Слегка похлопав своего собеседника по животу, он добавил: – Однако у тебя отросло такое брюхо, что тебе уже не то что красивую женщину, а даже и какую-нибудь заплывшую жиром толстуху вряд ли удастся соблазнить.

Стоявшие рядом друг с другом старики представляли собой любопытную парочку: один из них обладал классической внешностью слегка неопрятного ученого мужа, а другой больше походил на бывшего баскетболиста, вырядившегося в воскресный костюм, чем на уважаемого преподавателя университета. Но, несмотря на различия во внешности, со стороны было заметно, что их объединяет давнишняя крепкая дружба, которая была, конечно же, плодом страстной увлеченности исторической наукой.

Профессор Медина предложил нам присесть, однако стульев здесь было в общей сложности три, а потому я предпочел постоять. Мне бросилось в глаза, что этот кабинет является своего рода миниатюрной копией гостиной в квартире профессора Кастильо, потому что здесь вдоль стен тоже стояли высоченные этажерки с разными по размеру книгами, но доминировали среди них опять-таки фолианты традиционного формата с потертой кожаной обложкой. На одной из стен, которая была свободна от книг, висела огромная, разделенная на несколько вертикальных секций карта Европы, Азии, Северной Африки и Атлантического океана с отмеченными посреди него островами, неизвестными мне. Вся представленная на карте территория была щедро украшена изображениями королей, замков, знамен и причудливых животных.

– Что там такого необычного? – спросил уже усевшийся на свое место за столом хозяин кабинета, заметив, что я внимательно разглядываю карту.

– А какого она года? – с неподдельным интересом осведомился я, без особого успеха пытаюсь разгадать смысл имеющихся на карте условных обозначений.

– Это репродукция знаменитого Каталонского атласа мира, составленного картографом с Мальорки Авраамом Крескесом. Оригинал был создан в начале четырнадцатого века в том самом городе, в котором вы сейчас находитесь, – с гордым видом пояснил профессор Медина и добавил: – Самая древняя из всех известных карт мира.

Услышав, что великан упомянул четырнадцатый век, я машинально посмотрел на профессора Кастильо, который ответил мне многозначительным взглядом.

– Не знал, что в ту эпоху уже умели составлять такие хорошие географические карты, – искренне сказал я, снова поворачиваясь к стене. – Помнится, я видел несколько карт пятнадцатого или шестнадцатого века – их хранил у себя дома мой отец. Но по сравнению с этим шедевром те карты – просто детские каракули.

– Это верно, – согласился профессор Медина. – Дело в том, что в области картографии Авраам Крескес опередил современную ему эпоху на целые столетия. В частности, качество и точность вот этой карты были настолько высокими, что король Арагона Хуан I не постеснялся поднести ее в подарок королю Франции Карлу VI.

Не в силах оторваться от изящно нарисованной карты, я внимательно рассматривал линию средиземноморского побережья, испещренную названиями находившихся там портов. Горные хребты на карте напоминали огромных золотистых змей, растянувшихся на солнышке, чтобы погреться, а города были изображены в виде крепостей (для мусульманских и христианских городов – разными по стилю). Что касается таких отдаленных и малоизвестных тогда в Европе стран, как Индонезия и Таиланд, то даже они были обозначены на этой карте и украшены фигурками слонов и темнокожих правителей. Я подумал, что человеку, жившему семьсот лет назад, для составления подобной карты наверняка пришлось немало потрудиться, чтобы собрать необходимую информацию у моряков и прочих путешественников – и это в эпоху, когда мало кто отваживался покинуть пределы графства или княжества, в котором он жил. Тех же, кто сумел добраться до владений великого Хана или хотя бы заплыть южнее Канарских островов, вообще можно было пересчитать по пальцам. Я тут же проникся большим уважением к этому самому Крескесу – к его таланту и трудолюбию.

– Итак, Эдуардо, – послышался за моей спиной голос профессора Медины, – что это за историю ты рассказывал мне по телефону о монахе-картографе и какой-то там печати?

17

Профессор Кастильо вкратце поведал своему другу, что его, собственно говоря, привело в этот кабинет, умолчав, однако, обо всем, что так или иначе связывало эту историю с Америкой. Он сказал, что случайно увидел перстень с печатью у одного из антикваров Барселоны и что конечная цель затеянных им поисков происхождения данного предмета заключается в том, чтобы опубликовать статью в одном из специализированных журналов. Луис Медина, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди, с интересом слушал своего коллегу, лишь иногда прерывая его, чтобы задать вопрос. Когда профессор Кастильо закончил свой заранее продуманный рассказ, Медина некоторое время сидел неподвижно, словно Будда, одетый в костюм от Армани. Видимо, он обдумывал информацию, которую ему только что сообщили.

– А эти двое – твои помощники? – наконец спросил он, показывая на нас с Кассандрой.

– Да, именно так.

– Понятно, – сказал профессор, потупив взгляд. – Видишь ли, Эдуардо, – продолжил он, чеканя каждое слово, – мы с тобой знаем друг друга очень давно, уже почти тридцать лет, и... и за все это время я еще никогда не слышал от тебя такой несусветной лжи.

Мы все трое напряженно молчали – отчасти от стыда, который охватил нас, отчасти из-за страха перед тем, что этот уставившийся на профессора Кастильо гигант чего доброго возьмет и начнет сейчас орать и топтать ногами. Медленно текли секунды, сливаясь в казавшиеся бесконечными минуты... И вдруг профессор Кастильо совершенно неожиданно разразился взрывом смеха.

– Ну конечно, это ложь! – с самым невинным видом заявил он. – А чего ты хотел? Чтобы я по доброте душевной обо всем тебе рассказал? Единственное, что мне сейчас нужно, так это твое согласие помочь нам. Просто скажи, готов ли ты оказать нам посильную помощь или нет.

Луис Медина несколько секунд сидел молча, как будто он не услышал всего того, что только что сказал профессор Кастильо. Затем на его огромном лице мало-помалу стала вырисовываться улыбка, и он в конце концов громко рассмеялся.

– Разумеется, я тебе помогу, чертов ты бесстыдник! – воскликнул Медина. – Ну как я могу тебе не помочь?

– Вот здесь находится монастырь Мирамар, – сказал профессор Медина, ткнув пальцем в лежащую на столе карту острова Мальорка. – Возле шоссе, которое соединяет Вальдемосу и Дейю. Однако должен предупредить вас, что от первоначальных построек монастыря почти ничего не осталось.

– Что значит «почти ничего»? – поинтересовался я.

– Небольшая часть стены, кусочек внутреннего двора и четыре колонны старой галереи.

– Да уж, и в самом деле почти ничего...

– Вы должны иметь в виду, что Мирамар был возведен в 1276 году и лишь в 1872 году эрцгерцог Луис Сальвадор решил приобрести этот монастырь и отремонтировать его. Если бы не эрцгерцог, от него вообще ничего не осталось бы.

– А известно, кто его основал? – поинтересовался профессор Кастильо.

– Еще бы! – ответил Луис Медина. – Не кто иной, как Раймунд Луллий.

– Невероятно! – воскликнул профессор Кастильо. Мы с Касси с недоумевающим видом переглянулись, и это не ускользнуло от внимания двух профессоров-историков.

– Сеньорите Брукс это простительно, потому что она получала образование в Соединенных Штатах, – проворчал профессор Кастильо. – Но тебе, Улисс, должно быть известно, о ком сейчас идет речь.

– Наверное, о каком-нибудь загадочном человеке, жившем на Мальорке в Средние Века, – сказал я, пожимая плечами. – Только я не могу понять, что же тут такого невероятного.

– Невероятное заключается в том, что монастырь основал Раймунд Луллий, – терпеливо объяснил профессор. – Он был не просто, как ты выразился, загадочным человеком, а романистом, поэтом, философом, теологом, лингвистом, астрономом и... зачинателем морской картографии.

– Он был картографом? – вмешалась Кассандра. – Тогда не остается никаких сомнений, что именно этот монастырь упоминается в надписи на перстне.

– Да, скорее всего, именно он, – кивнул профессор Кастильо. – Однако меня обескураживает тот факт, что от первоначальных монастырских построек почти ничего не осталось. Вряд ли нам удастся там что-нибудь отыскать.

– А может, имеет смысл просмотреть сочинения Луллия? – предложил я. – Ведь он же основал монастырь, с которым так или иначе был связан наш таинственный картограф. По всей видимости, они были друг с другом знакомы, не так ли?

– Да, конечно, – согласился профессор Медина. – Однако абсолютное большинство произведений Раймунда Луллия до наших дней не сохранилось, а те, что сохранились, я прочитал, как говорится, от корки до корки и могу тебя уверить: ни в одном из них нет упоминаний о картографе-тамплиере.

– Возможно, в них есть упоминания о познаниях в географии, которыми он, живя в ту эпоху, вроде бы не должен был обладать? – спросила Касси.

Профессор Медина ничего не ответил – он всего лишь молча посмотрел на нее, затем на меня и, наконец, впившись пристальным взглядом в профессора

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Кастильо, требовательно произнес:

– Так вы мне расскажете, в конце концов, что вы ищете, или мне и дальше придется напрягаться, чтобы это понять?

Профессор Кастильо вопросительно посмотрел на нас с Касси, и мы с ней ответили легким кивком.

– Мы считаем, что хозяин этого перстня... знал о существовании Америки.

– Так я и думал, – с некоторым разочарованием в голосе пробормотал Луис Медина. – Вы пытаетесь найти подтверждение уже ставшему знаменитым предположению о том, что тамплиеры плавали в Америку. Однако позвольте мне дать вам совет: выкиньте эту затею из головы прямо сейчас и не тратьте попусту свое время. Очень многие люди до вас занимались этим вопросом, но никому из них так и не удалось найти ни малейших фактов, дабы подтвердить данную гипотезу.

Резко опустив обе руки на стол, профессор Медина назидательным тоном продолжил:

– Тамплиеры никогда не бывали по ту сторону Атлантического океана, и все разговоры о том, что рыцари ордена Храма знали о существовании Америки, – это не более чем фантазии псевдоисториков, у которых только одна цель – написать и продать как можно больше книг. И я искренне удивлен, что ты... – великан укоризненно посмотрел на профессора Кастильо, – что ты позволил себе увлечься предположениями, которые, как тебе и самому прекрасно известно, на самом деле обыкновенный миф.

– Ты задал нам вопрос, и мы на него ответили, – с невозмутимым видом сказал профессор Кастильо. – Мой же вопрос к тебе остается прежним: ты поможешь мне или нет?

– У меня такое впечатление, что ты начинаешь впадать в старческий маразм, Эдуардо. И мне жаль, что ты забиваешь всякими нелепостями головы этих двух столь очаровательных молодых людей. – Взглянув на Касси, он добавил: – Прислушайтесь к моему совету, бросьте эту затею и не тратьте на нее свое время и деньги.

– А мы все-таки попробуем рискнуть, – с завидным упрямством произнесла Кассандра.

– Ну... вам, как говорится, виднее. Однако помните, о чем я вас предупреждал. Сегодня у меня есть кое-какая срочная работа, а вот завтра утром приходите сюда же, в этот кабинет. Где-то около девяти. Я к тому времени постараюсь отыскать в своих архивах всю информацию, которая, с моей точки зрения, может оказаться для вас полезной.

– Спасибо, Луис, – поблагодарил своего коллегу профессор Кастильо. Поняв по словам Медины, что тот считает разговор законченным, он встал со стула и сказал: – До завтра.

– Ну а теперь куда пойдём? – спросила Кассандра, когда мы вышли на улицу.

– Куда пойдёте вы, я не знаю, – ответил профессор Кастильо, – а лично я иду в гостиницу. Мне нужно отдохнуть.

– Ни в коем случае, – возразил я. – Сейчас мы возьмем напрокат автомобиль и все вместе отправимся в монастырь Мирамар.

– Откровенно говоря, я не вижу в этом никакого смысла. Если, как говорил Луис, от первоначальных построек почти ничего не осталось, то мы просто потратим впустую свое время.

– Так ведь и наши попытки найти подтверждение тому, что тамплиеры знали о существовании Америки, тоже, по мнению вашего Луиса, являются пустой тратой времени.

Профессор щелкнул языком и, повернувшись к Кассандре, вопросительно посмотрел на нее.

– Я считаю, что нам нужно съездить в этот монастырь, причем прямо сейчас, – заявила Кассандра. – Мы ведь ради этого и приехали на Мальорку, разве не так?

– Ну, значит, так тому и быть, – сдался профессор. – Если, конечно, тебе, Улисс, от лицемерия древних развалин станет легче...

– Мне стало легче уже от того, что вы решили поступить как Послушный мальчик. А теперь – вперед! – воскликнул я, схватив профессора и Кассандру за руки и увлекая их за собой. – Посмотрим, что нам удастся обнаружить в этом покрытом вековой пылью монастыре.

18

Часом позже я уже сидел за рулем старенького «мерседеса» и мы втроем ехали по шоссе, которое вело из Вальдемось в Дейю. Кассандра, сидя на переднем пассажирском сиденье, внимательно следила за мелькающей справа от автомобиля обочиной, стараясь не прозевать поворот, обозначенный крестиком на карте, лежащей у нее на коленях.

– Это должно быть уже где-то неподалеку, – сказала она.

– Надеюсь, что там стоит какой-нибудь указательный знак, а иначе мы всю свою оставшуюся жизнь будем искать этот чертов монастырь, – недовольно пробормотал профессор, который явно не испытывал особого восторга от нашей поездки на автомобиле.

– Да ладно, не хнычьте, – бодро произнес я. – Никуда этому монастырю от нас не деться. Так что уж лучше наслаждайтесь лицемерием здешнего пейзажа.

Мое предложение было отнюдь не пустыми словами, потому что, если справа от нас возвышались невысокие, покрытые лесом и, в общем-то, ничем не примечательные горы, то слева открывался вид на живописные скалистые обрывы, за которыми переливалась под лучами ласкового осеннего солнца лазурная гладь Средиземного моря, издавонка казавшегося опительно-безмятежным.

– Это здесь! – воскликнула Кассандра, вытянув руку вперед.

Проследив за ее рукой, я увидел стоящий на обочине дорожный знак, который указывал, что впереди имеется ответвление вправо, а чуть дальше виднелся большой щит со стрелкой вправо и надписью «MONESTIR DE MIRAMAR». Мне показалось забавным увидеть те же самые слова, которые были запечатлены на золотом перстне семь столетий назад.

Я свернул направо и вскоре припарковал машину рядом со старинной решетчатой оградой, калитка в которой, похоже, была заперта, отчего у меня возникло опасение, что монастырь, возможно, закрыт для посетителей. Мы вышли из автомобиля, и я, убедившись в том, что калитка и в самом деле закрыта на ключ, приблизился к допотопному на вид переговорному устройству. Сначала я нажал на кнопку легонько и только один раз, а затем, не дождавшись никакого ответа, – с силой и несколько раз подряд.

Прошло почти пять минут, прежде чем из динамика до меня донесся недовольный хриплый голос:

– Что вам нужно?

– Добрый день, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно приветливее. – Мы приехали из Барселоны и хотели бы посетить монастырь.

– Мы принимаем посетителей только на основе предварительной договоренности, – услышал я в ответ.

– К сожалению, мы об этом не знали. Но если уж мы сюда приехали, то не могли бы вы разрешить нам зайти? Мы ненадолго.

– Нет. – На этот раз, как мне показалось, голос прозвучал еще более недружелюбно, чем несколько секунд назад. – Я вам уже сказал, что мы принимаем посетителей только на основе предварительной договоренности.

Меня начало раздражать столь невежливое поведение этого человека, и я, подумав, что ситуация хуже уже не станет, решил на время забыть о хороших манерах и попытаться поговорить совсем другим тоном.

– Послушайте, – рявкнул я в переговорное устройство, – неужели вы хотите сказать, что после того как мы совершили такое длинное путешествие и наконец-таки подъехали к монастырю, вы не позволите зайти в него только из-за ваших дурацких правил? Если бы мы позвонили вам вчера, разве мы были бы сейчас совсем другими людьми? Мы будем стоять здесь до тех пор, пока вы не откроете нам калитку!

– Делайте что хотите... – равнодушно ответил голос, и динамик затих.

Я, похоже, ошибся. Ничего не изменилось, а точнее, стало еще хуже.

Обескураженный отказом, я отвернулся от калитки и посмотрел на приунывшую Кассандру и внимательно наблюдавшего за мной профессора. Мне не оставалось ничего другого, как засунуть руки в карманы, пожать плечами и медленно направиться к автомобилю, мысленно ругая и этого мужчину из монастыря – за то, что он негостеприимно себя повел, и самого себя – за то, что я не сумел предвидеть такого поворота событий.

– Одну минуту, – внезапно раздался за моей спиной голос профессора Кастильо. – Возможно, мне удастся что-нибудь сделать.

Профессор достал из кармана своего пиджака мобильный телефон и отошел на десяток метров в сторону. Он оживленно с кем-то поговорил и, громко поблагодарив собеседника, снова положил телефон в карман. Затем он подошел к капоту автомобиля, оперся на него и, скрестив руки на груди, спокойно уставился перед собой.

– Ну и? – настороженно спросила Кассандра.

– Подождем немного и посмотрим, что произойдет дальше, – коротко ответил Кастильо.

Не прошло и двух минут, как из динамика переговорного устройства снова послышался голос, но теперь он звучал совсем иначе.

– Вы все еще там? – озабоченно осведомился незнакомец.

– Да, мы тут, – ответила Кассандра. – Все еще...

– Извините за задержку, – сказал голос. – Проходите.

В тот же миг замок на калитке щелкнул и дверь с легким жужжанием отворилась.

– Мы не знали, что вы являетесь коллегами сеньора Медины, – стал оправдываться монах в коричневом одеянии францисканца, идя вместе с нами по монастырю. – Сеньор Медина – крупнейший на наших островах специалист по Раймунду Луллию, и наши двери всегда открыты для него и его коллег. Они очень помогли нам в организации нашей выставки.

– Вот и прекрасно, – примирительным тоном сказал профессор. – Будем считать, что произошло недоразумение.

– А какая у вас тут выставка? – поинтересовалась Кассандра, мимоходом разглядывая почерневшие от времени картины, висевшие на стенах коридора, по которому мы шли.

– Выставка, посвященная Раймунду Луллию и эрцгерцогу, – ответил монах, с удивлением посмотрев на Кассандру. – Я полагал, что именно эту выставку вы и приехали посмотреть...

– Отчасти да, – поспешно вмешался профессор. – Но сначала, пока еще не стемнело, нам хотелось бы взглянуть на то, что осталось от первоначальных построек монастыря.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– Да, конечно, – с готовностью откликнулся монах. – Все что хотите. Однако позвольте предупредить, что вас, возможно, ждет разочарование.

– Нас об этом уже предупреждали, – сказал я, состроив рожицу профессору, который, услышав слова монаха, выразительно посмотрел на меня.

Мы прошли с монахом во внутренний дворик, в задней части которого виднелись гордо стоящие, но уже абсолютно бесполезные колонны старинного строения.

– Это все, что осталось от монастыря, основанного досточтимым господином Луллием, – с грустью произнес францисканец, театральным жестом показывая на колонны.

Мы подошли к колоннам и, касаясь кончиками пальцев их каменной поверхности, стали внимательно осматривать, словно пытаюсь найти на них какой-нибудь многозначительный символ или же глубокомысленную надпись. Однако время добросовестно выполнило свою разрушительную работу, и если семь веков назад здесь, возможно, и были какие-нибудь символы или надписи, то сейчас от них ничего не осталось.

– А где все остальное? – спросил я. – Сеньор Медина сказал нам, что, кроме этих колонн, сохранилось что-то еще.

– И да, и нет. К первоначальным постройкам монастыря относится также и часть стены ризницы, однако мы совсем недавно покрыли ее гипсом, потому что она уж слишком сильно обветшала.

– То есть ничего другого больше не сохранилось? – с удрученным видом осведомилась Кассандра.

– Я же предупреждал, что вас ждет разочарование.

Воцарилось напряженное молчание, мы растерянно переглянулись, но, когда я уже собирался сказать, что нам пора уходить, Касси вдруг снова обратилась к монаху:

– А выставка? Можно нам посмотреть выставку?

– Конечно, – охотно согласился францисканец, которому, видимо, надоело стоять на сквозняке во внутреннем дворике. – Пойдемте со мной. Выставка наверняка вызовет у вас интерес.

Мы зашли в огромный зал, который был оформлен просто, но аккуратно. Здесь на небольшом расстоянии друг от друга стояли различные стенды, занимавшие почти все пространство демонстрационного помещения. На этих стендах под стеклом лежали старинные книги и нарисованные от руки карты. На стенах висели портреты монахов, очевидно когда-то живших в монастыре, а также потерянные от времени карты из бумаги и пергамента, тоже закрытые для сохранности стеклами.

– Вот это да! – вырвалось у Кассандры. – Уж выставка так выставка!

– Это самая большая из всех имеющихся на Балеарских островах коллекций, посвященных Раймунду Луллию и эрцгерцогу Луису Сальвадору. Они оба сыграли немаловажную роль в истории наших островов, но каждый по-своему.

– Вы имеете в виду того самого эрцгерцога, который купил монастырские руины, чтобы их реставрировать? – спросил я.

– Да. Интересен тот факт, что значительную часть своей жизни эрцгерцог посвятил изучению деятельности Луллия. Он не только купил пришедший в упадок монастырь, но и собрал обширнейшую информацию о его основателе – все материалы, какие только смог раздобыть. Больше всего эрцгерцог интересовался деятельностью Луллия как географа, и поэтому он разыскал и приобрел десятки карт и рукописей, имевших то или иное отношение к Луллию и его увлечению картографией...

Монах обвел взглядом выставочные стенды и после небольшой паузы продолжил:

– Как ни странно, хотя картография отнюдь не являлась главной составляющей деятельности Раймунда Луллия, эрцгерцог проигнорировал в его огромном

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
наследии все, что не было в той или иной степени связано с географическими картами. В частности, эрцгерцог без тени сомнения отдал в подарок ценнейшие документы, некогда принадлежавшие Луллию, исходя лишь из того соображения, что они не имели никакого отношения к столь сильно интересовавшей его картографии. Тем не менее, уважая память Луиса Сальвадора, мы разместили экспонаты выставки в зависимости от того значения, которое он придавал этим документам и предметам.

– Поразительно! А известно, чем была вызвана страсть эрцгерцога к картографии? – спросил профессор, пытаясь направить разговор с монахом в нужное нам русло.

– Нет, это, к сожалению, неизвестно. Правда, существуют различные нелепые предположения о поисках каких-то сокровищ или чего-то в этом роде, однако лично мне все эти гипотезы кажутся не более чем чушью.

Я почувствовал, как кровь схлынула с моего лица, а на висках выступил пот. По всей вероятности, с Кассандрой и профессором произошло то же самое, потому что монах вдруг резко переменялся в лице и посмотрел на нас с явно обеспокоенным видом.

– Вы себя хорошо чувствуете? – спросил он, беря профессора за руку. – Вы все вдруг так сильно побледнели...

Несколько минут спустя, оставшись в зале втроем и уже более-менее справившись с охватившим нас волнением, мы стали молча ходить по залу – каждый сам по себе. Внимательно рассматривая карты и документы, я радовался тому, что организаторы выставки побеспокоились о переводе каждой надписи и текста на каталанский, английский и испанский языки.

Поскольку рукописей здесь было превеликое множество, мы решили, что проанализируем только те из них, в которых так или иначе упоминаются тамплиеры, дальние морские путешествия и секретные карты. Конечно, при таком подходе наши шансы найти что-нибудь из того, что могло бы оказаться для нас полезным, существенно снижались, однако, если бы мы стали тщательно изучать все подряд, нам пришлось бы провести в этом зале несколько месяцев.

Я начал рассматривать экспонаты из глубины зала. Поначалу я пытался полностью прочитывать оригиналы рукописей, большинство из которых были написаны на старокаталанском языке, однако вскоре решил ограничиться быстрым просмотром, а затем и вообще стал читать только их перевод на испанский, хотя перевод этот, как я заметил, был далеко не всегда удачным.

После почти трех часов напряженного чтения, от которого у меня едва не разболелась голова, я не выдержал и обессиленно рухнул на один из стульев, стоявших у выхода из зала. Касси, увидев, что я «сдался», еле волоча ноги, подошла ко мне и плюхнулась на соседний стул. Теперь только профессор продолжал ходить от стенда к стенду со слегка очумелым видом фанатично влюбленного в свою науку историка, дорвавшегося до пожелтевших пергаментов и нарисованных от руки старинных карт.

– Ты помнишь, что сказал монах о выставленных здесь экспонатах? – через некоторое время спросила меня Кассандра, которая вдруг оживилась и устремила свой взор куда-то вглубь зала.

– Да. Он сказал, что они размещены здесь в зависимости от их значимости.

– Нет, Улисс, – покачала головой Кассандра, – не в зависимости от их значимости, а в зависимости от того значения, которое придавал каждому из них эрцгерцог.

– Да, ты права. Ну и что из этого?

– А ты помнишь, что, по словам монаха, больше всего интересовало Луиса Сальвадора?

– Картография?

– Да, именно она. А почему? – снова спросила Кассандра, все еще глядя куда-то вглубь зала.

- Может, потому что он, как и мы, хотел разыскать сокровища тамплиеров?
- Именно эта мысль мне и пришла сейчас в голову. Стало быть... – Кассандра не договорила, предоставляя мне возможность сделать это за нее.
- ...стало быть, экспонат, занимающий главное место на этой выставке, был – с точки зрения эрцгерцога – в наибольшей степени связан с сокровищами тамплиеров, – сказал я, еще не понимая до конца смысла произносимых мною слов.

Кассандра подняла руку и ткнула пальцем, указывая на что-то. Проследив за ее рукой, я увидел небольшой стенд, находившийся в самом центре выставочного зала.

- Кто-нибудь из вас смотрел на содержимое вон того стенда? – громко спросила она, тем самым спровоцировав профессора немедленно подойти к указанному ею стенду. – По-моему, именно он занимает главное место на этой выставке.

19

- Ну и что вы о нем думаете, профессор? – спросила Кассандра.
- Станный документ, – ответил профессор, не отрывая взгляда от лежащего под стеклом пергамента. – Я не понимаю его смысла.
- В нем нет никаких упоминаний ни о сокровищах, ни о важных открытиях, ни даже о картографии, – вздохнула Касси. – Это всего лишь завещание.
- Кроме того, это завещание было составлено в 1432 году, то есть примерно через столетие после смерти Раймунда Луллия. Мне даже непонятно, с какой стати оно вообще оказалось на этой выставке.

Хотя я два раза прочитал перевод документа и тоже ничего не понял, внутренний голос подсказывал мне, что в нем заключен какой-то скрытый смысл. Завещание датировалось июлем 1432 года, было заверено нотариусом и подписано неким Хайме Рибесом, о котором никто из нас троих никогда раньше ничего слышал. Однако документ этот находился в самом центре зала, и десятки других рукописей, выставленных на соседних стендах, казались всего лишь маленькими планетами-спутниками, вращающимися вокруг гораздо более крупной планеты. Завещание было написано на португальском языке и гласило о передаче по наследству имущества и различных прав некоему бенефициару, по-видимому ребенку и, скорее всего, мальчику. Единственное, что имело в нем, как мне показалось, хоть какое-то отношение к картографии, так это упоминание о Крескесе, создателе того самого каталанского атласа, которым я несколько часов назад любовался в кабинете Луиса Медины. Подписавший завещание Хайме Рибес упоминал Крескеса в каком-то странном контексте, представлявшем собой что-то вроде стишка-загадки, размещенного в самом конце завещания:

Fugin l'alumne del magistro
Arriba a las mes humiliada vila
E sota la yum d'en petit Cresques
Guarda el camí del Brau
A la negra Allexandria.

- Это написано не на португальском, – сказал я, нарушая воцарившееся было молчание, – а на старокаталанском.
- Что вполне логично, потому что Хайме Рибес, вероятно, был каталонцем, – заметил профессор. – Но почему тогда весь остальной текст написан на португальском? Вот этого я не понимаю.
- Мне кажется, что если в этом документе и есть что-то интересное для нас, то оно заключено в самом его конце, а именно в этих пяти строчках, – вмешалась Кассандра. – Во-первых, они слишком сложны для понимания, чтобы быть детской загадкой, а во-вторых, в них есть упоминание о Крескесе, и это наталкивает меня на мысль, что здесь есть какой-то подтекст.

- вполне можно допустить, что именно так считал и человек, собравший эту коллекцию, – сказал я, – иначе данная рукопись не находилась бы сейчас в

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
центре зала. Кроме того, уже сам факт, что этот документ явно отличается от других экспонатов, свидетельствует о том, что он имеет какое-то особое значение.

– «Убегая от учителя, ученик... – начал читать перевод рукописи профессор Кастильо, делая паузы между строчками, – прибыл в самый убогий город... и под светом маленького Крескеса... сберег путь Быка... в черной Александрии».

Затем он поднял глаза и, посмотрев на нас с Кассандрой, спросил:

– Вам это о чем-нибудь говорит?

Получив в ответ лишь наше гробовое молчание, он вздохнул и снова склонился над стендом.

– Мне кажется, – сказала Касси, зевая и потягиваясь, – что если эрцгерцог действительно изучал этот документ много-много лет и, насколько нам известно, так и не сумел его расшифровать, а значит, не смог добраться до сокровищ, то нам вряд ли удастся разгадать смысл данных строк за те полчаса, которые имеются в нашем распоряжении. – Она снова зевнула и добавила: – Тем более что мы устали и умираем от голода.

– Ты абсолютно права, моя дорогая, – согласился профессор. – Нам лучше возвратиться в гостиницу. Мы можем приехать сюда завтра и поразмыслить над этой загадкой уже на свежую голову.

– Возможно, в этом не будет необходимости, – сказал я и, отвечая на немой вопрос, читавшийся во взглядах Кассандры и профессора, которые тут же уставились на меня, пояснил: – Думаю, у них здесь должны быть копии всех документов. Давайте еще разок воспользуемся авторитетом Луиса Медины и попросим монаха дать нам кое-какие копии.

В этот самый момент, словно бы нас подслушивали, раздался голос монаха:

– Вы нашли то, что искали?

– Возможно, что и нашли, – ответил я, поворачиваясь. – Нам хотелось бы знать, нет ли у вас тут копий выставленных на стендах документов.

– Конечно, есть. Оригиналы представляют собой слишком большую ценность, и мы работаем не с ними, а с их копиями.

– А... а нельзя ли взять у вас копии кое-каких рукописей, чтобы мы могли их более внимательно изучить?

– Боюсь, что это невозможно. Выносить копии выставленных здесь документов за пределы монастыря запрещено. Такое условие поставили нам потомки эрцгерцога.

– Даже одну-единственную копию?

– Даже одну-единственную копию. Мне жаль, но таковы действующие здесь правила, – сказал монах и, словно оправдываясь, добавил: – Эти правила установили не мы, и даже сеньор Медина не может их изменить. Чтобы более подробно ознакомиться с содержанием того или иного из представленных здесь документов, вам необходимо приехать сюда, на выставку.

– Мне непонятен смысл подобных ограничений... Впрочем... А не могли бы вы дать нам пару карандашей и бумагу?

Касси и я стали переписывать завещание – а точнее, его перевод на каталанский и испанский языки – на листки бумаги, которые нам дал монах. Я тешил себя надеждой, что если мы позже, в спокойной обстановке и без спешки, изучим этот текст, то сможем хоть в какой-то степени понять его смысл. Профессор Кастильо тем временем разговаривал с монахом, которого звали Франсиско, о богатстве и значении представленной здесь коллекции.

– Я вижу, вас заинтересовало завещание Хайме Рибеса.

– Да, это верно, – подтвердил профессор. – Поскольку оно размещено в самом

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
центре зала, мы пришли к выводу, что этот документ, должно быть, имеет гораздо большее значение, чем может показаться при первом его прочтении.

– Вы правы, – согласился францисканец. – Эрцгерцог хранил его в своем личном сейфе рядом с документами, свидетельствующими о его дворянском звании. Мне даже кажется, что он считал этот документ самым ценным своим приобретением и ставил его выше всего остального своего имущества.

– А вы не знаете, по какой причине? – спросил профессор.

– Сожалею, но мне опять придется вас разочаровать. Он никому об этом никогда ничего не рассказывал – и уж тем более не писал. На этот счет есть только одна гипотеза, да и то неправдоподобная.

– А можно поинтересоваться, что это за гипотеза? – Я положил карандаш на стеклянную поверхность стенда и внимательно посмотрел на монаха.

– Она, в общем-то, довольно простая, – с удрученным видом произнес Франсиско, – и заключается в том, что данный документ был составлен выдающимся картографом, который служил португальскому принцу Генриху Мореплавателю. Вы ведь заметили, – добавил монах, обводя рукой зал, – насколько сильно увлекался эрцгерцог всевозможными картами.

– Теперь понятно, почему практически весь текст завещания был составлен на португальском языке, – сказала Касси. – Но что побудило известного картографа последние пять строчек в конце завещания написать на каталанском?

– Что же тут странного?! – воскликнул монах, как будто ответ на заданный Кассандрой вопрос был очевиден. – Да потому что автор завещания являлся уроженцем Мальорки!

– Неужели? Я этого не знала.

Монах несколько секунд молчал, глядя на нас с нескрываемым недоумением.

– А вы точно работаете вместе с сеньором Мединой? – наконец спросил он, видимо очень сильно удивившись, что мы не знаем того, что можно считать прописной истиной. – Он сказал мне по телефону, что вы являетесь его коллегами, и поэтому я посчитал, что тематика данной выставки вам хорошо знакома.

– Ну конечно, мы являемся коллегами сеньора Медины, – с невозмутимым видом заявил профессор. – Тем не менее я могу сообщить вам, что за многие годы моей работы преподавателем средневековой истории мне никогда не доводилось слышать о человеке по имени Хайме Рибес.

Монах впился взглядом в профессора, очевидно пытаясь понять, насколько тот сейчас откровенен с ним. Затем францисканец сложил руки, как это обычно делают монахи, и посмотрел на каждого из нас с таким видом, как будто мы только что ему сказали, что не знаем, кто такой Санта-Клаус.

– Хайме Рибес, – неторопливо пояснил монах, – это имя и фамилия человека, который обратился из иудаизма в христианство и о котором вы, возможно, слышали. Первоначально его звали Хафуда Крескес. Он был сыном Авраама Крескеса – того самого картографа, создавшего так называемый Каталонский атлас, ставший самой лучшей географической картой средневековья.

20

Лучи света от фар «мерседеса» скользили по асфальту петляющего вдоль побережья шоссе. Там, где днем переливалось лазурью Средиземное море, теперь виднелась темная и мрачная масса воды, которая, казалось, поглощала свет фар, когда наш автомобиль поворачивался в ее сторону.

Мы все молчали, размышляя над той малопонятной информацией, которую нам удалось узнать. Профессор, снова расположившись на заднем сиденье, уже в десятый раз внимательно перечитывал завещание Хафуды Крескеса в переводе на каталанский язык, а Кассандра читала его на испанском. Наконец Кассандра не выдержала и нарушила напряженное молчание, царившее в салоне автомобиля.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– «Убегая от учителя... ученик прибыл в самый убогий город... и под светом маленького Крескеса... сберег путь Быка... в черной Александрии»... – Прочитав эти строки, Касси подняла глаза и задумчиво уставилась на бегущее нам навстречу дорожное полотно. – Непонятно, за что тут можно зацепиться.

– Думаешь, в этих строчках и в самом деле заключена какая-то загадка? – скептическим тоном спросил я.

– Конечно, – ответила Кассандра. – В противном случае не было бы никакого смысла вставлять в завещание такой странный текст.

Посмотрев в зеркало заднего вида, она обратилась к Кастильо:

– А вы разве со мной не согласны, профессор?

Прождав несколько секунд, Касси так и не услышала в ответ ничего, кроме глухого гула автомобильного мотора.

– Проф! – позвал я. – Вы тут, с нами?

– Что?.. Вы что-то говорили?..

– Я у вас спросила, согласны ли вы с тем, что в последних пяти строках завещания содержится какой-то скрытый смысл?

– Я как раз над этим размышляю, моя дорогая... – рассеянно ответил профессор, снова погружаясь в свои мысли.

– Ну и к какому вы пришли выводу? – осведомился я, решив помочь Касси разговорить профессора.

– Ну... по правде говоря, пока ни к какому...

– Неужели? А еще, наверное, считаете себя выдающимся мастером научного анализа! – поддел я его.

– А ты бы лучше вел себя повежливее, – заступилась за профессора Кассандра.

– Оставь его, – сказал профессор, выходя из состояния задумчивости. – Улиссу просто очень нравится издеваться над слабыми беззащитными стариками.

– О-о, вы, я вижу, наконец-таки вернулись с небес к нам, простым смертным.

Кассандра вновь посмотрела в зеркало заднего вида, а затем покосилась на меня.

– Вы оба ведете себя, как дети. У меня такое впечатление, что мы занимаемся не серьезными поисками, а съемками новой серии фильма «Чапулин Колорадо» [17].

– Ты права, Касси, – сдержанно ответил я, а затем, наклонившись к ней, громким шепотом добавил: – Знаешь, а профессор последнее время мне кажется каким-то странным...

– А может, нам лучше держаться от него подальше? – таким же громким шепотом спросила у меня Касси.

– А может, уже достаточно дурацких шуточек, сеньорита Брукс? – сердито проворчал профессор. – Или вы не способны ни на что серьезное?

Касси снова посмотрела на профессора, но на этот раз ничего не сказала.

– Так вы поняли хоть что-нибудь из того, что написано в завещании? – поинтересовался я, пытаясь сменить тему.

– Пока нет, – спокойно отозвался профессор Кастильо. – Но я готов поспорить на свою пенсию, что строки в конце документа несут в себе какой-то скрытый смысл.

– Наверное, они указывают на то место, где спрятаны сокровища тамплиеров, – неуверенно произнес я.

– Вряд ли, – сразу же отверг мое предположение профессор. – Если исходить из того, что тамплиеры решили увезти сокровища в Америку, то, бесспорно, должен был бы иметься какой-нибудь план или же подробное описание их местонахождения – в противном случае представители ордена никогда не смогли бы найти свое золото. Я же очень сомневаюсь, что в этих пяти строчках автор мог вместить достаточно подробное описание этого места. Кроме того, меня немного смущает использованное в оригинале текста слово «magistro».

– А почему?

– Да потому что оно было переведено на каталанский и испанский языки как «учитель», однако, насколько я знаю, в старокаталанском обычно использовалось латинское слово, а «учитель» на латыни звучит вообще-то как «magister». Впрочем, это, скорее всего, не имеет большого значения. Возможно, наш друг Хафуда не очень хорошо знал латынь и допустил ошибку, а коллеги Медины, поняв это, перевели данное слово как «учитель», поскольку как раз учителя и имел в виду Хафуда, когда писал эти строки.

– Боюсь, что все это вообще не имеет никакого значения, – сказала Кассандра и удрученно вздохнула. – Наверное, ваш друг Медина прав и мы действительно гоняемся за призраком, за миражом.

Мне показалось, что последние слова, произнесенные Кассандрой, отдались эхом в салоне нашего автомобиля, и я посмотрел в окно: впереди виднелась извилистая горная дорога.

– Я понимаю, что мы похожи на людей, решивших попытаться найти призрак, да к тому же еще и в туманную ночь, – сказал я, заметив в этот момент небольшие клубы тумана, мелькавшие перед нами в свете фар. – Но лично я готов пойти на что угодно, лишь бы только удалось приподнять занавес над этой тайной, а то и полностью ее разгадать.

Кассандра и профессор предпочли промолчать, однако даже беглого взгляда на их лица было вполне достаточно, чтобы понять: они думают точно так же, как и я.

– Я никак не могу объяснить себе один момент, – сказала Кассандра, держа в руке вилку с наколотым на нее кусочком телятины. – Если Крескес знал о том, где находятся сокровища тамплиеров, и написанные им пять строк содержат информацию об этом тайнике, то почему он не попытался разыскать сокровища ордена?

– А может, он и пытался, – предположил я, жуя лист салата.

– Тогда у меня возникают два предположения: или это завещание было просто очень злой шуткой и Крескес сейчас где-нибудь на том свете от души над нами смеется, или же последние строки были написаны не им и он не сумел их расшифровать. Нам ведь доподлинно известно, что Крескес не оставил своим потомкам наследства на десять миллиардов нынешних американских долларов в виде золота, драгоценных камней и прочих ценностей, – сказала Кассандра и направила в мою сторону вилку, как будто это была волшебная палочка, с помощью которой она могла превратить меня в лягушку.

Мы еще по дороге из монастыря решили, что по возвращении в гостиницу сразу же пойдем ужинать, и вот теперь, сидя в полупустом обеденном зале, каждый из нас от души прикладывался к включенным в стоимость проживания, а потому вроде бы как бесплатным блюдам. Мы – это я и Кассандра, поскольку профессор предпочел остаться у себя в номере, чтобы – уже в который раз! – перечитать переписанный нами текст завещания и попытаться отгадать его смысл.

– Я готов выдвинуть и третье предположение, – сказал я. – Крескес мог знать о местонахождении сокровищ, но отказался от попытки заграбастать их себе.

– А почему он мог принять такое решение?

– Возможно, по той простой причине, что Крескес видел свою задачу не в том, чтобы завладеть этими сокровищами, а в том, чтобы, наоборот, их защитить, – ответил я, вонзая вилку в оливку.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– Ты хочешь сказать, что обратившийся в христианство иудей Хафуда Крескес был преемником тамплиеров и пытался защитить величайшие за всю историю человечества сокровища от алчности позабывших заветы Иисуса христиан?

– Мне показалось, что вряд ли мы имеем дело с простым совпадением. И то, что найденный нами перстень принадлежал картографу, выросшему на этом острове, и то, что другой картограф, тоже уроженец Мальорки, включил в свое завещание текст, содержащий, скорее всего, сведения о местонахождении сокровищ, спрятанных его коллегой столетием раньше на континенте, о существовании которого станет известно лишь в конце пятнадцатого века, – это звенья одной цепи.

– Я не понимаю, к чему ты клонишь, Улисс.

– Да я просто спрашиваю сам себя, – продолжал я, разглядывая бокал с красным вином, который в этот момент держал в руке, – не сообщил ли Хафуда в своем завещании информацию о тайнике тамплиеров собственному сыну? Эти сведения он мог получить в наследство от своего отца Авраама, тоже картографа, который, в свою очередь, получил ее ранее, скажем.. от Раймунда Луллия. Ведь знаменитый теолог, как нам стало известно, тоже занимался картографией и жил на Мальорке, причем в период, когда уже начались гонения на орден Храма. Этот самый Раймунд Луллий, кстати, основал монастырь, который мы сегодня посещали и в котором, вероятно, некогда жил хозяин найденного нами перстня с тамплиерской печатью.

Кассандра некоторое время молча размышляла над моими словами, жуя при этом кусочек телятины, который она наконец-то отправила себе в рот, а затем, прищурившись, с любопытством посмотрела на меня.

– Знаешь, а ты вовсе не такой тупой, каким кажешься на первый взгляд.

– Надо же, какое совпадение! То же самое когда-то сказал мой преподаватель математики, – усмехнулся я. – Но он, конечно, ошибался.

– Ребятки, как я рад вас видеть! Мне хочется вам кое-что показать! – взволнованно воскликнул профессор Кастильо, едва мы успели открыть дверь его номера, чтобы передать ему фрукты, которые он просил принести. – Входите, входите.

Мы с Касси переглянулись и, смиренно вздохнув, прошли в номер. Мы оба очень сильно устали после нелегкого дня, да и выпитое за ужином красное вино уже возымело свое действие, а потому единственное, чего мы сейчас хотели, – это побыстрее добраться до своих кроватей и завалиться спать. В общем, приглашение профессора не вызвало у нас особого восторга.

– Присаживайтесь, – сказал нам Кастильо, собирая в одну кучу листы бумаги, разбросанные по стоявшему в его номере небольшому письменному столу.

Поскольку стул в комнате был один и сидел на нем сам профессор, мы с Касси присели на край кровати, лелея надежду, что «лекция», которую нам предстояло послушать, будет не очень долгой. И тут я заметил, что на столе в пепельнице лежит выкуренная наполовину самокрутка, а в воздухе чувствуется знакомый мне специфический запах.

– Вы курите марихуану, профессор? – изумленно спросил я. Кастильо с невозмутимым видом посмотрел на самокрутку и пожал плечами.

– Время от времени, – как ни в чем не бывало ответил он. – Я всегда имею при себе пакетик с травкой. Она помогает мне расслабиться.

Взяв из пепельницы самокрутку и протянув ее нам, Кастильо сказал:

– Не хотите ли сделать по затяжке?

Ошеломленно переглянувшись, мы с Кассандрой отрицательно покачали головами, а затем сказали профессору, что очень устали и поэтому желательно сразу же перейти к делу.

– Видите ли... – начал профессор, откинувшись на спинку стула, – пока вы там преспокойненько набивали себе животы, я напряженно изучал переводы

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
завещания – и на каталанский, и на испанский.

– Вы упрекаете нас за то, что мы позволили себе поужинать? – сердито пробормотал я.

– Нет, извините, я совсем не это хотел сказать. А может, и это, но вы не обращайтесь на меня внимания. Я тут немного накурился...

– Не переживайте, профессор, мы вас понимаем, – сочувственно произнесла Кассандра.

– Ну что ж, тогда позвольте сообщить вам, что я внимательно перечитал это завещание несколько раз, а особенно его финальную часть... – В глазах профессора загорелся огонек, и его голос зазвучал громче: – Смеем вас заверить, что мне удалось уловить в нем определенный смысл!

Профессор, на секунду замолчав, порылся в своих бумагах и достал из них листок, который затем показал нам.

– То, что оставил нам наш друг Хафуда, представляет собой описание некоего путешествия.

– А нельзя ли поподробнее? – попросила Кассандра.

– Можно. Давайте перечитаем последние строки завещания: «Убегая от учителя, ученик...» В этой строке говорится о том, что некий человек убежал от другого человека, и, хотя нам неизвестно, кто они такие и почему один убежал от другого, мы можем сделать вывод, что оба эти персонажа вполне вписываются в общий контекст исследуемых нами событий. Особенно «ученик», который, по всей видимости, является главным действующим лицом всей этой истории. – Профессор на мгновение задумался, а затем, словно для самого себя, добавил: – Когда возвращусь в Барселону, сразу же постараюсь найти в архивах какие-нибудь упоминания о подобного рода событиях, происшедших на острове Мальорка в начале пятнадцатого века, хотя, конечно, отыскать такие упоминания будет нелегко.

– Профессор, именно об этом мы и разговаривали во время ужина, и Улиссу пришло в голову, что эти пять строчек могли быть написаны лет на сто раньше. Возможно, их написал автору завещания его отец, а тому – какой-то третий человек. – Взглянув на меня, Кассандра твердо произнесла: – И мне кажется, что Улисс прав.

– Думаешь, зашифрованная информация о местонахождении сокровищ тамплиеров могла переходить от поколения к поколению, как бабушкино наследство?

– А почему бы и нет? – вспыхнул я. – В этом есть определенный смысл. Если верить вашему другу Луису, Раймунд Луллий был лучшим картографом Европы, причем как раз в тот период, когда тамплиеры пытались найти убежище в Америке. Вам не приходит в голову, что они могли обратиться к нему за консультацией, а потому он знал, куда именно они скрылись, и впоследствии сообщил об этом Аврааму Крескесу, а тот, в свою очередь, передал секретную информацию сыну Хафуде в виде странных для непосвященного человека строк?

– Секундочку, Улисс, – перебила меня Кассандра, кладя руку на мое колено и не замечая, что ее прикосновение вызвало у меня легкую дрожь. – Ты сказал «скрылись». А если под словом «ученик» подразумевались тамплиеры, а под словом «учитель»... скажем, Папа Римский или французский король?

– Не знаю, не знаю... – задумчиво произнес профессор. – Наверное, такое возможно, однако мне трудно себе представить, чтобы кто-то стал проводить параллели между отношениями ордена Храма с католической церковью или государственной властью и отношениями ученика с учителем. По правде говоря, дорогая моя, я не верю, что здесь имелось в виду именно это.

– Тогда... тогда я не знаю, за что нам можно зацепиться.

– Немножко терпения, девочка моя, немножко терпения. Я еще не закончил...

Профессор снова посмотрел на листок бумаги, который он держал в руках, и прочитал четыре следующие строки:

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– «Прибыл в самый убогий город... и под светом маленького Крескеса... сберег путь Быка... в черной Александрии...»

– Эти слова навели вас на какие-то умозаключения? – не скрывая своего скепсиса, спросил я.

– В общем-то, нет, – признался профессор. – «Самый убогий город» может означать какой угодно населенный пункт. «Свет маленького Крескеса»... Хм, у меня нет даже малейшего представления о том, что же эти слова могут означать. О «черной Александрии» я никогда ничего не слышал. Я знаю, что в Египте есть город Александрия, но вряд ли ее можно назвать черной...

– Проф, – перебил я профессора, поднимая, как школьник, руку. – Вы пропустили фразу о каком-то там «пути Быка».

– Очень хорошо, Улисс. – Профессор выразил свою признательность, слегка склонив голову. – Я вижу, что ты внимательно слушал меня. Однако я пропустил эту фразу умышленно, потому что мне захотелось поговорить о ней в последнюю очередь. Видите ли, самое первое, что привлекло мое внимание, – это наличие в оригинале слова «Brau», то есть «бык», однако написано это слово с большой буквы, как будто речь идет о ком-то или чем-то очень важном. – Профессор встал со стула и, заложив руки за спину, стал ходить взад-вперед по комнате, словно он снова был преподавателем университета и выступал сейчас в привычной для себя манере перед студенческой аудиторией. – Я долго размышлял над этим словом, пока мне не пришло в голову, что «бык» на латинском языке звучит как «taurus» и что это слово можно разбить на две части, а именно на «t» и на «aurus». Буква «t» в тринадцатом веке использовалась в качестве логотипа ордена бедных рыцарей Христа, а «aurus» на латыни означает не что иное, как «золото»... – Опершись руками о край стола, профессор бросил на нас пронзительный взгляд и произнес: – Таким образом, если вдуматься, то получается...

– ...получается «путь золота тамплиеров»! – восторженно воскликнула Кассандра, которой и на этот раз удалось превзойти меня в скорости мышления.

21

На часах еще не было девяти, а мы уже, стараясь быть пунктуальными, припарковали взятый напрокат автомобиль перед фасадом здания, в котором находился исторический факультет. Ровно в девять мы постучали в дверь кабинета профессора Луиса Медины.

– Входите! – раздался из-за двери его зычный голос.

– Добрый день, Луис, – сказал профессор Кастильо, входя в кабинет.

– Какие гости! Приветствую вас всех троих, – поздоровался великан, наполовину скрытый от нас лежавшей на столе огромной кучей бумаг.

Он быстро отодвинул бумаги в сторону, извинился за царивший на столе беспорядок, а затем предложил нам присесть. Однако, как и вчера, нам не хватало одного стула, а потому я снова остался стоять.

– Ну и как с вами обошлись в монастыре? Надеюсь, больше никаких проблем там не было?

– Абсолютно никаких, Луис. После твоего звонка все пошло как по маслу.

– Рад это слышать, – удовлетворенно произнес Медина. – А вы... вы нашли то, что искали?

– Вполне возможно, что да, – уклончиво ответил профессор Кастильо. – Хотя, признаться, мы в этом не уверены.

Осознав, что ответ профессора Кастильо на этом и заканчивается, Медина, подняв брови, с нетерпеливым видом посмотрел на нас троих и спросил:

– Может, все-таки расскажете что-нибудь еще? Я не смогу вам ничем помочь, если вы будете отмалчиваться.

Мы переглянулись и, не обменявшись ни единым словом, пришли к общему мнению, что нам, пожалуй, следует ввести профессора Медину в курс наших недавних поисков.

– Мы полагаем, – взяла слово Кассандра, – что завещание Хафуды Крескеса содержит в себе зашифрованную информацию о том, где находятся... Э-э... кое-какие сокровища.

– Вы имеете в виду последние пять строчек?

– Именно так.

– И, естественно, – сказал Медина, глядя на профессора Кастильо, – мой дорогой друг Эдуардо предположил, что имеющееся в четвертой строчке слово «Vgau» можно рассматривать как ссылку на золото тамплиеров.

– Ты это знал? – ошеломленно уставившись на своего старого товарища, спросил профессор Кастильо.

– Эдуардо... – Медина укоризненно покачал головой. – Я уже многие годы изучаю документы, хранящиеся в монастыре Мирамар, в том числе и это завещание. Я его даже знаю наизусть.

– Значит, мы на правильном пути? – вмешался я. – В этой строке действительно имеется в виду золото тамплиеров?

– Этого я не говорил.

– Но вы ведь только что...

– Я сказал, что, по всей видимости, мой друг Эдуардо сделал такое вот предположение, но я не говорил, что согласен с ним.

– Да ладно тебе, Луис, – буркнул профессор Кастильо. – Перестань нас дурачить.

Великан громко расхохотался.

– Хорошо, – сказал он, наконец успокоившись. – Нет ни малейших оснований утверждать, что данное предположение является правильным... Однако я не исключаю возможности, что Хафуда Крескес в данной строчке завещания имел в виду сокровища ордена Храма.

Увидев, как изменилось выражение лиц профессора и Кассандры, я понял, что не только меня, но и моих спутников охватило волнение, которое значительно усилилось, когда до нас дошло, что прозвучавшие только что слова мы услышали не от кого-нибудь, а от одного из крупнейших специалистов мира по данному вопросу.

– Мы на верном пути! – воскликнула Кассандра, словно бы удивляясь нашей проницательности. – В завещании содержится информация о местонахождении этих чертовых сокровищ.

– Сеньорита Брукс, – профессор Медина пристально посмотрел на Кассандру, – вы делаете скоропалительные выводы. Остальные строки, хотя в них вроде бы говорится о каком-то путешествии и о его конечном пункте, не содержат в себе ничего, кроме прозрачных намеков... – Погрустнев лицом, Медина добавил: – Мне вас искренне жаль, но эти строки являются загадкой без отгадки. Они, по всей вероятности, представляют не что иное, как последнюю шалость старого шутника. Я размышлял над ними в общей сложности несколько месяцев и пришел только к одному выводу: эти строки, хотя они вроде бы и содержат в себе определенный намек, в действительности не имеют абсолютно никакого смысла.

– А может, правильнее было бы сказать, – вмешался я, чувствуя, что меня начинает раздражать категоричность суждений этого человека, – что вам не удалось понять скрытый в них

смысл?

– Видишь ли, Улисс, – снисходительно произнес профессор Медина, – если ни

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
мне, ни кому-либо из моих коллег не удалось понять смысл этих строк, то это значит, что понять его в принципе невозможно.

– Мне кажется, что подобные заявления являются несколько высокомерными, – не удержался я.

– Это не высокомерие, парень, а вполне обоснованная уверенность в собственной правоте.

– А знаете, что думаю лично я о подобной «уверенности в собственной правоте»? – Я подошел к столу и оперся руками о его крышку.

Меня всегда очень сильно раздражали всевозможные апостолы абсолютных истин, которые, по сути дела, ратовали за подавление инициативы других людей и вообще всего того, что не соответствовало их догматическим представлениям и тем самым уязвляло их самолюбие.

– Улисс, пожалуйста, успокойся, – подал голос профессор Кастильо, видимо испугавшись, что я могу уйти слишком далеко. – Не забывай, что Луис нам помогает.

– Может, и помогает, однако мне кажется, что ваш коллега пытается при этом внушить нам, что все, сказанное им, является истиной в последней инстанции, а мы, несчастные невежды, не способны видеть дальше собственного носа.

– Да ладно тебе, Улисс... Возможно, Луис прав и возникшая у нас версия ни к чему не приведет.

– Но другой версии у нас попросту нет! Если мы сейчас откажемся от нее, это будет означать конец нашим поискам, а лично я сдаваться не собираюсь.

– Молодой человек, – сказал профессор Медина, – если у вас есть какая-то мечта, это еще не значит, что она обязательно станет явью. Такое происходит только в низкопробных фильмах,

– Охотно верю, – согласился я, но при этом едва сдерживался от злости, вызванной покровительственным тоном хозяина этого кабинета. – Однако и в низкопробных фильмах, и в реальной жизни всегда есть деятели, которые считают, что только им одним дано решать, что может стать явью, а что нет, и которые с удовольствием вставляют другим людям палки в колеса. – Хватит! – перебил меня профессор Кастильо. – Подобные разговоры нас ни до чего хорошего не доведут. – Серdito взглянув на меня, он добавил: – Тебе, Улисс, сейчас лучше помолчать.

Уже открыв рот, чтобы резко возразить своему спутнику, я вдруг заметил, что Кассандра, удивленная моим чрезмерно эмоциональным поведением, пристально смотрит на меня. Подумав, что я в этот момент, наверное, выгляжу в ее глазах скандалистом, я прикусил язык, отвернулся и, чтобы немного остыть, попытался сосредоточить свое внимание на обстановке кабинета.

Профессор Кастильо нарочито громко извинился перед своим другом, а затем как ни в чем не бывало спросил у него, принес ли тот обещанную нам информацию о Раймунде Луллии.

Стараясь не прислушиваться к их разговору, я разглядывал висевшую на стене репродукцию Каталанского атласа и думал о том, что вот же угораздило супругу автора этой карты родить на белый свет сына, впоследствии сделавшего из своего завещания ребус, от которого у нас голова идет кругом.

Несмотря на прескверное настроение, я, рассматривая Каталанский атлас, не мог в очередной раз не восхититься тем кропотливым трудом, который был вложен в создание этой прекрасной карты. Побережье Европы и Северной Африки было изображено на ней с очень высокой степенью детализации, и, кроме того, на ней фигурировали даже Канарские острова, о которых к моменту создания этой карты еще мало кто знал. Мой взгляд, скользя по карте от этих островов в сторону севера, остановился на маленьких кусочках суши в форме полумесяца и бутона (возле них было просто написано «Острова»), под которыми, по всей видимости, подразумевались Азорские острова и острова Мадейра, однако их форма и местоположение лишь приблизительно соответствовали действительности.

Слушая вполуха, как Медина рассказывает профессору Кастильо об одном из сочинений Раймунда Луллия, посвященному компасу и тем возможностям, которые данное устройство дает мореплавателям, я рассеянно разглядывал розу ветров, изображенную на карте в виде синих и золотистых стрелок и размещенную над Атлантическим океаном к западу от Европы. Названия ветров были написаны на старокаталанском языке, однако они не очень сильно отличались от современных каталанских названий, а потому я без труда прочитал слова: «юго-восточный ветер», «восточный», «северо-восточный», «северный» и... Когда я прочитал название, которое соответствовало словосочетанию «северо-западный ветер», я почувствовал, как с моего лица схлынула кровь, а по всему телу побежали мурашки.

– Кассандра, – позвал я, не отрывая взгляда от карты, – ты могла бы подойти на секундочку сюда?

Я услышал, как чиркнул ножками отодвигаемый стул, и через пару секунд рядом со мной появилась Кассандра, которая, как я заметил краем глаза, вопросительно уставилась на меня.

– Что ты хочешь, Улисс?

– Касси, ты как образованный человек могла бы сказать мне, что написано вот здесь? – спросил я, все еще не отрывая взгляда от карты и показывая на одну из изображенных на ней золотистых стрелок.

– Сейчас посмотрю, – без особого интереса пробормотала Кассандра, становясь поближе к карте.

Нахмурившись, она несколько секунд молча разглядывала написанное возле этой стрелки слово, а затем вдруг, широко раскрыв от удивления глаза, отступила от карты и ошеломленно посмотрела на меня.

– Черт побери, Улисс! Тут ведь написано «magistro». Эхо и есть наш «учитель». Ты его нашел!

22

Луис Медина дышал мне прямо в затылок, но я, не очень-то переживая по поводу того, видно ему карту или нет, даже не подумал отступить в сторону. Удовлетворенно улыбаясь, я радовался, что мне за две минуты рассматривания этой карты удалось добиться гораздо большего, чем добился Медина за несколько месяцев работы над ней.

– Это невероятно... – пробормотал за моей спиной профессор Медина.

– Невероятно, но факт, – сказал я, не отрывая взгляда от атласа и продолжая наслаждаться своим маленьким триумфом. – Magistro.

– Сколько времени впустую... – продолжал бормотать Медина, пропустив мои слова мимо ушей. – А ведь это было у меня буквально под носом.

– Однако я никак не могу понять, – сказала Касси, – какое отношение имеет слово «учитель» к розе ветров. Зачем оно здесь?

– Я думаю, что в данном случае «magistro» означает вовсе не «учитель», – предположил профессор Кастильо, задумчиво потирая подбородок. – Под этим словом здесь подразумевается старокаталанское название сильного северо-западного ветра, который в наше время называют мистралем. Стало быть, этот самый Хафуда знал латынь намного лучше, чем мы предполагали.

– Чем вы предполагали... – тихо произнес я, но все меня услышали.

– Слушай, давай не будем... – ворчливо шепнул мне прямо в ухо профессор Кастильо.

– Получается, – не обратив внимания на мою реплику, сказала Кассандра, – что фраза, которую мы воспринимали как «убегая от учителя, ученик», на самом деле звучит как «убегая от мистрала, ученик».

– В результате чего появляется совершенно иной смысл, – кивнув, подытожил профессор Кастильо.

– Это невероятно... – снова пробормотал Луис Медина, как будто он был неспособен сказать что-либо другое.

Я наслаждался ситуацией, улыбаясь от уха до уха и внутренне удивляясь тому, что нанесенный мною по самолюбию высокомерного профессора удар радует меня даже больше, чем мое неожиданное открытие. И тут меня осенило.

– Ключ к разгадке головоломки находится на этой карте.

– Что? – ошеломленно спросил Медина.

– Я считаю, что ключ к разгадке головоломки находится на этой карте, – медленно и заносчиво повторил я, с каждой секундой приобретая все большую уверенность в правильности своего предположения. – В последних строках завещания описан маршрут, который нам необходимо проследить по карте, составленной Авраамом Крескесом, отцом Хафуды Крескеса, известного также как Хайме Рибес.

Я ткнул пальцем в изображенную на карте розу ветров и посмотрел на профессора Кастильо, внимавшего моим словам едва ли не с открытым ртом.

– Ты хочешь сказать, Улисс, что Каталанский атлас мог использоваться для указания местонахождения сокровищ тамплиеров? – скептическим тоном спросил профессор Кастильо, не отрывая, однако, взгляда от карты.

– Не мог использоваться, а использовался.

Мы сняли карту со стены и, разложив ее на столе профессора Медины, встали все четверо с той ее стороны, где находился юг. В левой части карты были изображены Атлантический океан, северная Африка и Западная Европа, у южного побережья которой, посреди синей поверхности Средиземного моря, виднелся красновато-желтый контур острова Мальорка.

– Итак, подведем итоги, – сказал уже успевший прийти в себя профессор Медина. – Если мы попытаемся применить фразу «убегая от мистралья, ученик...» к данной карте и при этом будем считать, что пресловутым учеником являлся некий ученый монах из монастыря Мирамар, то можно предположить, что он по какой-то причине покинул монастырь, причем отправился в направлении, в котором дует этот ветер. Таким образом, – голосом лектора продолжал Медина, – он покинул остров Мальорка в направлении юго-востока.

– У вас есть линейка? – спросила Кассандра.

– Да, конечно, – ответил профессор Медина и, открыв один из ящиков стола, достал оттуда небольшую пластмассовую линейку.

Касси приложила ее к карте, совместив один конец с островом Мальорка, а затем стала двигать линейку параллельно обозначенному на розе ветров направлению с северо-запада на юго-восток, пока линейка не коснулась побережья Северной Африки.

Мы все четверо буквально впились взглядом в точку, в которую угодила на линии побережья линейка.

– Ну и что там есть интересного? – спросил я, нарушая воцарившееся молчание.

– Побережье Алжира, – ответил профессор Медина.

– Это я и сам вижу. Я спрашиваю, есть ли что-нибудь интересное на этой карте. Это ведь старинная карта, а я, в отличие от вас, не очень-то хорошо знаю, что находилось на территории Алжира в средние века.

– Ну, пока что трудно сказать, есть ли тут что-нибудь интересное, – послышался расплывчатый ответ, но уже из уст профессора Кастильо.

– Что значит «трудно сказать»? Проведенная Кассандрой линия пересекает какой-нибудь населенный пункт – город или деревню?

– Вообще-то, она пересекает несколько населенных пунктов, – ответил

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
профессор Кастильо, оторвав глаза от карты и посмотрев на меня поверх очков. – Мы вполне обоснованно предположили, что Мальорка являлась исходным пунктом предпринятого нашим персонажем путешествия, однако нам неизвестно, где находился его конечный пункт.

– Да, это верно, – согласилась Касси. – Смотрите, если мы продлим линию, она дойдет до Ливийской пустыни, на которой нарисован вот этот слон, а дальше карта заканчивается.

– А как, черт возьми, мы сможем выяснить, где именно находится нужное нам место, если проведенная линия обозначает путь в несколько тысяч километров?

– Понятия не имею, Улисс, – ответил профессор Кастильо, и я почувствовал, что охватившее меня разочарование стало еще больше усиливаться. – Думаю, нам не остается ничего другого, как изучить все населенные пункты, которые пересекла эта линия, – один за другим.

– Это довольно трудоемкая работа, дружище, и вряд ли она приведет к ожидаемому вами результату, – надменно усмехнулся профессор Медина. – К сожалению, нужное место далеко не всегда отмечено на карте крестиком.

Я почувствовал, как у меня снова начинает закипать кровь, и уже открыл рот, чтобы сказать этому умнику что-нибудь оскорбительное, как вдруг Кассандра разразилась такой отборной мексиканской бранью, что мы, трое мужчин, слегка опешили.

– ...жертва аборта! – закончила свою необычайно эмоциональную речь Кассандра. – Я поняла!

– Что ты поняла? – спросил я. – Ты догадалась, где именно находится этот населенный пункт?

– Пока еще нет, – взволнованно произнесла Касси, поднимая на меня глаза. – Но я знаю, как определить его место на карте.

– И что же, по-вашему, следует для этого сделать... сеньорита? – с явным раздражением спросил профессор Медина.

– Да очень просто... кабальеро, – язвительно ответила Кассандра. – Нужно просто следовать указаниям, данным в последних строках завещания... – Пристально посмотрев на Медину, она добавила: – Я уверена, что в данном случае конечный пункт как раз помечен на карте крестиком.

Мы слушали ее с открытым ртом.

– «Fugin l'alumne del magistro, –громко стала читать Кассандра, – arriba a las mes humild vila, e sota la yum d'en petit Cresques, guarda el camí del Brau, a la negra Allexandria». –Оторвав взгляд от бумаги, но не посмотрев ни на кого из нас, она принялась объяснять: – Нам известно, что первая строка подразумевает прямую линию, пересекающую половину карты и проходящую через различные населенные пункты. – Кассандра провела пальцем по линии, уже прочерченной ею под линейку карандашом. – Теперь нам нужно расшифровать строку, которая даст нам другую прямую линию, пересекающуюся с первой, и, таким образом, мы получим на карте крестик... И я готова поспорить на свою косичку, – слегка улыбнувшись, продолжила Касси, – что этот крестик окажется на каком-нибудь городе или крепости из тех, которые обозначены на данной карте.

На целую минуту воцарилось молчание. Наступила такая тишина, что, казалось, было слышно, как гудят наши напряженно работающие мозги.

– Возможно, ты и права... – наконец вымолвил профессор Кастильо. – Но поскольку еще никому из нас не посчастливилось догадаться, что же могут означать остальные строки, – профессор покосился на меня, – расшифровать их, без сомнения, будет нелегко.

– Посмотрим. Признаться, я не понимаю, почему после того, как мы так резко продвинулись вперед, среди нас все равно возникают пораженческие настроения, – раздраженно произнес я.

– Сынок... – начал было Медина, никак не желавший избавить нас от своих

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
замечаний и наставлений.

– Если я и сынок, то не ваш, – бесцеремонно перебил я профессора.

Медина несколько секунд молчал, а затем прокашлялся и с невозмутимым видом продолжил:

– Эдуардо всего лишь пытается быть реалистом. Если тебе удалось разгадать значение одной строчки, это еще не значит, что ты можешь считать себя научным работником. К тому же это не дает возможности разгадать головоломку в целом. Что сейчас необходимо сделать в первую очередь, так это тщательно изучить всю научную литературу, посвященную Хафуде Крескесу, причем заниматься этим должны настоящие специалисты.

– Вы имеете в виду тех самых специалистов, которые путают слово «мистраль» со словом «учитель»?

– Улисс, прекрати, – вмешался профессор Кастильо. – Не сердись, Луис, мы все просто очень взволнованы.

– История – это вам не точная наука, – заявил профессор Медина, поднимаясь со стула и выпрямляясь во весь свой огромный рост. – Она почти всегда основывается на понимании того, что нужно учиться на ранее допущенных ошибках. Только при таком подходе можно добиться нужных результатов и обеспечить развитие исторической науки.

– Именно это я и пытаюсь вам доказать уже целых полчаса, – усмехнулся я и пристально посмотрел Медине прямо в глаза. – Однако вы никак не можете примириться с тем, что человек, не имеющий кабинета, на двери которого висит табличка с его фамилией, наглядно демонстрирует вам, что вы заблуждаетесь.

– Да ладно вам, хватит! – не выдержала Кассандра. – Вы все почти целое утро ведете себя, как какие-то остолопы! Вместо того чтобы выяснять, кто из вас более умный и великий, лучше бы сконцентрировались на возникшей перед нами проблеме. – Кассандра с негодующим видом посмотрела на меня, а затем на профессора Медину.

Мы с Луисом Мединой одновременно подняли вверх указательный палец, намереваясь сказать что-то резкое в ответ, однако Кассандра с ее ростом в каких-нибудь сто шестьдесят сантиметров уставилась на нас снизу вверх таким испепеляющим взглядом, что мы не решились произнести и слова.

Профессор Кастильо удивленно поднял брови, а затем злорадно улыбнулся, увидев, как маленькая женщина одним только взглядом усмирила двух задиристых петушков, намного превышающих ее и по росту, и по весу. Воспользовавшись воцарившейся тишиной, он попытался направить разговор в прежнее русло.

– Ну что ж, продолжим... – сказал Кастильо, делая вид, будто ничего не произошло. В следующей строке написано «arriba a las mes humild vila», что означает «прибыл в самый убогий город». Вам это о чем-нибудь говорит?

Вся моя сила воображения в этот момент сосредоточилась в той части головного мозга, которая отвечает за отрицательные эмоции и агрессивное поведение. Покосившись на профессора Медину, я понял, что это происходит не только со мной.

– А может, – сказала Кассандра, стараясь говорить спокойно и взвешенно, – в этой строке имеется в виду один из городов, которые как раз и пересекает проведенная нами линия?

– Прекрасная мысль, дорогая моя, – отозвался профессор Кастильо. – Однако я уверен, что в этом случае нам придется перебрать добрый десяток населенных пунктов. Кроме того, перед нами возникнет и другая задача – выяснить, какой из них в четырнадцатом веке был самым убогим, но, при этом попытаться определить, какой вид убогости здесь имеется в виду – материальная, моральная или религиозная. – Пожав плечами, профессор добавил: – По правде говоря, мне кажется, что если автор этой головоломки хотел, чтобы ее можно было разгадать по прошествии нескольких столетий, то он сделал ее уж слишком сложной.

– А я думаю, – заявил я, и мои губы растянулись в язвительной усмешке, – что этот ребус вовсе не такой сложный, как возомнили наши досточтимые профессора.

Мне показалось, что я услышал, как хозяин кабинета тихонько хмыкнул, однако, не обращая на него никакого внимания, я продолжил:

– Я считаю, что последние строчки завещания и эта карта являются составными частями одной и той же головоломки, хотя их и разделяет целое столетие. Нам в руки попали ее составные части, и остается лишь додуматься, как правильно наложить их одна на другую.

– «E sota la yum d'en petit Cresques», – прочитал вслух профессор Кастильо, – что означает «И под светом маленького Крескеса». И далее по тексту: «Сберег путь Быка... в черной Александрии».

– Все было бы намного понятнее, если бы наша линия проходила через Александрию, – сказал профессор Медина, все-таки сумевший взять себя в руки.

– Но она проходит очень далеко от этого города, – заметила Кассандра, качая головой.

– А может, намек на линию, проходящую с северо-запада на юго-восток, служит лишь для того, чтобы ввести в заблуждение таких, как мы, и пунктом назначения действительно является Александрия? – предположил я.

– Вряд ли, – возразил профессор Кастильо. – Откровенно говоря, мне не верится, что кто-то стал бы прибегать к различным ухищрениям, дабы скрыть пункт назначения, а затем – в последней строчке! – попросту назвал бы его. – Кроме того, – профессор слегка поморщился, – я сомневаюсь, что один из крупнейших мусульманских городов мог быть подходящим местом для монаха-францисканца, даже если бы тот в совершенстве говорил по-арабски.

– Тогда нам необходимо все-таки попробовать расшифровать вторую и третью строчки, – сказал я.

После этого я стал внимательно рассматривать карту, пытаюсь найти на ней маленького Крескеса, однако не увидел никого, кроме нарисованных на ней монахов, слонов и верблюдов. На карте не было ни одного изображения, которое хоть чуть-чуть указывало бы на присутствие здесь средневекового картографа.

– Вы видите что-нибудь такое, что можно было бы интерпретировать как образ картографа или юного ученика? – озадаченно спросил я, не обращая ни к кому конкретно.

– Ничего подобного на карте нет, – ответила Кассандра. – Совсем ничего.

На несколько минут воцарилось молчание. Профессор Медина, чтобы можно было лучше разглядывать карту, достал из ящика стола увеличительное стекло, а мы с Касси просто понизились над картой и стали изучать ее сантиметр за сантиметром, пока не дошли до линии побережья Индийского океана. Профессор Кастильо, отойдя от стола, устоял у окна и о чем-то размышлял с таким видом, как будто ему надоело участвовать в наших лихорадочных поисках.

И вдруг он резко повернулся к столу с победоносным выражением на лице. Посмотрев на нас троих, Кастильо заявил:

– Вы не найдете того, что ищете, как бы вы ни старались.

– Почему? – мрачно поинтересовался профессор Медина.

– Да потому, что на этой карте не нарисовано ни одного юноши и тем более картографа, – спокойно ответил профессор Кастильо. – Иначе говоря, Хафуды Крескеса на этой карте нет.

– Откуда вы это знаете? – спросил я.

– Буквально мгновение назад до меня наконец-то дошло, что именно нам нужно

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
искать на этой карте.

– И ты нам об этом скажешь? – оживившись, спросил профессор Медина. – Или, чтобы заставить тебя заговорить, мне придется прищемить тебе палец дверью?

– В этом нет необходимости, Луис. Ответ находится вон там, за окном.

Мы все трое поспешно подошли к окну и увидели сквозь стекло ухоженный сад, где среди других деревьев выделялась большая плакучая ива. За садом виднелась автостоянка, а еще дальше – коммерческий центр и баскетбольная площадка.

– Вы хотите сказать, что ключ к мучающей нас головомке находится в супермаркете? – ухмыльнулся я.

– Не туда тебе надо смотреть, умник, – ответил профессор Кастильо, – а намного выше – на небо.

Мы все трое посмотрели на небо, но не увидели на нем ничего, кроме ослепительно яркого солнца.

– Не хотите ли вы сказать, что... – недоверчиво пробормотала Кассандра.

– Именно так, – с самодовольным видом подтвердил профессор Кастильо. – Солнце. – Повернувшись к столу и показав рукой на атлас, он добавил: – Именно его и следует искать на карте.

– А мы не слишком затрудним тебя, если попросим, чтобы ты рассказал нам, каким образом ты пришел к такому интересному выводу? – осведомился профессор Медина, присев на край стола и скрестив на груди руки.

– Я с удовольствием вам обо всем расскажу, мой дорогой друг.

Профессор Кастильо уселся на стул Луиса Медины, откинулся на его спинку и, протирая платком стекла своих очков (верный признак того, что он почувствовал себя в центре внимания), стал объяснять:

– Как вам известно, Авраам Крескес и его сын Хафуда были евреями, а значит, кроме испанского и каталанского, они знали еще и еврейский язык. Однако вам, возможно, неизвестно, – сказал профессор и выразительно посмотрел на меня, – что в еврейском алфавите нет гласных. Этот алфавит состоит только из согласных, и слова произносятся в зависимости от того, каким образом выстроены составляющие их согласные. Пока что все ясно?

– Ясно как божий день, но мне остается лишь догадываться, к чему вы сейчас клоните.

– Не будь таким нетерпеливым, Улисс. Я сейчас все объясню.

Однако вместо объяснения последовала одна из столь любимых профессором Кастильо театральных пауз, во время которой он с удвоенной силой стал тереть свои очки.

– Как я вам уже говорил, – наконец-таки продолжил он, – еврейский алфавит состоит только из согласных. Однако у него есть еще одна, весьма специфическая, характеристика, выделяющая его среди других алфавитов и заключающаяся в том, что каждая согласная этого алфавита соответствует какому-то числу.

– Числу? – переспросила Касси, тем самым невольно демонстрируя, что из присутствующих в кабинете людей не только я один слабо разбираюсь в еврейском алфавите.

– Да, дорогая моя, – повторил профессор Кастильо, явно наслаждаясь тем, что находится в центре всеобщего внимания.

– Послушай, Эдуардо, лично мне все это прекрасно известно, – вмешался профессор Медина, не удержавшийся от того, чтобы показать свое превосходство надо мной и Касси. – Нельзя ли побыстрее объяснить нам, что из всего этого следует?

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– Дело в том, что, если мы возьмем фамилию Крескес, выкинем из нее гласные, чтобы представить ее в том буквенном составе, в каком она записывалась на еврейском языке, и затем сложим числа, соответствующие составляющим ее согласным, то получится некое суммарное число. Итак, «К» – это сто, «Р» – это двести, «С» – это триста, «К» – это снова сто, и «С» – это снова триста. В сумме получается тысяча.

– Ну и что? – спросил я, все еще ничего не понимая.

– А то, что слово «тысяча» на еврейском языке звучит точно так же, как слово «солнце», – произнеся эти слова, профессор пожал плечами с таким видом, как будто только что сказал нам прописную истину.

– Теперь все понятно! – воскликнула Кассандра. – Получается, что фраза «под светом маленького Крескеса» в действительности означает «под светом маленького солнца»!

Стремительно подбежав к лежавшей на столе карте, Касси впилась в нее взглядом и, прежде чем мы втроем успели подойти к столу, резко повернулась на каблуках и с победоносным видом посмотрела на нас:

– Я его нашла! На этой карте и в самом деле есть маленькое солнце!

Мы снова, все четверо, встали возле стола, внимательно разглядывая лежащую на нем карту.

– Во всяком случае, больше никаких солнц я здесь не вижу, – заявила Кассандра.

– Однако это солнце нам не подходит, – возразил профессор Медина.

– Еще как подходит, – вмешался я, будучи не в силах удержаться от того, чтобы не сказать что-нибудь в пику Медине. – Просто мы, по-видимому, что-то не до конца поняли.

Скользнув взглядом по карте, я стал разглядывать фигурку сидящего на троне чернокожего царька, нарисованного у южной границы. На его голове красовалась золотая корона, в левой руке он держал скипетр, а в правой – золотой шар, очень похожий на маленькое солнце. Фигурка находилась на карте в регионе, обозначенном как «Гвинея», рядом с извилистой голубой линией, символизирующей, по всей вероятности, реку Нигер, а вокруг этой фигурки на карте были изображены города – в виде крепостей, построенных в мавританском стиле.

Мы заметили, и это нас смутило, что фигурка была нарисована на карте строго на юг от острова Мальорка, то есть очень далеко от линии, прочерченной карандашом по защитной пленке, которая покрывала репродукцию Каталанского атласа.

– А если это просто точка привязки? – предположил я. – Тогда, обнаружив еще одну такую точку, но уже с другой стороны нашей линии, мы сможем прочертить вторую линию, и их пересечение как раз и будет крестиком на карте,

– Хорошая идея, Улисс, – похвалил профессор Кастильо, – однако, боюсь, из оставшихся строк нам уже больше ничего не выжать.

Я взял со стола лист бумаги, на котором были написаны последние пять строк завещания, и с унылым видом прочитал вслух:

– «Прибыл в самый убогий город»... «сберег путь Быка»... «в черной Александрии»... Вот и все, что у нас есть.

– Немного... – вздохнула Касси.

– Да, действительно немного, – согласился профессор Кастильо.

– Однако в этих строках наверняка заключен какой-то скрытый смысл, – в который раз повторил я и, заметив краем глаза, как поморщился профессор Медина, стал рассуждать вслух: – Строчка, в которой говорится, что наш таинственный персонаж «сберег путь Быка», указывает, по-видимому, на то, что он спрятал какой-то, возможно зашифрованный, документ, содержащий

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
информацию о местонахождении золота тамплиеров. Спрятал он его в пресловутой «черной Александрии», являющейся тем местом, которое следовало бы пометить на карте крестиком. Но чтобы понять, где она на этой карте находится, нам нужно разгадать смысл фразы «самый убогий город».

– И как ты собираешься определить, какой город имеется в виду? – не скрывая иронии, поинтересовался профессор Медина. – Насколько я знаю, на этой карте нет никаких названий типа «Бедноляндия» или «Убогобург».

– Их там нет или вы их просто не заметили?

В этот момент Кассандра, которая разглядывала карту, низко склонившись над ней, так что расстояние от ее лица до карты составляло едва ли не ширину ладони, вдруг выпрямилась и пристально посмотрела на нас с Мединой.

– Извините, господа, не могли бы вы – естественно, после того как закончите свою интереснейшую дискуссию, – объяснить мне, что за город обозначен на данной карте прямо под «маленьким Крескесом»? – задав этот вопрос с нарочитым равнодушием, Кассандра ткнула указательным пальцем в рисунок, расположенный возле ног чернокожего царя. – Дело в том, что, если мне не изменяет зрение, это единственный на карте город, для обозначения которого картографу не понадобилось изображать крепость или замок. – Сделав короткую паузу, Касси добавила: – Мне кажется, что тот, кто рисовал Каталанский атлас, явно хотел, чтобы данный населенный пункт действительно выглядел как самый убогий город.

23

И в самом деле, возле ног чернокожего царя, как раз под «маленьким солнцем», которое этот царь держал в руке, был нарисован скромный домик с черепичной крышей. Рядом было написано его название на старокаталанском языке – Томбук.

– Я, признаться, не обратил на него внимания.. – растерянно пробормотал профессор Медина. – Пожалуй, ты права. И почему я не замечал его раньше?

– Хотите, я вам скажу почему? – усмехнулся я.

Профессор Кастильо посмотрел на меня испепеляющим взглядом, а я в ответ изобразил на своем лице самое что ни на есть невинное выражение.

– Кроме того, – стала вслух рассуждать Кассандра, – он выделяется среди других населенных пунктов, как оборванный ямайский негр в толпе респектабельных туристов. Все остальные африканские города изображены здесь в виде белых строений арабского стиля, с мощными крепостными стенами и вздымающимися к небу минаретами, а этот город, наоборот, представлен слишком просто – маленький домик с двускатной крышей. Стиль строения – явно западноевропейский, и здесь, прямо посреди мусульманской территории, он выглядит совершенно не к месту.

– Да, изображен он довольно странно, – согласился профессор Кастильо, – и был бы неплохим кандидатом на роль конечного пункта путешествия нашего сбежавшего из монастыря ученика, если бы не находился в тысячах километров от той линии, которую мы провели в сторону юго-востока от острова, на котором сейчас находимся.

– Опять ничего не получается.. – удрученно вздохнула Кассандра.

Мы уже, казалось, сложили почти все составные части мозаики, но тут, как это часто бывает, самый последний кусочек не вписался в общий рисунок. Проведя в уме эту аналогию, я невольно вспомнил о долгих воскресных вечерах, проводимых мною в детстве в раздумьях над пазлами, которые были посвящены историческим событиям и которые мой отец дарил мне на день рождения и на Рождество. Будучи уже взрослым, я, конечно, понял, что отец, скорее всего, забывал приготовить мне подарок заранее и поэтому покупал в самый последний момент то, что попадалось ему на глаза, а на глаза неизменно попадались лежащие едва ли не на каждом лотке и прилавке пазлы.

Еще я вспомнил о том, что как-то раз мне достался бракованный пазл, в котором не доставало одного компонента, а также о случае, когда в одном пазле, состоявшем из пяти тысяч малюсеньких кусочков (он и посвящен-то был

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org вполне подходящей для него теме – триптиху «Ад» Иеронима Босха), оказалось два очень похожих компонента, и в результате я потратил с десяток воскресных вечеров на его раскладывание, пока не осталась одна незаполненная ячейка, но единственный оставшийся кусочек так и не подошел к ней.

Ассоциация, которая возникла в моем мозгу в связи с охватившим меня сейчас разочарованием и воспоминаниями о конфузах моего детства, оказалась настолько сильной, что я невольно почувствовал себя огорченным ребенком и с моих губ сорвались слова, которые я говорил в подобных случаях в детстве:

- Мы неправильно положили какой-то один кусочек.
- Что? – удивилась Кассандра.

Сверля Кассандру взглядом, но почти не видя ее, я попытался привести в порядок лихорадочно носившиеся у меня в голове мысли.

- Мы неправильно положили какой-то один кусочек пазла, – повторил я.
- Что за чушь ты несешь? – сердито воскликнул профессор Медина, разозлившись, видимо, из-за того, что я своими нелепыми заявлениями отвлек его от собственных размышлений.

Я пробежался взглядом по карте, сам толком не понимая, что сейчас на ней ищу. Все «частички» вроде бы находились на своих местах – и «самый убогий город», и «маленькое солнце», и Мальорка, и мистраль, – но в то же время что-то явно было не так... И вдруг, когда мой взгляд остановился на Атлантическом океане, до меня дошло, в чем заключалась наша ошибка.

– Ну и дураки мы! – воскликнул я и тут же увидел, как на меня уставились три пары широко раскрытых от удивления глаз.

– Знаешь, парень, говори лучше за одного себя, – пробурчал профессор Медина, которого явно рассердило мое нелестное высказывание в наш адрес.

– Я согласен с Луисом, – ввернул профессор Кастильо, решив поддержать своего друга.

– Что ты хочешь этим сказать, Улисс? – спросила Касси, делая знак обоим профессорам, чтобы они помолчали.

– Именно то, что я и сказал, – ответил я. – Один из компонентов выстроенной нами схемы находится не на своем месте, то есть одна из наших догадок была ошибочной. Вот почему мы не можем собрать весь этот пазл.

Профессор Медина, посмотрев на меня с откровенной насмешкой, заявил:

– Если твой глубокомысленный вывод заключается лишь в том, что мы допустили какую-то ошибку, то тебе, как мне кажется, не стоило преподносить его как божественное откровение, которое снизошло на тебя с небес. То, что мы совершили какой-то просчет, понятно и без тебя.

– Безусловно, – ответил я, напуская на себя важный вид. – Но мне хотелось бы знать, понятно ли вам, в чем именно заключалась наша ошибка и как ее можно исправить?

Профессор Медина не нашелся, что ответить на мой очередной выпад, и лишь молча посмотрел на меня. В кабинете на несколько секунд воцарилась напряженная тишина, а затем профессор Кастильо не выдержал и озвучил вопрос, вертевшийся у моих собеседников на языке:

- А тебе, Улисс, это понятно?
- Думаю, что да.

Все трое молчали. Я с наслаждением смотрел на ошеломленного моим заявлением Луиса Медину, профессора средневековой истории университета Балеарских островов. Секунды медленно текли одна за другой. Наконец Медина, не справившись с нервным напряжением, надрывным голосом произнес:

– Ну и?..

В ответ я с театральным пафосом сделал легкий поклон и, отчетливо произнося каждое слово, спросил:

– Уважаемый сеньор Медина, неужели для вас может иметь значение мнение такого жалкого дилетанта, как я?

С этими словами я повернулся и медленно вышел из кабинета.

– Какая же ты скотина, – сказала Кассандра, которая вышла от Медины вслед за мной. – Этот бедняга, наверное, не будет спать всю ночь.

Мы сидели на скамейке возле входа в здание исторического факультета, дожидаясь, когда появится профессор Кастильо, все еще находившийся в кабинете Луиса Медины. Наверняка он задержался, чтобы извиниться перед своим другом за мое поведение.

– Впрочем, откровенно говоря, профессор Медина оказался полным кретинком, – через пару секунд добавила Касси, поразмыслив о чем-то своем.

В этот момент в дверях факультета появился профессор Кас-тильо.

– Улисс, ты вел себя абсолютно неадекватно, – сказал он, подходя к нам и укоризненно качая головой. – Луис, конечно, немного педант, но и ты отнюдь не был образцом дипломатичности. – Присев рядом с нами на лавочку, профессор вздохнул. – Мне пришлось извиняться и за тебя, и за себя, убеждая Луиса, что у моего молодого друга просто такой вот черный юмор.

Профессор пристально посмотрел на меня, и мои губы невольно растянулись в лукавой улыбке.

– Луис, между прочим, вел себя очень корректно, – не унимался Кастильо. – Ты должен это признать. Хотя от твоих реплик его огромная лысая голова стала красной, как помидор, а из ушей едва не повалил дым, он сумел сдержаться. Я признаю, что мой коллега иногда допускал кое-какие колкие высказывания, но они были вполне оправданными... А вот то, что ты проявил себя как хороший актер, стало для меня настоящим сюрпризом. Слушая тебя, Улисс, я чуть было даже не поверил, что ты и в самом деле знаешь, в чем заключалась наша ошибка...

– Дело в том, – поспешно произнес я, перебивая профессора, – что я действительно это знаю. – Выдержав паузу, подобную тем, какие так любил профессор Кастильо, я взглянул на изумленные лица своих друзей и затем произнес слова, которые наверняка повергли их в шок: – Я даже могу сказать, куда именно убежал из монастыря Мирамар наш таинственный ученик, которому было известно, где находится тайник с сокровищами тамплиеров.

– Ты что, насмехаешься над нами? – недоверчиво спросила Кассандра. – Если это еще одна из твоих дурацких шуточек, то как бы тебе через пару минут не пришлось собирать свои зубы на асфальте... – Касси показала мне маленький кулачок и нахмурилась.

– А уж я, Кассандра, обязательно тебе помогу... – сердито добавил профессор.

– Ни о каких шуточках не может быть и речи, – со всей серьезностью сказал я, стараясь не улыбаться.

– Ой, смотри, доиграешься! – Касси снова погрозила мне кулаком.

– Ну что ж, если вы не верите мне на слово, тогда вам придется пойти со мной. – Я встал со скамейки и, жестом показав профессору и Касси, чтобы они не отставали от меня, вошел внутрь здания.

– Уж не собираешься ли ты снова навестить профессора Медину? – с ужасом спросил профессор.

– Нет, уважаемый профессор, не собираюсь. Я просто хочу вам кое-что показать.

Пройдя несколько коридоров, мы оказались в библиотеке, где, как я и предполагал, имелась копия Каталанского атласа – такая же, как и на стене у профессора Медины, но только разрезанная на части, которые затем были скреплены в виде тонкой брошюры. Я открыл эту брошюру на странице, соответствующей Атлантическому океану и западной части Европы и Африки, а затем, используя в качестве линейки лист бумаги, прочертил позаимствованным у библиотекарши карандашом точно такую же линию, какую Касси прочертила на карте в кабинете профессора Медины, – от острова Мальорка до Ливийской пустыни.

– Если кто-нибудь заметит, что ты чертишь карандашом по этой карте, – прошептала Кассандра, оглядываясь украдкой по сторонам, – то нас могут вышвырнуть из библиотеки.

– Не переживай, я уже почти закончил.

– Прекрасно, – ворчливо произнес профессор. – Я вижу здесь проведенную тобой линию. Теперь объясни, чего я, к сожалению, не вижу.

– Немножечко терпения, мой юный студент.

– Перестань паясничать и побыстрее переходи к делу, – начал злиться Кастильо.

– Если вы не будете меня перебивать, то я вам сейчас все расскажу, – пообещал я и, испытывая чувство гордости за самого себя, начал свое объяснение: – Как вы уже имели возможность убедиться раньше, две из пяти строк указывают на город Томбук, однако та строка, в которой упоминается мистраль, указывает на некий пункт на севере Африки – по-видимому, где-то между Алжиром и Ливией...

– Это мы и сами знаем, – не дала мне закончить Касси. – Лучше объясни, в чем же заключалась наша ошибка. Может, мы ошиблись в том, что перевели «magistro» как «мистраль», а в действительности это слово означает нечто совсем иное?

– Вообще нет, – поспешно отверг я предположение Касси. – Здесь у нас все правильно. Мы всего лишь ошиблись в определении точки, от которой нужно чертить линию...

– Не может быть! – воскликнул профессор. – Если я в чем-то и уверен, так это в том, что наш «ученик» отбыл именно с Мальорки. Но даже если это путешествие началось в какой-то другой точке Испании или Европы, – с мрачным видом продолжил профессор, – результат будет все тот же: линия, проходящая с северо-запада на юго-восток, никогда даже близко не пройдет рядом с Томбуком.

– Если только... если только вы не перестанете думать как историк и не начнете думать как картограф.

– Что ты хочешь этим сказать? – нетерпеливо спросила Кассандра.

– А то, что для человека, являющегося картографом, отправной точкой является не то место, откуда выехал наш «ученик», и не его родной город, а вот что. – С этими словами я ткнул пальцем на изображенные в левой верхней части карты синие и золотистые стрелки.

– Роза ветров? – удивленно спросил профессор.

– А разве это не очевидно? – ответил я вопросом на вопрос. – Именно здесь написано слово «magistro», и именно отсюда лучше всего задавать на этой карте направления. Если бы вы в своей жизни побольше путешествовали по морю, то знали бы, что роза ветров – это не просто красивый рисунок на карте.

Чтобы подтвердить свое предположение, я взял карандаш и, снова используя в качестве линейки лист бумаги, прочертил на карте линию с севера-запада на юго-восток, однако на этот раз она начиналась из центра розы ветров. Профессор и Касси не смогли сдержать удивленных возгласов, когда увидели, что эта линия, подойдя к ногам чернокожего царя, держащего в правой руке

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
золотой шар, уперлась в Томбук – тот самый населенный пункт, который Авраам Крескес изобразил как самый убогий город.

– Вот это да! – восхищенно воскликнула Кассандра. – Получается, что ты и в самом деле сумел разгадать эту головоломку! – И Касси в порыве чувств чмокнула меня в щеку.

– Должен признаться, Улисс, что ты меня поразил, – с восторгом сказал профессор, хотя его реакция, конечно же, была не такой бурной, как у Касси.

– Мне просто повезло, – решил поскромничать я. – Для меня было очевидно, что мы допустили какой-то просчет, и, когда я случайно заметил, что стрелка, соответствующая мистралю, смотрит прямехонько в сторону Томбука, я догадался, в чем заключалась наша ошибка.

– Да ладно, парень, – профессор Кастильо похлопал меня по плечу, – не умаляй свои заслуги. Твой отец тобой бы гордился.

Упоминание об отце заставило меня помрачнеть, и радость от пережитого триумфа сменилась горечью, вызванной воспоминаниями о не таких уж далеких трагических событиях.

– Ну и что мы будем делать дальше? – спросил профессор, выводя меня своими словами из состояния прострации, в которое он же меня только что и вверг.

– Станный вопрос! Разумеется, поедем в Африку.

– Куда?! – Оторопев от неожиданного заявления, Кастильо отступил от меня на шаг и растерянно улыбнулся. Затем он посмотрел на меня, как на глупенького мальчика, и сказал: – Ты хоть соображаешь, что говоришь? Мы располагаем всего лишь ничем не подтвержденной информацией, что кто-то (мы даже не знаем кто!) спрятал что-то (мы толком не знаем что!) в каком-то месте, о котором нам почти ничего неизвестно. Более того, это событие произошло семьсот лет назад... И в такой ситуации ты собираешься отправиться на поиски? Вот так просто взять и поехать в Африку?

– Ну конечно.

– Уж больно ты прыткий. Даже если наши предположения верны и вся эта история про исчезнувшие сокровища тамплиеров так или иначе связана с Томбуком, не забывай, что прошло уже семь столетий! – Профессор в отчаянии воздел руки. – Да не может быть, чтобы эти сокровища сохранились до наших дней! А если и сохранились, то мы все равно не сможем их разыскать! Неужели ты этого не понимаешь?

– Я понимаю сейчас только одно: если вы не перестанете так громко разглагольствовать, то нас вышвырнут из библиотеки, – сказал я, заметив, что библиотекаря уже несколько раз бросила в нашу сторону сердитый взгляд.

Профессор Кастильо беспомощно взмахнул рукой, словно бы давая понять, что он потерял надежду переубедить такого дурака, как я.

– Я поеду с тобой... – сказала Касси, беря меня за руку. – Если ты, конечно, не возражаешь.

– Как раз об этом я только что хотел тебя попросить.

– Вы что, оба вдруг ни с того ни с сего рехнулись? – негодуя воскликнул профессор. – Тоже мне парочка молодоженов, собирающаяся в свадебное путешествие на курорт Канкун! Вы не поняли, что я вам сказал? Никаких сокровищ вы там не найдете! Это просто невозможно!

– Так же невозможно, как и найти тамплиерский колокол на рифе в Карибском море или разгадать придуманную семьсот лет назад головоломку?

Профессор лишь пошевелил губами, беззвучно артикулируя слова, произнести которые вслух он не решился.

– Нам, правда, пока еще неизвестно, существует ли сейчас этот город Томбук и, если не существует, где находятся его руины, – сказала после небольшой паузы Кассандра.

Мы с профессором растерянно уставились на Касси.

– То есть как это мы не знаем, существует ли этот город? – с недоуменным видом спросил профессор. – Из всей этой глупости Томбук, пожалуй, единственное, что мы знаем абсолютно точно. И чему вас, черт побери, учат в ваших американских университетах?

– Не будьте таким суровым, проф, – вмешался я, приходя на выручку Кассандре. – Не забывайте, что она специалист по подводным раскопкам, а потому ей совсем необязательно знать о том, какие города находятся посреди пустыни в Мали.

– Неужели ты об этом знаешь? – удивилась Кассандра.

– Я-то знаю, да и ты, возможно, слышала об этом городе, – ответил я. – На старокаталанском он назывался Томбук, но сейчас называется немножко иначе – Томбукту.

24

– Хочешь, прогуляемся по городу? – спросил я Кассандру на следующее утро после нашего возвращения в Барселону, когда заглянул в комнату, которую она занимала.

– Я хочу спать... – лениво потягиваясь, ответила она. – А сколько сейчас времени?

– Уже почти десять.

– Ну и гад же ты, Улисс! Зачем ты будишь меня в такую рань? Даже Бог – и тот в воскресенье отдыхал.

– Вставай, не будь такой лежебокой. Я угощу тебя жидким шоколадом и чурро[18].

Кассандра приподняла голову и недоверчиво посмотрела на меня из-под простыни.

– Пользуясь тем, что мы вчера не ужинали, ты пытаешься вытянуть меня из постели?

– Какая же ты догадливая! Приманка, состоящая из шоколада и чурро, действует безотказно.

– Ну хорошо... – сдалась Касси. – Дай мне десять минут. Я уже встаю.

Через обещанные «десять минут», которые по моим часам равнялись как минимум сорока, Кассандра, с непричесанными влажными волосами, одетая в цветастое платье, вышла из ванной.

– Касси, я умираю от голода.

– Десять минут – и я готова, – ответила Кассандра, закрывая за собой дверь в свою комнату.

– Хорошо. Но ни минуты больше!

Наивный мечтатель...

Часов в двенадцать мы наконец-таки вышли из дому.

– И куда ты меня поведешь?

– Ну, раз уж я обещал угостить тебя чурро, то первым делом мы зайдем в один бар, где их очень вкусно готовят. Это неподалеку отсюда. Затем прогуляемся по центру города. Не возражаешь?

– Не возражаю насчет чурро. Но, честно говоря, мне не очень-то хочется топтать по туристическим маршрутам этого города.

Выпив по чашечке густого горячего шоколада и полакомившись чурро, мы спустились в метро и доехали до рынка Сан-Антонио.

– Ого, Улисс! А это что такое? – удивленно воскликнула Кассандра, едва только мы вышли из метро.

– Это книжный базарчик. Тут продают старые книги и журналы.

– Чудненько! Пройдемся по нему?

– Если хочешь, пройдемся. Но я тебя предупреждаю, что там ужасная толчея и нам придется буквально протискиваться между людьми.

– Тогда мы туда не пойдем. Мне не нравится толкаться в толпе.

– Мне тоже, тем более что я хотел сводить тебя совсем в другое место.

– Вот и прекрасно, мой поводырь, поступай так, как сам считаешь нужным, – сказала Касси, беря меня за руку.

Мы свернули на улицу Оспиталь – одну из моих любимых барселонских улиц. По мере того как мы по ней шли, цвет кожи встречающихся нам прохожих становился все темнее, а вместо латинских букв на вывесках магазинчиков и парикмахерских все чаще встречались какие-то замысловатые закорючки.

– А что это за люди?

– Марокканцы, пакистанцы, ливанцы... Тут всех понемножку.

– Забавно... – сказала Кассандра. – В центре Лос-Анджелеса, где находился университет, в котором я училась, почти все вывески магазинов были на испанском языке. А здесь, в центре испанского города, – на арабском.

– Знаешь, твои слова напомнили о том, что в центре тех арабских городов, где мне довелось побывать, есть много вывесок на английском, французском и даже испанском языках.

– Интересно...

– Еще как. Однако всегда находятся люди, которых пугает все новое и непривычное, и они воспринимают как некую угрозу для себя всех тех, кто выглядит, думает или разговаривает хотя бы чуть-чуть не так, как они.

– Что ты хочешь этим сказать?

Я покосился на Кассандру, решая, стоит ли мне ввязываться в разговор на довольно тяжелую тему.

– Дело в том, что, по моему мнению, – сказал я, отважившись все-таки высказаться, – в Барселоне, как и в других уголках старой самовлюбленной Европы, есть люди, которые делят окружающих на «своих» и «чужих». Они с пеной у рта доказывают, что эти самые «чужие» не имеют права жить в таком «цивилизованном» городе, как этот, если не сумеют перенять все местные обычаи и традиции и не откажутся от своего прежнего образа жизни.

– Ты имеешь в виду расизм?

– Не расизм, а нечто более изощренное и продуманное. Впрочем, судить о людях по месту, где они родились, по языку, на котором они говорят, и по их образу жизни, а не по их поступкам – это если не расизм, то во всяком случае нечто похожее на него. – Посмотрев на Кассандру, я добавил: – А ты – наглядный пример того, какой замечательный результат может дать смешение рас.

– Спасибо за комплимент, – усмехнувшись, вставила Касси.

– Да нет, я говорю серьезно. Представь, что твой отец отказался бы жениться на твоей матери только потому, что она разговаривала на другом языке и придерживалась чужих для него обычаев и традиций. Что бы ты в таком случае о нем подумала?

– Ну, в таком случае я вообще не появилась бы на белый свет, а значит, не могла бы ни о чем думать. Но его, наверное, можно было бы считать недоумком.

– Именно это я и имел в виду. Мы все являемся в той или иной степени метисами – как в физическом, так и в культурно-психологическом плане, хотя отдельные личности и пытаются убедить нас в обратном. Я уже несколько лет путешествую по миру, и за это время пришел к выводу, который, кстати, никому не навязываю. А заключается он в том, что все те, кто пытается убедить своих соплеменников, будто у них более развитая культура и более богатая история, чем у других народов, либо являются воинствующими невеждами, либо, разжигая межнациональную рознь, преследуют какой-то личный интерес. Люди из первой категории могут избавиться от своих заблуждений, если будут побольше читать и путешествовать по миру, а вот люди второй категории... – я невольно вздохнул, – очень быстро теряют поддержку народа, как только народ начинает понимать, что они собой представляют и что им на самом деле нужно. Хотя мы на данном этапе развития цивилизации считаем себя высококультурными космополитами, уже освободившимися от древних предрассудков, по своей сущности мы все еще являемся животными, которые стремятся жить в своем стаде и на своей территории. И об этом нам в нашей борьбе за равенство и братство все-таки не следует забывать, потому что, когда кое-кто пытается активизировать заложенные в людях примитивные инстинкты с помощью бесконечных рассуждений, он начинает впадать в безумие, которое заканчивается этническими чистками и лагерями беженцев. А потом все рвет на себе волосы, объявляют траур и ходят с лицами, на которых написано: «А я тогда просто проходил мимо...» или: «Кто бы мог подумать, что такое может произойти?».

– Я понимаю... Но тебе не кажется, что мир вокруг нас не такой уж и плохой? – спросила Кассандра, демонстративно оглядываясь по сторонам.

– К счастью, ничего трагического пока не происходит. Однако если те, кто считает смешение рас и многообразие культур недопустимыми явлениями, начнут перегибать палку, она, пожалуй, сломается, и тогда... и тогда трудно даже представить, к чему это может привести. Хотя я, возможно, и ошибаюсь, – сказал я, осторожно беря Кассандру за талию, – и наша жизнь еще долго будет тихой и спокойной благодаря тому, что мы сумеем учесть допущенные ошибки – как свои, так и чужие. Я абсолютно уверен, что в будущем дальнейшее смешение рас и культур будет продолжаться, – а иначе вообще не будет никакого будущего.

Продолжая разговаривать, мы прошли по небольшому рынку, расположенному на бульваре Рамбла в районе Раваль, а затем присели, чтобы выпить чаю в принадлежавшем марокканцам кафе, где столики были заняты преимущественно смуглыми усатыми мужчинами. Я угостил Кассандру сладкими до приторности арабскими пирожными, которые лично мне очень нравились.

Выйдя из кафе, мы пересекли бульвар Рамбла-де-Каналетес, прошли мимо рынка Ла-Бокерия и заглянули на минутку в маленькую синагогу в еврейском квартале. Затем мы немного поблуждали по узким средневековым улочкам старинной части города, пересекли улицу Пау Кларис и оказались в одном из моих любимых кварталов Барселоны, который я окрестил «маленькой Гаваной», – правда, совсем не потому, что он был чем-то похож на своего «тезку» в Майами. Честно говоря, кубинцев здесь было немного, а вот доминиканцев, колумбийцев и выходцев из других латиноамериканских стран – хоть отбавляй. Прогулка по улицам этого района, где из магазинов доносятся звуки меренге[19] и кумбии[20], где полно мулатов, где звучат самые разнообразные певучие говоры, представляла собой встречу с экзотикой прямо посреди европейского города.

Ближе к вечеру, сидя на газоне неподалеку от старого порта, мы пообедали превосходным люля-кебабом с овощами и лавашем, а затем прилегли отдохнуть под нежарким осенним солнцем на этом же газоне.

– Вопреки всему тому, что я от тебя услышала, мне кажется, что ты, Улисс, живешь в прекрасном городе, который очень любишь, – сказала Касси, подняв голову и разглядывая единственное плывущее по небу облако.

– Да, это верно, – немножко подумав, согласился я. – Здесь я родился и вырос, что для любого человека имеет большое значение. Однако я провел очень много времени вдалеке от родного города, и это изменило мои взгляды

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
практически на все аспекты жизни. Поэтому, возвращаясь в Барселону, я чувствую, что мне здесь очень многого не хватает.

– Возможно, оттого что ты одинок.

– Думаешь, если бы у меня была спутница жизни, это избавило бы меня от проблем? Представь, какое выражение лица было бы у нее, если бы я сказал, что уезжаю работать в Индонезию и что к ужину меня ждать не нужно.

– Тогда найди себе женщину, которой на это наплевать. Я слегка приподнялся и посмотрел на Кассандру.

– Это не так-то легко. Моей спутницей жизни, наверное, смогла бы стать женщина, которая ведет примерно такой же образ жизни, как и я, и которая поддерживает идею личной свободы – как моей, так и своей собственной. Женщина, которая смогла бы, не сожалея, пожертвовать кое-какими традиционными семейными ценностями. Женщина, которая...

Я замолчал, любуясь чертами лица Кассандры, которые в слабом свете вечернего солнца казались еще более красивыми.

– Почему ты замолчал? – спросила Касси, поворачиваясь ко мне.

Я, увлекшись разглядыванием ее глаз, не расслышал, что она сказала.

– Улисс! С тобой все в порядке?

– А? Ой... да, извини. Касси улыбнулась.

– Ты, дружище, замолчал, так и не договорив того, что хотел сказать.

– А-а, это... Хочешь выпить кофе? Я знаю тут одно местечко, где тебе наверняка понравится.

– Ты пытаешься сменить тему... – заметила Кассандра, прищурив глаза. – Но на кофе я согласна.

Мы медленно шли по улице, то и дело останавливаясь, чтобы послушать уличных музыкантов, стоявших в этой части города буквально на каждом углу. В весьма необычном кафе на улице Сан-Доменек-дель-Каль – одном из моих любимых – мы сели на малюсенькие табуреты у круглого стола высотой в каких-нибудь полметра. Кассандра – после того как я предупредил ее, что подаваемый здесь турецкий кофе слывет очень густым и что в него добавляют кардамон, – решила взять себе ароматический напиток из лесных фруктов.

Мы некоторое время сидели друг против друга и молчали, глядя в сгущающихся сумерках на мой дымящийся кофе.

– Когда я на тебя смотрю, – сказал я, нарушая воцарившееся молчание и пытаясь выразить словами нахлынувшие на меня необычные чувства, – мне кажется, что я – кролик, ослепленный светом автомобильных фар. Я чувствую себя загипнотизированным, парализованным, неспособным даже и чуточку пошевелиться, хотя и вижу, что этот автомобиль стремительно надвигается на меня.

– Стало быть, ты теперь полностью в моих руках... – с театральным пафосом произнесла Кассандра.

– Похоже, что да, – признался я, вздыхая. – По правде говоря, меня это даже пугает.

– Не переживай, – сказала Касси и подняла правую руку вверх, словно собираясь произнести клятву. – Торжественно обещаю, что не стану использовать свою власть над тобой тебе во вред. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока ты будешь прилично себя вести.

– Хорошо, если так... Впрочем, я не удивился бы, если бы ты нарушила свое обещание. Однако меня больше всего волнует даже не это.

– Скажи мне, Улисс, – вдруг став серьезной, прошептала Кассандра и взяла мою руку в свою, – что тебя волнует? Я тяжело вздохнул, чувствуя, как сжимается мое сердце.

– Меня волнуешь ты... Помнишь наш первый разговор на палубе? С тех самых пор я почти постоянно думаю о тебе. Чем больше времени я провожу с тобой и чем больше я тебя узнаю, тем больше ты мне нравишься. Ты даже и представить себе не можешь, как сильно ты мне нравишься. Мне кажется... мне кажется, что я постепенно в тебя влюбляюсь...

– И это тебя пугает?

– Меня пугает то, что ты, возможно, не испытываешь ко мне таких же чувств... А еще меня пугает то, что ты, может быть, их все-таки испытываешь.

– Я тебя не понимаю.

– Касси, в моей жизни подобные ситуации никогда ничем хорошим не заканчивались, а мне ведь ни за что на свете не хотелось бы с тобой расстаться. Я знаю, что это глупо, но я всегда вспоминаю вот эти строки Неруды: «Как нам порой легко влюбиться и как нам трудно разлюбить...» Мне кажется... мне кажется, что на то, чтобы разлюбить тебя, у меня ушла бы вся оставшаяся жизнь.

Кассандра некоторое время молчала – может, просто подыскивала подходящие слова, а может, никак не могла понять смысл того, что я ей говорил.

– Улисс... – Поставив чашку на стол, Касси взяла обе мои руки в свои. – Я со своей стороны могу сказать, что меня тоже к тебе влечет. К сожалению, я не способен предвидеть будущее – как, впрочем, не способен предвидеть его и ты, – а потому я не знаю, что может уготовить нам судьба, если мы решим быть вместе. Однако если ты позволишь мне быть откровенной, то, с моей точки зрения, все, что ты сейчас сказал, – это какая-то ерунда. Решать, конечно, тебе, и ты поступай так, как считаешь нужным. Я не стану поучать тебя и настаивать на чем-то своем.

Прошло уже три дня, как мы вернулись в Барселону, и, за исключением воскресенья, все это время было потрачено на лихорадочные приготовления к поездке в Мали, а потому разговор, состоявшийся между мной и Кассандрой в кафе, мало-помалу отошел в нашем сознании на второй план.

Мы разделили между собой работу по подготовке к предстоящей поездке: Кассандра искала и записывала всевозможную информацию о том, какие библиотеки и архивы существовали в Томбукту в начале четырнадцатого века, профессор Кастильо пытался выяснить, была ли какая-нибудь связь между тамплиерами и этим затерянным в пустыне городом, а я взял на себя хлопоты по организации нашего путешествия и по сбору сведений о том уголке планеты, куда нам предстояло отправиться. Последние две ночи мы почти не спали – отчасти из-за огромного объема работы, которую необходимо было выполнить, а отчасти из-за охватившего нас нервного напряжения. Когда же под вечер третьего дня мы собрались вокруг стола в моей гостиной, даже при тусклом свете свисавшей с потолка лампы у нас троих были отчетливо видны темные круги под глазами.

– Как твои успехи, Улисс? – спросила, склонившись над столом, Кассандра.

Ее волосы были заплетены в две изящные косички, а одета она была в шорты и в одну из тех своих футболок, в которых выглядела особенно обольстительной.

– Думаю, что неплохо... – ответил я, украдкой бросая взгляд себе между ног и глупо улыбаясь.

– Ого! – с притворным возмущением воскликнула Касси. – Ты прямо-таки жеребец!

– Да, что-то вроде того... Хотя нет, на жеребца я не потяну.

Касси, изображая разочарование, поджала губы, а затем, не сдержавшись, прыснула от смеха. Через секунду мы оба безудержно хохотали, вызывая недоумение у профессора, который не понял причину нашего смеха и теперь,

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
переводя взгляд с Кассандры на меня и обратно, укоризненно покачивал головой, видимо терзаясь в догадках, что же произошло с этими двумя шалунишками.

Когда смех утих, профессор повторил заданный Кассандрой вопрос, но потребовал уже более подробного ответа.

– Да в общем-то, все готово, – сказал я, продолжая коситься на Кассандру. – Я связался с посольством Мали в Лондоне, и сотрудники посольства объяснили мне, что мы можем получить въездные визы прямо в аэропорту Бамако. Прививки против столбняка, гепатита и желтой лихорадки мы вчера уже сделали. Я забронировал номера в гостинице, а также выяснил, что нам, оказывается, придется нанять себе гида. Это меня отнюдь не обрадовало.

– Почему? – поинтересовалась Касси.

– Честно говоря, не люблю я этих гидов, – пробурчал я.

– Ну, тогда мы решим уже по приезду, стоит ли нам пользоваться услугами гида, – сказал профессор, – и согласимся на эти услуги только в случае крайней необходимости. – Мне тоже не очень хочется, чтобы рядом с нами все время находился какой-то посторонний человек.

– К сожалению, у нас не будет выбора. – Я уныло посмотрел на профессора. – Приезжающие в Мали иностранцы обязаны нанимать официального гида, куда бы они в этой стране ни направлялись. Так что тут уж нам никак не отвертеться.

– Тогда давайте этот вопрос больше не обсуждать, – предложил профессор. – Что-нибудь еще?

– Ничего экстраординарного. Мы проведем одну ночь в Бамако, а на следующий день, рано утром, – инш'алла – вылетим самолетом авиакомпании «Эр Франс» в Томбукту.

– Инш'алла? – в один голос переспросили профессор и Кассандра.

– «Если будет на то воля аллаха», – перевел я. Увидев, что и профессор, и Касси все еще вопросительно смотрят на меня, я, пожав плечами, добавил: – Я работал несколько месяцев на Красном море, так что ко мне прилипли кое-какие арабские слова.

– На Красном море... Прекрасно! – сказал профессор. – Ну а теперь слушайте меня очень внимательно, – с загадочным видом попросил он, – потому что я расскажу вам о том, что же мне удалось выяснить за все те часы, которые я потратил, лишив себя полноценного сна.

Кастильо уперся локтями в стол и, самодовольно усмехнувшись, посмотрел на нас с Кассандрой испытующим взглядом.

– Помните строки, – медленно произнес он, – в которых говорится о том, что некий ученик убегал от мистралья в направлении Томбукту?

– Да как же мы могли их забыть? – вырвалось у Касси.

– Так вот, имеется документальное подтверждение, что в 1346 году некий Хайме Феррер отбыл на судне с острова Мальорка в направлении юго-запада и, минуя Гибралтарский пролив, продолжал плыть вдоль африканского побережья, пока не высадился там, где в настоящее время находится Сенегал.

– Думаете, именно он и был тем пресловутым учеником, который упоминается в последних строках завещания? – спросил я.

– По правде говоря, я так не думаю, – равнодушно ответил профессор. – Хайме Феррер был мореплавателем, а не монахом, и, кроме того, судя по имеющимся о нем сведениям, он отнюдь не принадлежал к людям, способным потратить половину своей жизни на изучение различных языков и картографии.

– Тогда при чем здесь он? – поинтересовалась Кассандра.

– А при том, что, по моему мнению, именно на судне этого мореплавателя – то ли в составе судовой команды, то ли в качестве пассажира – и приплыл в

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Африку человек, которого мы ищем.

– На основании чего вы пришли к такому выводу? – спросила Кассандра голосом ученого-скептика. – Вы нашли какое-то письмо Хайме Феррера, в котором он рассказывает о своем путешествии и своих спутниках, или раздобыли список находившихся на его судне членов экипажа и пассажиров?

– Ни то ни другое, – ответил, широко улыбаясь, профессор. – Я пришел к такому выводу отчасти потому, что Хайме Феррер и его спутники так никогда и не вернулись из Африки.

Касси, удивленная охватившим профессора весельем, нахмурила брови и требовательно произнесла:

– Тогда, пожалуйста, объясните все поподробнее, иначе я тут с вами совсем запутаюсь.

Ничего не сказав в ответ, профессор открыл лежавшую на столе папку и вытащил из нее большой лист бумаги, который оказался ксерокопией участка Каталанского атласа, включающего в себя Канарские острова и африканское побережье до Мавритании и чуть южнее. Мы с Кассандрой стали внимательно рассматривать эту ксерокопию. Профессор, наблюдая за выражением наших лиц, вскоре понял, что мы не можем найти на ней ничего примечательного, и ткнул пальцем в парусный корабль, нарисованный как раз под Канарскими островами. Из корабля

высовывались четыре головы, три из которых смотрели в том направлении, в котором оно двигалось, то есть на восток.

– Не хотите ли вы сказать, что это судно...

– Прочитайте вот здесь... – перебил меня профессор, показывая на надпись возле судна:

Patrich l'uxer d'en Jaume Ferrer per anar al riu del or al gorn de sen
Lorens qui es a X de Agost qui fo en l'any MCCCXLVI.

– Я не поняла ни одного слова... – пробурчала Кассандра.

– Я тоже... – признался я, – однако рядом с нами есть один человек, который горит желанием незамедлительно все объяснить. Я прав, профессор?

Как обычно, весьма польщенный тем, что он снова оказался в центре внимания, профессор Кастильо блаженно улыбнулся.

– Ну конечно же, ребяташки. Приблизительный перевод звучит так: «Служитель Хайме Феррера убыл, направляясь к золотой реке, десятого августа 1346 года в день Святого Лоренцо».

– А что такое «служитель»? – спросил я.

– Что-то типа адъютанта, – пояснила Касси.

– Именно так, дорогая моя, – кивнул профессор. – И хотя мы не знаем его имени, нам известно, что он высадился на африканский берег южнее Канарских островов. Он приплыл туда вместе с Хайме Феррером и, оказавшись на берегу, поехал на верблюде в сторону реки, которая в те времена называлась Золотой рекой и которая в настоящее время называется Сенегал. Если же ехать вдоль этой реки вверх по ее течению, то рано или поздно подъедешь к реке Нигер – главной водной артерии Западной Африки. Именно там, на берегу Нигера и находится легендарный город Томбукту.

– Вот здорово! Теперь у нас все сходится! – воскликнул я.

– Ты произнес эти слова очень даже кстати, – усмехнулся профессор. – Да, действительно, все сходится. – Он снова открыл свою папку и достал из нее ксерокопию еще одного участка все того же Каталанского атласа, которую затем положил рядом с первой ксерокопией так, чтобы изображения на краях этих двух участков совпадали. – Взгляните сюда.

На втором участке я увидел фигурку темнокожего царя, который держал в руке маленькое солнце, а возле ног царя – город Томбукту, расположенный неподалеку от реки Нигер. Левее этого города, причем на равном расстоянии от корабля Хайме Феррера и от чернокожего царя, был нарисован всадник в арабском одеянии, едущий верхом на верблюде по направлению к чернокожему царю. Исходя из всего того, что нам уже удалось выяснить, было понятно, что украшавшие эту средневековую карту рисунки означали, что некий человек, высадившись с судна на берег, отправился верхом на верблюде в сторону реки Нигер, а точнее – к расположенному неподалеку от нее городу Томбукту.

– Чудеса, да и только, – пробормотал я, не отрывая взгляда от карты. – Тут все нарисовано настолько доходчиво, что даже если бы наш друг Крескес разместил здесь сверкающую вывеску со стрелками, указывающими на Томбукту, то это не было бы более наглядно.

– Безусловно, – с готовностью согласился профессор. – Однако есть и еще один факт, который окончательно отмечает все сомнения. Перерыв целый ворох бумаг, я натолкнулся на упоминание о том, что Томбукту называли Меккой Сахары, Римом Северной Африки, африканскими Афинами и самым таинственным городом. Должен признаться, что поначалу я немного сконфузился, потому что не нашел никаких сведений о том, что этот город называли «черной Александрией». Я искал везде, где только мог, но ничего не находил, пока, вконец отчаявшись, не решил взглянуть на данный вопрос под другим углом зрения. Вместо того чтобы разыскивать нужную мне информацию через поиск людей, которые высказывались когда-либо о Томбукту, я стал собирать информацию о самом Томбукту, надеясь таким образом все-таки натолкнуться на нужные мне сведения.

– И у вас это получилось? – нетерпеливо спросил я.

– Причем довольно быстро. Оказывается, в средние века, после восхождения на трон в 1317 году Мансы Мусы – чернокожего царя, который нарисован на этой карте и к которому направлялся наш «ученик», – Томбукту стал главным интеллектуальным центром всей коммерческой, религиозной и культурной жизни Западной Африки. Сановники и богатые торговцы, жившие в этом городе, соревновались между собой, кто из них наймет себе на службу самых ученых людей того времени и у кого из них будет самая большая библиотека во всем исламском мире. В результате подобного «соревнования» они собрали тысячи книг из различных уголков земного шара, и Томбукту в четырнадцатом веке вполне мог называться «черной Александрией», потому что в нем имелось такое же огромное количество книг, как и в легендарной библиотеке древней Александрии, а находился он на так называемом «черном континенте».

Весьма довольный своим выступлением передо мной и Кассандрой, профессор откинулся на спинку стула и бросил на нас с Кассандрой вопрошающий взгляд, как будто ожидая, что мы сейчас начнем ему аплодировать. Однако вместо того чтобы бурно выражать свой восторг, Кассандра решила немедленно выступить, следуя повестке дня, и с видом кота, который замышляет сцапать канарейку, сказала:

– А может, вам будет интересно узнать о том, что удалось выяснить мне?

– Слушаю тебя, дорогая моя, – уныло ответил профессор. Он даже и не пытался скрыть разочарование, которое вызвало у него наше с Касси равнодушное отношение к его рассказу.

– Видите ли, мне тоже удалось выяснить, что город Томбукту в начале четырнадцатого века превратился в своего рода африканскую Флоренцию. Более того, у меня с собой есть описание этого города, составленное вашим земляком... – С этими словами Кассандра начала лихорадочно рыться в лежавшей перед ней на столе кипе бумаг. – А, вот оно... В 1506 году в Томбукту приехал житель Гранады, Хасан ибн Мухаммед, более известный как Джованни Леоне по прозвищу Лев Африканец. Так вот, побывав в Томбукту, он написал про этот город следующее: «...там продается также много рукописных книг, каковые привозят из далеких стран, и от них получают больше дохода, нежели от остальных товаров. А еще в этом городе много кадиев, имамов и мулл, которым выдает плату царь и которые очень чтят людей письменных». – Кассандра оторвала взгляд от листа бумаги и посмотрела на нас с профессором: – Ну, что скажете?

– Скажу, что... – начал было я.

– Но это все еще ерунда! – поспешно перебила меня Кассандра. – Самое интересное заключается в том, что одной из семей, сумевших собрать наибольшее количество книг и документов, была семья – а точнее, целый клан – Кати. Есть ли в этом что-нибудь особенное? – спросила Кассандра, обращаясь как бы к самой себе, и тут же, не успев перевести дыхание, ответила: – Да, есть, потому что семья Кати эмигрировала из своего родного города Толедо по решению главы семьи Али ибн Зияба аль-Кути. Причиной отъезда были религиозные преследования, которым подвергались в пятнадцатом веке в Испании арабы. Приехав в Томбукту, эта семья вскоре стала одной из самых уважаемых семей города. Однако столетием позже марокканская армия во главе с еще одним выходцем из Гранады, которого звали Джудар-паша, захватила Томбукту, и поэтому семья Кати поспешно уехала из города и увезла с собой свою огромную библиотеку, в то время насчитывающую около тысячи книг. С тех самых пор, на протяжении многих поколений и вплоть до прошлого года, библиотека Кати переходила из рук в руки. В течение веков она обогатилась еще на несколько тысяч книг и документов. В настоящее время эта библиотека находится в недавно построенном здании и называется «Андалусийская библиотека Томбукту». Ее фонды систематизировали, был составлен подробнейший каталог. Так что нам, наверное, есть смысл порыться в этой библиотеке – а вдруг именно в ней и хранится зашифрованный документ, который, как мы предполагаем, когда-то привез в Томбукту убежавший из монастыря Мирамар монах-картограф.

– Извини, ты сказала «Андалусийская»? – недоверчиво спросил я.

– Именно так. Строительство здания библиотеки было профинансировано властями штата Андалусия.

– Поразительно! – искренне удивился я. – Мне даже в голову не приходило, что кто-то может выделять средства на строительство объектов культуры в африканских странах. Да, кстати, Кассандра, Андалусия – это не штат, а автономная область.

– Минуточку! – вмешался профессор. – Мне кое-что непонятно. Я, конечно, ни в коем случае не хочу умалять значение добытой тобой информации, – сказал Кастильо, обращаясь к Кассандре, – но ты сама сказала, что в Томбукту очень многие семьи имели библиотеки. Поэтому мы не можем быть уверенными в том, что документ, который, по нашему предположению, был привезен в Томбукту и в котором в зашифрованном виде указывается местонахождение сокровищ тамплиеров, хранится именно в этой библиотеке.

– Да, конечно, – согласилась Касси. – Об абсолютной уверенности не может быть и речи, однако данная версия, на мой взгляд, является наиболее правдоподобной.

– А почему ты так решила? – поинтересовался профессор.

– Да потому, что я считаю само собой разумеющимся, что этот документ был составлен на каталанском или испанском языке, – смущенно ответила Кассандра.

– Неужели?

Кассандра несколько секунд молчала, видимо собираясь с мыслями и подыскивая доводы, которыми можно было бы убедить скептически настроенного профессора.

– А! Поняла! – вдруг воскликнула она. – Какая же я глупая! Я забыла объяснить вам, что семья Кати проявляла особый интерес к рукописям, привезенным с их исторической родины, то есть с Иберийского полуострова, и любой документ, так или иначе с ним связанный и оказавшийся в Томбукту, рано или поздно, по всей вероятности, оказывался в библиотеке этой семьи. Так что туда вполне мог попасть и документ, доставленный вот этим сидящим на верблюде таинственным персонажем.

– Не знаю, как вы, – сказал я, выпрямляясь на своем стуле и окидывая взглядом кипы всевозможных бумаг, занимавших почти весь стол, – а я все больше и больше верю в то, что этот монах уехал именно в Томбукту. И если существует какая-то карта, письменный документ или, возможно, другая зацепка, которые привели бы нас к сокровищам тамплиеров, то все это нужно

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
искать в Томбукту.

– Я с тобой согласна, – поддержала меня Кассандра. – Все добытые нами сведения свидетельствуют именно об этом, и, как говорят у нас в Мексике, «если видишь яйца, а еще конец, то это, безусловно, не самка, а самец».

– Однако остается один маленький нюанс, – сказал, иронически улыбаясь, профессор. – Мы ведь, между прочим, не знаем, сохранился ли этот документ, написанный на пергаменте или на чем-то еще, за прошедшие шестьсот с лишним лет... Может, он просто-напросто истлел, если вообще когда-либо существовал.

– Да ладно вам, проф. – Я укоризненно покачал головой. – Не будьте черным вороном, предвещающим крах наших надежд. Хотя шансов у нас, конечно же, маловато, мы не можем не ухватиться за эту ниточку. Или у вас есть предложение получше?

– По правде говоря, нет, – признался профессор Кастильо, задумчиво поглаживая лысину.

– Значит, вы согласны поехать с нами?

– Наверное... да, – нерешительно ответил профессор, посмотрев на меня поверх своих очков. – А что мне еще остается делать? Если я оставлю тебя без присмотра и с тобой что-нибудь случится, я буду чувствовать себя виноватым.

– Вот и прекрасно. Итак, мы обо всем договорились, – сказал я, поднимаясь из-за стола. – А теперь я предлагаю побаловать себя хорошим ужином, а затем лечь спать пораньше, потому что завтра нас ждет трудный день.

– Завтра? – удивленно спросила Касси. – А что нам придется делать завтра?

– Ой, извините, я и забыл вам сказать... – напустив на себя невинный вид, я сообщил: – В двенадцать часов дня мы вылетаем самолетом авиакомпании «Эр Франс» в Дакар... – Я сделал паузу, чтобы насладиться лицемерием того, как вытянулось лицо профессора, и продолжил: – Там мы пересядем на самолет до Бамако и уже завтра в это время будем в Мали.

25

Уже устремившееся к горизонту палящее солнце, лучи которого настойчиво пробивались сквозь облако пыли, поднявшегося над взлетно-посадочной полосой, было самым первым, что мы увидели в Мали, когда вышли из самолета и стали спускаться по трапу в международном аэропорту Бамако. Затем нас ждал убогий на вид терминал с не очень большим, но необычайно шумным залом прибытия, где люди в военной форме требовали от только что прилетевших пассажиров выстроиться в очередь.

Внутри этот терминал был еще более убогим, чем снаружи. В нем, несмотря на уже вечернее время, было очень жарко и душно, и мы, стоя в очереди к единственному имевшемуся здесь окошечку с надписью «Иммиграция», буквально обливались потом. Пока профессор с нескрываемым отвращением на лице поглядывал по сторонам, а Касси приглядывала за нашим багажом, подозрительно косясь на спящих туда-сюда людей, я пытался объяснить с представителями здешней власти. Довольно твердолобые, как мне показалось, пограничники и таможенники никак не могли понять, что виз на въезд в Мали у нас нет и что в лондонском посольстве этой страны меня убедили в возможности получить временную визу прямо в аэропорту.

Примерно час спустя, облепив свои карманы на пятнадцать тысяч франков КФА, мы покинули набитое людьми здание аэропорта и направились к первому попавшемуся нам на глаза такси. Однако не успели мы сделать и пары шагов, как нас окружила целая толпа таксистов, каждый из которых, громко тараторя, пытался доказать, что его автомобиль самый быстрый, самый удобный и вообще самый лучший, а он, таксист, самый честный человек на свете. Желая побыстрее выбраться из этой галдящей толпы, я поспешно шагнул к одному из таксистов, который выглядел не таким грязным, как остальные, и, положив ему руку на плечо, сказал:

– Отель «Амитье».

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

Как я и предполагал, этот человек тут же отпихнул в сторону конкурентов и повел нас к своему автомобилю, «Пежо-504», выпускавшемуся еще в те времена, когда я ходил в детский сад. Когда мы сели в машину, таксист довольно долго не мог ее завести, и его конкуренты, пользуясь заминкой, стали заглядывать в открытые окна и наперебой уговаривать нас выйти из автомобиля и поехать с ними.

Мы очень сильно устали – не только от долгого перелета и еще более долгого сидения в зале транзитных пассажиров в аэропорту Дакара, но и от необычайно мучительного процесса получения въездных виз в душном зале аэропорта Бамако. Тем не менее уже само осознание того, что мы наконец-таки прибыли в Мали, а стало быть, сделали еще один шаг к раскрытию тайны сокровищ тамплиеров, вызывало у меня счастливую улыбку, и я, высунув голову в окно, полной грудью вдыхал горячий африканский воздух.

К моему удивлению, мы довольно быстро преодолели пятнадцать километров, отделявших аэропорт от города, и оказались в самой гуще большого потока машин, повозок и пешеходов, то есть того самого потока, который захлестывает улицы африканских городов сразу же после захода солнца. Гостиница, в которой я забронировал для нас номера, находилась в коммерческом центре Бамако, где перед бесчисленными ларьками и лотками, которые были тускло освещены редко стоящими фонарями, толпилось такое огромное количество народа, что такси с большим трудом удавалось продвигаться по запруженной улице.

– Что с вами случилось? – спросил я, поворачиваясь к своим притихшим на заднем сиденье спутникам. – Вы не произнесли ни слова с того самого момента, как мы покинули салон самолета.

– А что мы должны тебе сказать? – ворчливо произнес профессор. – У меня такое впечатление, будто мы оказались на другой планете. Я никогда не бывал в таких вот местах.

– А ведь я раньше думала, что Мехико – это жуткий хаос! – присоединяясь к профессору, воскликнула Кассандра. – Тут так жарко, что мне остается только надеяться, что в гостинице найдется холодное пиво.

– Я тоже на это надеюсь, – сочувственно сказал я, понимая, какое впечатление произвела на моих друзей первая встреча с африканской действительностью. – Думаю, они тут не очень строго соблюдают мусульманские законы.

Несколько минут спустя такси наконец-то припарковалось возле нашей гостиницы.

– Ого! – воскликнула Касси, восторженно разглядывая роскошный вход в здание гостиницы. – Вот это уже намного лучше!

– Это самая шикарная гостиница в Бамако, – пояснил я, бросая взгляд на нарядно одетого швейцара. – Я подумал, что раз уж мы собираемся провести в этом городе всего лишь одну ночь, то нам следует хорошенько отдохнуть.

– Ну хоть на этот раз ты соизволил пошевелить мозгами, – хмыкнул профессор. – Молодец! Посмотрим, пошевелишь ли ты ими когда-нибудь еще..

– Я вижу, что вы, профессор, уже успели прийти в себя. Так что давайте-ка вместе вытащим из багажника наши дорожные сумки.

Мы уложили с помощью швейцара весь наш багаж на тележку и подошли к довольно потертой стойке дежурного администратора.

– Bonsoir[21], – сказал я с таким французским прононсом, на какой только был способен. – J'ai une reservation au nom d'Ulises Vidal pour trois personnes[22].

– Oui, monsieur[23], – ответил дежурный администратор, взглянув в какой-то список, и затем поочередно выдал каждому из нас ключ от номера. – Combien de temps pensez-vous y rester, monsieur?[24]

– Cette nuit[25].

– D'accord. Bonne nuit, monsieur[26].

– Bonne nuit[27].

Взяв свой ключ, я обернулся и заметил, что Кассандра удивленно смотрит на меня.

– Не знала, что ты говоришь по-французски.

– А я по-французски не говорю, а так, слегка чирикаю. Я когда-то работал на Мартинике, так что ко мне прилипли кое-какие французские слова.

Прежде чем разойтись вместе с багажом по своим номерам, мы договорились, что примем душ и через полчаса все вместе пойдем ужинать.

В моем номере, как и во всей гостинице, ощущалась какая-то запущенность, отчасти объяснявшаяся отсутствием надлежащего техобслуживания. Я понял это, как только попытался включить кондиционер. К счастью, вода в ванной комнате была, и, простояв минут десять под душем, я наскоро вытерся полотенцем и облачился в свою самую лучшую одежду, состоявшую из помятой хлопковой рубашки и чистых брюк. Пройдя по коридору, я постучал в дверь номера, в котором располагался профессор. Когда Кастильо, открыв дверь, предстал передо мной в шортах и цветастой гавайской рубашке, я не смог удержаться от смеха, увидев его в столь необычном для него наряде.

– Что с тобой, Улисс? – раздраженно спросил профессор. – Во Флориде ты смеялся надо мной, потому что я ходил там в свитере и вельветовых штанах, а здесь смеешься, потому что я, находясь посреди Сахары, надел шорты. На этом свете есть вообще какая-нибудь одежда, которую ваша милость сочла бы для меня подходящей?

– Извините, профессор, я просто еще никогда не видел вас в подобном наряде. Вы произвели на меня впечатление.

– Ну, значит, тебе придется привыкнуть к моему наряду. Я собираюсь ходить именно так, поскольку здесь стоит невыносимая жара.

– Ну что ж, посмотрим... – сказал я, стараясь не улыбаться, а затем, чтобы сменить тему, добавил: – Давай поторопим Кассандру, а то я уже умираю от голода.

Мы подошли к номеру Касси и постучали в потрескавшуюся дверь, из-за которой тут же донесся женский голос, попросивший нас немножко подождать.

Через несколько секунд дверь отворилась и на пороге появилась Кассандра. Она надела легкое зеленое платье, прекрасно гармонизировавшее с цветом ее глаз, а волосы заплела в косичку, так что шея осталась открытой и оттого выглядела особенно соблазнительной. В этот момент я подумал, что Касси была одной из самых красивых женщин, которых мне доводилось видеть в своей жизни.

– Привет, – с улыбкой сказала она, конечно же, заметив произведенный ею эффект. – Ну что, пойдем ужинать?

– Э-э... Да, конечно... ужинать, – с глупым видом пробормотал я.

– Прекрасно выглядишь, девочка, – отпустил комплимент профессор, глядя на Кассандру сверху вниз. – Если бы я познакомился с тобой лет двадцать назад...

– Благодарю, – сказала, кокетливо поморгав ресницами, Касси. – Не знаю, что бы подумали мои родители, если бы некий мужчина пригласил меня на свидание в те времена, когда я ходила в детский сад.

– К тому же мужчина в такой вот рубашке, – съязвил я.

– Вы оба необычайно любезны, – проворчал профессор, а затем повернулся и зашагал в сторону лестницы. – Необычайно!

Ресторан в этой гостинице оказался гораздо более изысканным, чем мы

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
предполагали. В нем сидели преимущественно бизнесмены – как африканцы, так и европейцы, а также несколько состоятельных семейных пар из местных жителей. На фоне этих людей мы выглядели, как муха в супе. Особенно мне запомнился недоумевающий взгляд, которым уставился на профессора метрдотель, увидевший, как профессор заходит в ресторан в цветастой рубашке с нарисованными на ней пальмами.

Впрочем, метрдотель был далеко не одинок в своем недоумении: и прислуга, и сидевшие за столами посетители – все как один не преминули бросить укоризненный взгляд на обладателя столь вызывающего одеяния. Что касается официантов, то они, принося нам заказанную еду, а затем отходя от нашего столика, каждый раз демонстративно ухмылялись и в конце концов привели профессора в такое возбужденное состояние, что он был готов броситься в драку со всеми, кто находился в ресторане.

– Безобразие! – кипятился Кастильо. – Уму непостижимо! Можно подумать, что человек не имеет права одеваться так, как ему хочется! Они здесь что, никогда не видели гавайскую рубашку?

– Профессор, мне кажется, что проблема не только в рубашке.

– Неужели? Только не говори мне, что проблема еще и в моих очках!

– Нет-нет, ваши очки тут ни при чем. Проблема заключается в ваших шортах.

– Шортах?

– Видите ли, профессор, в этой части Африки шорты носят только дети, нищие и... половые.

Профессор Кастильо, опустив голову, задумался над моими словами и за весь оставшийся вечер не произнес больше ни слова.

После плотного ужина, с которого профессор удрал еще до десерта, я заплатил по счету, и мы с Кассандрой вышли из ресторана. Я взял Касси за руку и, кивнув в сторону входной двери, спросил:

– Может, прогуляемся, чтобы слегка утрясти в желудке то, что мы съели?

– Прогуляемся? Сейчас?

– Да. А то в гостинице уж слишком скучно.

– Дело в том, что... я очень устала, – вяло произнесла Кассандра.

– Так мы ненадолго – просто пройдемся возле гостиницы. Или ты боишься?

– Боюсь? Я? – высокомерно спросила Кассандра, показывая на себя пальцем. – Пошли!

Пройдя через входную дверь гостиницы, мы переместились из света во тьму, из относительной прохлады в изнуряющую жару, из жасминного благоухания в зловоние разлагающихся отбросов и приготавливаемого на уличных жаровнях подгнившего мяса.

– Черт побери! – вырвалось у Кассандры. – Как говорится, почувствуйте разницу!

– Добро пожаловать в Африку! – сказал я, сопроводив свои слова широким театральным жестом.

– Не умничай, приятель. Это всего лишь грязная и темная улица города, который постепенно превращается в развалины.

– И ты права, – ответил я, – поскольку только что дала точную оценку реального состояния почти всей современной Африки.

Мы прошли по центру Бамако, погружившемуся в темень, потому что единственным видом освещения здесь были убогие керосиновые лампы торговков куриными крыльшками, механиков, которые ремонтировали китайские мотоциклы

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
прямо на тротуаре, и работавших почти на ощупь уличных брадобреев. Повсюду валялся мусор. Хаотический людской поток, который был виден в темноте большей частью благодаря светлым одежаниям женщин и поблескивающим белкам бесчисленных человеческих глаз, косившихся в нашу сторону, когда мы проходили мимо, нахлынул на нас, как цунами.

– У меня такое впечатление, что все жители Бамако вдруг дружно решили выйти на улицы... – потрясенно пробормотала Кассандра.

– Днем они все сидят дома, потому что жара тут стоит несусветная.

– А ты уже бывал в Бамако?

– Именно здесь – нет. Однако все африканские города довольно сильно друг на друга похожи. – Повернувшись к Кассандре, я ехидно спросил: – Так тебе что, здесь не нравится?

– А кому может понравиться весь этот ужас? Когда мы летели сюда на самолете, я представляла себе бескрайние саванны с зебрами и жирафами, а еще гору Килиманджаро где-то на горизонте.

– Образ Африки, в которой только и делают, что ездят на сафари, создан для наивных туристов. А то, что ты сейчас видишь, – это и есть настоящая Африка. Африка для африканцев.

Погуляв по городу чуть меньше часа и еще больше устав, мы с Касси решили вернуться в гостиницу и завалиться спать. Попрощавшись с ней в гостиничном коридоре и уже стоя перед своим номером, я не удержался и пристально посмотрел на мою красивую спутницу, которая в этот момент открывала дверь. Касси, по-видимому, почувствовала мой взгляд и, повернув голову, тоже посмотрела на меня. Хотя в коридоре был полумрак, я заметил в ее глазах какой-то лукавый блеск. А может, мне это просто показалось? Мы оба некоторое время молчали, пытаюсь разгадать мысли друг друга, а затем я, оправившись от охватившего меня оцепенения, произнес слова, которые хотели сказать не только мои уста, но и все до единой клеточки моего тела:

– Может, зайдешь ко мне?

Кассандра несколько секунд помедлила – эти секунды, казалось, тянулись бесконечно, – а затем решительно захлопнула дверь своего номера, которую она успела лишь немного приоткрыть.

Мы стояли с Касси на балконе моего номера, опершись на перила, и любовались поблескивающей в темноте рекой Нигер, по которой перемещалось множество желтоватых огоньков. Это были светильники, прикрепленные к рыбацким лодкам и напоминавшие издавна маленькие светлячков. За рекой виднелись кварталы Бадалабугу и Согоники, различаемые в темноте по множеству керосиновых ламп, стоявших на подоконниках глинобитных домов. Тишину нарушало лишь урчание мотора ехавшего по улице в этот поздний час автомобиля да еще доносившееся откуда-то «бум-бум-бум» барабанов, свидетельствовавшее о том, что в городе проходит какое-то празднество.

Ночь была жаркой, однако по моему телу пробежал самый настоящий озноб, когда сквозь ткань рубашки я почувствовал, как к моему плечу прикоснулась Кассандра. Она, наверное, дотронулась до меня совершенно случайно, но, видимо ощутив то же самое, что и я, оторвала взгляд от горизонта и пристально посмотрела мне в глаза. Я смотрел на Касси, любясь красивыми чертами ее лица, едва различимыми в слабом свете перемещающихся по реке огоньков.

– Кассандра, я подумал над тем, что говорил тебе в Барселоне... Знаешь, ты абсолютно права, и я считаю, что...

Касси, прижав палец к моим губам, заставила меня замолчать.

– Не говори ничего... – прошептала она, а затем, приподнявшись на цыпочки и обхватив рукой мою шею, поцеловала меня в щеку.

Я нерешительно обнял Кассандру за талию и, притянув к себе, почувствовал

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
через тоненький материал платья ее упругие груди. Выждав секунду-другую, я поцеловал Касси в теплые губы, раскрывшиеся навстречу моим губам. И тут на нас обоих обрушилась настоящая буря страсти. Уже не сдерживая себя, мы стали жадно целоваться, а наши руки, стаскивая одежду, начали ласкать обнаженные тела друг друга...

Мы и сами не заметили, как, уже полностью раздетые, оказались на полу балкона. Я нежно проводил губами по гладкой коже Кассандры, а она в ответ еле слышно постанывала от удовольствия. Осыпав ласками ее шею, плечи и спину, я набросился на ее груди, слегка покусывая выступающие сосочки, а затем спустился к пупку и, ненадолго задержавшись на нем, устремился к внутренней части горячих, страстно подрагивающих бедер. Наконец наши тела прильнули друг к другу и мы слились в единое целое.

Под жарким покровом африканской ночи мы оба в полной мере осознали, как сильно любим друг друга.

26

В пять часов утра – то есть как раз тогда, когда человек видит самые сладкие сны, – пронзительно затренькал будильник моих наручных часов. Открыв глаза, я поначалу никак не мог понять, где нахожусь и как здесь оказался. Однако я удивился еще больше, когда увидел у себя на груди ладонь, которая была явно не моей. Прошло несколько секунд, прежде чем я, изумленно хлопая ресницами, наконец-таки вспомнил, что нахожусь в номере одной из гостиниц Бамако и что прошедшая ночь была одной из чудеснейших ночей в моей жизни.

Я приподнялся на кровати, опасаясь, что могу опять заснуть. Мы с Кассандрой, как я тут же прикинул в уме, заснули в изнеможении всего лишь час назад, а менее чем через два часа нам нужно было вылететь в Томбукту.

– Касси... – тихонько позвал я, стараясь разбудить Кассандру. – Касси, просыпайся. Нам пора вставать, а иначе мы опоздаем на самолет.

– Не хочу я вставать... – сонным голосом пробормотала Кассандра и спрятала голову под подушку. – Идите, я вас догоню...

Я посмотрел на ее голую спину и упругие, очень привлекательные ягодицы, при виде которых у меня даже мелькнула шальная мысль, а не плюнуть ли на этот чертов самолет и остаться в гостинице еще на один денек – конечно же, отнюдь не для того, чтобы спать. Однако времени у нас было мало, и мы не могли позволить себе провести еще один день в Бамако, какой бы соблазнительной ни казалась мне в это раннее утро Касси.

– Сеньорита Брукс, – сказал я, слегка повышая голос. – Кассандра Брукс, будьте добры немедленно подняться с постели, если не хотите, чтобы я вас отшлепал.

В ответ на мои слова Кассандра слегка приподняла попку и поводила ею из стороны в сторону, словно провоцируя меня выполнить свою угрозу.

– Ах, ты так?! Ну я тебе сейчас покажу! – воскликнул я и начал обеими руками щекотать ее. Я щекотал ее до тех пор, пока Кассандра не стала смеяться и просить о пощаде так громко, что я испугался, как бы она не перебудила полгостиницы.

Само собой разумеется, мы снова занялись любовью, позабыв и о предстоящем полете в Томбукту, и даже о сокровищах тамплиеров.

– Улисс! Улисс! – послышался голос профессора Кастильо, который настойчиво стучал в дверь. – Ты уже проснулся?

– Да! Что случилось, профессор?

– Ничего не случилось. Я просто хотел узнать, проснулся ты или нет. Дежурный администратор сказал мне, что заказанное нами вчера такси уже стоит возле входа в гостиницу.

– Хм... Прекрасно! – ответил я, поспешно поднимаясь с постели. – Я буду готов

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
через пять минут.

– Очень хорошо. Я подожду тебя внизу, у стойки дежурного администратора. Да, кстати, я постучал в дверь номера Кассандры, но она мне не ответила. Пойду еще разок постучу, а то она, наверное, до сих пор спит.

Кассандра посмотрела на меня широко открытыми глазами, показывая рукой, чтобы я попытался спровадить профессора куда-нибудь подальше от двери ее номера.

– Не переживайте, профессор... Она сейчас наверняка в душе. Касси – женщина очень ответственная, – сказал я, краем глаза поглядывая на «ответственную женщину», нежившуюся под простынями в моей постели. – Я уверен, что она давно проснулась.

– Хорошо. Но ты, прежде чем пойдешь вниз, все-таки поторопи ее. На всякий случай.

– Не переживайте, проф, – повторил я, поворачиваясь к Касси с коварной улыбкой на губах. – Я прямо сейчас ее и потороплю.

Мы с Кассандрой приняли душ, оделись и собрали свои дорожные сумки за рекордно короткое время. Тем не менее, поскольку такси простояло в ожидании нас целых двадцать минут, нам пришлось дополнительно платить и за этот «простой», и за то, чтобы таксист как можно быстрее довез нас до аэропорта. Когда мы с Касси вышли из своих номеров и спустились в вестибюль, профессор немало удивился, увидев, что волосы у нас обоих мокрые, а из наших наспех собранных дорожных сумок торчит кое-как сложенная одежда.

– Вы проспали! – возмутился он. – Причем оба! Мне даже не верится! Хорошенькое дело!

– Да, неплохое... – с усмешкой пробормотал я, подходя к профессору.

– А у тебя еще и темные круги под глазами! – воскликнул Кастильо, приглядевшись ко мне. – И у тебя тоже, Кассандра? – спросил он, поворачиваясь к чуть смутившейся Касси. – Такое впечатление, что вы этой ночью совсем не спали. Можно поинтересоваться, чем вы, черт возьми, занима...

Запнувшись на полуслове, профессор ошеломленно посмотрел на нас: он, по-видимому, наконец догадался, в чем же заключалась причина нашего опоздания и столь измученного вида.

– А-а! Понятно... – пробормотал Кастильо, краснея. – Извините. Считайте, что я ничего не говорил.

Щурясь от ярких лучей солнца, светившего сквозь стекло подернутого ржавчиной иллюминатора прямо мне в лицо, я смотрел с высоты двух тысяч метров на огромную равнину, простиравшуюся аж до горизонта, который слабо прорисовывался сквозь пылевую завесу. Нигде не было видно не то что горы или холма, а даже небольшого пригорка. Хотя настоящая пустыня начиналась в нескольких сотнях километров к северу, высушенная ветрами долина, над которой летел наш самолет, производила такое впечатление тоскливой уединенности, какое трудно даже представить. Кроме редко стоящих акаций, чахлых кустиков и, насколько я мог разглядеть с высоты двух километров, длинных теней непонятно зачем забредших сюда людей, в долине ничего не было. Я прикоснулся к руке, лежавшей на подлокотнике ря-дОм с моей, и уже открыл рот, чтобы поделиться с обладательницей этой руки теми эмоциями, которые вызвал у меня простиравшийся далеко внизу невыносимо печальный пейзаж, однако заметил, что она дрыхнет без задних ног, и не решился лишать ее заслуженного отдыха.

Наш самолет – турбовинтовой двадцатиместник российского производства, принадлежащий компании «Мали Эр», – очень сильно гудел, а еще то и дело резко кренился на борт. Причиной этого, как нам сказал по громкоговорителю пилот, объяснявшийся с пассажирами на французском языке с очень сильным русским акцентом, являлись конвекционные потоки воздуха, которые в утреннее время образовывались над засушливой местностью – как раз такой, над какой мы в этот момент и пролетали.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Девятисоткилометровый перелет из Бамако в Томбукту должен был занять около трех часов, но на самом деле продлился более девяти часов – и все из-за не предусмотренных в расписании посадок, которые мы сделали в Сегу и Мопти, чтобы взять там на борт новых пассажиров. К счастью, я уже не первый раз путешествовал по африканскому континенту, а потому знал, что подобные безобразия, которые на Западе вызвали бы вполне обоснованное негодование, здесь воспринимались как нечто само собой разумеющееся, и совершенно спокойно отнесся к увеличению времени полета на шесть часов. Что касается профессора, то он сильно разнервничался, и оба раза, когда самолет делал непредвиденную промежуточную посадку, ходил к пилоту и на своем ломаном английском языке, перемешанном с испанскими ругательствами, обвинял его в низком профессионализме и возмущенно говорил, что тот перепутал самолет с пикапом, который подбирает всех, кто попадает на дороге.

Наконец – уже в пятом часу дня – мы приземлились в аэропорту Томбукту, чувствуя себя измученными от ерзанья на неудобных сиденьях и думая только о том, как бы поскорее добраться до гостиницы, чтобы принять там душ или ванну, а затем выпить литр-другой-третий холодного пива.

Гостиница «Азалаи», находившаяся буквально в нескольких шагах от окружавших Томбукту песчаных барханов, но располагавшая прохладными и уютными номерами с множеством комнатных растений, показалась нам настоящей Шангри-Лой посреди пустыни, а потому мы с большим трудом заставили себя отказаться от более длительного отдыха и уже через полчаса отправились по делам. Мы решили потратить остаток дня на решение проблем, которые требовали нашего внимания в первую очередь. Нам нужно было встать на учет в местном комиссариате, что в обязательном порядке делали все приехавшие в Мали иностранцы, а затем, как того требовали местные власти, нанять официального гида (правда, за определенную плату избавиться от этого гида не составляло особого труда). К тому же мы рассчитывали посмотреть на диковинную мечеть Джингербер, которая находилась в южной части города.

Как только мы вышли из гостиницы, за нами тут же увязалась стайка детишек, которые то и дело дергали нас за одежду и кричали: «Каду!», «Каду!»

– Что эти чертенята кричат? Что это за «каду»? – спросила меня Кассандра, отгоняя самого маленького из ребятишек, норовившего залезть рукой в ее карман.

– «Каду» – это «подарок» по-французски, – пояснил я.

– Ага... Такое впечатление, что у всех детей Томбукту сегодня день рождения.

– Подождите секунду, – сказал профессор. – Я посмотрю, нет ли у меня монеток. Если есть, то дам им несколько, и тогда они, возможно, оставят нас в покое.

– Даже не вздумайте засунуть руку себе в карман, профессор, – поспешно вмешался я. – Если они увидят, что вы собираетесь им что-то дать, вам потом не отогнать их от себя и брандспойтом.

– Да, но... они такие грязные и оборванные, что мне не жалко дать им несколько франков.

– Вы тем самым, возможно, облегчите себе совесть, однако им самим никакой пользы не принесете. Своими подачками вы добьетесь только одного: родители этих ребятишек будут ежедневно посылать их попрошайничать, вместо того чтобы заставлять своих отпрысков ходить в школу. Если вы и впрямь хотите сделать для них что-нибудь полезное, то запишитесь в какую-нибудь неправительственную организацию, которая занимается оказанием помощи бедным.

– Черт возьми, Улисс, а не слишком ли цинично ты рассуждаешь?

– Дело в том, профессор, что я видел уже достаточно много африканских городов и селений, где подачки сострадательных туристов избаловали местных ребятишек и их родителей, и они превратились из скотоводов и ремесленников в профессиональных попрошайек.

– Ладно, хватит. Может, ты и прав, я об этом не подумал.

– Не переживайте. Давайте просто не обращать на них внимания – тогда им рано или поздно надоест за нами бегать и они оставят нас в покое.

Следовавшая за нами по пятам шумная орава детей и в самом деле постепенно растаяла, и мы смогли спокойно дойти до комиссариата. Встав там на учет и наняв гида, а затем избавившись от него, мы отправились в южную часть Томбукту, наслаждаясь непривычной для нас прогулкой по засыпанному песком улицам. Время в этом городе, похоже, давным-давно остановилось, и он выглядел почти точно так же, как и несколько веков назад. Стены домов, построенных из дерева, соломы и глины, образовывали улочки, которые под немислимыми углами извивались то влево, то вправо, делая бессмысленными все карты и путеводители. Лишь только заметный издали главный минарет мечети Джингеребер позволял нам хоть как-то ориентироваться в этом Хаосе, и после очередного поворота улицы мы увидели перед собой мечеть во всей ее красе.

Этот молитвенный дом – с опорными конструкциями из дерева и минаретами причудливой формы, из которых на разном расстоянии друг от друга торчали концы поперечных балок, – был построен из глины. Стены мечети, казалось, впитывали в себя лучи заходящего солнца, отчего их песочный цвет приобретал оранжевый оттенок.

– Какая красивая мечеть, – восхищенно сказала Кассандра, подняв руки и заложив их за голову.

– А можно в нее войти? – поинтересовался профессор, зачарованно глядя на мечеть. – Мне хотелось бы посмотреть, как она выглядит внутри.

– Думаю, никто не станет нам препятствовать, – ответил я. – Но сейчас, к сожалению, слишком поздно. Давайте уж лучше придем сюда завтра – если, конечно, у нас будет время.

– А знаете, ведь эта мечеть была построена по приказу чернокожего царя, который изображен на Каталанском атласе, – сказал профессор.

– Это тот, который нарисован рядом с изображением Томбукту и держит в руке маленькое солнце? – спросила Кассандра.

– Именно так. Ее строительство закончилось, если я не ошибаюсь, в 1325 году. С этой мечетью, кстати, связан один очень интересный факт... – начал рассказывать профессор, снова пытаясь быть в центре внимания. – Дело в том, что ее архитектором был выходец из Испании, а точнее, из Андалусии, и звали его Эс-Сахели.

– Еще один выходец из Испании? – недоверчиво спросил я. – Не кажется ли вам, что слишком уж много выходцев из Испании оставили здесь свой след, чтобы это было простой случайностью. Если мне не изменяет память, тут так или иначе «отметились» и семья Кати, которая стала самой влиятельной во всем государстве, и Джудар-паша, завоевавший Томбукту и вынудивший семью Кати из него уехать... А теперь еще выяснилось, что эту мечеть построил выходец из Андалусии Эс-Сахели.

– Не забудь и про нашего таинственного картографа, – напомнила Кассандра.

– Да, конечно, – кивнул я, подмигивая ей. – В общем, я думаю, что слишком уж много действующих лиц, чтобы мы рассматривали этот факт как случайность. – Я поднял глаза и посмотрел на солнце, уже почти спрятавшееся за одним из минаретов. – Хотелось бы мне знать, что заставило их всех преодолеть тысячи километров по одному из самых бесплодных регионов планеты, чтобы попасть в этот затерявшийся в пустыне городишко.

Поскольку никакого искусственного ночного освещения в Томбукту не было, мы решили вернуться в гостиницу еще до наступления темноты. Уже шагая прочь от мечети, мы услышали за своей спиной протяжный голос муэдзина, возвещающего о том, что для мусульман пришло время очередной молитвы.

Когда мы шли по городским улицам, постепенно погружающимся в темноту, нам навстречу попадались лишь отдельные прохожие, укутанные с головы до ног в синие, голубые или черные одежды. У некоторых из этих людей было закрыто даже лицо – кроме глаз, сердито взирающих на нас, как на незваных гостей (каковыми мы, в общем-то, и были). Наши голоса отдавались эхом в тихих

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
улочках Томбукту, лишний раз напоминая нам о том, что мы, пребывая в той же самой стране, шагаем уже не по расположенному на берегу реки Нигер шумному африканскому городу, а по захолустному городишку, который находится посреди пустыни, окутанной недружелюбной тишиной и населенной туарегами.

– От одного только вида этих людей у меня мурашки по коже бегут, – прошептала Кассандра, крепко держась за мою руку.

– Насколько мне известно, их всегда побаивались даже живущие с ними по соседству народы, потому что туареги и поныне пользуются репутацией грабителей, работорговцев и безжалостных вояк.

– Большое спасибо, Улисс. Твои слова меня успокоили...

– Ты, Улисс, ври, да не завирайся, – ворчливо произнес профессор. – Не изображай их такими жуткими злодеями. Если хочешь, чтобы Кассандра чувствовала себя с тобой в безопасности, скажи ей что-нибудь ободряющее. Не надо ее страшить. И меня, кстати, тоже...

– А вы что, боитесь, проф?

– Тебя слушаешь – и в самом деле испугаешься.

– Да ладно, не переживайте. Честно говоря, я сталкивался с туарегами всего лишь один раз, когда проезжал по Африке несколько лет назад, но у меня сложилось впечатление, что в общем-то это довольно миролюбивые люди. Времена, когда туареги занимались разбоем, уже давно прошли, и сегодня они в большинстве своем живут тем, что разводят коз и занимаются торговлей: периодически организуют торговые караваны из одного конца пустыни в другой. И хотя отдельные разбойничьи шайки туарегов все еще бродят по Сахаре, в настоящее время главной отличительной чертой этого народа является его исключительное гостеприимство, а также свойственное всем кочевникам уважение к страннику... даже если этот странник одет в шорты.

– Слушай, а ты ведь уже больше часа не затрагивал эту тему, – с невозмутимым выражением на лице заметил профессор. – Я уже начал переживать, не случилось ли с тобой чего...

– Не переживайте, к этой теме я буду то и дело возвращаться еще года два.

– Улисс, хватит дурачиться, – вмешалась Кассандра, сжимая мне руку. – Давайте лучше поторопимся. Что-то мне захотелось побыстрее вернуться в гостиницу.

27

– Глядя на ваши довольные лица, я прихожу к выводу, что вы провели прошедшую ночь гораздо интереснее, чем я, – сказал профессор, встретившись со мной и Кассандрой на следующее утро за завтраком.

– Лично я готов в этом поклясться, – ответил я, весело подмигивая Кассандре и усаживаясь за стол, на котором передо мной стояла тарелка с двумя булочкам, а рядом с ней маленькая баночка с мармеладом.

– Да, было очень интересно, – поддакнула Кассандра. – Особенно в тот момент, когда ты начал храпеть, как самый настоящий медведь.

– Медведи не храпят, – ответил я. – А вот ты... – Я осекся, увидев предостерегающий взгляд Кассандры, и миролюбиво произнес: – В общем, во всем был виноват матрас. Или подушка.

Кассандра выставила в мою сторону нож, на лезвии которого лежал кусочек сливочного масла.

– Вот так-то лучше, приятель.

– Хм... забавно, – качая головой, сказал профессор. – А ведь прошел всего один день.

– Вас что-то забавляет, профессор? – спросила Касси, направляя свой нож в сторону профессора.

– Кого? Меня? – Кастильо поднял обе руки вверх. – Ни в коем случае. Мне никогда даже и в голову не пришло бы насмеяться над таким важным делом, как это...

– Уж лучше бы вы оставили этот язвительный тон, проф, – посоветовал я, с нарочитой опаской поглядывая на Касси. – Вам, видимо, невдомек, какой опасной может быть женщина, держащая на ноже кусочек масла...

Кассандра на несколько секунд замерла, а затем, бросив нож на стол, стремительно рванулась ко мне. В мгновение ока она обхватила руками мою шею и начала кусать мое ухо.

– Сейчас я тебе покажу! – приговаривала она в промежутке между укусами. – Ты у меня запомнишь это масло!

В девять часов утра, когда солнце начало припекать и стало очевидно, что день будет очень жарким, мы подошли к библиотеке Кати. Библиотека эта находилась в двухэтажном здании, выкрашенном в светло-землистый цвет и огороженном невысоким забором из белого камня. Калитка в заборе была открыта, а потому я сразу же прошел к деревянной входной двери и постучал в нее.

Дверь открыл темнолицый мужчина лет сорока. Он удивленно посмотрел на нас.

– Ас-саламу алейкум, – произнес я традиционное для мусульманских стран приветствие.

– Ва алейкум ас-саламу, – послышалось в ответ.

– Do you speak English?[28] – спросил я по-английски, опасаясь, что разговаривать по-французски мне будет трудновато.

– Вы испанцы? – вопросом на вопрос ответил темнолицый мужчина.

Я несколько секунд ошеломленно молчал, потому что никак не ожидал встретить в этом городишке местного жителя, говорящего на испанском языке, причем с явным андалусским акцентом.

– Да, – наконец ответил я. – Точнее, мы двое испанцы, а она, – сказал я, положив руку на плечо Кассандры, – мексиканка.

– Очень приятно с вами познакомиться, сеньорита. – Мужчина галантно улыбнулся. – А зовут вас...

– Кассандра Брукс. Но вы можете звать меня Касси.

– А я – Даниэль Ибрагим ибн Ахмед аль-Кути, – представился мужчина. – Но вы можете называть меня... так, как сочтете нужным.

– Я – Улисс Видаль, – поспешно произнес я, как бы невзначай вставая между Кассандрой и этим темнолицым мужчиной. – А это – профессор Эдуардо Кастильо.

Темнолицый мужчина с трудом, как мне показалось, оторвал взгляд от глаз Касси и, на долю секунды нахмурившись, посмотрел на меня.

– Я рад с вами со всеми познакомиться, – сказал он, слегка наклоняя голову, а затем, показав рукой внутрь здания, добавил: – Позвольте мне предложить вам выпить чаю.

Мы прошли вслед за ним в просторное помещение, оформленное в бедуинском стиле: положенные друг на друга ковры покрывали весь пол, в центре помещения стоял круглый стол на удивительно низеньких ножках, а вокруг него лежали увесистые подушки.

– Располагайтесь поудобнее. – Мужчина жестом пригласил нас присесть. – Чувствуйте себя как дома.

– Спасибо, вы очень любезны, – поблагодарил я. – Мне еще никогда не

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
доводилось бывать в такой гостеприимной библиотеке.

– По правде говоря, это не только библиотека, но еще и мое скромное жилище.

В этот момент в комнату вошла женщина, с головы до ног укутанная в черные одежды, оставлявшие открытыми только глаза, тоже черные. Даниэль, бросив на нее быстрый взгляд, что-то негромко сказал, и она тут же повернулась и ушла.

– А теперь расскажите мне, господа, почему вы решили оказать мне честь своим визитом? Вас прислал сюда университет Гранады, чтобы вы проверили состояние рукописей?

– Вообще нет, – ответил профессор. – Видите ли, мы приехали сюда, потому что...

– ...потому что мы работаем в Министерстве культуры Испании, – перебил я профессора. – Профессора Кастильо прислали сюда, чтобы он изучил кое-какие документы, а мы с сеньоритой Брукс – его помощники.

Даже не глядя на своих друзей, я был уверен, что их лица при этих словах вытянулись от удивления, а потому оставалось только надеяться, что они сумеют подыграть мне.

– Министерство... Понятно, – задумчиво произнес Даниэль, переводя взгляд с меня на профессора, а затем на Кассандру.

– То самое министерство, которое финансировало строительство здания библиотеки.

– Да, конечно, – кивнул Даниэль. – Мы все очень признательны вашему министерству за помощь. А особенно заместителю министра Рамосу Эспиносе. Без него, – сказал Даниэль, обводя рукой окружающий нас интерьер, – ничего этого не было бы. Помнится, у его супруги были проблемы с сердцем. Вы не знаете, она поправилась?

– Насколько мне известно, да, – ответил я, заметив при этом, как открылась дверь и снова появилась уже заходившая сюда раньше женщина. Она принесла дымящийся чайник и стаканы. – Я передам сеньору Эспиносе, что вы интересовались состоянием здоровья его супруги.

– Это очень любезно с вашей стороны, – Даниэль вежливо улыбнулся, – и я готов выполнить все, о чем вы меня попросите. – Все так же мило улыбаясь, он добавил: – Однако позвольте напомнить вам, что нынешний заместитель министра культуры вашей страны – женщина, причем незамужняя.

Удар был, конечно, неожиданным и сильным. В поисках самых знаменитых за всю историю человечества сокровищ мы забралась к черту на кулички, но теперь все наши усилия могли полететь коту под хвост – и все потому, что я возомнил себя великим хитрецом, способным с изящной легкостью водить за нос других людей.

Наступило напряженное молчание, которое ни я, ни мои спутники не решались нарушить. Было слышно лишь шуршание одежд женщины, наливавшей нам в стаканы чай с мятой.

– Вы, наверное, считаете, – наконец сказал, продолжая улыбаться, Даниэль, – что темнокожий человек, живущий посреди пустыни, должен обязательно быть идиотом?

Я украдкой посмотрел на своих друзей и по выражению их лиц понял, что они в данный момент думают обо мне. А еще я осознал, что нужно срочно как-то выпутываться из дурацкой ситуации, в которой мы оказались по моей вине.

– Я приношу вам свои самые искренние извинения, – сказал я, глядя прямо в глаза Даниэлю. – Я вообще не хотел...

– Обманывать меня? – перебил хозяин дома.

– Это, конечно, непростительно, – согласился я, – но я все-таки прошу у вас извинения. У нас есть серьезная причина для того, чтобы оправдать наше

желание ознакомиться с архивами, хранящимися в вашей библиотеке. Конечно, с моей стороны было ошибкой поступить подобным образом. Но это объясняется тем, что мне хотелось придать нашему визиту сюда некоторую официальность – в этом случае, как мне казалось, вы к нам лучше отнесетесь.

Даниэль взял стакан с дымящимся чаем и, отхлебнув из него, на несколько секунд задумался.

– Ну что ж, хорошо, – спокойно произнес он. – Считайте, что ваши извинения приняты.

Я почувствовал, как у Касси вырвался едва различимый вздох облегчения.

– Согласно обычаям гостеприимства моей страны, – продолжал Даниэль, – я предлагаю вам выпить вкусного чаю, который приготовила моя любимая жена...

– Спасибо, – обрадовался профессор. – Вы очень великодушный человек.

– Но как только вы закончите пить чай, – добавил Даниэль, гася свою любезную улыбку, – я попрошу вас уйти из этого дома и никогда сюда больше не приходить.

Мы все трое молчали, а Даниэль, откинувшись на лежавшие за его спиной две огромные твердые подушки, стал с невозмутимым видом допивать свой чай. Ситуация была одновременно и дурацкой, и в какой-то степени трагической, потому что доступ в архивы библиотеки Кати был ключевым моментом в наших планах, а теперь мы оказались в тупике, причем исключительно из-за допущенной мною несусветной глупости. Однако я приехал в Томбукту совсем не для того, чтобы от меня могли отделаться чаем с мятой...

– Мне понятен ваш гнев, – примирительным тоном сказал я, – и я еще раз прошу у вас извинения. Однако поймите, для нас очень важно взглянуть на архивы вашей библиотеки. В конце концов, это ведь публичная библиотека, не так ли?

– Да, именно так, однако это еще и мое жилище, и в названии этой библиотеки фигурирует моя фамилия, а точнее, название того рода, к которому я принадлежу. Поэтому библиотека является для меня даже больше чем просто домом, и здесь не рады тому, кто приходит с ложью на устах.

– Мы можем вам заплатить, – не придумав никаких других аргументов, предложил я и тут же пожалел об этом.

– Сначала вы мне лгали, а теперь начали оскорблять меня, – ответил, нахмурившись, Даниэль. – У вас есть еще какие-нибудь оскорбления в мой адрес?

– У нас вовсе не было намерения обидеть вас, – вмешалась, как обычно, очень даже кстати Касси. – Да, нами допущена глупейшая ошибка, но мы ведь принесли вам за нее свои извинения... И вы должны понять, что мы приехали сюда только для того, чтобы взглянуть на ваши архивы. – Кассандра умоляюще посмотрела на хозяина дома. – Вы окажете нам великую честь, если позволите это сделать.

Лицо Даниэля смягчилось – то ли из-за логичности рассуждений Касси, то ли из-за ее изумрудно-зеленых глаз, которые явно оказывали на него чарующее воздействие.

– Ну ладно... – помедлив, произнес он и пристально посмотрел на Кассандру. – Будем считать, что произошло недоразумение. Вы, по всей видимости, неплохие люди.

– В этом можете не сомневаться, – поспешила заверить его Касси, понимая, что этот человек находится под властью ее чар. – Мы будем вам очень благодарны, если вы найдете возможность нам помочь.

Даниэль с глуповатым видом улыбнулся, обнажив при этом парочку золотых зубов.

– Я выполню просьбу такой красивой женщины, как вы, – сказал он. – По правде говоря, я просто не могу вам отказать...

Кассандра бросила на него свой самый кокетливый взгляд, одним лишь морганием длинных ресниц уничтожая последнюю преграду между нами и этим человеком, который еще мгновение назад собирался выдворить нас из своего дома.

– ...а потому объясните мне, – продолжал Даниэль, – что я мог бы для вас сделать, и я сделаю все, что в моих силах.

Пока я сидел и помалкивал, стараясь, чтобы Даниэль хотя бы на время забыл о моем существовании, профессор вкратце рассказал ему о том, что мы ищем, умолчав, естественно, о сокровищах тамплиеров и заявив, что в основе наших поисков лежит исключительно научный интерес. Кассандра, которая старалась использовать свое чарующее воздействие на Даниэля, разбавляла скучноватый рассказ профессора вопросами, обращенными к хозяину библиотеки. Затем Даниэль повел нас на второй этаж, где и находилась библиотека.

– А где вы научились так хорошо говорить по-испански? – спросила у него Кассандра.

– В Испании. Мои родители отправили меня туда учиться благодаря гранту, предоставленному моей семье фондом «Аль-Андалус» Гранады.

– Да, кстати, раз уж вы упомянули свою семью... Вы сказали нам, что эта библиотека принадлежит вашей семье, однако, насколько я поняла, ваша фамилия – не Кати.

– Да, моя фамилия – Кути, – с гордостью произнес Даниэль. – Именно так первоначально и звучало название нашего рода, однако в течение веков оно у многих из его ответвлений трансформировалось в Кати.

Касси не без некоторого восхищения посмотрела на Даниэля.

– Тогда получается, что вы – потомок того самого Али ибн Зияба аль-Кути, который несколько сот лет назад приехал сюда вместе со всей своей семьей?

– Вы не только красивая, но еще и сообразительная, – похвалил свою гостью Даниэль, еще больше очаровываясь Кассандрой. – А вы замужем?

Я заметил, как Касси, позабавленная таким неожиданным интересом к ней, покосилась на меня и ответила:

– В данный момент – нет. Но всякое может случиться.

– Да, это верно, – понимающе улыбнувшись, кивнул Даниэль. – Всякое может случиться...

Открыв тяжелую железную дверь, Даниэль завел нас в просторный зал, выкрашенный в лазурный цвет и занимавший весь второй этаж здания. Вдоль стен стояли десятки деревянных стеллажей, на которых лежали сотни свернутых в трубочку пергаментов и бесчисленное множество сложенных стопками папок с пожелтевшими от времени бумажными документами.

– Это и есть библиотека? – удивленно спросил я, будучи не в силах скрыть свое разочарование.

Даниэль повернулся ко мне, и я увидел, как в его глазах сверкнул гнев.

– А что вы ожидали здесь увидеть? Компьютеры и прочую оргтехнику?

– Конечно нет, – ответил я, чувствуя, что мне уже надоедает то и дело оправдываться перед этим типом. – Но здесь ведь тысячи пергаментов и бумаг. Нам, наверное, потребуются несколько лет, чтобы все это просмотреть.

– Ну, это зависит от того, насколько хорошо вы умеете читать на староарабском языке.

Профессор Кастильо оперся руками в стоявший посреди зала круглый стол.

– Насколько нам известно, – сказал он, – документ, который мы ищем, был написан либо на испанском, либо на португальском, либо на каталанском языке.

Даниэль аль-Кути ошеломленно посмотрел на нас.

– А я думал, – медленно произнес он, – вы знаете, что, хотя в этой библиотеке имеется множество документов, так или иначе связанных с вашим любимым Иберийским полуостровом, они, все без исключения, – как оригиналы, так и переводы – написаны на арабском языке.

Слова Даниэля подействовали так же, как если бы каждого из нас ни с того ни с сего ударили по голове деревянной колотушкой. Мы проехали едва ли не пол-Африки, гонясь за маловероятным, а теперь это маловероятное вдруг превратилось в невозможное. Чувствуя, что у нас начинают подкашиваться колени, мы присели на стоявшие вокруг стола стулья, чтобы прийти в себя после такого немилосердного удара судьбы и попытаться найти какой-нибудь выход.

– Послушайте, – начал рассуждать профессор, – а ведь наш друг мог специально написать на арабском языке, чтобы еще больше запутать тех, кто попытался бы пойти по его следам.

Профессор посмотрел на Даниэля, а затем на нас с Кассандрой и, получив наше немое согласие, решил раскрыть кое-какие карты.

– Видите ли, мы разыскиваем документ, который, возможно, был зашифрован. Его написал некий человек, приехавший в Томбукту с Мальорки в середине четырнадцатого века. – Профессор вытащил из своей сумки несколько рисунков и ксерокопий, в том числе и ксерокопию Каталанского атласа, а затем начал раскладывать их на столе, словно бы желая подтвердить свои слова. – Нам неизвестно, как звали этого человека, однако мы подозреваем, что он говорил по-арабски и мог выдавать себя за араба, живущего в Испании.

Наблюдая за выражением лица Даниэля, я понял, что он догадался, что профессор о чем-то умалчивает, не желая раскрывать перед ним свои карты.

– Вы просите у меня помощи, но при этом сначала пытаетесь меня обмануть, а теперь хотите и вовсе что-то утаить. Не знаю, с какой целью вы сюда приехали, однако я уверен в том, что привела вас сюда далеко не одна лишь любовь к старинным документам. – Даниэль окинул нас троих суровым взглядом, а затем провел рукой по своей бритой голове. – В общем, или вы расскажете мне обо всем, или будем считать, что моя помощь на этом заканчивается. – Повернувшись к Кассандре, он добавил: – И даже вы не сможете на меня повлиять.

– Хорошо, – вмешался я, опасаясь, как бы мы сейчас окончательно не поссорились с хозяином библиотеки. – Мы подозреваем, что этот человек знал о местонахождении одной из древних христианских реликвий. По всей видимости, он потому и убежал в Африку, что не хотел, чтобы кто-то выведал у него эту тайну. А еще он написал в зашифрованном виде, каким образом можно найти эту реликвию. Документ, в котором он это написал, находится, как мы предполагаем, в этой библиотеке.

– А что это за реликвия?

– Вот этого мы не знаем, – соврал я.

Даниэль больше минуты сидел молча, о чем-то размышляя. Внимательно наблюдая за ним, я был почти уверен в том, что в следующее мгновение он решительно выставит нас за дверь.

– Мне жаль, что приходится вас разочаровывать, – наконец сказал хозяин дома, обводя нас всех троих взглядом, – но я собственноручно снял копии абсолютно со всех хранящихся здесь документов, и, если мне не изменяет память, ни в одном из них даже вскользь не упоминается о том, что вы мне сейчас рассказали.

Как бы горько нам ни было, приходилось признать, что наш последний шанс развеялся, как дым. Мы с унылым видом поднялись из-за стола, утратив всякий интерес к пергаментам и бумажным документам, находящимся в этой библиотеке.

Все это стало для нас абсолютно бесполезным. Пожав руку Даниэлю, мы поблагодарили его за чай и за потраченное на нас время. Однако когда мы уже начали собирать в кучу разложенные профессором на столе ксерокопии, Даниэль совершенно случайно бросил взгляд на один из рисунков.

– Подождите, – задумчиво произнес он. – Вот это я уже где-то видел.

– Что вы сказали? – оживился профессор Кастильо. Даниэль показал пальцем на знакомый ему рисунок и повторил:

– Вот это я уже где-то видел.

Я и мои друзья ошеломленно уставились на этот рисунок.

– А где вы его видели? – поинтересовался я. – Здесь, в Мали?

– Да, – уверенно ответил Даниэль. – В одной деревне, которая находится ниже по реке. Я ездил туда несколько месяцев назад, пытался найти там старинные пергаменты. Точно такое же изображение я видел на украшенном резьбой куске древесины у тамошнего старого ремесленника. Он использовал его как образец для своих поделок. Если я не ошибаюсь, он говорил, что данное изображение символизирует негров и туарегов, живущих в Мали и вместе передвигающихся верхом на скакуне ислама. – Даниэль задумчиво почесал подбородок. – Признаться, это изображение привлекло меня своей оригинальностью. Оно представляет собой удачную метафору, посвященную единству нашей страны, хотя до той своей поездки я с этим изображением никогда не сталкивался.

Я словно сквозь сон слышал голос Даниэля, потому что почти все мое мировосприятие сосредоточилось сейчас на изображении двух всадников, едущих на одной лошади. Именно это изображение было на старинной печати, найденной мною и Касси на коралловом рифе, и именно оно несколько сотен лет назад являлось символом рыцарей-тамплиеров.

28

Менее чем через шесть часов после того, как мы пили чай в библиотеке Кати, а точнее, Кути, мы уже плыли вниз по течению неторопливой реки Нигер, направляясь в рыбацкую деревню, о которой нам было известно только одно – то, что она называлась Батанга. Благодаря бескорыстной помощи Даниэля нам удалось очень быстро подыскать рыбацкую лодку-плоскодонку и договориться с ее хозяином, чтобы он отвез нас в эту деревню, находившуюся в двух неполных днях пути, причем за очень маленькую плату. Лодка, в которой мы разместились между перевозимыми на ней товарами и провизией, напоминала индейскую пирогу с балансирами и, несмотря на свою двенадцатиметровую длину, была такой узкой, что два человека не смогли бы усесться в ней боком друг к другу. Экипаж лодки состоял из ее хозяина, который, устроившись на корме, управлял шумным подвесным мотором, и помощника-матроса-повара, сидевшего на носу лодки и высматривающего, нет ли впереди мелей или других неприятных сюрпризов.

Мы втроем устроились в средней части лодки между мешками с рисом, горками ананасов и огромными связками бананов, привезенными из Кот-д'Ивуара. Хозяин лодки, как мы потом узнали, собирался продать все это в Буреме – поселке, расположенном чуть ниже по течению, чем Батанга. Эта хрупкая лодка была явно перегружена, и мы, зная, что в мутных водах широкого, но неглубокого Нигера полно гиппопотамов и крокодилов, с опаской поглядывали на то мизерное расстояние, которое отделяло края ее бортов от поверхности воды.

Мы рассчитывали прибыть в пункт назначения на следующий день, где-то после полудня, а затем разыскать там ремесленника, о котором говорил Даниэль. Когда мы ходили с Даниэлем по пристани в Кориумэ, ближайшем от Томбукту поселке, расположенном на берегу Нигера, и подыскивали лодку, он рассказал нам, что в очень многих населенных пунктах Мали до сих пор хранятся сотни древних пергаментов, тщательно сберегаемых потомками клана Кати. В течение нескольких столетий представители этой известной семьи постепенно покидали Томбукту и оседали в различных поселках и деревнях близлежащих регионов Африки, увозя с собой частичку фондов знаменитой библиотеки, чтобы уберечь ценные рукописи от заграбущих рук арабских, африканских и французских завоевателей.

– Даже не верится! – воскликнула Касси, стараясь перекричать шум мотора. –

Если бы месяц назад мне кто-нибудь сказал, что я буду плыть по африканской реке на деревянной лодке, сидя на мешке с рисом, я ответила бы этому человеку, что он сумасшедший!

– Ты жалеешь о том, что приехала сюда? – спросил я, тоже стараясь говорить погромче.

– Вообще нет! Последние несколько дней были самыми интересными в моей жизни! Я еще никогда не испытывала таких острых ощущений!

– Вот и прекрасно! Позволь тебя заверить, что здесь, в Мали, острых ощущений у тебя будет хоть отбавляй!

Незадолго до захода солнца хозяин лодки направил ее к северному берегу реки и, причалив, жестами показал нам – он ни слова не говорил по-французски, – чтобы мы помогли его матросу перегрузить на берег часть перевозимого продовольствия. После этого нам нужно было подготовиться к ночлегу и установить рассчитанный на пятерых человек шатер типа берберского, о котором пол устилался несколькими циновками. Мы охотно взялись за эту работу, и благодаря нашим усилиям шатер был поставлен в два раза быстрее, чем если бы этим занимался только один человек. В результате у матроса высвободилось время для рыбалки, и он, закинув удочки, через некоторое время вытащил из реки парочку окуней. Мы поджарили рыбу на рашпере и поужинали, запивая ее почти холодным пивом, которое везли с собой, предусмотрительно обложив льдом.

Хозяин лодки во время путешествия по реке вел себя очень сдержанно, и я удивился, когда он, оказавшись на берегу, вдруг начал что-то тараторить на своем языке, а затем, пренебрегая канонами ислама, от души приложился к нашим запасам пива. Он объяснил нам – не столько словами, сколько жестами, – что его зовут Мухаммед, что живет он торговлей и рыбной ловлей и что эта лодка является для него не только средством передвижения, но еще и домом. По окончании ужина, сидя вчетвером вокруг костра в ожидании, когда закипит вода в подвешенном над огнем чайнике, мы поинтересовались, а что за человек его помощник. Хозяин лодки равнодушно пожал плечами и ответил, что его помощника тоже зовут Мухаммед.

– Он – ваш сын? – с помощью мимики и жестов спросила Касси.

Мухаммед, которого, по-видимому, очень возмутил ее вроде бы невинный вопрос, демонстративно плюнул на землю и с презрением посмотрел на своего тезку, который в этот момент старательно собирал наши пластиковые тарелки, чтобы затем помыть их в реке.

– Эмбех бозо! – с высокомерным видом воскликнул хозяин лодки, показывая пальцем на себя. Затем, махнув рукой в сторону помощника, он, скривившись, добавил: – Белла. – После этого он опять плюнул на землю, а затем свел вместе свои запястья так, как будто бы они были связаны.

– Что хочет сказать нам этот человек? Может, его друг – преступник? – спросила Кассандра.

Взглянув на освещенное пламенем костра лицо Касси, я грустно улыбнулся.

– «Друг» в данном случае не совсем подходящее слово.

– Наш тщеславный товарищ по ужину хочет сказать, что он и его помощник принадлежат к разным народностям, – с готовностью объяснил профессор Кастильо. – Хозяин лодки принадлежит к народности бозо, которая занимается главным образом торговлей и рыбной ловлей, а наш молчаливый матрос – представитель народности белла, выходцы которой, насколько я помню из путеводителя, традиционно являются в этой части Африки рабами других народностей, чаще всего туарегов. – Увидев, что Касси удивленно подняла брови, профессор добавил: – Пока вы в лодке любезничали друг с другом, я читал путеводитель по Мали. Иначе зачем было брать его с собой?

– У туарегов были рабы? – ошеломленная этой новостью, пролепетала Кассандра.

Профессор с горечью посмотрел на нее.

– Дорогая моя, рабы у них не «были» – они у них есть.

– Разве такое возможно? – горячо воскликнула Кассандра, с недоверием глядя на профессора. – Рабство отменили больше ста лет назад!

– Касси, профессор, к сожалению, прав, – вмешался я. – Во многих регионах Африки до сих пор существует рабство, причем в самой гнусной форме. И здесь, в Мали, и в таких странах, как Сомали и Судан, целые деревни периодически подвергаются нападению вооруженных банд, которые насильно уводят женщин и детей, а затем продают их, как обычную скотину.

У Кассандры от изумления округлились глаза.

– А почему никто не пытается этому помешать? – возмущенно вскрикнула она, всплеснув руками. – Куда смотрят ООН, ЮНИСЕФ и различные всемирные организации, которые борются за права человека? Неужели я – единственный человек в мире, которому все это кажется чудовищным?

– Конечно нет, Касси. Однако Африка – это континент, до которого никому нет дела. Африка на географической карте подобна черной дыре. Мы знаем, что здесь есть носороги и гориллы, которые находятся под угрозой вымирания, и хотим им помочь. Однако в то же время мы стараемся закрывать глаза на такие вещи, которые в другой части мира вызвали бы бурю протеста. А ведь здесь буквально каждый день происходят жуткие драмы, и главные жертвы в них – люди.

– Я даже представить себе не могла, что в наши дни может быть такое... – удрученно прошептала Касси.

– Я понимаю тебя, – сказал я, – но, к сожалению, все это – правда жизни.

Кассандра посмотрела на матроса, представителя угнетенной народности белла, мывшего в этот момент посуду в реке.

– Значит, ты думаешь, что он...

– Вероятно, да.

– Но ведь он мог бы убежать. Почему он этого не делает?

– Наверное, ему просто некуда бежать, – предположил я, пожимая плечами. – Вполне возможно, что такая вот судьба – это самое лучшее из того, что ждет его в жизни.

Касси обожгла меня гневным взглядом.

– Быть рабом – это самое лучшее из того, что может ждать его в жизни?! Да разве ж это жизнь? Без какой-либо надежды на счастье!

– Надежды на счастье? – спокойно повторил я. – Дорогая моя, позволь тебе напомнить, что мы находимся не где-нибудь, а в Африке. Здесь надежда на счастье заключается в надежде на то, что на ужин будет что поесть.

– По-моему, ты высказываешься слишком цинично.

– Это не цинизм. К тому же цинизмом в Африке никого не удивишь.

После такой, не очень-то приятной, беседы у нас пропала охота о чем-либо говорить, и мы, намазавшись средством от москитов, улеглись спать на потрепанные циновки. Костер тушить не стали – он должен был отпугивать многочисленных гиен, бродивших где-то неподалеку и издававших противные звуки, чем-то похожие на визгливый смех.

Касси – то ли от непривычки спать на циновках в шатре, то ли от переживаний, вызванных нашим разговором об Африке, – прижалась ко мне, как прижимается маленькая девочка к своему плюшевому медвежонку. Ее прикосновение и легкое дыхание вызвали у меня прилив нежности, и я осознал, что люблю эту женщину так сильно, как еще никогда никого не любил.

– Инисох гохма! Инисох гохма!

Я проснулся от того, что кто-то тряс меня за плечо и кричал мне прямо в ухо эти непонятные слова.

Открыв глаза, я увидел перед собой на темном фоне неба два ряда желтоватых зубов и выпученные глаза. Это был хозяин лодки – Мухаммед.

– Что... что случилось? – сонно спросил я.

– Инисох гохма! – повторил Мухаммед.

– Послушай, друг, – сказал я, оправившись от охватившего меня недоумения, – я не понимаю, что ты там орешь, и поэтому тебе лучше нарисовать на песке...

– Наверное, он хочет сказать тебе «Доброе утро!» или что-нибудь в этом роде, – раздался рядом со мной голос Кассандры.

– Какое еще доброе утро? Смотри, еще совсем темно!

– Ну, тогда тебе нужно побыстрее сообщить ему об этом, потому что его помощник уже начал вытаскивать из земли колышки, которыми крепится этот шатер, – вмешался уже проснувшийся профессор Кастильо.

Нам ничего не оставалось делать, как быстренько подняться, собрать свой скромный багаж и помочь свернуть наш незатейливый лагерь. Через полчаса, освещенные первыми лучами выглянувшего из-за горизонта солнца, мы сноваплыли вниз по реке. Наблюдая, как далеко впереди выползает на небо гигантский оранжевый диск, я почему-то подумал о том, что солнце притягивает нас и именно к нему мы плывем по спокойным водам Нигера.

Теперь наш путь пролегал мимо пустынных берегов, на которых лишь изредка удавалось увидеть среди прибрежной растительности какую-нибудь убогую хижину. В этих местах почти не было живности, и мы только один раз вспугнули стаю водоплавающих птиц, которые, увидев нас, стали изо всех сил махать крыльями и стремительно поднялись в воздух. Несмотря на опасную .неустойчивость нашей лодки, меня вдруг охватило чувство умиротворенности, какого я не испытывал уже очень и очень давно. Возможно, это было вызвано монотонным пейзажем и равномерным покачиванием лодки на слабых волнах реки. И хотя мне хотелось есть и спать – да и сидеть в этой лодке было не очень-то удобно, – все негативные ощущения отошли куда-то на задний план, вытесненные приятным до блаженства спокойствием, охватившим мою душу.

В течение нескольких часов мы довольно быстро продвигались вниз по реке, пока хозяин лодки вдруг не решил причалить к берегу. Чтобы объяснить свои действия, он несколько раз шлепнул себя ладонью по животу, показывая тем самым, что настало время перекусить. Он подвел лодку к берегу в том месте, где не было тростника, а затем, сделав несколько знаков, велел нам сидеть здесь и ждать его, а сам куда-то ушел. Сначала мы втроем бродили по берегу, чтобы размять затекшие ноги, а потом, изнывая от жары и видя, что Мухаммед все никак не возвращается, я предложил Кассандре искупаться в реке, соблазнительно поблескивающей своей прохладной водой. Не снимая одежды, которой подобная «стирка» отнюдь бы не помешала, и оставив на берегу лишь то, что могло пострадать от воды, мы с Касси наперегонки бросились к реке, шумно подзадоривая друг друга.

Кассандра, пропустив меня чуть-чуть вперед, вдруг сильно толкнула меня в спину. Я, потеряв от неожиданности равновесие, упал, а она, то и дело оборачиваясь и осыпая меня насмешками, первой подбежала к воде. Касси уже зашла в воду по пояс, как вдруг неизвестно откуда появившийся Мухаммед – не хозяин лодки, а матрос – бросился к ней и, схватив ее за руку, с такой силой потянул назад, что она, судя по выражению ее лица, не на шутку перепугалась. Однако уже в следующее мгновение Касси охватила настоящая паника, ибо, посмотрев в ту сторону, куда ей показывал рукой Мухаммед, она увидела огромное бревно, которое плыло почему-то не по течению, а прямехонько к тому месту, где находилась она.

– Касси! – испуганно крикнул я. – Немедленно выйди из воды! Это крокодил!

Кассандра, которая уже поняла, что к чему, начала медленно отступать к берегу, не сводя глаз с огромной рептилии. Заметив, что крокодил не только

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
не снижает скорости, а наоборот, плывет все быстрее и быстрее, она резко повернулась и вместе с Мухаммедом побежала к берегу так быстро, как только могла.

Если бы у меня в руке был секундомер, я, безусловно, смог бы зафиксировать новый мировой рекорд в беге по колено в воде, потому что Касси преодолела отделявшее ее от берега расстояние просто с фантастической скоростью. Уже выскочив на берег, она молнией пронеслась мимо профессора, сидевшего на большом камне метрах в десяти от кромки воды и с живым интересом наблюдавшего за трагикомической сценой, свидетелем которой ему довелось стать.

Хозяин лодки вернулся примерно через час. Он шел медленно, явно довольный собой, и, увидев нас, даже не потрудился дать какие-либо объяснения относительно своего долгого отсутствия. Однако, судя по выразительным взглядам, которые бросал на нас спаситель Касси, я понял, что посещение деревни, находившейся в нескольких сотнях метров отсюда, было вызвано исключительно похотью. За время отсутствия хозяина мы успели приготовить завтрак, состоявший из риса, бананов и ананаса. Быстро поев, мы снова отправились вниз по реке, к деревне Батанга, которая теперь находилась от нас всего лишь в нескольких часах пути. Именно там мы надеялись наконец-то разыскать нечто такое, что наверняка должно было привести нас к исчезнувшим сокровищам тамплиеров.

29

Уже ближе к вечеру мы попрощались на убогой пристани деревни Батанга с обоими Мухаммедами – компанией «М & М», как мы стали называть их в шутку между собой. Мы крепко пожали мужчинам руки, а они что-то сказали нам на прощание на своем непонятном для нас языке – скорее всего, пожелали счастливого пути. Кассандра, прощаясь с ними, в знак благодарности громко чмокнула Мухаммеда из народности белла в щеку, отчего тот радостно улыбнулся, а его хозяин завистливо нахмурился.

Мы еще на пристани в Кориумэ при посредничестве Даниэля договорились с ними, что если нам не удастся найти для себя какой-нибудь другой способ вернуться из этого захолустья в цивилизованный мир, то они, примерно через неделю возвращаясь из города Гао и вновь проплывая мимо этой деревни, возьмут нас к себе на лодку и доставят в Томбукту.

Мы долго махали им вслед рукой, и, когда лодка исчезла из виду, вдруг в полной мере осознали, что находимся в такой глуши, в какую еще никогда не забирались. К тому же у нас не было ни воды, ни еды, а на местном языке мы знали только одну фразу – «Добрый день!». Что касается срока действия наших временных виз, то он уже подходил к концу.

Размышляя об этом, а также о том, что как бы ни было плохо, всегда может быть еще хуже, я повернулся и посмотрел на деревню, возле которой мы высадились. Эта «деревня» – так ее, во всяком случае, называл Даниэль – представляла собой лишь несколько глинобитных домов в тени немногочисленных акаций, стоявших как бы каждый сам по себе.

– Ну что ж, – сказал я, пытаюсь отыскать в данной ситуации хоть какие-то положительные моменты, – здесь нам, по крайней мере, будет нетрудно отыскать того ремесленника...

Едва я произнес эти слова, как из-за ближайшего к берегу дома стремительно выскочила стайка ребятишек. Увидев нас, дети остановились как вкопанные: наверное, им еще не доводилось видеть светлолицых людей в грязной одежде, которые, словно вынырнувшие из глубины Нигера призраки, появились откуда ни возьмись вместе со своими дорожными сумками возле их деревни. Дети смотрели на нас несколько секунд широко открытыми от удивления глазами, а затем, дружно завопив, бросились врассыпную по своим домам, как будто только что увидели самого черта.

А может, орали они вовсе не от страха?..

Мы подошли к небольшой площадке, вокруг которой располагалось большинство из имевшихся в этой деревне домов, надеясь, что при нашем появлении

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
откроется какая-нибудь из деревянных дверей и кто-нибудь выйдет нам навстречу. Однако деревня словно вымерла, хотя мы и были уверены, что за нами тайком следят через щелочки десятки глаз.

– Ну и что нам теперь делать? – спросил профессор.

– Сейчас мы подойдем к какому-нибудь из этих домов и постучим в дверь, – ответил я.

Однако не успел я направиться в сторону ближайшего дома, как Кассандра вдруг схватила меня за руку.

– Нет! Мы поступим следующим образом: сядем под одной из акаций и будем ждать, пока они сами не сделают первый шаг, – сказала она. – Жителей деревни, по всей видимости, испугал наш неожиданный приезд, а потому нам необходимо продемонстрировать свои миролюбивые намерения, чтобы они поняли, что им не следует нас бояться. Вы же знаете старый психологический прием: «Пусть они подойдут первыми».

И в самом деле – стоило нам усесться под одним из деревьев, как через некоторое время любопытство местных жителей пересилило их боязнь, и сначала дети, а затем и взрослые стали осторожно приближаться к нам. Их, вероятно, сильно заинтриговало появление в их деревне, затерянной среди пустыни, трех неопрятных светлокожих людей, расположившихся в тени акации. Дети начали усаживаться группками неподалеку от нас, хихикая каким-то своим шуточкам и время от времени косясь на нас, неведомых пришельцев, а мужчины и женщины как бы невзначай подходили все ближе и ближе, стараясь при этом не показывать, что они, как и их дети, едва не лопаются от любопытства. Наконец седовласый и необычайно морщинистый старик, одетый в разноцветный балахон, прошел через обступившую нас группу людей и, подойдя к нам, с достойным видом обратился с какими-то, по всей видимости, приветственными словами. Поскольку наши знания местного языка были, мягко говоря, ограниченными, мы ответили ему лишь легким поклоном и крепким рукопожатием. Старик, который как мы поняли, был старостой деревни, расплылся в беззубой улыбке и, показав на нас пальцем, с почтительным видом спросил:

– Ибех бох минг?

Мы втроем переглянулись, не имея ни малейшего понятия, о чем же он нас спрашивает.

– Ибех бох минг? – снова спросил старик, а затем, показав пальцем на самого себя, сказал: – Энбех бох Мали. Ибех бох минг?

– Мне кажется... – пробормотал профессор, – мне кажется, он спрашивает нас, откуда мы приехали. – Сделав шаг вперед и обведя нас троих жестом, профессор громко произнес: – Испания. Энбех бох Испания.

– Исбанья! – восторженно воскликнул старик, словно это слово было ему знакомо.

– Ну да, – подтвердил профессор, энергично кивая. – Исбанья. Почему бы нет.

– Эн тох гох Модибо, – четко произнес старик и снова показал пальцем на себя, явно радуясь тому, что ему хоть как-то удастся объясниться с чужестранцами. – И тох гох?

– Похоже, что он назвал нам свое имя, – сказала Касси, – а затем спросил, как зовут нас.

Профессор, кивнув Кассандре в знак согласия, прижал ладонь к своей груди и представился:

– Эдуардо.

Затем он показал на Кассандру и меня и назвал наши имена:

– Кассандра. Улисс.

Модибо, нахмутив брови, попытался повторить и запомнить то, что он только что услышал:

– Дуадо... Гаандра... Юлисе...

Нам не оставалось ничего другого, как возгласами выразить свой восторг по поводу его лингвистического таланта, а затем нас всей деревней повели к огромной хижине с крышей из пальмовых листьев, но без стен, которая, по-видимому, служила для проведения общих собраний. Там, словно по мановению волшебной палочки, появились большие глиняные чаши с ананасами, бананами, блюдами из рыбы, пшеном, смешанным с арахисовым маслом, рисом, и мы, вдруг почувствовав сильный голод, стали поглощать все это под радостными взглядами окружавшей нас толпы.

Я и Кассандра уписывали еду за обе щеки, не разговаривая, и лишь профессор, усилием воли заставив себя оторваться на секунду от трапезы, сказал:

– Похоже, что с едой у нас здесь проблем не будет. Кассандра покосилась на профессора:

– Я даже представить не могла, что на свете бывают такие гостеприимные люди.

– Мне жаль, что приходится об этом говорить, – вмешался я, кивнув в сторону стоявших вокруг нас людей, – однако вы должны осознавать, что, возможно, мы втроем поедаем сейчас ужин всей этой честной компании.

– Вот черт! – воскликнула Кассандра. – Ты, пожалуй, прав. Давайте лучше вежливо им объясним, что нам не хочется есть или что мы уже насытились из своих запасов.

– Ни в коем случае! Это было бы для них унижительным оскорблением. Они подумали бы, что ты считаешь, что их еда для тебя недостаточно хороша.

– Как же нам тогда следует поступить?

Облизнув губы и посмотрев на жителей деревни, я слегка наклонил голову в знак того, что выражаю им признательность, и тихо сказал своим друзьям:

– Молча кушать и улыбаться.

Чувствуя легкие угрызения совести, а вместе с ними и приятную тяжесть в желудке, мы жестами поблагодарили жителей деревни за устроенный для нас пир и, пожимая им руки, широко улыбались. Опустошенные нами глиняные чаши исчезли так же быстро, как и появились, и нас пригласили присесть на узкие деревянные скамейки, стоявшие в самом центре хижины.

Солнце уже стало клониться к закату, тени на сухой земле начали быстро расти, а подувший откуда-то с юга легкий ветерок принес своеобразный запах реки, к которому мы за последние дни уже успели привыкнуть. Модибо принялся выстраивать жителей деревни в очередь: тех, кто постарше, – впереди, а тех, кто помоложе, – сзади. Вскоре образовалась длинная вереница, во главе которой встал сам староста. Со стороны казалось, что они почему-то решили, что нас прислал Санта Клаус, и выстроились в очередь за подарками.

Мы с изумлением наблюдали за этой сценой, ожидая, что же будет дальше. Однако ничего особенного не произошло. Жители деревни, стоя в очереди и переминаясь с ноги на ногу, молча стояли перед нами. Мы выжидающе смотрели на них, а они – на нас.

Наконец профессор, уже заработавший себе репутацию внештатного переводчика нашей группы, решил попытаться разузнать, что же все это означает.

– Ну так что? – сказал он, обращаясь к стоявшему во главе очереди Модибо.

Староста тут же сделал шаг вперед и, несколько раз проведя рукой по своему животу, произнес длинный и эмоциональный монолог, из которого мы, естественно, не поняли ни единого слова. Закончив, Модибо уперся ладонями в свои колени и, присев на скамью напротив нас, застыл в ожидании.

– Ну и ну! – вдруг воскликнула Кассандра. – Я, кажется, поняла! Они приняли нас за врачей. – Показав рукой на выстроившуюся перед нами очередь, она

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
добавила: – И все эти люди ожидают от нас медицинской помощи.

Поначалу мы попытались, как могли, объяснить жителям деревни, что мы вовсе не являемся представителями организации «Врачи без границ» и что у нас нет для них никаких лекарств. Однако, увидев разочарование, появившееся в их глазах, мы решили все-таки использовать свои мизерные знания в области медицины, чтобы попробовать хоть чем-то им помочь. В течение более двух часов жители деревни – все без исключения – поочередно рассказывали нам на своем тарабарском языке, причем очень подробно, о всевозможных болезнях и недомоганиях, мучающих их. Мы выдали почти всем им по паре таблеток парацетамола, а некоторым – антибиотики и антигистаминные мази. Нам было, конечно же, понятно, что мы поступаем не очень-то хорошо, однако эти люди встретили нас настолько радушно, что мы не нашли в себе сил ответить им, пусть даже и вполне обоснованно, отказом. Вот мы и старались, как могли. Судя по симптомам, которые наблюдались почти у всех наших «пациентов», они страдали от малярии, а потому те таблетки, которые мы им дали, все равно не смогли бы принести им какую-либо пользу.

Уже стало совсем темно, когда Модибо отвел нас, утомленных своими «врачебными» усилиями, в один из глинобитных домов, который, по всей видимости, был подготовлен специально для того, чтобы мы смогли переночевать не под открытым небом. В этой хижине имелись три постели с соломенными матрасами, на которые мы тут же установили свои москитные сетки и завалились спать, даже не подумав о блохах, клопах и других кровососущих насекомых, обычно встречающихся в такого рода жилищах.

Бросив взгляд на ползущего по потолку хижины громадного мохнатого тарантула, я закрыл глаза и уже почти заснул, когда до меня вдруг донесся голос Кассандры:

– А вам не приходило в голову, что мы так увлеклись, изображая из себя врачей, что даже не удосужились спросить, нет ли среди наших «пациентов» того ремесленника, которого мы ищем?

Первым, кого я увидел, открыв утром глаза, был тарантул, который решил поменять место своего пребывания и сидел теперь не на потолке, а на внутренней части моей москитной сетки. Я с трудом представлял, как он сумел сюда забраться, но теперь это гнусное паукообразное находилось менее чем в полуметре от моего лица, а потому думать о его перемещениях было некогда. С замиранием сердца (есть у меня такая слабость – патологическая неприязнь к паукам) я выбрался из своей постели, надеясь, что эта тварь не примет меня за огромную бабочку, попавшую к ней в паутину, и не вонзит в меня свои жуткие хелицеры, которые у нее наверняка имелись. От моих движений проснулись Кассандра и профессор. После того как я показал им своего ночного «гостя», они тут же устроили тщательный осмотр всех своих вещей, который не оказался безрезультатным: Кассандра обнаружила у себя в ботинке маленькую блестящую змею черного цвета.

– Она ядовитая? – спросила Касси, не на шутку испугавшись.

Профессор пожал плечами.

– Понятия не имею, дорогая моя. Как бы там ни было, она очень маленькая.

Змея, заметив, что ее обнаружили, проворно выползла из ботинка и, сопровождаемая взглядом трех пар человеческих глаз, быстро исчезла, выбравшись наружу через дырку в стене.

– Вполне возможно, что я ошибаюсь, – сказал я, – но, кажется, это был детеныш африканской кобры. Мне доводилось видеть взрослых особей, и он очень на них похож.

– Не знаю, какие у вас планы, – угрюмо произнес профессор, внимательно рассматривая на своих руках красные точки, появившиеся прошедшей ночью, – а лично я, будучи не в восторге от змей, блох и опасности заболеть малярией, склонен к тому, чтобы разыскать нужного нам ремесленника прямо сей час. – Он перевел взгляд на нас с Касси и добавил: – Будет лучше, если мы уберемся отсюда на первой же попутной лодке.

– И я такого же мнения, – кивнула Кассандра. – Я не очень-то обрадовалась, когда обнаружила в своем ботинке змею.

– Итак, решено, – твердо произнес я. – Мы находим того типа, узнаем у него, что послужило образцом для его творений, а затем возвращаемся в Томбукту, в уютную гостиницу на краю пустыни.

Говоря все это, я не мог даже представить, насколько далекими окажутся мои слова от того, что ожидало нас в ближайшие дни.

Выйдя из хижины, мы увидели Модибо, который повел нас в уже знакомую хижину без стен, где нас ждал обильный завтрак. Мы отведали всего, что так щедро было для нас приготовлено, а затем попытались объяснить нашему гостеприимному хозяину, с какой целью мы приехали в его деревню.

Мы использовали и мимику, и жесты, и даже рисунки на песке, стараясь изобразить работающего ремесленника, однако все наши усилия сводились на нет непреодолимым языковым барьером. И тут Кассандра вспомнила о нашем разговоре с Даниэлем в библиотеке в Томбукту.

– Профессор, у вас есть с собой рисунок, изображающий двух всадников на одной лошади?

– Конечно! – воскликнул Кастильо, сразу же догадавшись, что имела в виду Касси. – И как я об этом раньше не подумал?

Он быстро поднялся с циновки и, сбегав в нашу хижину, вернулся оттуда со своей дорожной сумкой. Достав из нее нужный рисунок, профессор протянул его Модибо, а тот, взяв листок бумаги, стал внимательно рассматривать изображенных на нем лошадь и двух всадников. Наконец лицо старика оживилось, и он, энергично кивая, знаками дал нам понять, что догадался, о чем мы его просим. Поднявшись со скамьи, Модибо – опять-таки жестами – пригласил нас следовать за ним.

Мы воспрянули духом, потому что наши поиски, похоже, уже близились к своему завершению. Следуя за стариком, мы отошли на несколько сотен метров от деревни и вскоре оказались перед глинобитным домом, рядом с которым валялись куски обтесанной древесины, деревянные маски и причудливые фигурки. Тут, по всей видимости, и жил наш таинственный ремесленник.

Модибо вежливо постучал в дверь, а затем, отступив на шаг, стал ждать, когда выйдет хозяин дома.

Примерно через минуту на пороге появился щуплый пожилой человечек с совершенно седой головой. Щурясь от яркого дневного света, непривычного после сумрака его хижины, он обменялся с Модибо довольно длинным приветствием, а затем подошел к нам, улыбаясь своей широкой, от уха до уха, беззубой улыбкой.

Модибо, поочередно показал пальцем на каждого из нас и назвал ему наши имена – на этот раз в его фонетической интерпретации они были еще менее похожими на оригинал, чем вчера. Ремесленник пригласил нас троих и старосту деревни присесть на небольшие табуреты, стоявшие в тени его дома. К счастью, этот ремесленник – его звали Диам Тенде – работал когда-то в молодости в Бамако, а потому немного говорил по-французски, так что объясняться с ним нам было намного легче, чем с другими местными жителями, и мы надеялись очень быстро растолковать ему, что нам от него нужно.

Затевая с «мсье Тенде» разговор о всякой ерунде, чтобы прежде всего попытаться наладить с ним дружеские отношения, я заметил, что профессор беспокойно ерзает на табурете и оглядывается по сторонам. Ему, очевидно, не терпелось побыстрее проникнуть в хижину ремесленника и добраться там до того, ради чего мы сюда приехали, хотя, честно говоря, мы и сами толком не знали, что, собственно, мы здесь ищем. Опасаясь, что профессор не выдержит и в самом деле попытается прошмыгнуть без позволения хозяина в хижину, я попросил у него рисунок, на котором был изображен символ тамплиеров, и протянул его ремесленнику. Едва тот взглянул на рисунок, как его лицо вытянулось от удивления.

– C'est mon cadeau! [29] – воскликнул ремесленник.

Профессор с выжидающим видом посмотрел на меня:

– Что он сказал?

– Если я правильно его понял, он сказал, что это подарок.

– Какой еще подарок?

– Quel cadeau, monsieur?[30] – спросил я. Диам Тенде с гордостью посмотрел на нас.

– C'est le cadeau pour mon petite-fille! La cadeau pour sa mariage![31]

Подарок к свадьбе его внучки... Меня начало охватывать дурное предчувствие.

– Ou est-que je peux trouver votre petite-fille?[32] – спросил я, пытаюсь выяснить, где сейчас находится эта самая внучка.

Тенде повернулся в сторону севера и неопределенно махнул рукой куда-то вдаль.

– Elle, c'est le femme d'un tuareg[33], – мрачно произнес он, вероятно имея в виду, что если девушка выходит замуж за туарега, то ее домом становится вся бескрайняя пустыня Сахара.

Когда я перевел содержание своего разговора с ремесленником профессору и Кассандре, они, как и я, заметно приуныли.

– Ну что ж, – сказал профессор, рассеянно рисуя прутиком какие-то нелепые узоры на песке, – мы сделали все, что было в наших силах. – Поморщившись, он удрученно добавил: – Забавно думать, что этот человек, сам того не ведая, дал своей внучке самое огромное в истории человечества приданое.

– Вот ведь невезуха! – Я сокрушенно покачал головой. – Мы приблизились к разгадке этой тайны, можно сказать, на расстояние вытянутой руки, но она снова ускользнула от нас. Черт бы ее побрал!

– Может, так оно и лучше, – тяжело вздохнув, попыталась утешить нас и себя саму Кассандра. – Если кто-то там, наверху, не хочет, чтобы мы разыскали эти сокровища... то нам, наверное, лучше остановиться.

– Пожалуй, ты права, – со стоическим видом ответил я, ласково касаясь волос Кассандры. – В конце концов, в ходе этих поисков я обнаружил гораздо большее сокровище.

– Да ладно тебе, Улисс, – пробурчал профессор. – Не знал, что ты такой лирик!

Кассандра повернулась к профессору и показала ему язык.

– Итак, – сказал я, поднимаясь с табурета, – нам остается только попрощаться с нашими друзьями, поблагодарить их за все, что они для нас сделали, и попытаться сегодня же отправиться обратно в Томбукту. Не знаю, как вы, а я просто сгораю от желания выпить свежего пенистого пива.

– А еще хорошо бы принять душ, – добавила Касси.

Я уже стал прощаться с престарелым ремесленником, пожимая его мозолистые руки, когда он вдруг с явно обеспокоенным видом задал мне вопрос:

– Pourquoi desirez-vous connaotre mon petite-fille?[34]

Позабавленный беспокойством диамы Тенде, я объяснил ему, что нас интересует не его внучка, а тот подарок, который он сделал ей на свадьбу.

– Le caisse?[35]– спросил он.

– Oui, monsieur... Le caisse[36]. – Я кивнул старику, удивляясь, что

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
предметом наших упорных поисков являлся, как только что выяснилось, всего лишь какой-то там ящичек.

Старик-ремесленник улыбнулся с таким видом, как будто я только что сказал ему что-то смешное.

– Mais le caisse n'est pas avec moi petite-fille![37]

– Pardon?[38] – спросил я, подумав, что плохо расслышал своего собеседника.

– Monsieur... – стал объяснять ремесленник с таким видом, как будто он втолковывал мне прописные истины, – le cadeau c'est chez parents du mari, a la ville du Tabrichat... C'est la tradition[39].

Не успев до конца осознать смысл слов старого ремесленника, я почувствовал, как у меня закружилась голова, – слишком уж резкий и неожиданный поворот произошел в ходе нашей беседы.

– Улисс, что-то случилось? – забеспокоилась Кассандра, видимо заметив, как сильно изменилось выражение моего лица.

Я взял Касси за плечи и в порыве охватившего меня душевного подъема, сам толком не понимая, что сейчас делаю, крепко поцеловал ее в губы.

– Вы не поверите! – воскликнул я, когда овладевшая мной эйфория немного спала. – Похоже, что произошло дурацкое недоразумение. – Я глубоко вдохнул и сделал паузу, чтобы успокоиться. – Этот человек думал, что мы ищем его внучку. Предмет с изображением символа тамплиеров, который он подарил ей в качестве приданого, представляет собой, насколько я понял, какой-то ящичек, – быстро говорил я, не переводя дыхания, – а находится этот ящичек в доме родителей зятя Диамы Тенде. Они, как я понял, живут в городишке под названием Табришат!

30

Следующие полчаса ушли у нас на то, чтобы убедить «мсье Тенде», что у нас нет никаких дурных намерений. Ради того, чтобы уговорить старика рассказать нам, как найти семью, в доме которой хранится его драгоценный свадебный подарок, пришлось клятвенно пообещать, что мы всего лишь посмотрим на этот подарок и ни в коем случае не станем пытаться забрать его с собой.

Предстоящее путешествие до населенного пункта Табришат не вызвало у меня особого энтузиазма, потому что у нас было всего лишь два варианта, как туда добраться. «Более удобный» вариант состоял в том, чтобы дожидаться подходящей попутной лодки, которая доставила бы нас до города Гао, а уже там найти машину, направляющуюся в отдаленный город Тесалит – именно на полпути к этому городу и находился Табришат. Недостаток данного варианта заключался в том, что на дорогу ушло бы более недели, поскольку в ожидании попутной лодки пришлось бы провести еще несколько дней в этой деревне, где по ночам к нам снова могли нагрянуть тарантулы и кобры.

Согласно второму варианту, нам надлежало отправиться к колодцу, который находился в нескольких километрах к северу от этой деревни и к которому, как сообщил нам Модибо, пару дней назад из Тесалита прибыл небольшой караван туарегов. Оставалось только убедить этих самых туарегов, собирающихся обратно в Тесалит, взять нас с собой. В этом случае мы добрались бы верхом на верблюдах до Табришата максимум за три дня. Недостаток данного варианта заключался в том, что нам пришлось бы ехать по одной из самых жутких пустынь мира, а наш опыт езды верхом на верблюде был, мягко говоря, более чем скромным.

Мы попрощались с Диамой Тенде и отправились обратно в деревню, споря между собой, какой же вариант является для нас более приемлемым.

– Откровенно говоря, меня не очень прельщает перспектива оказаться в глубине Сахары, – сказал профессор. – Я даже и в Барселоне-то почти никогда не ходил на пляж, потому что не люблю, когда потом из одежды сыплется песок. Еще я очень плохо переношу температуру свыше пятидесяти градусов. Кроме того, после твоих рассказов о туарегах они не вызывают у меня особого доверия.

Касси, заново заплетая на ходу свою косичку, посмотрела на небо и тяжело вздохнула.

– А вот для меня жара не проблема, – сказала она, – да и езда верхом на верблюде по пустыне с ночевками под звездами меня вполне устраивает... Лишь бы только... – Касси с отвращением поморщилась, – лишь бы только не находить по утрам в своих ботинках змей.

– В пустыне водятся скорпионы... – напомнил профессор.

– Не надо меня страшить, – криво улыбнувшись, произнесла Кассандра. Затем она посмотрела на меня и спросила: – А ты? Почему ты молчишь?

– Я – за то, чтобы обратиться к туарегам.

– Ура! – радостно воскликнула Касси. – Двое против одного.

– Однако профессор, в общем-то, прав.

– Что ты хочешь этим сказать? – ошеломленно пробормотала Кассандра.

Я несколько секунд шел молча, уставившись в землю и размышляя о том, как бы изложить свои мысли так, чтобы они не показались моим друзьям обидными.

– Мне кажется, – наконец заговорил я, взвешивая каждое слово, – что мы подвергнем себя излишнему риску, если все трое поедem через пустыню. – Оторвавшись от созерцания носков своих ботинок, я поймал на себе взгляд пары настороженных зеленых глаз. – Пустыня – это совсем не то романтическое место, каким ты ее себе представляешь. – Я обнял Кассандру рукой за талию. – Находиться в пустыне опасно не только потому, что там очень жарко и нет воды, но и потому, что по ней бродят различные разбойничьи шайки. Я считаю, что будет правильнее, если вы с профессором вернетесь в Томбукту и подождете там, а я попытаюсь добраться до Табришата. Я возьму с собой цифровой фотоаппарат и постараюсь сделать огромное количество снимков этого таинственного ящичка. Из Табришата я отправлюсь по автодороге в Гао, а оттуда на лодке вернусь в Томбукту, где мы и соберемся опять все вместе.

– То есть ты предлагаешь, чтобы мы с профессором прохлаждались в комфортабельной гостинице, а ты отправился в пустыню с какими-то незнакомыми людьми и рисковал там своей жизнью? – По мере того как Кассандра произносила эти слова, ее голос звучал все более негодующе.

– Да, именно это я и предлагаю.

Кассандра убрала мою руку со своей талии и преградила мне путь, уперев руки в бока.

– Понятненько... – процедила она сквозь зубы, едва сдерживая ярость. – Девочка и старичок отправятся в укрытие, а наш бравый герой в одиночку ринется навстречу смертельным опасностям.

– Я совсем не это хотел сказать.

– Не прикидывайся дурачком, Улисс.

– Касси, дорогая, я просто не хочу, чтобы с тобой и профессором случилось что-нибудь плохое. Я...

Я попытался положить руку на плечо Кассандры, но она рез-ко оттолкнула ее.

– Не зли меня, приятель! – выпалила она и с вызывающим видом произнесла: – После того как мы проделали такой огромный путь, я не собираюсь взять и повернуть назад только потому, что ты вдруг решил изобразить из себя настоящего мужчину.

Стояла такая ужасная жара, что я не нашел в себе ни душевных, ни физических сил спорить с этой строптивой женщиной.

– Хорошо. Поступай, как ты считаешь нужным. Я всего лишь высказал свою точку зрения.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– В следующий раз, прежде чем высказывать свою дурацкую точку зрения, хорошенько подумай, – сердито проворчала Кассандра.

Мне не хотелось продолжать этот спор, в котором я все равно не смог бы победить, а потому я ограничился тем, что шумно вздохнул и посмотрел на профессора, наивно ожидая получить от него поддержку.

– Профессор, а вы? – спросил я. – Вы-то что думаете по этому поводу?

Профессор, к тому моменту успевший опередить нас на несколько шагов, остановился и задумчиво посмотрел на носки своих ботинок.

– У меня нет ни малейшего желания шастать по пустыне, однако я согласен с Касси. Я готов рискнуть ради того, чтобы добраться до пресловутого ящичка с изображением символа тамплиеров, и если уж ехать в Табришат, то всем троим.

Итак, решение было принято: мы едем втроем. После того как мы собрали свои вещи, Модибо дал нам провожатого, чтобы тот довел нас до колодца, возле которого разбили свой лагерь туареги – «люди в синих одеждах». Дела у нас обстояли, в общем-то, не так уж и плохо. Мы узнали о местонахождении предмета, ради которого приехали в эту страну (хотя нам все еще не удалось толком разобраться, что же это все-таки за предмет), болезни пока что обходили нас стороной, а на небе появлялось все больше белых облачков, с которыми мы связывали надежду на ослабление удушающей жары. Тем не менее, как только мы решили отправиться в Сахару, у меня появилось какое-то неприятное предчувствие.

Предчувствие, которое, к сожалению, оказалось не напрасным.

Несмотря на то что мы пробыли в деревне менее суток, прощание с ее жителями было таким трогательным, как будто мы прожили здесь несколько месяцев. Нам пришлось обняться буквально с каждым из жителей, и при этом потребовались большие усилия, чтобы убедить их, что мы не можем задержаться в их гостеприимной деревне еще на какое-то время. Следуя своим обычаям, они хотели приготовить для нас прощальный обед, после которого мы должны были пройти обязательный, как принято у африканцев, ритуал обращения к добрым духам с просьбой защитить нас в пути от духов злых. Я с грустью подумал, что подобная защита, если бы, конечно, она и в самом деле существовала, пришлась бы очень даже кстати.

Окруженные толпой детей, мы вышли из деревни, и посреди этих беззаботно снующих туда-сюда босоногих и почти голых ребятишек я в своей куртке, штанах и ботинках на рифленой подошве и с громадной дорожной сумкой в руках выглядел, наверное, довольно нелепо.

После того как мы прошли пару бесконечно длинных километров под безжалостно палящим солнцем, которое все никак не могли закрыть собой набежавшие на небо облака, наш проводник остановился и, вытянув руку, показал на расплывчатое темное пятно, маячившее впереди, как мираж.

– Туарег, – произнес проводник всего одно слово и затем, пожав каждому из нас руку, развернулся и пошел по своим следам обратно в деревню.

Мы остались втроем.

По мере того как мы шагали дальше, высушенная зноем саванна постепенно сменялась бесплодной местностью, которая, как мне показалось, десятилетиями не видела дождя. Здесь не росли даже акации, и лишь немногочисленные чахлые кустики своей тенью нарушали светло-коричневое однообразие пейзажа. Это была далеко не та кишмя кишущая живностью саванна, которую мы привыкли видеть по телевизору в документальных фильмах об Африке – антилопы гну, зебры, львы... Здесь не было никакой живности. Вообще никакой. Если бы у смерти был свой дом и на двери этого дома висел бы посвященный ей плакат, то он, наверное, представлял бы собой фотографию местности, по которой мы сейчас шли.

– Ну и долго мы будем так шагать? – сердито пробурчал профессор, останавливаясь и бросая свою дорожную сумку на землю.

Касси вытерла платком пот со лба.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– Вон видите там, впереди? – сказал я, протягивая руку вперед. – Это, должно быть, и есть лагерь туарегов.

Кассандра тоже поставила свою дорожную сумку на землю и тут же плюхнулась на нее.

– А вам не приходило в голову, что они могут отказать нам и не взять нас с собой? – спросила она, по-видимому растерявшись от только что пришедшей ей в голову мысли.

– Дорогая моя, а не поздновато ли ты об этом подумала? – недовольно спросил профессор, который пребывал далеко не в бодром расположении духа.

– Да это просто шутка. Я уверена, что они не откажут нам в помощи.

– Ну что ж, – сказал я, снова трогаясь в путь, – сейчас у нас есть только один способ это проверить.

Вскоре мы подошли к лагерю туарегов так близко, что различили и их шатер, который имел характерную форму, и полсотни находившихся вокруг него верблюдов светло-песочного цвета, и даже неподвижную фигуру в черной одежде, одиноко стоявшую у шатра. Мы брели, еле передвигая ноги и то и дело прикладываясь к своим флягам с водой, которые очень быстро пустели.

Еще минут двадцать ходьбы – и мы вплотную подошли к стоявшему у входа в шатер человеку, голову которого почти полностью покрывал черный тагельмуст – головной убор туарегов, оставлявший открытыми только глаза. Глаза эти смотрели на нас с явной настороженностью. Свою левую руку человек положил на пояс, поближе к висевшему там кинжалу, а правой снял с плеча и как бы невзначай направил в нашу сторону длинное одноствольное ружье. На вид оно было таким древним, что, пожалуй, при стрельбе могло оказаться опаснее для самого стрелка, чем для его цели. Но, тем не менее, ружье служило очевидным предостережением для непрошенных гостей.

Никаких других людей поблизости не было, однако я не сомневался, что внутри шатра есть кто-то еще, потому что вряд ли один человек смог бы управиться с таким большим количеством верблюдов.

– Ас-саламу алейкум, – сказал я, подходя к туарегу.

– Ва алейкум ас-саламу, – недружелюбным тоном ответил он, да и то после довольно длинной паузы.

– Parlez-vous francais?[40] – без особой надежды спросил я. Туарег продолжал стоять неподвижно, как статуя, и с его губ не слетело ни единого звука.

– English?[41] испанский? – спросил я, еще меньше веря в успех.

Молчание.

Касси разочарованно вздохнула:

– Ну и вляпались же мы!

Ситуация была критической, потому что у меня появилось подозрение, что если мы не сумеем быстренько преодолеть возникшие лингвистические трудности, то наш немногословный друг, чего доброго, еще отправит нас пинком под зад обратно в деревню.

– Я – Улисс, – представился я, решив использовать отработанную вчера в деревне манеру общения и тыкая себя пальцем в грудь. Показав затем на профессора и Касси, я назвал их имена.

Туарег поочередно посмотрел на каждого из нас, задержав взгляд на Кассандре, а затем, к моему большому облегчению, переложил ружье в левую руку, а правую протянул мне в знак приветствия.

– Ибрагим, – сказал он.

Потом он завел нас внутрь шатра, где в полутьме сидели пятеро мужчин, выражение лиц которых не внушало особого доверия. Они пригласили нас присесть на потертые ковры и выпить с ними по стакану чая.

Затем с помощью жестов, географической карты региона, в котором мы находились, и огромного терпения нам кое-как удалось объяснить туарегам, что от них требуется. Поразмыслив несколько секунд, Ибрагим произнес по-французски всего три слова:

– Trois cent mille[42].

– Что он сказал? – спросил у меня профессор, не веря тому, что он и сам, по-видимому, понял.

– Он просит триста тысяч франков КФА, – ответил я.

– Для человека, не говорящего по-французски, он довольно легко оперирует цифрами, – заметила Кассандра.

– Готов поспорить, что этот тип говорит по-французски лучше меня, – ответил я, покосившись на Касси.

Профессор снял с себя шляпу и тыльной стороной ладони вытер со лба пот.

– Да хоть по-корейски, но триста тысяч франков КФА пускай просит у своей любимой тети, – раздраженно произнес Кастильо.

– Не переживайте, профессор, торги еще только начинаются. Они просят триста тысяч, я им предложу пятьдесят тысяч, и в конце концов мы сойдемся где-то посередине. В Африке всегда торгуются – по любому поводу.

Это был уже не первый раз, когда мне приходилось торговаться, находясь в крайне неблагоприятной для себя ситуации, и я знал, что, если я хочу добиться более-менее приемлемой цены, мне придется выдержать долгую и трудную дискуссию, потому что у меня, образно говоря, не было козырей. Да какие там козыри – оставшейся у нас питьевой воды не хватило бы даже на обратную дорогу в деревню. Поэтому я очень удивился, когда, вопреки моим ожиданиям, мне удалось довольно быстро сойтись на весьма выгодной для нас цене.

– Ну вот мы вроде бы и договорились, – сообщил я своим спутникам. – Они сказали, что довезут нас до Табришата за восемьдесят тысяч франков КФА.

– Ты молодец! – похвалила меня Кассандра. – Это хорошая цена.

– А когда мы выезжаем? – спросил профессор, с довольным видом похлопав меня по спине.

– Завтра рано утром. В Табришате мы будем дня через три-четыре.

– Замечательно! – воскликнул Кастильо, потирая руки. – Мне не терпится добраться до того таинственного ящичка.

Однако лично я был весьма далек от эйфории, охватившей моих друзей, потому что поведение туарегов вызвало у меня определенные подозрения. Мне показалось, что они украдкой посматривали на нас, как лиса на курицу.

Касси, заметив мою озабоченность, взяла меня за руку.

– Что с тобой? – тихонько спросила она.

– Ничего. Все в порядке. Я просто не ожидал, что мне удастся так быстро сбить цену.

Касси удивленно подняла брови:

– И это тебя беспокоит?

– Меня беспокоит то, насколько быстро у меня это получилось. Вспомни, что

люди этой народности всю свою жизнь занимаются торговлей, и, стало быть, им то и дело приходится торговаться. Они имеют в этом огромный опыт и, учитывая ситуацию, в которой мы оказались, могли бы вытянуть из нас столько денег, сколько сочли бы нужным. Однако все вышло совсем наоборот: мне почему-то позволили значительно сбить цену, причем слишком быстро.

Я посмотрел на туарегов, которые в этот момент о чем-то между собой разговаривали и пересчитывали деньги, которые я им только что передал.

– Слишком быстро, – повторил я.

31

Я всю ночь не сомкнул глаз, переживая не столько из-за гиен (их противный запах отчетливо чувствовался по всей округе), сколько из-за подозрительного поведения туарегов, от которых можно было ожидать чего угодно. Когда я поднялся рано утром, у меня под глазами были большие темные круги, а когда мы тронулись в путь, мне пришлось приложить немало усилий, чтобы не уснуть, сидя верхом на верблюде: он шел, равномерно покачиваясь, и это только усиливало мою сонливость.

Караван продвигался по равнине так, чтобы солнце все время было у нас с правой стороны. Мы восседали на импровизированных, специально сделанных для нас Ибрагимом и его товарищами сиденьях из переметных сумок. Эти сумки были предназначены для перевозки соли, а теперь должны были сослужить добрую службу и нам троим. Насколько я понял, эти люди как раз и занимались тем, что доставляли соль из внутренних регионов Сахары в населенные пункты, расположенные на берегу Нигера. На днях они сбывли очередную партию соли – частично продали, а частично обменяли на ходовые товары – и теперь возвращались вглубь Сахары, согласившись сделать по дороге небольшой крюк, чтобы доставить нас к нашему месту назначения.

Окружавшая нас местность, необычайно сухая и равнинная, была, можно сказать, плоской, как стол. Нигде не было видно не то что деревья, а даже кустика. Здесь, похоже, уже многие годы не выпадало ни капли дождя, и я бы очень сильно удивился, если бы встретил в этой пустыне, измученной безжалостным солнцем и ветром-суховеем, какое-нибудь живое существо. Ветер даже в это раннее утро был настолько горячим, что, когда он дул мне в лицо, казалось, будто я нахожусь у мартеновской печи.

– Привет, бедуин... – услышал я звонкий голос, который вывел меня из состояния полусонной задумчивости. – Давно здесь кочуешь?

Повернувшись, насколько было возможно на этом сиденье, я увидел Кассандру, обмотавшую голову синим платком – таким, какой носят туареги, – и воодушевленно смотревшую на меня своими блестящими глазами.

– А ты, я вижу, очень быстро приспосабливаешься к новой обстановке.

– Его мне дал Ибрагим, – радостно сказала Кассандра, прикасаясь к платку. – И он мне очень нравится, потому что в нем я чувствую себя первопроходцем начала двадцатого века.

– Мне, конечно, не хотелось бы омрачать твое настроение, – ухмыльнувшись, сказал я и посмотрел на Касси, – но известно ли отважному первопроходцу, что этот платок пропитан краской индиго и, как только открыватель новых земель начнет потеть, его кожа и волосы приобретут своеобразный синий цвет?

Кассандра, ничего не сказав в ответ, поспешила кончики пальцев левой руки и потеряла ими край своего платка. Как я и предсказывал, ее пальцы стали синими.

Касси резко повернулась в мою сторону, и я уже приготовился к тому, что она сейчас обругает меня за то, что я не предупредил ее о «побочных эффектах» ношения туарегского платка. Однако Кассандра вдруг округлила глаза, отчего ее лицо приобрело безумное выражение, и воскликнула:

– Ерунда! – Она подняла руку со сжатым кулаком вверх. – Я – Кассандра Брукс, царица пустыни!

С этими словами она подхлестнула своего верблюда и помчалась на нем

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
галопом, вопя, как Буффало Билл.

– Что с ней случилось? – спросил ехавший впереди меня профессор, когда Кассандра проскакала на верблюде мимо него.

– Жара, проф, – с улыбкой ответил я, глядя вслед исчезнувшей за облаком пыли Кассандре. – Она, наверное, перегрелась на солнце.

К полудню у нас пропала охота шутить.

Наши проводники, которые, похоже, не очень-то страдали от жары, с невозмутимым видом покачивались на своих верблюдах. Мы втроем находились в голове каравана, казавшегося мне гигантским червяком, состоящим из пятидесяти горбов песочного цвета. Сразу же за нами ехали двое из туарегов, а остальные четверо равномерно распределились вдоль всего каравана и заботливо наблюдали за шагающими верблюдами.

По сравнению с лошадьми, на которых мне когда-то тоже доводилось ездить верхом, верблюды – даже если не брать во внимание возвышающийся у них посередине спины горб – показались мне гораздо менее приспособленными для того, чтобы на них ездили люди. Я даже подумал, что, когда Бог создавал этих животных, ему, наверное, даже в голову не приходило, что люди когда-нибудь захотят ездить на них верхом. Кроме того, верблюды, как я очень быстро убедился, были более упрямыми, чем ослы и мулы, и более вонючими по сравнению с другими животными (во всяком случае от доставшегося мне верблюда исходила такая вонь, что аж с души воротило). А еще эти животные отличались злобным нравом, что они наглядно демонстрировали буквально на каждом шагу. В частности, верблюд, на котором ехал профессор, несколько раз пытался укусить своего всадника.

– Вот ведь чертова тварь! – возмущался Кастильо. – Если ты еще раз попытаешься укусить меня, я тебе горб отрежу!

Подстегнув своего верблюда, я догнал профессора и поехал рядом с ним. У него был очень усталый вид, а пот, струившийся по лбу, попадал даже на оправу и стекла очков. Лицо профессора было неестественно бледным, и он показался мне похожим на большую пластмассовую куклу, почему-то решившую проехать верхом на верблюде.

– Улисс, – с обеспокоенным видом позвал меня профессор. – Меня уже некоторое время мучает один вопрос.

– И что это за вопрос?

Профессор наклонился в мою сторону, чтобы его слова не услышала ехавшая чуть-чуть впереди нас Кассандра.

– А что мешает этим типам, – профессор оглянулся и выразительно посмотрел на одного из туарегов, – вместо того чтобы выполнить свое обещание, убить нас и завладеть нашими деньгами?

– Да, в общем-то, ничего. Если они захотят нас убить, мы не сможем им в этом помешать...

– Спасибо, ты меня успокоил.

– Но вы не переживайте, – продолжил я, стараясь говорить с уверенностью, которой у меня на самом деле, конечно же, не было. – Я дал им только половину денег и сказал, что вторую половину они получают в Табришате, где нас ждет друг, который приедет туда из Гао.

– Ты, получается, их обманул?

– Ну что ж, когда я вернусь домой, то схожу в церковь и исповедаюсь в своих грехах. А пока для меня самое важное состоит в том, чтобы они боялись остаться без второй половины денег и в связи с этим старались не причинять нам никакого вреда.

– Надеюсь, что эти туареги окажутся достаточно порядочными людьми.

Я вытянул руку вперед и, похлопав своего верблюда по шее, сказал:

– Пусть они окажутся хотя бы достаточно жадными.

С наступлением вечера, как часто бывает в пустыне, налетел сильный северный ветер, поднявший с земли тучи песка. Песчинки забивались в глаза (не помогали даже солнцезащитные очки), нос, уши и рот. Слизистая оболочка рта от этого ветра становилась сухой, губы трескались, а на зубах начинало противно хрустеть.

Часа за два до наступления темноты наши проводники остановили караван у подножия одного из первых встретившихся нам больших барханов. Он защитил нас от ветра, и мы, хотя и чувствовали себя изможденными, помогли туарегам разбить лагерь, состоявший из шатра и работавшей на газойле горелки, предназначенной для приготовления главного местного напитка – чая. В качестве ужина туареги предложили нам финики и большой кувшин верблюжьего молока. Сами они пили это молоко с удовольствием, а вот мы, опасаясь, что у нас могут возникнуть весьма неуместные в данной ситуации проблемы с желудком, вежливо отказались от молока и довольствовались лишь финиками.

Когда ужин подошел к концу, солнце уже начало заходить за линию горизонта. Несмотря на то что продолжал дуть сильный ветер, мы с Кассандрой решили забраться на какое-нибудь высокое место, чтобы полюбоваться закатом солнца в этой бескрайней пустыне. Мы вскарабкались, тяжело дыша, на самую верхушку бархана и уселись там на песок, наслаждаясь лицезрением окружавшего нас пейзажа.

Бесчисленное множество поднятых ветром песчинок образовывало у самой поверхности земли неосязаемый слой, который, пропуская сквозь себя лучи солнца, скрывал реальные очертания простиравшихся перед нами барханов и придавал им красноватый оттенок, отчего казалось, что мы сидим на берегу огромного океана крови.

– Красотища-то какая! – восторженно прошептала Кассандра. – Уже только ради этой красоты стоило сюда приехать.

– Да, подобные картины не забываются никогда, – согласился я. – Вот ради таких моментов и стоит жить на белом свете.

Оторвав взгляд от багряного заката, Кассандра повернулась ко мне:

– Именно поэтому ты и избрал себе такую жизнь?

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что ты постоянно переезжаешь с места на место и нигде не задерживаешься дольше шести месяцев... Скажи, а у тебя не возникает желания завести себе дом, семью, жену?

– Конечно, возникает. Это ведь заложено в наших генах. Подыскать себе плодovitую самку, найти пещеру побольше и побезопаснее, чтобы можно было вырастить там потомство, которому передадутся твои гены, а потом дожидаться рождения внуков и, если повезет, добиться под старость уважения всех своих соплеменников. Так происходило с людьми на протяжении сотен тысяч лет, и я тут не исключение.

– Ты говоришь о людях, словно они пещерные жители, – сердито заметила Кассандра.

– Так ведь мы, люди, и есть пещерные жители. То, что мы сейчас пользуемся мобильными телефонами и компьютерами, по большому счету не делает нас умнее людей каменного века, а поведение каждого из нас не отличается от поведения наших далеких предков. Мы, конечно, отличаемся от них внешне, но это не имеет определяющего значения. Вполне возможно, что тысячу лет назад – или же целых тридцать тысяч лет назад – точь-в-точь на таком же бархане сидели какие-то люди и разговаривали о том же, о чем сейчас разговариваем мы с тобой.

– Значит, смысл твоего образа жизни заключается в том, чтобы вести себя не так, как тебе диктуют твои гены?

– Нет, я ведь тебе уже сказал, что от генов никуда не денешься. Просто я, осознав это, решил все-таки добиться для себя определенной степени свободы. Я пытаюсь оградить свою жизнь от влияния общества, которое постоянно стремится воздействовать на подсознание человека, внушая ему, как он должен себя вести, чтобы обеспечить продолжение рода. А еще – от влияния полученного мною образования, влияния родственников, учителей... В общем, я стремлюсь скептически относиться ко всему тому, что не является результатом моих умозаключений, сделанных на основе собственного опыта. Я просто наблюдаю за явлениями, происходящими вокруг меня, и стараюсь как можно лучше к ним приспособиться. Таким образом, я всего лишь хочу быть счастливым, сохранив при этом ясность ума, и пытаюсь управлять своими инстинктами, чтобы не идти на поводу чувств, которые обуревают меня.

– Мне кажется, ты рассуждаешь о человеке, как о животном. Тебе не нравится, что у человека есть инстинкты? Ты считаешь, что их нужно подавлять? – спросила Кассандра, все больше и больше смущаясь от моих заявлений.

– Конечно же, нет. Я, видимо, не совсем понятно выразился. Инстинкты человека, которые проявляются в его чувствах, необходимы нам, людям, для выживания, ведь зачастую именно они оберегают нас от совершения разных глупостей. Без инстинктов самосохранения, продолжения рода и самоутверждения в глазах окружающих, а также множества других инстинктов у нас не было бы мотивации чем-то заниматься, к чему-то стремиться и мы даже не захотели бы вставать утром с кровати. Я не могу и не хочу быть человеком, лишенным этих инстинктов. Единственное, чего я в данном смысле остерегаюсь, так это не быть их рабом. Я стремлюсь держать под контролем свой страх и свои желания, чтобы не позволить им затуманить рассудок, в какой бы жизненной ситуации я ни оказался.

– По правде говоря, Улисс, я считаю, что подобный подход может сделать твою жизнь довольно тоскливой. Слезы лить ты, конечно, не станешь, но и особых радостей у тебя не будет.

– Касси, речь идет не о том, чтобы закрыть дверь к моему сердцу на замок, а ключ от этого замка бросить в реку. Я вовсе не прочь открывать эту дверь, когда мне захочется, и наслаждаться чудесными моментами, которые дарит мне жизнь. Пойми, я просто хочу научиться закрывать эту дверь, когда, по моему мнению, в этом возникает необходимость. – Я на несколько секунд замолчал, подыскивая в уме какой-нибудь подходящий аргумент. – Вот, к примеру, что тебе больше всего нравится кушать?

– Не знаю... Я обожаю шоколад.

– Прекрасно. А когда ты проходишь мимо магазина, в котором продают шоколад, ты всегда заходишь в него и покупаешь столько шоколада, сколько сможешь съесть?

– Конечно же, нет.

– А почему?

– Ну, потому что... потому что я умею себя сдерживать. – Касси с понимающим видом кивнула.

– Я вижу, ты поняла меня. И ты, и другие люди сдерживают свои стремления, хотя большинство из них делает это на подсознательном уровне. С другой стороны, люди зачастую ведут себя подобно животным. Я же хочу сделать один шаг вперед и научиться осознанно относиться к своим поступкам и их мотивам, потому что это позволит мне лучше понять и самого себя, и окружающих, а заодно научиться избегать таких негативных и бесполезных для меня состояний души, как подавленность, беспокойство, уныние.

– Если смотреть на все это под таким углом зрения, то... то твой подход к жизни не такой уж плохой.

– Лично мне он кажется разумным – вот и все, что я могу тебе по этому поводу сказать. Он обеспечивает мне душевное спокойствие и подталкивает меня к тому, чтобы жить сегодняшним днем, то есть наслаждаться текущим моментом и не переживать по поводу того, что произойдет со мной завтра.

– Получается, что ты не задумываешься о будущем? не пытаешься обеспечить

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
себе безопасность?

– Безопасность?.. – Я снисходительно улыбнулся. – Драгоценная моя, вынужден сообщить тебе неприятную новость: никакой безопасности не существует. Мы всего лишь пытаемся создать для себя иллюзию безопасности – и все ради того, чтобы не сойти с ума от страха и переживаний. Никто в этом мире не знает, какие удары судьбы ожидают его завтра или послезавтра. Ты можешь быть самым богатым человеком в мире и погибнуть, поскользнувшись на лестнице и ударившись головой о ступеньку. Ты можешь работать в стабильной компании, но при этом в один прекрасный день узнать, что тебя увольняют, потому что эта компания решила перенести свои производственные мощности в Китай. Ты можешь быть замужем за уважаемым и вроде бы порядочным человеком, но однажды, в свой день рождения, прийти домой и прочитать в оставленной им записке, что он навсегда ушел от тебя к другой женщине.

– Черт тебя побери, Улисс, ну ты и пессимист!

– Как раз наоборот! Я просто осознаю, что не могу полностью контролировать события, происходящие в моей жизни. Большинство людей приходит к осознанию этого довольно поздно – обычно после первого инфаркта. Я же – хорошо ли, плохо ли – понял это давно и сделал вывод, что единственный способ жить полноценной жизнью заключается в том, чтобы полностью подавить в себе какие-либо проявления страха перед будущим. – Я прилег на поверхность бархана, упершись локтями в песок, и продолжил: – Конечно, я не ясновидящий, а потому не знаю, что произойдет со мной в будущем. Поэтому я ограничиваюсь тем, что живу сегодняшним днем и наслаждаюсь каждым его моментом – как, например, сейчас. Любой из сменяющих друг друга эпизодов нашей жизни уникален, он никогда не повторяется, и я не хочу проморгать ни один из них только из-за того, что все время буду размышлять над какими-то событиями, которые, возможно, никогда так и не произойдут.

– А что заставило тебя прийти к умозаключениям, которые, судя по твоим словам, большинство других людей просто не в состоянии сделать? – с любопытством и без малейшей иронии спросила Кассандра.

– Это очень долго объяснять и, поверь мне, не так уж важно. Кассандра удивленно приподняла бровь, но ничего не сказала в ответ.

– Ну ладно, сейчас попробую объяснить... – Я замолчал, собираясь с мыслями, и после довольно продолжительной паузы начал свой печальный рассказ: – Дело в том, что несколько лет назад я жил с одной женщиной, в которую был очень сильно влюблен. Я тогда работал в Испании водолазом и часто переезжал с одного места на другое: то занимался очисткой корпуса какого-нибудь судна, то участвовал в работах по расширению внутренней акватории в порту. И вот в одну из сентябрьских ночей Моника – женщина, с которой я жил, – заявила, что так продолжаться больше не может и мне придется сделать выбор: либо я сменяю работу, либо она уйдет от меня. Она объяснила, что не хочет провести половину своей жизни в одиночестве, что ей надоело жить в страхе и постоянно думать о том, что со мной в любую минуту может произойти несчастный случай.

– Как же ты поступил?

– Бросил свою работу.

– И тем самым доказал любимой, что она для тебя дороже...

– Возможно. Только через несколько месяцев Моника все равно ушла от меня.

– Почему?

– Наверное, потому что отношения людей – это сложная штука, а еще, как я тебе уже говорил, безопасность – это всего лишь иллюзия.

– Знаешь, мне тебя искренне жаль, – с грустью произнесла Касси.

– Однако история на этом не заканчивается. Незадолго до того, как Моника меня бросила, я потерял «надежную» работу, на которую устроил меня в своем офисе ее отец. Затем со мной произошел несчастный случай: когда я ехал на велосипеде по Барселоне, я угодил в аварию, в результате чего поломал себе берцовую кость, ключицу и пару ребер. Однако самое страшное было еще

впереди: мой отец по просьбе профессора Кастильо поехал посмотреть взглядом специалиста на алтарное украшение одной из церквей где-то в Пиренеях и тоже угодил в аварию. Он погиб. А моя мать, с трудом пережив тяжелую утрату, запретила мне общаться с профессором Кастильо, потому что считала его виновным в смерти моего отца. В общем, ты вполне можешь представить себе, в каком я был состоянии. Мне казалось, что окружавший меня мир рухнул. Я впал в глубокую депрессию – депрессию, из которой мне удалось выбраться только благодаря тому, что я занялся всесторонним самоанализом, который позволил мне узнать себя так хорошо, как я никогда бы не смог этого сделать, если бы на меня не свалились все эти несчастья. Поэтому, рискуя показаться тебе циничным, я могу сказать, что тот этап моей жизни стал самым важным для меня.

– Значит, по твоему мнению, если бы всего этого с тобой не произошло, ты сейчас был бы хуже, чем ты есть?

– Необязательно. Хотя, конечно, бывают исключения, но я считаю, что люди не бывают хуже или лучше – они просто очень разные. Если кто-то счастлив только потому, что у него есть жена, пара ребятишек и собственный автомобиль, – ну что ж, это замечательно. Каждый идет своей дорогой и в зависимости от того, что ему попадается на жизненном пути, руководствуется теми или иными принципами. Со мной произошло то, что произошло, и, сделав для себя определенные выводы, я решил следовать им, избрав свой собственный путь. Я не смотрю ни назад, ни вперед, не позволяю другим людям указывать мне, в каком направлении и как я должен идти, и, конечно же, не пытаюсь навязывать другим свою точку зрения относительно жизненных ценностей.

– Я тебя понимаю, – прошептала, немного поразмыслив над моими словами, Кассандра. – Могу даже сказать, что я в значительной степени разделяю твои взгляды. Однако, как мне кажется, при таком подходе к людям и жизни ты, в общем-то, обрекаешь себя на одиночество.

– Да, ты права, – печально сказал я. – Это действительно жертва, на которую мне приходится идти, и я уже смирился с этим. Но иногда случается так, что мой жизненный путь и жизненные пути других людей пересекаются. – Я пристально посмотрел на Кассандру. – Люди, они ведь как корабли, которые плывут в тумане, а потому плохо видят друг друга из-за этого тумана и сами толком не знают, куда они плывут. Тем не менее их курсы могут оказаться параллельными, и тогда они некоторое время плывут рядом, можно сказать, борт о борт, – пусть даже совсем недолго... Но этого для меня вполне достаточно.

Кассандра, снова посмотрев туда, где пылал багряный закат, взяла мою руку в свои ладони и с силой сжала ее.

– Знаешь, Улисс, я рада, что мне довелось поплавать с тобой в этом тумане борт о борт.

– Я тоже этому рад, Касси... – с улыбкой произнес я. – Я получил огромное удовольствие.

– Да и я тоже, – усмехнулась Кассандра. – Ты, наверное, специально привозишь сюда, в Африку, всех своих девок, чтобы их здесь соблазнять.

– Да, всех без исключения. Даже тех, у кого синее лицо.

Кассандра удивленно подняла брови:

– Синее лицо? Что ты имеешь в виду?

И вдруг – видимо вспомнив наш разговор о синем платке, – она покраснела и схватилась руками за щеки.

– О господи... Неужели это так заметно?

– Да нет, – ответил я. – Не очень.

– Правда?

–Нет.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Касси стала сердито покусывать верхнюю губу.

– И что же мне теперь делать? – растерянно спросила она.

– Ничего, – ответил я, беря ее за руки и притягивая к себе. – Я еще никогда не держал в своих объятиях женщину с таким диковинным цветом кожи. И это действует на меня возбуждающе.

Ночь, как и все ночи в пустыне, была холодной, и хотя ветер сразу же после захода солнца утих, нам пришлось спать в своих матерчатых спальнях мешках прямо в одежде.

Как и во время нашего путешествия по реке, я проснулся утром, оттого что меня стали бесцеремонно трясти чьи-то руки. Разлепив веки, я с испугом увидел прямо перед собой пару чьих-то глаз.

– Сабахал хайр, сабахал хайр, – раздался хриплый голос.

– Хорошо, хорошо, – поспешно ответил я. – Сабахал хайр... Я не возражаю.

Рядом со мной заворчалась Касси.

– Что случилось? – спросила она. – Что сказал этот твой дружок?

– Ничего... Просто пожелал мне доброго утра.

Профессор, который тоже проснулся, громко зевнул.

– Ну что за люди?.. – сердито заворчал он. – Неужели они не могут дождаться, когда взойдет солнце?

– Это все из-за жары, проф, – объяснил я. – Ехать по пустыне лучше всего до восхода солнца.

– Но ведь сейчас такой собачий холод! – воскликнула, выбираясь из своего спального мешка, Касси.

– Через несколько часов ты будешь мечтать об этом холоде, – сказал я, легонько шлепнув Кассандру по коленке.

– Может, и буду, но в данный момент мне очень холодно, а я не хочу подхватить воспаление легких, – капризно ответила Касси.

– Ну, тогда давай поможем туарегам разобрать этот шатер, – сказал я, поднимаясь на ноги. – Как раз и согреемся.

Теперь мы ехали по бескрайнему морю песчаных барханов, некоторые из них достигали тридцати метров в высоту. Мы продвигались вперед зигзагами, поворачивая то влево, то вправо и все время перемещаясь по дуге, потому что туареги гнали свой караван по гребням волнообразных барханов. Правда, нам довольно часто приходилось спускаться в углубления между песчаными холмами, а затем, подстегивая верблюдов, взбираться вверх по склону очередного громадного бархана. Верблюды, как я очень быстро заметил, не испытывали особой радости от такого движения – то вниз, то вверх по склону, – и если бы погонщики-туареги не пускали в ход свои длинные плети, наши горбатые друзья и шагу бы не сделали по неровной поверхности пустыни.

Так мы ехали час за часом – то по гребню бархана, то спускаясь или поднимаясь по склону. Монотонное движение действовало на нервы. Романтическое настроение, охватившее нас в начале этого путешествия, быстро улетучилось. Покачиваясь на верблюде, я думал только о том, сумеет ли впоследствии мой организм как-то вывести из себя песок, проникший сейчас буквально через все отверстия.

Мы друг с другом почти не разговаривали, потому что говорить было, в общем-то, не о чем, а слюна в условиях изнуряющей жары приобрела такую ценность, что тратить ее на пустые разговоры было бы неразумно. Что касается туарегов, то за целый день движения по пустыне мы обменялись с ними всего лишь парой фраз. Наверное, автоматы по продаже сигарет, которые

я видел на Западе, были более многословны, чем эти угрюмые жители пустыни.

Мне очень быстро надоело разглядывать однообразный пейзаж, и я – не столько из любопытства, сколько от скуки – стал периодически поглядывать на стрелку маленького компаса, который взял с собой в поездку по Африке. Я даже не поленился и начал записывать его показания в блокнот, чтобы потом определить общее направление, которого мы придерживались в течение дня.

Солнце достигло зенита, а затем очень и очень медленно начало катиться к горизонту. Лица Касси и профессора представляли собой наглядное отражение трудности нашего путешествия, а сами они, устало откинувшись на спинку своих импровизированных сидений, почти не смотрели по сторонам и представляли верблюдам идти, как им вздумается, лишь бы только животные не отбились от продвигавшегося вперед каравана. Начав утром переход по пустыне во главе колонны, мы, не очень-то стремясь изображать из себя Лоренса Аравийского, едущего в авангарде своих войск, к концу дня постепенно переместились к ее середине. Если бы так продолжалось и дальше, то к концу следующего дня мы, наверное, оказались уже в хвосте или вообще отстали бы от каравана.

Мы так устали, что думали только о том, как бы не свалиться с верблюда и не допустить обезвоживания организма. Мы очень часто пили воду – в общей сложности раза в три больше, чем туареги, которые не проявляли ни малейших признаков усталости, как будто этот многочасовой переход по знойной пустыне был для них не утомительнее, чем неторопливая прогулка по парку.

Наконец наступил вечер. Наш караван пересек тянувшееся с юга на север русло высохшей реки и, пройдя еще некоторое расстояние, остановился. Туареги, а вслед за ними и мы, слезли со своих верблюдов и начали готовиться к ночлегу: напоили и накормили верблюдов, перевязали каждому из них ноги, чтобы они не могли далеко уйти, установили шатер и распределили между собой финики и верблюжье молоко.

После ужина я подошел к профессору и Касси, которые лежали на своих циновках, и предложил им совершить, пока не стемнело, небольшую прогулку.

– Мне только и осталось, что прогуливаться по пустыне! – возмущенно пробурчал профессор. – Нет, я даже с места не тронусь, если только ты не нашел там, среди барханов, бассейн с прохладной водой.

– Улисс, я тоже очень устала, – запротестовала Кассандра. – Вчера мне, конечно, было очень интересно наблюдать за закатом, но сегодня я не докарабкаюсь и до половины бархана.

Я сжал им обоим руки, пытаюсь убедить их не ворчать, а сделать то, о чем я прошу.

– Я не зову вас любоваться закатом, – с серьезным видом сказал я. – У меня к вам гораздо более важное дело.

– Ну, раз важное, значит, его нужно обсудить, – вздохнув, произнес профессор и с трудом поднялся с циновки. – Но я, вообще-то, едва стою на ногах.

Когда мы зашли за соседний бархан, где нас не могли видеть туареги, я предложил своим друзьям сесть прямо на песок.

– Не знаю, заметили вы это или нет, но я весь день втихаря наблюдал по компасу, в каком направлении мы движемся, – начал я.

– Я пару раз видела, как ты к чему-то приглядываешься, – сообщила Кассандра, – но не придавала этому особого значения.

Я достал из своей сумки компас и блокнот и положил их рядом с собой на песок.

– Должен вам сообщить, что, судя по моим наблюдениям, мы весь день двигались на северо-северо-запад...

– Извини, что перебиваю тебя, – сказал профессор, – но как ты смог это определить, если мы все время петляли?

– Да очень просто, – ответил я, показывая на свои наручные часы. – Я фиксировал направление нашего движения ровно каждые пятнадцать минут, а потому абсолютно уверен, что средняя величина, которую я получил, довольно точная.

Кассандра провела ладонью по своим включенным волосам, которые успели приобрести синеватый оттенок.

– Ну хорошо, пускай мы двигались на северо-северо-запад. Что, по-твоему, из этого следует?

Я достал из своего внутреннего кармана карту Мали и разложил ее на песке.

– Отсюда следует, что поскольку мы выехали вот отсюда, из деревни Батанга, – я показал пальцем маленький кружочек на карте, – и движемся чуть-чуть правее северо-западного направления, то нашим конечным пунктом является обозначенная здесь долина Тилемси.

– То есть... – пробормотала Кассандра, пытаясь определить ход моих мыслей.

– То есть мы едем совсем не в том направлении, в котором должны были бы ехать, – договорил я.

Профессор снял шляпу и почесал затылок.

– Уж не полагаешь ли ты, что они везут нас совсем не туда, куда мы попросили нас доставить? Неужели нас похитили?

– Хотя я рискую дать вам возможность сравнить меня с выжившей из ума старушенцией, именно так я и полагаю.

Профессор с ошеломленным видом замолчал.

– А может, это просто недоразумение? – неуверенно спросил он после паузы. – Может, они просто не поняли, куда им нужно отвезти нас?

Посмотрев на профессора, я отрицательно покачал головой.

– Я показал им на карте конкретное место, и, кроме того, у меня нет никаких сомнений, что они прекрасно знают, где находится этот самый Табришат.

– А если они – допустим, по какой-то причине – поехали более удобным для них путем? – ерзая на песке, вставила Касси.

– Вряд ли. Тогда бы наш караван двигался параллельно нужному нам направлению, а не совсем в другую сторону. Кроме того, что может быть хуже того пути, по которому мы сегодня ехали?

Ответом на мой вопрос послужило многозначительное молчание.

– Тогда мне непонятно, – задумчиво сказала через некоторое время Касси, – почему они не связали нам руки, не поехали к ближайшему телефону и не потребовали за нас выкуп. Согласись, что похищенных людей обычно не возят по пустыне, как туристов.

– Возможно, туареги считают, что мы пока не догадываемся о похищении, а значит, и не будем пытаться убежать, – предположил профессор.

– Но должны же они понимать, что мы рано или поздно догадаемся, что нас обманывают! – воскликнула Кассандра. – Кроме того, зачем им везти нас так далеко в пустыню? Где они там смогут потребовать за нас выкуп?

– Самое худшее заключается в том, – задумчиво сказал я, – что они, похоже, не собираются требовать никакого выкупа.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила уже начавшая нервничать Кассандра.

Я снова склонился над картой и показал на ней маленький кружочек, нарисованный посреди большого желтого пространства, изображающего пустыню. Обозначенный этим кружочком населенный пункт находился примерно в

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
восьмистах километрах от того места, где мы сейчас расположились, а назывался он Тауденни.

– Если мы и дальше будем ехать на северо-северо-запад, – сказал я, – то это самый первый населенный пункт, который встретится на нашем пути.

– Но ведь он же находится в нескольких неделях пути отсюда! – удивленно воскликнула Кассандра. – Зачем им могло понадобиться везти нас в такую глухомань?

– Там находятся солевые шахты, практически самые большие во всем этом регионе. Я слышал, что они занимают довольно обширную площадь. Кроме того, я где-то читал, что люди, работающие на этих шахтах, выдерживают не больше нескольких месяцев. – Я кивнул в сторону лагеря. – Думаю, именно туда и направляются туареги.

– Солевые шахты?.. – потрясенная моими словами, переспросила Кассандра. – А какое отношение они имеют к нам?

Я посмотрел на Касси и увидел, как в ее зрачках отражается свет угасающего дня.

– Добычей соли занимаются исключительно рабы и пленники туарегов. И я начинаю бояться, что... что именно такую участь эти люди и хотят нам уготовить.

32

Кассандра и профессор впились взглядом в разложенную на песке карту, внимательно изучая изображенную на ней огромную пустыню в северной части Мали, где почти не было никаких населенных пунктов.

– Ну и что мы можем сделать? – наконец спросила Кассандра, нарушая напряженное молчание.

– Мы можем убежать, – пожал плечами, ответил я.

– Убежать? – недоверчиво переспросил профессор. – Куда? И как? – Он с отчаянным видом махнул рукой в сторону простиравшейся до самого горизонта безлюдной пустыни.

Опять склонившись над картой, я показал пальцем обведенный простым карандашом населенный пункт.

– Мы поедем в Табришат. Причем поедем туда, конечно же, на верблюдах...

– Одну секундочку! – перебил меня профессор. – Чтобы поехать в какой-либо населенный пункт, надо точно знать, где он находится, и если у тебя нет сейчас за пазухой системы спутниковой навигации, то мы вряд ли сможем определить, в каком направлении нам нужно двигаться, чтобы попасть в этот самый Табришат.

– Это верно. Я даже понятия не имею, где мы в данный момент находимся.

– Тогда как мы сможем добраться до городишка, который расположен посреди пустыни, раскинувшейся на тысячу километров? – спросила Касси.

– По правде говоря, – ответил я, пожимая плечами, – если нам и удастся наткнуться на Табришат, то только по чистой случайности.

Профессор, откинувшись назад, уперся локтями в песок и вытащил из кармана своих штанов прозрачный пакетик с травкой. Взяв из него небольшую щепотку, он покрошил травку на клочок папиросной бумаги.

– Блестящий у тебя план, Улисс. Ты замышляешь удрать от шайки вооруженных туарегов, украв у них верблюдов, на которых мы едва умеем ездить, и отправиться в незнакомый для нас населенный пункт, чтобы «наткнуться» на него «по чистой случайности». Замечательно! И как только тебе такое в голову пришло?

– У вас есть предложения получше?

– Да. Например, вернуться в лагерь и попытаться выяснить, почему мы едем не в направлении Табришата.

Я, не сдержавшись, презрительно фыркнул.

– Профессор, если вы сделаете это, то, уверяю вас, пятью минутами позже у нас троих будут связаны руки.

– А может, и не будут.

Я чертыхнулся про себя и вызывающе посмотрел на профессора:

– Хотите рискнуть?

Через полчаса мы спокойно вернулись в лагерь, делая вид, что абсолютно ни о чем не догадываемся. Я даже предложил сфотографироваться с нашими молчаливыми похитителями, надеясь, что беззаботное поведение иностранцев усыпит их бдительность.

Как и в предыдущий вечер, мы легли спать очень рано. Расположившись втроем с краю шатра, мы притворились, будто крепко спим, а когда громкий храп туарегов убедил нас, что уж они-то и в самом деле спят, мы принялись за осуществление плана, который придумали во время своей вечерней «прогулки».

Кассандра молча поднялась, вышмыгнула из шатра и, делая вид, что идет справлять малую нужду, прошла, кокетливо посмотрев на туарега, оставшегося дежурить перед входом в шатер и сидевшего в этот момент на сваленных в кучу переметных суах. Туарег, проследив за виляющей задницей Кассандрой, нерешительно поднялся на ноги, видимо засомневавшись, действительно ли эта симпатичная иностранка с ним заигрывает, и если да, то стоит ли ему заняться ею или же лучше оставаться на своем посту. Пребывая, наверное, в подобных размышлениях, он сделал шагов пятнадцать за Касси, а затем, внезапно повернув назад, встретился с моим кулаком, угодившим ему прямехонько в нос.

По моему замыслу я должен был подкрасться к туарегу сзади и, прежде чем он успеет произнести хотя бы звук, заткнуть ему рот и выкрутить руку, а затем уже связать его. Однако он совершенно неожиданно повернулся, когда я был еще в двух метрах от него, и потому мне не оставалось ничего другого, как, резко бросившись вперед, ударить его по голове со всей силы, чтобы он потерял сознание.

К несчастью, мой опыт нанесения такого рода ударов ограничивался лишь теми сценами, которые я видел в американских и европейских боевиках. Именно по этой причине мне не удалось направить свой удар так, чтобы вывести соперника из строя в одно мгновение. Тем не менее он все-таки рухнул на землю – скорее всего, с разбитым в кровь носом, – и у меня появилась возможность нанести ему второй удар еще до того, как он сообразил, что происходит, и попытался оказать мне сопротивление.

Я бросился на лежащего на земле туарега, которого в эту безлунную ночь видел довольно нечетко, и зажал ему рот левой рукой, не позволяя произнести хотя бы звук. В следующую секунду я с силой ударил его коленом в живот и быстро провел правой рукой по его одежде в надежде нащупать кинжал, который все туареги носят у себя на поясе. Мой противник, очень быстро придя в себя, попытался освободиться от моей руки, зажимавшей ему рот, и если бы он сумел это сделать, нам троим пришел бы конец.

Я лихорадочно шарил правой рукой по складкам его одежды, но мне никак не удавалось найти кривой кинжал, который – и в этом я был абсолютно уверен – находился где-то у него на поясе. И вдруг я почувствовал, что правая рука туарега перестала оказывать мне сопротивление и вообще куда-то исчезла. Догадавшись, что это означает, я резко отклонился вправо – и увидел, как правая рука моего противника, молниеносно описав дугу, с силой ударила кинжалом как раз туда, где только что была моя спина.

К счастью, я успел отпрянуть достаточно далеко, и кинжал, вместо того чтобы вонзиться мне в спину, лишь слегка чиркнул по моей левой руке и по рукоятку вошел в грудь своего незадачливого хозяина.

Потрясенный столь трагической развязкой нашей схватки, я некоторое время стоял на коленях и оторопело смотрел на умирающего туарега, который изо всех сил пытался позвать на помощь своих товарищей. Однако из пробитого кинжалом легкого в гортань уже хлынула кровь, и вместо крика раздавался лишь едва слышный хрип. Этот туарег был обречен, и я уже вряд ли смог бы ему помочь. Через несколько минут ему предстояло умереть, захлебнувшись собственной кровью, и любая помощь с моей стороны лишь продлила бы его мучительную агонию. Поэтому я, будучи совершенно уверенным, что поступаю правильно, закрыл ему рот одной рукой, а нос – другой. Сначала туарег пытался сопротивляться, отталкивая меня своими слабеющими руками, но затем – то ли потому, что жизнь из него уже почти ушла, то ли потому, что он догадался о моем намерении сократить его агонию – он с силой вцепился обеими руками в мое запястье и держался за него до тех пор, пока не перестал воспринимать окружающий мир.

В этот момент появилась Кассандра. Не разглядев во тьме, что произошло на самом деле, она, вероятно, подумала, что от моего удара туарег потерял сознание, но потом, присев рядом со мной на корточки и увидев торчащую из груди моего противника рукоятку кинжала, Касси с трудом подавила крик. Даже в ночной темноте я разглядел ее перекошенное от ужаса лицо.

Несмотря на мою уверенность в том, что человек, которого я только что убил, собирался продать нас в качестве рабов на солевые шахты, где мы через несколько месяцев погибли бы, я, сидя возле остывающего трупа, чувствовал угрызения совести. Я снова посмотрел на перепуганную Касси и с досадой подумал о том, что, если бы мои действия были более умелыми, туарег наверняка остался бы жив. К счастью, ситуация, в которой мы оказались, не располагала к долгим размышлениям о происшедшей трагедии, а наоборот, требовала от меня принятия решения относительно того, как нам быть дальше. Поэтому, схватив Кассандру за руку и увлекая ее за собой, я пошел прочь от трупа, высматривая в темноте профессора Кастильо. Профессор появился буквально через несколько секунд, волоча на себе три наши дорожные сумки. Мы молча подошли к верблюдам, отдохавшим неподалеку от шатра, и, найдя среди них тех, на которых мы сегодня ехали, с большим трудом (нам пришлось потратить на это гораздо больше времени, чем хотелось бы) развязали им ноги и закрепили на них свои сиденья.

– А вода? – спросил я шепотом у профессора.

Кастильо, пожав плечами, тоже ответил шепотом:

– Она в шатре, прямо возле туарегов.

С отчаянием подумав, что все наши планы побега могут рухнуть, я невольно повысил голос:

– У нас нет даже небольшого бурдюка? Без воды мы далеко не уедем.

– Хочешь вернуться в шатер и попросить туарегов, чтобы они дали нам воду? – раздраженно спросил Кастильо.

– Не сердитесь, проф. Вы же понимаете, что без воды у нас могут возникнуть большие проблемы.

– Я думаю, что нам поможет вот этот грязненький бурдючок из козьей кожи, – неожиданно сказала Кассандра, запуская руку в свою дорожную сумку и, словно фокусник, вытягивая оттуда наполненный водой бурдюк.

– Но... откуда? – с удивлением спросили в один голос мы с профессором.

Кассандра гордо поправила свои всколоченные волосы.

– Я предвидела, что вы можете позабыть о воде, и еще до того, как туареги стали укладываться спать, спрятала среди своих вещей один из бурдюков с водой, – пояснила она. – Воды в нем немного, но, по крайней мере, на один день хватит.

Взяв у Кассандры бурдюк и прикрепив его к своему сиденью, я негромко, словно самому себе, сказал:

– Хорошо, что хотя бы кто-то из нас троих способен разумно мыслить.

Затем мы молча взяли вожжи и, ориентируясь по стрелке компаса, а также мысленно молясь о том, чтобы какому-нибудь из наших верблюдов вдруг не вздумалось зареветь, повели животных прочь от шатра. Так мы шли приблизительно четверть часа. Наконец, решив, что мы находимся уже достаточно далеко от лагеря туарегов, мы забрались на верблюдов и пустили их рысью по окутанной тьмой и ночной прохладой пустыне.

Снова взобраться на верблюдов, почти не отдохнув после целого дня езды на них под безжалостным солнцем, было для нас, конечно же, настоящей пыткой. Усталость, невыносимая жара, а также осознание, что мы находимся в одном из самых малоприспособленных для жизни уголков планеты, не имея при этом опыта пребывания в подобных условиях, – все это постоянно давило на нашу психику. К тому же мы понимали, что за нами рано или поздно погонятся вооруженные люди и ничего хорошего от этой погони ждать, естественно, не приходилось.

Мы ехали легкой рысью, поскольку наши верблюды, тоже невероятно уставшие за прошедший день, долго не протянули бы, заставь мы их двигаться быстрее. Хотя эти животные были приспособлены к жизни в тяжелых условиях пустыни, их выносливость имела свои пределы и пытаться достичь этих пределов нам отнюдь не хотелось.

Ситуация была настолько напряженной, что я уже не замечал ночного холода. Мое внимание было сосредоточено на маленькой стрелке компаса, ибо от нее, возможно, зависело, выживем ли мы или погибнем ужасной смертью. Каждые пять минут, зажигая фонарик, я проверял, в правильном ли направлении мы движемся. Через некоторое время я стал ориентироваться еще и по звездам, которые в эту безлунную ночь были очень хорошо видны на небе.

С того самого момента, как мы покинули лагерь туарегов, никто из нас не проронил ни слова: наши сердца сжимались от страха перед ночной темнотой и опасностями, которые таила в себе безлюдная пустыня. Кроме того, мы понимали, что туареги, обнаружив, что иностранцы сбежали, а их товарищ убит, скорее всего, бросятся в погоню с одним-единственным желанием – прикончить беглецов, как каких-нибудь паршивых шакалов.

– Через сколько времени, по-твоему, они заметят, что мы сбежали? – словно бы догадавшись о моих мыслях, спросила ехавшая позади меня Кассандра.

– Думаю, это произойдет через несколько часов, – ответил я, не оборачиваясь, и уточнил: – Когда придет время менять часового. Однако туареги не смогут пуститься за нами в погоню до наступления рассвета, потому что они просто не будут видеть в темноте наши следы.

В голосе Касси появились тревожные нотки:

– В твоих рассуждениях уж слишком много условностей, Улисс. Если туареги заметили наше исчезновение и если у них имеется при себе фонарь, то они, без сомнений, уже гонятся за нами.

– Но разве мы можем знать наверняка, какие действия они предприняли? Единственное, что нам остается, – это надеяться на лучшее. И если окажется, что туареги поджидают нас за ближайшим барханом, то... – Я тяжело вздохнул и сказал: – В конце концов, мы сделали все, что было в наших силах.

Кассандра, чуть подстегнув своего верблюда, поехала рядом со мной.

– Ну, Улисс, ты меня и утешил...

Мне захотелось вселить в Касси надежду, а потому я проигнорировал ее пессимистический тон.

– Не переживай, – ободряюще произнес я. – Я допускаю, что они вообще не станут нас преследовать.

– После того, как мы украли у них трех верблюдов и убили их товарища? – усмехнулась Касси. – Ты это серьезно?

– А ты сама подумай. У них огромный караван, с которым они должны двигаться

на север. Туареги вряд ли решатся преследовать нас со всем своим караваном, потому что их скорость в этом случае будет меньше нашей, а оставлять полсотни верблюдов без присмотра посреди пустыни – это для них слишком большой риск. Поэтому им остается только разделить на две группы и...

– И что?..

– В настоящий момент их осталось пятеро, – продолжал рассуждать я, в очередной раз включив фонарик и посмотрев на стрелку компаса. – Для присмотра за караваном должно остаться как минимум два человека, а значит, в погоню за нами могут отправиться максимум трое из них. Но ведь нас тоже трое, так что силы становятся, можно сказать, равными.

– Равными? Они – банда вооруженных до зубов туарегов, знающих здешние места как свои пять пальцев!

– Ну, об этом нам известно, а вот они, между прочим, не знают, насколько опасны или неопасны мы, есть ли у нас с собой оружие. Туареги уже один разок недооценили нас и в результате потеряли своего товарища, так что, вполне возможно, им больше не захочется с нами связываться. Во всяком случае, они наверняка долго будут спорить между собой, как им поступить, а это даст нам дополнительное время.

Кассандра тяжело вздохнула.

– Ну что ж, буду надеяться, что ты прав.

– Мы сумеем выбраться из этой переделки, Касси, можешь не сомневаться. У меня есть план.

Вскоре мы выехали к руслу высохшей реки, которое уже пересекали с караваном туарегов.

– Проф, Касси, – позвал я. – Как только мы спустимся в это русло, сразу же сделаем поворот на сто восемьдесят градусов и поедем на север.

– На север? – недоверчиво переспросил профессор. – Ты хочешь сказать, что мы все это время ехали на юг, а теперь повернем на север?

– Я так с самого начала и планировал.

– Ты что, с ума сошел? – возмущенно воскликнул профессор. – Разве мы не решили ехать на восток?

– Туда мы и поедем, но сначала сделаем небольшую петлю.

Касси хрипло рассмеялась.

– Извини, Улисс, – сказала она, – но если ты намереваешься запутать туарегов подобными маневрами, то я тебе напоминаю, что мы оставляем после себя на песке довольно отчетливые следы и поэтому наши друзья вряд ли нас потеряют, как бы ловко мы ни петляли.

Зная, что меня почти не видно в темноте, я криво улыбнулся.

– Ты сама сказала, что наши следы остаются на песке. Когда же мы пересекали с туарегами это русло, ты, возможно, заметила, что грунт здесь такой твердый, что верблюды не оставляли на нем вообще никаких следов.

– Тем не менее я не понимаю, почему ты сначала потащил нас на юг, а теперь хочешь повернуть на север, если нам нужно двигаться на восток, – пробурчала Кассандра.

Я невольно щелкнул языком, раздражаясь от того, что приходится тратить время на разъяснения.

– Видите ли, я хочу проехать примерно в течение часа по сухому руслу, а затем выбраться из него и двинуться на восток.

– А разве мы не выиграли бы время, если бы поехали в этом направлении с

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
самого начала? – сердито спросил профессор. – Зачем нам нужно было совершать эту бессмысленную петлю?

– Она вовсе не бессмысленная, – ответил я и стал терпеливо объяснять: – Если туареги решат броситься за нами в погоню, они поедут по нашим следам, думая, что мы направляемся на юг, то есть возвращаемся туда, откуда приехали. Когда они достигнут этого русла, их догадка о том, что мы поехали на юг, только подтвердится. Но прежде чем туареги поймут свою ошибку, они потеряют слишком много времени.

– По правде говоря, – сказала Кассандра, которая какое-то время ехала молча, задумавшись о чем-то своем, – это не такая уж плохая идея.

– Ну ладно, – с неохотой согласился профессор. – Возможно, твой план и сработает.

Я несколько раз ударил своего верблюда каблуками по бокам и заставил его спуститься по довольно крутому склону на дно высохшего русла. Затем я оглянулся назад и увидел своих друзей, находившихся теперь на несколько метров выше меня.

– Мой план обязательно сработает, – уверенно заявил я.

33

Как я и задумал, мы проехали по высохшему руслу довольно большое расстояние в сторону севера, так что по моим расчетам лагерь туарегов теперь находился к югу от нас и мы могли наконец-то повернуть на восток в надежде, что наши преследователи подумают, что иностранцы направились на юг, в сторону реки Нигер.

Мы ехали всю ночь, петляя между барханов, но при этом старались с помощью моего компаса выдерживать общее направление на восток. Нам довольно часто приходилось слезать со своих верблюдов, чтобы заставить этих упрямых животных взобраться на тот или иной бархан, который был слишком большим, чтобы его обходить. В результате почти половину времени мы не ехали на верблюдах, а шагали впереди животных и тянули их за вожжи, подбодряя то ругательствами, то ударами кулаков.

Примерно в шесть часов утра, когда уже начало светать, я почувствовал себя изможденным. Позади были сутки почти непрерывной езды по пустыне, а впереди нас ждал долгий и жаркий день, в течение которого мы вряд ли сможем отдохнуть.

Почти все мышцы моего тела затекли и очень сильно болели. Взглянув в слабом утреннем свете на Касси, я увидел, что она находится примерно в таком же состоянии, а то и хуже. Однако наибольшее беспокойство вызывал у меня профессор Кастильо. Несмотря на то что он и находился в более-менее хорошей физической форме, его возраст и сидячий образ жизни сейчас давали о себе знать, и я даже начал серьезно опасаться, сумеет ли этот пожилой человек выдержать еще один день езды на верблюде почти без воды и совсем без пищи.

– Как вы себя чувствуете? – спросил я, подъезжая поближе к профессору и вглядываясь в его лицо.

Он слегка выпрямился на своем сиденье и посмотрел на меня поверх очков. Его жиденькие волосы ниспадали на лоб, а огромные темные круги под глазами свидетельствовали о том, что он очень сильно устал.

– А как, по-твоему, я себя чувствую? – подавленно спросил Кастильо.

– Насколько я вижу, вы пребываете в прекрасной физической форме.

– Да, конечно. Я даже подумываю о том, чтобы прямо сейчас слезть с верблюда и весь оставшийся путь просто прыгать с бархана на бархан.

– А я-то думал, что такая идея пришла в голову только мне одному!

Профессор движением головы указал куда-то вперед.

– Ничего, Улисс, ты начинай первым, а я за тобой подтянусь.

– Вы, должно быть, не так уж сильно и устали, если все еще способны шутить.

– Можешь не сомневаться, что из всех моих чувств, которые я утрачу в этой переделке, самым последним будет чувство юмора, – сказал профессор, пытаясь выдавить из себя улыбку.

Жара постепенно усиливалась, изматывая наши и без того уже почти иссякшие силы. Настроение у нас становилось все более унылым, а вместе с ним все более унылым казался и окружающий пейзаж: песчаные барханы постепенно сменялись плоской равниной с потрескавшейся от зноя землей. В каком бы направлении мы ни смотрели, везде вдоль горизонта виднелась полоса поднятой ветром пыли, отчего граница между пустыней и голубым небом стиралась и они выглядели как единое целое. Безжалостное солнце, казалось, хотело расплавить нас на наших верблюдах, а те, тоже очень сильно уставшие, еле-еле передвигали ноги. Они шли так медленно, что достичь цели нашего путешествия в обозримом будущем уже не представлялось возможным.

Я невольно оглядывался каждые несколько минут, опасаясь, что вот-вот на горизонте появятся зловещие фигуры пустившихся за нами в погоню туарегов. Пытаясь подбодрить самого себя и своих друзей, я несколько раз затевал разговор о том, что туареги, скорее всего, решили оставить нас в покое, а если они и попытаются нас догнать, то вряд ли смогут разобраться, в каком же все-таки направлении мы поехали. Однако в глубине души я был уверен, что опытные кочевники рано или поздно сумеют обнаружить наши следы и тогда шансы остаться в живых сократятся почти до нуля.

– Можно задать тебе один вопрос? – спросила, тяжело дыша, Кассандра. Она догнала меня на своем верблюде и сейчас ехала рядом.

– Это зависит от того, предусмотрен ли приз за правильный ответ.

По лицу Касси было видно, насколько сильно она устала и с каким трудом переносит жару, которая уже, наверное, перевалила за отметку сорок пять градусов.

Кассандра выдавила из себя улыбку: ей, видимо, даже разговаривать было тяжело.

– То, что ты сказал вчера... Ну, что мы сможем найти Табришат только по «чистой случайности»... Это ведь была шутка, да?

Умоляющий голос Кассандры меня слегка удивил, но тут я вдруг вспомнил, что еще не полностью рассказал ей и профессору о своем плане побега от туарегов.

– По правде говоря, – сказал я, поворачиваясь к Кассандре, – я сомневаюсь, что мы сможем разыскать в пустыне этот городишко. Я, в общем-то, даже и не собирался этого делать.

– Но ведь ты говорил... – начал было профессор, который, услышав вопрос Кассандры, несколько раз ударил своего верблюда по бокам каблуками и подъехал поближе к нам.

– Я вам говорил, что мы поедem в Табришат, однако не говорил, что мы станем его разыскивать.

– Послушай, Улисс, – сердито сказал Кастильо, – сейчас не самое подходящее время для загадок и отгадок.

– А я и не собирался загадывать вам загадки, – огрызнулся я, доставая из кармана своих штанов карту. – Мы находимся приблизительно здесь, – продолжил я, обводя пальцем небольшой кружок на карте. – Если мы будем и дальше ехать на восток, то рано или поздно выйдем к шоссе, которое ведет из Гао в Тесалит, расположенный на границе с Алжиром.

– Шоссе? – удивилась Касси. – Здесь, в пустыне?

– Ну, шоссе – это слишком громко сказано, потому что оно представляет собой узкую дорогу с черт знает каким покрытием, – объяснил я. – Но это единственная дорога, которая пересекает пустыню в северной части Мали с юга

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
на север и, кстати, проходит через Табришат, в который мы и хотим попасть.

– Получается, что ты рассчитываешь добраться до этого шоссе и подождать там, пока кто-нибудь не согласится нас подвезти?

– Именно так.

Профессор закашлялся – то ли от сухости в горле, то ли от чего-то еще.

– Не хочу накаркать беду, – хриплым голосом произнес Кастильо, – однако скажи, что будет с нами, если у нас закончится вода или если наши друзья в турбанах найдут нас еще до того, как мы доберемся до этой дороги и встретим на ней какую-нибудь машину?

– В этом случае у нас будут большие проблемы, – мрачно ответил я. – Очень большие.

В полдень, когда солнце достигло зенита, нам пришлось остановиться. Заставив двух верблюдов лечь рядом и натянув между их горбами свою одежду, мы соорудили небольшой навес, чтобы в его тени хоть немного отдохнуть и восстановить силы. Особенно нуждался в этом профессор, потому что он так ослаб от недостатка воды и чрезмерной физической нагрузки, что едва смог слезть со своего верблюда.

Мы уселись, прислонившись спинами к боку верблюда и прижавшись друг к другу, поскольку для нас троих едва хватало тени, которую давали растянутые над нашими головами штаны и рубашки. Я с тревогой поглядывал на своих спутников, потому что кожа на их лицах очень сильно покраснела и уже начала шелушиться, а губы потрескались, как, впрочем, и у меня. Внезапно в моей голове мелькнула мысль, что если мои друзья устали так же сильно, как и я, то мне остается только удивляться, откуда у них берутся силы, чтобы хотя бы разговаривать. Мы, конечно же, понимали, что подобные остановки были для нас очень опасны: они не только позволяли нашим преследователям сократить расстояние, отделявшее их от нас, но и увеличивали время нашего пребывания в пустыне. Каждый лишний час, проведенный в экстренных условиях, когда у нас уже почти не осталось воды, мог сыграть в нашей борьбе за выживание роковую роль.

Сидя с закрытыми глазами и предаваясь подобным размышлениям, я с иронией подумал о том, что в течение многих лет зарабатывал себе на жизнь, ныряя в воду, а теперь, возможно, погибну посреди пустыни от недостатка этой самой воды. И вдруг я почувствовал, как маленькая рука Касси сжала мое предплечье.

– Сколько у нас еще осталось воды? – еле слышным голосом спросила она.

– Немного, – уныло ответил я. – Чуть меньше литра.

Кассандра улыбнулась своими потрескавшимися губами.

– Тогда мне, пожалуй, вряд ли удастся принять здесь душ.

– Я тоже думаю, что вряд ли. Но если тебе хочется пить, то имей в виду, что я везу с собой целый холодильник с холодным пивом и бутербродами.

– А с каким пивом? «Коронитас»?

– Нет, «Хайнекен».

– Тогда я – пас. Мне не нравится европейское пиво.

– Значит, мы остановимся на ближайшей автозаправке и я куплю тебе целый ящик пива, какое ты любишь.

Касси слегка похлопала меня по плечу и, нацелившись в меня пальцем, сказала:

– Ловлю тебя на слове.

Я покосился на профессора, который сидел рядом с Касси, повернувшись к ней

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
спиной. Кастильо молчал.

- Как он, по-твоему? – тихонько спросил я.
- Едва дышит.
- Думаю, весь остаток воды нам нужно израсходовать на него. А то проф, чего доброго, потеряет сознание.
- Я с тобой согласна. Ему, похоже, приходится тяжелее, чем нам, а литр воды на троих – это почти ничего.

После того как мы заставили профессора выпить всю оставшуюся воду, нас одолел сон, и я часа два или три находился в состоянии забытья, пока не почувствовал, как кто-то трясет меня за плечо, вырывая из чудесного сновидения, в котором я плыл с приятелями на плоту по бурной южноамериканской реке.

- Улисс, проснись! – услышал я сквозь сон чей-то встревоженный голос.
- А?.. Что случилось? Мы уже приплыли?
- Проснись, Улисс! – не унимался женский голос со знакомым мне мексиканским акцентом.
- Что случилось? – раздался еще один голос, тоже взволнованный, но мужской.
- Туареги! – сообщил женский голос. – Они приближаются к нам!

В тот же миг, чувствуя, как моя кровь наполняется адреналином, я окончательно проснулся и выбрался из нашего ненадежного укрытия. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы мои глаза привыкли к ослепительному свету солнца, которое все еще находилось высоко в небе, и я смог сориентироваться, откуда могут ехать туареги. Приставив ладонь козырьком ко лбу, я разглядел видневшиеся где-то почти у самого горизонта три темные точки.

- Я вышла из-под навеса по малой надобности, – сказала, подходя ко мне, Касси, – и случайно увидела этих негодяев.
- Им до нас ехать еще целых два или три километра, – сказал я, пытаясь хоть как-то успокоить Кассандру, которая начала нервничать.
- Как ты думаешь, они нас уже увидели?
- Наверное, еще раньше, чем ты заметила их.
- Ну и что мы будем делать?

Я обнял Касси за плечи, пытаясь вселить в нее уверенность, которой, по правде говоря, у меня самого в этот момент не было.

- Не переживай, они еще далеко, но нам нужно немедленно трогаться в путь.

К счастью, профессор Кастильо за время нашего привала успел немного восстановить силы, а потому, хотя и с трудом, смог забраться на своего верблюда. Я, однако, на всякий случай привязал профа к сиденью его собственным ремнем. Затем мы с Касси быстренько собрали вещи, из которых был сделан навес, и через пару минут все вместе снова тронулись в путь. Правда, ехали мы с такой скоростью, на какую только были способны наши измученные верблюды. Мы подгоняли животных криками и ударами ладонью по хребту, однако они, тяжело дыша и выпуская изо рта белую пену, продвигались вперед неторопливой рысцой, чего было явно недостаточно, поскольку темневшие вдалеке три точки, которые мы видели, то и дело оглядываясь назад, постепенно увеличивались.

- Нам от них не убежать! – в отчаянии воскликнул профессор, которому, чтобы удержаться на верблюде, приходилось прилагать буквально нечеловеческие усилия.

Я украдкой посмотрел на Кастильо, переживая не столько из-за его пораженческого настроения, сколько из-за того, что он в любой момент мог свалиться с верблюда.

– Если нам удастся держать их на расстоянии вплоть до наступления темноты, то ночью мы, возможно, сумеем от них скрыться, – сказал я, пытаюсь успокоить не только своих друзей, но и самого себя.

Трусившая на своем верблюде рядом со мной Кассандра, синеватые волосы которой развевались на ветру, посмотрев сначала на неумолимо приближающихся к нам туарегов, а затем на меня, отрешенно покачала головой.

– Нам нужно попытаться! – запальчиво крикнул я, догадавшись, о чем она подумала. – Так просто я этим сукиным детям в руки не дамся!

Как мы ни кричали на своих верблюдов, подгоняя их ударами ладонью по хребту, они, постепенно теряя силы, передвигались все медленнее и медленнее. Сначала уставшие донельзя животные перешли с легкой трусцы на быстрый шаг, потом стали идти еле-еле, а затем, к нашему отчаянию, и вовсе остановились.

– Ну что ж, – пробормотал я, – теперь нам придется идти пешком.

– Пешком? – удивился профессор. – Но мы же едва держимся на ногах!

Я слез со своего верблюда, который, совершенно обессилив, сам опустился на колени.

– Бросьте свои сумки и слезьте с верблюдов! – крикнул я, не обращая внимания на слова профессора. – Быстрее, мы теряем время!

– В этом нет смысла, Улисс, – подавленно произнесла Касси. – Они все равно нас догонят – если не здесь, то через километр.

Рассердившись, я подошел к ней и крикнул, едва сдерживая прилив ярости:

– Нет, в этом есть смысл! Я и сам не сдамся, и вам не позволю этого сделать! Пока мы живы, нам нельзя терять надежды. Нужно до конца бороться за свою жизнь, а потому мы пойдем дальше пешком. – Я повернулся к профессору: – Бросьте все свои вещи и идите за мной. Вперед!

Туареги находились уже довольно близко от нас, так что можно было различить не только фигуры всадников, но и поблескивающее на солнце оружие. Они ехали на сравнительно невысокой, но стабильной скорости, и через несколько минут должны были нас догнать. Мы же при такой жаре с трудом могли дышать, а палящее солнце, легко преодолевая хлипкую защиту, которую давали нам наши шляпы, едва ли не плавало наши мозги, отчего мы соображали довольно туго и, к счастью, еще не до конца осознавали, какая трагическая судьба нас ждет.

Пытаясь не обращать внимания на приближение туарегов, мы упорно шагали вперед по покрытому мелким песком грунту. Нам с Касси приходилось при этом еще и поддерживать под руки профессора, который едва переставлял ноги и в любой момент мог окончательно обессилеть и повалиться наземь.

– Бросьте меня здесь и идите дальше сами, – сказал он, задыхаясь. – Все, я больше не могу.

– Оставьте подобные заявления для кино, – пробурчал я, – и постарайтесь познергичнее шевелить своими конечностями, а то мы вынуждены волочить вас, как труп.

– А я уже и есть труп...

– Поднатужьтесь, профессор! – стала подбадривать его Кассандра, которая и сама, обливаясь потом, шла с большим трудом. – Не забывайте, что нам еще нужно разыскать сокровища!

Упоминание о сокровищах, похоже, вдохнуло кое-какие силы в профессора, и

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
он, хотя и сильно пошатываясь, все же умудрялся держаться на ногах.

– Ты права, дорогая моя, – пробормотал он. – Вот ведь не везет: как только возникает потребность в такси, так его нигде нет.

И тут, как это иногда бывает в жизни любого человека, провидение решило над нами немножко пошутить: где-то совсем рядом раздался довольно отчетливый звук автомобильного клаксона.

Бог этих пустынных земель сейчас, наверное, наблюдал за нами и смеялся.

34

– А это еще, черт возьми, что такое? – спросила Кассандра, прищуриваясь и всматриваясь куда-то вдаль.

Я посмотрел в том же направлении и увидел темный объект, который, словно мираж, двигался с южной стороны. Его верхняя часть была раза в два шире нижней и издалека казалась гигантским глобусом. Объект этот, поднимая за собой огромное облако пыли, ехал по равнине прямехонько к нам.

– Это, похоже, какой-то автомобиль, – пробормотал профессор, вытирая стекающий со лба пот, который, попадая в глаза, мешал ему смотреть.

Словно в подтверждение этой догадки, до нас снова донеслись звуки автомобильного клаксона, но на этот раз уже более громкие.

– Да, это грузовик, – сказал я, удивляясь столь неожиданному повороту в ходе событий. – И по-моему, его водитель нас заметил.

Собрав последние силы, мы стали прыгать, размахивать руками и кричать так громко, насколько позволяло нам пересохшее горло. Мы пытались обратить на себя внимание и в то же время бурно радовались тому, что у нас снова появилась утраченная было надежда на спасение.

Вдруг вспомнив о том, что, когда я последний раз смотрел на туарегов, они были уже довольно близко, я оглянулся и увидел, что наши преследователи, заметив автомобиль, погнались своих верблюдов галопом, чтобы перехватить нас еще до того, как к нам подъедет грузовик.

– Вот дерьмо! – процедил я сквозь зубы.

Оба моих спутника, проследив за моим взглядом и увидев стремительно приближающихся туарегов, заметно приуныли.

Касси стала поочередно смотреть то в одну, то в другую сторону, пытаясь, видимо, предугадать, что же настигнет нас быстрее – смерть, которую несли нам мчавшиеся на верблюдах люди в синих одеждах, или спасение в виде столь необычного по форме грузовика.

– Ничего у нас не получится... – в отчаянии прошептала Касси.

Это было очевидно для нас троих, но от того, что на наших глазах таяла последняя надежда, – точно так же упавший за борт человек видит, как его судно исчезает за линией горизонта, – я вдруг почувствовал, как меня переполняет ярость – ярость бессилия.

– Бежим! – крикнул я. – Бежим к грузовику!

Профессор и Касси, оцепеневшие от страха, несколько секунд отрешенно смотрели на меня, а затем, собравшись с силами, тяжело побежали в сторону грузовика, как будто они пытались отдалиться от стремительно приближающейся смерти еще хотя бы на десяток метров.

Мы то и дело спотыкались, наши ноги едва выдерживали наш вес, мы время от времени падали на колени и после каждого такого падения с невероятным трудом поднимались на ноги, опираясь о раскаленный песок ладонями, содранными до крови. Я бежал, почти ничего не видя перед собой, потому что пот заливал мне глаза, и лишь большое темное расплывчатое пятно где-то далеко впереди помогало мне ориентироваться, подсказывая, в каком направлении нужно бежать. Я уже довольно отчетливо слышал сердитое урчание

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
мотора, смешивающееся со звуком моего отрывистого дыхания, и это заставляло меня упорно двигаться вперед.

И вдруг раздавшийся за моей спиной звук падения заставил меня оглянуться. Я увидел, что профессор, окончательно обессилев, рухнул ничком наземь. Не говоря друг другу ни слова, мы с Касси схватили профессора с обеих сторон под мышки, завели руки старика за свои шеи и, подняв обмякшее тело с земли, потащили его, как тяжелый длинный мешок. На горячем песке оставались две борозды, прочерченные ступнями Кастильо.

Грузовик быстро приближался к нам, однако, оглянувшись, я увидел, что туарегам осталось скакать до нас меньше сотни метров. Они уже выхватили свое оружие и приготовились убить нас, ожидая, когда расстояние между нами сократится до минимума.

Жить нам оставалось не больше десяти секунд.

Я почувствовал, как у меня перехватило дыхание, а в висках застучало от пульсирующей крови.

Но мы, понимая тщетность своих усилий, все же продолжали шагать к грузовику.

И вдруг грузовик, находившийся от нас всего лишь в нескольких десятках метров, резко остановился.

«Все, конец», – подумал я.

Оставив Касси одну волочить профессора, я повернулся и приготовился с голыми руками встретить наших вооруженных преследователей, чтобы попытаться задержать их хотя бы на несколько секунд и тем самым, возможно, дать Кассандре и старому другу моего отца небольшой выигрыш по времени.

«Вот место, где я погибну, – мелькнуло в моем затуманенном сознании. – Снять бы эту сцену на фотопленку...»

Туареги уже почти подскакали ко мне. Они, похоже, не хотели тратить пули своих допотопных ружей и решили покончить с нами традиционным для них способом – с помощью острых сабель, которыми они размахивали у себя над головой, издавая при этом какие-то грозные крики. Они были настолько близко, что я даже мог различить белки их глаз. И вдруг – видимо, от осознания, что шансов выжить больше нет, – я почувствовал такое душевное спокойствие, какого никак не ожидал испытать в столь критический момент. Я решил броситься на первого из туарегов в эфемерной надежде ошеломить его своим самоубийственным поступком, но, когда я уже приготовился рвануться вперед, откуда-то из-за моей спины донеслось несколько отрывистых звуков и туарег, на которого я собирался напасть, слетел со своего верблюда и упал на спину.

Я пару секунд оторопело смотрел на упавшего туарега, но затем послышалась вторая автоматная очередь, и я бросился наземь, успев заметить, что одна из пуль ранила второго туарега в плечо.

Прижавшись лицом к песку и не понимая, что происходит, я увидел, как ноги верблюда остановились буквально в паре метров от моей головы, а свалившийся с этого верблюда туарег проворно вскочил, не обращая внимания на кровоточащую рану в плече. Он быстренько забрался на верблюда и, развернув его, поскакал галопом назад – туда, откуда он и появился со своими товарищами. Вслед за ним устремились на своих верблюдах и двое других туарегов.

Я, пошатываясь, поднялся на ноги и, не веря своим глазам, посмотрел вслед удаляющимся кочевникам, от сабель которых я должен был погибнуть несколько секунд назад. Затем я обернулся и, поискав глазами Касси и профессора, к своему облегчению увидел, что они не ранены: мои спутники сидели рядом на песке и смотрели на странный автомобиль, благодаря которому мы были спасены от верной гибели.

Машина стояла в нескольких десятках метров от нас и издали напоминала причудливую повозку из какой-то сказки. На самом деле это был старенький – старше меня – грузовик «бедфорд», выкрашенный в оливково-зеленый цвет и

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
нагру-женный огромной горой тюков, мешков, тюфяков и бидонов. Поверх всего этого груза расположилась довольно большая группа людей. Грузовик чем-то походил на рыбу-шар, надувшуюся при встрече с барракудой, и здесь, посреди пустыни, казался настолько странным явлением, что мне даже подумалось, что я сейчас вижу не реальный автомобиль, а какой-то мираж. Мы втроем с недоумением смотрели на мужчин и женщин, сидевших на забитом до отказа грузовике, словно на дирижабле, а они с не меньшим недоумением смотрели на нас. Вероятно, эти люди никак не могли взять в толк, какие черти занесли в это забытое Богом место троих светлокожих оборванцев и почему за ними гнались туареги.

После нескольких секунд взаимного разглядывания из окошка левой двери кабины высунулся худощавый чернокожий человек в зеркальных очках. Он жестами показал нам, чтобы мы подошли к грузовику.

– Allez, messieurs, allez! [43] – крикнул он, и мы, все еще не веря в свое чудесное спасение, потопали к автомобилю.

Благодаря некоторой сумме франков КФА нам удалось заполучить для Касси и профессора место в кабине. Там они, то и дело прикладываясь к позаимствованному у водителя бидону с водой, начали мало-помалу приходить в себя. Для меня места в кабине не нашлось, и поэтому я, осторожно взобравшись на самый верх, в изнеможении разлегся на тюках, нагруженных на автомобиль. По словам шофера, который, неизменно держа у себя на коленях ставший для нас судьбоносным автомат АК-47, курсировал на этом грузовике между Гао и Тесалитом, от Табришата нас отделяло еще почти три часа езды по пустыне.

Оставалось только надеяться, что в Табришате нас не ждет очередное разочарование.

Все еще имея при себе кое-какие деньги, мы по прибытии к месту назначения пригласили водителя грузовика, спасшего нам жизнь, и всех его пассажиров, заботливо ухаживавших за нами в течение всех трех часов пути, отведать в местном ресторанчике за наш счет любых прохладительных напитков, какие им только понравятся. Сами же мы, сев с водителем за отдельный столик, стали уплетать рис с арахисовым маслом. Наш чудесный спаситель, его звали Буйко, успел по ходу дела рассказать нам о местных политических проблемах, суть которых, насколько мы поняли, заключалась в том, что туареги никак не могли найти общий язык с правительством и даже пытались добиться отделения заселенных ими территорий от остальной страны.

Мы узнали от Буйко, что эти ничем не гнушающиеся «люди в синих одеждах» уже неоднократно похищали иностранцев, а затем продавали их в рабство на солевые шахты. Правда, водитель добавил, что обычно жертвами подобных похищений являлись все-таки темнокожие жители расположенных на берегах Нигера деревень, потому что, как гласила местная поговорка, «белые посчитаны все до одного». Понимая, насколько мы были потрясены тем, что с нами произошло, Буйко заверил нас, что абсолютное большинство туарегов – порядочные и миролюбивые люди и что своей дурной репутацией эта народность обязана лишь тем своим немногочисленным представителям, которые решили встать на преступный путь. Он также признался, что за многие годы, которые он ездит на грузовике туда-сюда через пустыню, прибегать к помощи автомата Калашникова ему приходилось только несколько раз.

Услышав, что мы опасаемся преследовавших нас туарегов, которые знали, что мы направлялись в Табришат и наверняка захотят отомстить нам, явившись в этот городишко, Буйко успокоил нас. Он сказал, что, хотя это даже не городишко, а всего лишь небольшой поселок, рядом с ним располагается воинская часть, а потому туареги-кочевники – особенно те, у кого нелады с законом, – стараются вообще не появляться не только в самом Табришате, но и в близлежащих районах. Мы поблагодарили водителя за его любезность и весьма щедро заплатили ему, и он, пожелав нам на прощание, чтобы нас хранило само небо, отправился вместе с пассажирами к своему нагруженному до предела грузовику. Мы же втроем остались сидеть в душном полутемном ресторанчике среди опустошенных бутылок с прохладительными напитками.

– Ну что ж, нам, похоже, удалось спастись... – вяло пробормотал профессор Кастильо.

– Да, действительно удалось, – согласился я, поднося к губам открытую бутылку «пепси-колы».

Кассандра, с задумчивым видом разглядывая царапины на столе, иронически улыбнулась:

– Когда мы станем рассказывать об этом, нам никто не поверит.

– Ну и ладно, – буркнул профессор. – Главное, что мы еще можем что-то кому-то рассказывать. Еще немного – и никто бы о наших необыкновенных приключениях не узнал.

– Это верно, – согласилась Касси, а затем, с восхищением посмотрев на меня, вдруг добавила: – А твой поступок был очень мужественным.

– Какой поступок?

– Ну как это какой? Еще до того как Буйко начал стрелять, ты остановился, повернулся лицом к туарегам и попытался их задержать.

– А-а, да... – вяло произнес я и небрежно махнул рукой. – Честно говоря, я остановился просто потому, что у меня на ботинке развязался шнурок...

Когда солнце перестало терзать своими безжалостными лучами улицы Табришата, а мы – по крайней мере, частично – восстановили свои силы благодаря съеденному рису и выпитым прохладительным напиткам, я предложил не терять больше времени и отправиться на поиски свекра и свекрови внучки Диамы Тенде. Я понимал, что нам во что бы то ни стало необходимо уговорить этих людей показать таинственный ящик с тамплиерским символом, попавший к ним в качестве приданого.

К счастью, Табришат был очень маленьким населенным пунктом, где, можно сказать, все друг друга знали, а потому, несмотря на некоторую настороженность местных жителей, нам удалось довольно быстро выяснить местонахождение разыскиваемого нами дома. Мы пришли на окраину Табришата и увидели глинобитное строение без окон. Я постучал костяшками пальцев в выкрашенную в зеленый цвет металлическую дверь. Спустя примерно минуту она приоткрылась и из-за нее выглянул человек с худощавым морщинистым лицом желтовато-коричневого цвета. Он с удивлением уставился на нас. Мы назвали ему свои имена, и он, даже не спрашивая, с какой целью мы к нему явились, пригласил нас войти в скромное жилище, где нам по местному обычаю тут же были поданы стаканы с дымящимся ароматным чаем.

Оказавшись в небольшой комнате, мы уселись напротив хозяина и объяснили ему, что являемся европейскими исследователями, интересующимися культурой Мали. Я добавил, что мы ездим по различным регионам этой страны при содействии университета Бамако. Впрочем, судя по выражению, которое появилось на лице хозяина после того, как он посмотрел на профессора, имевшего вид человека, только что воскресшего из мертвых, на мою грязную, изорванную и кое-где покрытую засохшей кровью одежду и на синеватые волосы и лицо Кассандры, малиец, скорее всего, принял нас за шайку полусумасшедших проходивцев. Но, как бы там ни было, мужчина внимательно выслушал наши объяснения, а когда мы рассказали ему о цели своего приезда, он, не говоря ни слова, с очень серьезным выражением лица поднялся на ноги и вышел из комнаты.

– Куда это он пошел? – спросила Касси, когда мы остались втроем.

– Понятия не имею, – ответил я, с недоумением пожимая плечами. – Хотя мой французский весьма далек от совершенства, мне кажется, что я объяснил ему все довольно доходчиво.

– А может, он решил взять ружье?.. – предположил профессор.

– Этого только не хватало, – пробормотал я. – Сегодня нас уже пытались убить, но больше одного раза в день я такого, наверное, не выдержу.

– Перестаньте болтать глупости, – перебила Кассандра. – Он, скорее всего, пошел за ящиком.

Так оно и было. Едва Касси успела договорить, как хозяин дома вернулся, держа в руках предмет, завернутый в белый холст. Он осторожно положил этот предмет на пол у наших ног, а затем, присев напротив нас на корточки, жестом показал, что мы можем развернуть холст.

Мы все трое переглянулись, удивляясь тому, насколько легко нам удалось заполучить вещь, поиски которой едва не привели нас к гибели. Аккуратно разворачивая холст, я невольно задумался о том, а стоило ли нам ради этого «ящичка» так сильно рисковать.

После того как я размотал последний слой холста, нашему взору предстал деревянный предмет размером с большой телефонный справочник. Он был изготовлен из эбенового дерева и украшен искусно вырезанным изображением, от одного вида которого у меня перехватило дыхание, а у Касси вырвался сдавленный крик. Первым, кто сумел произнести хоть что-то членораздельное, был профессор.

– Красивая штучка, – коротко сказал Кастильо.

Мы долго с зачарованным видом смотрели на этот предмет, который, похоже, был никаким не ящичком, а просто куском дерева, имеющим форму параллелепипеда. Со всех сторон он был украшен резьбой на африканские и арабские мотивы, и лишь на верхней части находилось весьма необычное изображение: два всадника в одеяниях средневековых воинов ехали верхом на одной лошади. Это было не что иное, как символ ордена тамплиеров.

Профессор поправил на носу очки и, взглядом спросив разрешения у хозяина, провел рукой по черной поверхности загадочного предмета.

– Красивая штучка, – повторил профессор.

– Вы уже говорили это, – пробормотал я, чувствуя, что и меня тоже гипнотизирует необычная красота «ящичка».

– Но почему черный цвет? – спросила Кассандра. – Не правда ли, это очень странно?

– Вообще нет, – спокойно возразил Кастильо. – Черный цвет являлся цветом ордена тамплиеров, он символизировал мудрость и эзотерические знания. Честно говоря, – сказал профессор и повернулся ко мне, – большинство из исполненных в черном цвете изображений Девы Марии имеют тамплиерское происхождение – в том числе и то, которое находится в монастыре Монсеррат.

– Значит, этот предмет принадлежал тамплиерам, – констатировала Касси.

– Несомненно, – согласился профессор, снова уставившись на изображение двух всадников на одной лошади. – Этот предмет – уникальный. Благодаря засушливому климату здешних мест, он прекрасно сохранился и выглядит так, как будто его вырезали всего лишь несколько лет назад.

– А может, именно так оно и было? – спросил я, не очень-то веря, что этому отлично сохранившемуся куску древесины более шести сотен лет.

Профессор Кастильо с недовольным видом покосился на меня и решительно заявил:

– Конечно нет! Никто, кроме высококвалифицированного специалиста, знающего историю ордена тамплиеров, не смог бы изготовить такую искусную подделку. – Профессор поднял брови. – И я уверен, что это – не подделка.

– Ну что ж, значит, мы имеем дело с подлинником, – согласился я. – А какой вывод вы можете сделать, глядя на все эти рисунки?

– В данный момент, естественно, никакого. Мне необходимо взять этот предмет с собой, тщательно его изучить, провести сравнительный анализ и...

– Минуточку, – горя нетерпением, перебил я профессора. – Вы, кажется, сказали, что вам необходимо забрать его с собой?

Профессор Кастильо посмотрел на меня поверх своих очков с таким видом, как будто я только что спросил у него, откуда берутся дети.

– Это само собой разумеется, – невозмутимо ответил он. – Данный экспонат требует тщательного научного исследования в течение нескольких недель, а то и месяцев.

Я не смог удержаться от улыбки и кивнул в сторону хозяина «экспоната», который, все еще сидя напротив нас, закурил сигарету и стал пускать вокруг себя клубы дыма.

– Я даже не упоминаю о том, что мы дали честное слово бывшему владельцу этого предмета, пообещав ему ни при каких обстоятельствах не пытаться забрать «ящичек» с собой, – продолжил я. – Мне просто хочется спросить вас, дорогой профессор, каким образом вы собираетесь убедить нашего нового друга отдать неведомо откуда взявшимся иностранцам свадебный подарок его невестки?

Кастильо ничего не ответил, видимо задумавшись над этим маленьким нюансом, который он впопыхах упустил из виду.

– Мы могли бы его купить, – наконец сказал он.

– Наличных денег у нас осталось только на еду, да и то дня на два, не больше, – возразил я. – А ведь нам еще нужно как-то доехать обратно до Бамако. Вы, наверное, забыли, что большую часть своих бумажных денег нам пришлось оставить в дорожных сумках, а в карманах у нас только небольшая сумма наличными. У нас, правда, есть кредитные карточки, но я что-то не заметил в Табришате вывесок с надписью «Принимаем оплату кредитными карточками «VISA».

– А если мы попытаемся обменять этот предмет на какую-нибудь вещь? – предложил профессор.

Я хотел отпустить по этому поводу язвительную шуточку, но Касси меня опередила:

– У меня есть «Тампакс» и жевательная резинка!

– Ладно, беру свои слова обратно, – смущенно пробормотал профессор.

Мы погрузились в молчание, размышляя над возможным решением возникшей у нас проблемы, а хозяин дома тем временем с любопытством наблюдал за нами, пребывая в полном неведении относительно наших замыслов.

– Мы могли бы, – поразмыслив, сказал профессор, – э-э... взять его во временное пользование.

– Об этом не может быть и речи! – возмущенно воскликнула Кассандра. – Я ни в коем случае не соглашусь обирать этих бедных людей и никому другому не позволю этого делать.

– Кроме того, – добавил я, – вряд ли им это понравится, а люди здесь, как вы уже, видимо, заметили, могут быть довольно решительными.

– Хорошенькие дела! – Профессор сокрушенно покачал головой. – Нельзя же просто встать и уйти после всего, что нам довелось пережить, прежде чем мы добрались сюда! Не забывайте, что эти изображения, – он показал на резьбу на поверхности «ящичка», – могут содержать информацию, благодаря которой мы сумеем разыскать самые большие за всю историю человечества сокровища... А для этого человека данный предмет – всего лишь украшенный резьбой кусок древесины.

Касси, наклонившись вперед, задумчиво провела рукой по резьбе и, внезапно нахмурившись, спросила:

– А вы уверены, что это всего лишь кусок дерева?

Я с удивлением посмотрел на Касси:

– Что ты хочешь сказать?

– Ну... дело в том, что ремесленник из той деревни называл данный предмет

«ящичком».

– Он называл его так чисто условно, – возразил я. – Если ты имеешь в виду, что перед нами своего рода шкатулка, то почему на ней нет ни замочка, ни хотя бы какой-нибудь щели? Во всяком случае, ничего этого я не заметил.

– Да, это верно, – согласилась Кассандра. – Однако мне с трудом верится, что монах-тамплиер – или какой-нибудь ремесленник, получивший от него заказ, – стал бы вырезать такой большой и тяжелый предмет, чтобы изобразить на нем то, что вполне можно было бы вырезать и на маленькой дощечке. Кроме того... – Она взяла «ящичек» обеими руками и, приподняв его сантиметров на двадцать над полом, уверенно произнесла: – Мне кажется, что он весит меньше, чем должен был бы весить. – Касси легонько постучала костяшками пальцев по «ящичку», и его хозяин тотчас бросил на нее встревоженный взгляд.

Повернувшись ко мне, Касси с сияющим видом воскликнула:

– Он полый!

Хозяин «ящичка», которому, очевидно, показалось, что мы обращаемся с его собственностью недостаточно бережно, попытался забрать у нас странный предмет. К счастью, мне не составило большого труда убедить его, что у женщины с синеватыми волосами не все в порядке с головой и потому он должен ее простить. Затем я пообещал, что больше не позволю этой женщине так вести себя.

– Я заверил его, – объяснил я своим друзьям, – что мы даже не прикоснемся к его «ящичку». Так что лучше засуньте руки в карманы, иначе у этого любезного господина иссякнет терпение и он вышвырнет нас из своего дома.

– Ну тогда расскажи мне, каким образом ты собираешься узнать, не открывается ли эта деревянная штукавина, если к ней нельзя даже прикоснуться! – в сердцах воскликнул профессор. – Вполне возможно, что внутри нее находится то, ради чего мы сюда приехали. Нам нужно хотя бы попытаться открыть ее!

– Я с вами согласна! – поддержала профессора Кассандра. – Этот «ящичек» необходимо открыть. Непонятно только, как это сделать.

– Ну что ж, – пробормотал я с коварной улыбкой на губах и бросил взгляд на хозяина «ящичка», сидевшего на корточках и докуривавшего свою сигарету, – мне тут пришла в голову одна мыслишка.

– Все в порядке, – сообщил я своим друзьям через несколько минут. – Мне пришлось объяснить хозяину дома, что в соответствии с существующей у нас традицией мы хотим преподнести ему подарок в знак благодарности за то, что он так любезно согласился показать нам подарок своей невестки. Он, в общем-то, ничего не имеет против.

– Прекрасно, – сказал профессор. – Ну и какую хреновину ты собираешься ему подарить?

– Никакую, – ответил я, улыбаясь от уха до уха. – Дарить, проф, будете вы.

– Я? – изумленно воскликнул Кастильо, тыкая пальцем в грудь. – А что я могу ему подарить? Свой паспорт?

Я медленно покачал головой, наслаждаясь, как обычно, тем, что сумел привести профессора в замешательство.

– Да я, признаться, подумывал о содержимом того целлофанового пакетика, который лежит у вас в кармане.

Касси от неожиданности вздрогнула.

– Ты хочешь подарить этому бедному человеку марихуану? – спросила она. – Он, скорее всего, даже не знает, что это такое!

Моя улыбка стала еще шире.

– Да, именно это я и хочу ему подарить, – сказал я и, повернувшись к профессору, добавил: – Мне нужно, чтобы вы подготовили для него самую лучшую самокрутку из всех, какие вы когда-либо делали. – Я незаметно подмигнул Кастильо, давая понять, что под «самой лучшей» подразумеваю самую крепкую.

Профессор и Кассандра тут же догадались, какую цель я преследую, и в глазах обоих загорелся озорной огонек.

– Ну ты и мерзавец, – тихонько пробормотала Касси, однако ее лицо приобрело такое же коварное выражение, как и у меня.

Двадцать минут спустя хозяин «ящичка» – его, как и спасшего нас водителя грузовика, звали Буйко – уже порхал по комнате, гоняясь за розовыми слонами и бешено хохоча каждый раз, ему доводилось увидеть собственное отражение в висевшем на стене зеркале.

– Мне очень стыдно за нас, – сокрушенно произнесла Кассандра, наблюдая, как этот пожилой мужчина скачет туда-сюда, словно маленький ребенок.

– Не переживай, – ответил я, слегка обняв Касси за талию. – Поверь, через пару часов он снова превратится в нормального человека, и единственное, что останется от его нынешнего состояния, так это лишь воспоминание о том, как с ним случилось нечто странное. По крайней мере, ему будет о чем поболтать со своей женой.

Кассандра с укоризненным видом покачала головой.

– Я, тем не менее, чувствую угрызения совести из-за того, что мы заставили обкуриться марихуаной этого бедного человека, лишь бы только добиться своей цели.

– По правде говоря, я тоже не очень горжусь нашим поступком, но зато мы сможем узнать, нет ли там чего-нибудь внутри. – Я показал на «ящичек», который в этот момент очень внимательно рассматривал профессор. – Мы оставим интересующий нас предмет в таком же состоянии, в каком он и был, и когда действие марихуаны закончится, Буйко уже и сам не сможет точно сказать, в самом ли деле к нему приезжали иностранцы или же они ему просто приснились.

– Ну ладно... – пробормотала Кассандра. – Все равно теперь уже поздно отступить.

Мы втроем уселись на корточки на земляном полу вокруг таинственного «ящичка» и стали рассматривать его поверхность, пытаясь найти какую-нибудь цель или вообще что-нибудь такое, что позволило бы нам открыть его и узнать, есть ли там что-нибудь внутри.

– Странно, – вполголоса сказал профессор. – Что-то не похоже, чтобы у него была крышка или вообще какая-нибудь отделяемая деталь.

– Если внутри этого предмета имеется полость, значит, эту полость кто-то сделал, а затем ее пришлось закрыть. Я уверен, что эта загадочная штукавина обязательно должна как-то открываться, – заявил я.

– Это все теория, – ворчливо ответил профессор. – А на практике я не вижу никаких признаков того, что «ящичек» можно открыть.

– В фильмах, помнится, в подобных случаях всегда находится какая-нибудь потайная кнопка, с помощью которой ларчик очень легко открывается, – усмехнулась Касси.

– Прекрасная мысль! – воскликнул профессор. – Давай, Кассандра, найди эту кнопку. Улисс на нее надавит, а я произнесу волшебные слова: «Сезам, откройся!» Тогда этот ящичек уж точно больше не сможет нам сопротивляться.

– Очень остроумно... – обиженно произнесла Кассандра, слегка надув губы.

– Ладно, хватит болтать глупости, – вмешался я. – Понятно, что все мы

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
нервничаем, а потому давайте помолчим хотя бы пару минут и попытаемся определить, каким образом его можно открыть. Если же у нас ничего не получится, то просто разрубим его пополам – да и дело с концом.

– Только через мой труп! – разволновавшись, воскликнул профессор. – Перед нами – уникальное произведение искусства, имеющее огромнейшую историческую ценность!

– Ну вот и думайте, как его открыть, чтобы ничего не повредить.

Не обращая никакого внимания на беззаботный хохот Буйко, который смотрел на нас, сидя на своем розовом облаке, вернее, сидя напротив нас на корточках, мы долго и тщательно разглядывали абсолютно целостную поверхность «ящичка». И когда я уже стал украдкой искать глазами какой-нибудь режущий инструмент, Касси вдруг положила ладонь на мое плечо и уверенно сказала:

– Мне кажется, я догадалась. – Она прикоснулась к выпуклому изображению двух всадников, едущих на одной лошади.

Мы с профессором впились взглядом в эту часть «ящичка», а Кассандра добавила:

– Его, по-моему, можно отделить.

Взяв из чайного стакана ложечку, я просунул ее кончик под край этого выпуклого изображения, имевшего округлую форму, и почувствовал, что оно приклеено к остальной части «ящичка» необычайно твердым черным веществом.

– Похоже, что оно приклеено с помощью какой-то особой смолы, которая, на первый взгляд, ничем не отличается от черной древесины эбенового дерева. Именно поэтому мы и не увидели никаких щелей. Их тут просто нет.

Профессор аж задрожал от восторга.

– Получается, – воодушевленно произнес он, – что изображение двух монахов-воинов, скачущих на одной лошади, является своеобразной дверцей. Именно через нее мы доберемся до тайны, которая хранится внутри этого «ящичка». Очень символично.

Аккуратно соскоблив черную смолу ложечкой, я затем, используя все ту же ложечку в качестве рычага, начал потихоньку отделять от «ящичка» округлую деревянную пластину с изображением двух всадников на одной лошади. Пластина эта была закреплена на корпусе «ящичка», как пробка в бутылке, и, приподняв сначала ее нижнюю часть, я затем принялся за верхнюю, потом снова за нижнюю – и поступал так до тех пор, пока мне не удалось полностью отделить эту пластину от остальной части «ящичка».

Мы нервно переглянулись, не решаясь засунуть руку в открывшуюся перед нами полость. То, что лежало внутри, могло означать либо успех наших поисков, либо полный провал и, следовательно, абсолютную бессмысленность всех тех лишений, которые мы перенесли за последние несколько дней. Однако, несмотря на жгучее желание узнать, что же находится внутри этой деревяшки, никто из нас не торопился, потому что зияющая перед нами полость казалась нам мрачной и загадочной – словно это был колодец глубиной в семь сотен лет.

– Черт бы нас всех побрал! – не выдержав, выругалась Кассандра. – Чего сидим, как истуканы? Давайте посмотрим, что там внутри!

Она решительно засунула свою маленькую ладошку в отверстие «ящичка» и стала ощупывать его содержимое. Однако буквально через пару секунд она вдруг замерла и уставилась на меня широко раскрытыми глазами.

– Что случилось? – нетерпеливо спросил профессор. – Что ты там нашла?

Кассандра с полуоткрытым ртом перевела взгляд с меня на профессора.

– Не... не знаю, – растерянно пробормотала она.

После этого Касси очень медленно, словно фокусник в финальной части своего выступления где-нибудь в Лас-Вегасе, вытащила из «ящичка» что-то наподобие цилиндрического свертка из бесцветной кожи. Этот рулончик, перевязанный

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
тесемкой из того же самого материала, был сантиметров двадцать в длину. Касси аккуратно развязала тесемку, развернула кожаный рулончик и извлекла из него желтоватый пергамент, запечатанный печатью из красного воска. На этой печати мы с замиранием сердца разглядели знакомое нам изображение двух всадников, едущих на одной лошади, рядом с которыми виднелись слова «Magister Mappamundorum».

35

Солгав, что наши паспорта пропали вместе с багажом, мы без особых хлопот получили в консульстве Испании в Бамако временные удостоверения личности (срок действия наших въездных виз истек, а в Мали в этом случае уж лучше потерять паспорт и получить временное удостоверение, чем иметь паспорт с просроченной визой). Гораздо больше усилий нам потребовалось, чтобы убедить чиновника из местного департамента по вопросам иммиграции в том, что мы потеряли свои документы, когда находились в пустыне. Естественно, мы не стали рассказывать ему об инциденте с туарегами, чтобы не дай бог не стать объектом полицейского расследования, и он дал нам разрешение покинуть Мали в тот же день – правда, лишь после того, как мы согласились «профинансировать» приобретение новых часов для его начальника.

Из Табришата мы уехали накануне, устроившись в кузове грузовика, перевозившего коз, так что под конец этой поездки от нас исходил примерно такой же запах, как и от этих животных. Поздно вечером мы прибыли в Гао, где сняли номер в единственной в этом городе гостинице, в которой можно было оплатить проживание при помощи кредитной карточки.

На следующий день, рано утром, мы сели в старенький винтокрылый «Антонов», который доставил нас в международный аэропорт Бамако.

После нескольких часов хождения по различным бюрократическим инстанциям мы, не имея при себе уже никакого багажа, вошли в зал ожидания. Спустя какое-то время измученные своим недолгим, но утомительным пребыванием в Мали, одетые в пропахшие потом грязные лохмотья, которые вызвали панику и ужас у стюардесс, мы медленно поднялись по трапу аэробуса авиакомпании «Эр Франс», чтобы улететь на нем обратно в Европу. Войдя в салон самолета, мы наконец оставили где-то далеко позади себя удушающую африканскую жару и вернулись к столь милой нашему сердцу западноевропейской действительности, в том числе и к охлажденному кондиционером воздуху, которого нам в Африке так сильно не доставало.

Мы плюхнулись в тесные сиденья туристического класса, показавшиеся нам самыми комфортабельными сиденьями на свете, и не успел самолет взлететь, как Касси и профессор заснули.

Чувствуя, что вот-вот последую их примеру, я покрепче прижал к себе матерчатую сумку, которую я несколько часов назад купил в Бамако: в ней лежало то, из-за чего мы едва не расстались со своими жизнями и с помощью чего, как мы были уверены, нам удастся разыскать пропавшие сокровища тамплиеров.

После шестнадцати часов пребывания в пути и двух пересадок мы с Касси высадили профессора из такси прямо у подъезда его дома, а затем я объяснил таксисту, как довезти меня и мою спутницу до моего дома на Парижской улице.

Мы молча вошли в парадное, а затем поднялись на мой этаж. Возле моей двери стоял громадный горшок с полузасохшим фикусом, который я только для того и поставил, чтобы прятать возле его корней ключ от квартиры. Когда я стал ковыряться в земле и после безуспешных поисков уже начал нервничать из-за того, что ключ все никак не находился, дверь моей квартиры неожиданно отворилась и появилась особа, которую я меньше всего желал встретить в это время и в этом месте.

– Улисс! – воскликнула моя матушка. Она была одета в явно не соответствующее ее возрасту ярко-красное пальто.

– Привет, мама, – растерянно пролепетал я.

– Где тебя носило? Ты выглядишь, как настоящий оборванец! – Матушка с обеспокоенным видом покачала головой. – Такое впечатление, что ты лазал по

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
каким-то мусоросборникам. Что с тобой случилось?

– Со мной все в порядке... Я просто ездил на несколько дней за границу.

– И это ты называешь «все в порядке»? Да ты только посмотри на себя! Ты, между прочим, заставил меня очень сильно переживать. Я позвонила по всем телефонным номерам, которые нашла в твоей записной книжке, но никто не смог сказать мне, где ты находишься. А еще я нашла в твоей квартире разные бумажки, из которых следовало, что ты уехал в Африку, и это меня отнюдь не успокоило. Так ты расскажешь мне, где ты был, или нет?

– Я даю тебе честное слово, что завтра утром я тебе позвоню и обо всем подробно расскажу... – ответил я, не желая вдаваться в долгие объяснения. – А сейчас, пожалуйста, позволь нам пройти в квартиру.

– Да, но... – Матушка взглянула на мою спутницу и сладко улыбнулась. – Разве ты не познакомишь меня с этой девушкой – такой красивой и такой молчаливой?

Это было похоже на один из тех кошмарных снов, которые все никак не могут закончиться.

– Ее зовут Кассандра Брукс... – со стоическим видом произнес я.

– Рада с вами познакомиться, сеньора. – С этими словами Касси улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой.

– Я тоже, дорогая моя, я тоже, – затараторила моя матушка. Затем она сделала шаг вперед и поцеловала Касси в обе щеки. – Мне радостно осознавать, что у моего сына наконец-таки появилась подруга, а то я уже и не помню, когда последний раз видела его с девушкой.

– Мама, пожалуйста, прекрати. Ты пристыдишь меня как-нибудь в другой раз. А сейчас нам хотелось бы по-быстрому перекусить и сразу завалиться спать. Кстати, а... а что ты тут делаешь?

– Я же тебе объяснила, что пыталась узнать, куда ты подевался. Ты уехал, ничего мне не сказав, и когда я узнала, что Эдуардо тоже куда-то запропастился, решила прийти в твою квартиру и попытаться на месте определить, куда же все-таки отправился мой сын. Я боялась, что ты можешь встрять в неприятности. – Взглянув на Касси, матушка добавила: – Но теперь я вижу, что ошибалась.

– Ты обыскивала мою квартиру?

Матушка сделала обиженное лицо, а затем с укоризненным видом ткнула в мою сторону пальцем:

– Если бы ты поставил меня в известность, куда и зачем ты уезжаешь, мне не пришлось бы этого делать!

– Хорошо, пускай виноватым буду я. Однако меня удивляет, почему после того как я в течение нескольких лет пребывал в разъездах, этот мой вояж, длившийся всего лишь несколько дней, так сильно тебя обеспокоил.

– Да я, по правде говоря, поначалу-то ни о чем и не беспокоилась... – призналась матушка, – пока мне не позвонил тот человек.

– Какой человек?

– Да тот... как его... Джон Хеч или что-то в этом роде, – ответила, нахмурившись, матушка. – Он из компании, которая называется... э-э... в общем, какие-то там эксплорейшнз. Судя по его акценту, он либо англичанин, либо американец.

– Джон Хатч, – задумчиво произнес я. – Из компании «Хатч Мэрин Эксплорейшнз».

– Да, именно так! – воскликнула матушка. – Ты его знаешь?

– Немного, – ответил я, а затем, начиная волноваться, спросил: – Ты сказала ему, что мы находимся в Мали?

– Да, менее десяти минут назад... – чувствуя себя виноватой, тихо произнесла матушка. Видя по выражению моего лица, что ее поступок явно не вызвал у меня восторга, она добавила: – Когда я поняла по твоим записям, куда именно ты уехал, я позвонила этому человеку прямо отсюда, из твоей квартиры, по номеру, который он мне продиктовал.

– Он сказал тебе, что хотел бы поговорить со мной?

– Вообще-то, он сказал, что переживает за вас. – Матушка перевела взгляд с меня на Кассандру, а затем снова посмотрела на меня. – Мистер Хатч попросил сообщить ему, где вы находитесь, потому что вам, как он объяснил, может понадобиться его помощь.

Мы с Касси ошеломленно переглянулись.

– Его еще тут только не хватало, – пробормотал я.

– Думаешь, он попытается за нами следить? – спросила Кассандра.

– Раньше, может, и не пытался, но теперь, когда этот тип узнал, что мы ездим втроем в Мали, он наверняка насторожился. А если вспомнить о том, как много стоит на кону, то можно не сомневаться: Хатч пойдет на что угодно, лишь бы только добраться до нас и выяснить, что нам удастся нарыть. – Я устало вздохнул и, словно обращаясь к самому себе, добавил: – Похоже, нам нужно пошевелиться.

Как только моя матушка ушла и мы с Кассандрой остались одни, мы тут же стащили с себя грязную одежду. Затем Касси, прихватив с собой чистые шорты и рубашку, отправилась в душ, а я, набросив халат, занялся приготовлением обеда.

Через полчаса мы уселись за стол и стали уплетать за обе щеки приготовленную мною пиццу, в которую я не пожалел добавить побольше сыра.

– Ммммм... я просто умираю от голода, – бормотала, не переставая жевать, Кассандра.

– Неужели твоя мама не учила тебя, что разговаривать с набитым ртом – нехорошо?

Касси, не замечая, что у нее из уголка рта свисает тоненький кусочек расплавленного сыра, бросила на меня лукавый взгляд:

– А еще она учила меня, что нельзя позволять всяким разным мужчинам лапать себя, а ты меня лапашь.

Я, усмехнувшись, не смог удержаться, чтобы не спросить:

– Это что, намек?

– Как сказать, – ответила Касси, напуская на себя равнодушный вид. – Зависит от того, насколько сильно ты устал.

Я поднялся и, обойдя стол, нежно обнял Касси.

– Не так уж сильно я устал... – прошептал я ей на ухо, засунув руки под ее рубашку.

Я стал водить губами по ее шее, тихонько покусывать мочки ее ушей и ласкать руками ее упругие груди, а Касси, быстро положив кусок пиццы, который она держала в руке, на стол, начала едва слышно постанывать. Не изменяя положения, я медленно расстегнул на Кассандре рубашку, снял ее и аккуратно положил на пол. Затем я стал ласкать гладкую спину Касси – сначала кончиками пальцев, а потом губами и языком.

Кассандра поднялась на ноги и, повернувшись, посмотрела на меня. Я заметил в ее глазах желание, и это еще больше подстегнуло мое стремление овладеть ею. Не произнося ни слова, она взяла меня за руку и провела моей ладонью по внутренней части своих бедер, затем она медленным шагом повела меня за собой в спальню, где мы занялись любовью и делали это до тех пор, пока

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
окончательно не обессилели и, мокрые от пота, не заснули прямо на стеганом одеяле, которым была покрыта моя кровать.

Звонок звенел так громко, как будто он находился внутри моей головы. Мне понадобилось более десяти секунд, чтобы понять, что это звонит телефон, а также – с превеликой радостью – вспомнить, что я нахожусь уже не в шатре посреди пустыни Сахары, а в своей собственной квартире. Еще толком не проснувшись, я стал искать на ощупь этот чертов телефон, который продолжал настойчиво звенеть. Наконец, сняв трубку и напрягшись, я попытался сказать в нее что-нибудь членораздельное.

– Я... я вас... слушаю, – прохрипел я.

– Улисс, это я, – раздался с другого конца линии голос профессора Кастильо.

– А-а, профессор... – пробормотал я, усилием воли заставив себя воздержаться от комментариев по поводу того, что он так некстати разбудил меня.

– Вы не могли бы приехать ко мне через часок-другой?

К моему удивлению, в голосе Кастильо не чувствовалось усталости, хотя до наступления утра было еще очень далеко.

– А вам что, настолько не могу, что вы не можете подождать до утра? – сердито спросил я, едва сдерживая свое недовольство. – Мы только что легли спать. Завтра утром я вам сам позвоню.

– Вы только что легли спать? А чем же вы тогда все это время занимались? Мы ведь приехали еще вчера!

Мне понадобилось еще несколько секунд, чтобы привести свои мысли в порядок, взглянуть на часы и понять, что мы с Кассандрой проспали почти сутки. Как сказал кому-то юморист Мигель Хила: «Ну и дрыхнете же вы! А еще взрослые люди...»

Я извинился перед профессором за свой недовольный тон и рассказал ему о том, что моей матушке звонил Джон Хатч. Затем мы договорились, что я приеду к нему с Кассандрой через пару часов. Этого времени, быстро прикинул я в уме, мне будет вполне достаточно для того, чтобы принять душ, чем-нибудь перекусить и, возможно, еще немножко заняться любовью с красивой женщиной, которая – все еще со следами краски индиго на волосах – спала в очень соблазнительной позе на моей кровати, посапывая своим симпатичным носиком.

Через пару часов мы, как и договаривались, подъехали на такси к старинному дому, в котором жил профессор Кастильо, а еще через пять минут уже стояли втроем возле стола, заваленного картами, ксерокопиями рукописей и справочниками. В самом центре лежал облаченный в прозрачную целлофановую обертку пергамент, который мы привезли из Мали.

– Вы, я вижу, времени зря не теряли, – с восхищением сказал я.

Профессор скромно пожал плечами.

– Мне не спалось.

– Вам удалось что-нибудь выяснить? – напрямик спросила Кассандра.

– Как раз это я сейчас и пытаюсь сделать. – Кастильо показал рукой на стол и со значением в голосе произнес: – Пока мне удалось лишь выяснить возраст данного документа и сделать перевод его содержания.

Я, вытянув шею, с любопытством уставился на пергамент.

– Ну и?..

– Во-вторых, – невозмутимо продолжил профессор, – мне удалось установить, что данный документ написан на растянутом, обработанном специальным составом и отбеленном куске кожи жвачного животного.

– Что вы сказали? – удивленно спросил я.

– Я говорю, что документ, который мы привезли из Мали, написан не на бумаге, сделанной из целлюлозы, а на специально обработанной коже животного. Возможно, козьей.

– Вы что, решили подшутить надо мной?

– Не кипятись, Улисс, – перебила меня Кассандра и спокойно пояснила: – В средние века и в самом деле очень часто использовали специально обработанную кожу, когда хотели создать документ, который смог бы сохраниться в течение долгого времени. Такую обработанную кожу и называли пергаментом.

– Совершенно верно, дорогая моя, – охотно согласился профессор, горя желанием продолжить свои разглагольствования. – Отсюда напрашивается вывод, что данный документ был составлен до пятнадцатого века, в начале которого, как известно, использование пергаментов прекратилось. Кроме того, – с самодовольным видом сообщил профессор, – анализ лексики и грамматики текста этого документа позволяет сделать вывод о том, что он был написан в период между 1200 и 1350 годами.

– И в этот период вполне вписывается дата, когда, судя по Каталанскому атласу Авраама Крескеса, наш таинственный путешественник прибыл в Африку на судне Хайме Феррера.

Профессор, на лице которого застыло блаженное выражение, кивнул и, показав рукой на пергамент, торжественно сказал:

– У меня нет ни малейшего сомнения, что перед нами как раз то, что Хафуда Крескес назвал в своем завещании «путем Быка», то есть путем золота тамплиеров.

Пытаясь сдержать свою радость по поводу того, что наши усилия все-таки привели кое к каким результатам, мы с Кассандрой стояли молча и ждали, когда профессор наконец соизволит продолжить свои объяснения. Но Кастильо, как всегда, сделал паузу и наслаждался тем, что находится в центре внимания. Профессор тянул паузу столько, сколько мог, и только когда заметил, что мы с Касси начали нетерпеливо переглядываться, взял свой блокнот и стал вышагивать перед нами, как будто находился в этот момент не в своей квартире, а в аудитории перед студентами, по которым он, безусловно, очень скучал.

– После того как я переписал текст этого документа современным шрифтом и перевел его на испанский язык, – произнес профессор, поправляя у себя на носу очки, – мне удалось установить, что, как я и предполагал, данный текст является описанием определенного места. Именно там, возможно, и пытались скрыться тамплиеры, которые были вынуждены спастись от преследований со стороны Папы Римского, и куда они, скорее всего, увезли сокровища своего ордена.

Касси уперлась руками в стол.

– А что вы хотите сказать словом «возможно»? Неужели в данном тексте по этому поводу нет однозначной информации?

Профессор со снисходительным видом посмотрел на Кассандру, и я догадался, что он ожидал услышать подобный вопрос.

– Видишь ли, дорогая моя, тамплиеры – то, по всей видимости, и в самом деле отбыли именно в то место, однако ни один из них оттуда не вернулся, а потому неизвестно, добрались ли они туда и там ли спрятали сокровища ордена.

Кассандра с удивлением подняла брови:

– Тогда откуда же знал об этом месте тот, кто написал данный текст?

– По правде говоря, я сомневаюсь, что он о нем знал, – с нарочитой небрежностью ответил профессор.

Мы с Касси стояли, как каменные изваяния, пытаюсь понять только что услышанное.

– Значит, вы полагаете, что наш таинственный картограф не знал о том, где спрятаны сокровища тамплиеров? – спросил я, оправившись от неожиданного замешательства.

– Боюсь, что так все и было.

Мне показалось, что мир вокруг меня начинает рушиться.

Я покосился на Кассандру, а затем недоверчиво посмотрел на профессора.

– Вы, по-моему, чего-то недоговариваете, – сказал я.

Кастильо снисходительно рассмеялся.

– Какое-то у вас странное чувство юмора, – возмутилась Касси. – Вы едва не довели меня до инфаркта.

– Примите мои самые искренние извинения, сеньорита Брукс, – сказал профессор, сгибаясь в театральной поклоне. – Я всего лишь хотел слегка взбудорить вашу нервную систему.

Кассандра резко взмахнула рукой, как будто она отгоняла муху.

– Ваши извинения принимаются, сеньор Кастильо, – ответила она в такой же театральной манере. – И я готова выказать вам свою признательность, если в вашем повествовании будет поменьше эмоций и побольше конкретики.

– Я постараюсь.

– Прекрасно. – Кассандра жеманно кивнула. – Итак, если не возражаете, перейдем к делу...

Профессор сел за стол и жестом пригласил нас последовать его примеру, тем самым давая понять, что разговор предстоит долгий.

– Как я вам уже сказал, – произнес Кастильо и, осторожно взяв пергамент, лежавший в центре стола, придвинул его к нам, – человек, который написал данный текст, не знал о том, куда именно было увезено золото тамплиеров. По правде говоря, он о нем даже не упоминает.

– Проф, вы уже начинаете меня раздражать. Всего несколько минут назад вы заявили, что вам удалось установить, что этот документ является описанием пути, по которому проследовало золото тамплиеров. – Я показал рукой на пергамент. – Теперь же вы говорите совсем другое. Как прикажете вас понимать?

– Если ты не будешь меня перебивать, я тебе все объясню. – Профессор слегка нахмурился и, дождавшись, когда я ему кивну, продолжил: – Итак, мы уже знаем, что наш таинственный картограф покинул Мальорку вместе с Хайме Феррером с целью воспрепятствовать тому, чтобы секретный документ попал в чужие руки. Он плыл на судне вдоль побережья Африки на юг, до самого устья реки Сенегал. Там наш герой сошел на берег и доехал верхом на верблюде сначала до реки Нигер, а затем, вдоль ее побережья, до города Томбукту, где, представившись ученым мужем, наверняка почувствовал себя как рыба в воде. В этом городе он, возможно, жил в течение нескольких лет, а затем, осознав, что вернуться на родину ему вряд ли удастся, решил спрятать пергамент, ради которого он рисковал своей жизнью, в ящичке из эбенового дерева – том самом, который мы видели в Табришате. – Профессор сделал небольшую паузу, вспомнив, по-видимому, какую опасную «одиссею» нам пришлось совершить, чтобы взглянуть на этот загадочный предмет. – Как я вам уже сказал, данная рукопись представляет собой детальное описание того, каким способом добраться до некоего места, имевшего огромное значение для ордена тамплиеров. – Профессор привстал со стула и с твердостью в голосе произнес: – И поскольку наш таинственный картограф, возможно, не знал, куда именно были увезены сокровища ордена, но кое о чем догадывался, у меня возникло одно предположение.

– Какое предположение? – тут же спросила, будучи не в силах себя сдержать,
Страница 171

Кассандра.

– Я имел смелость предположить, что здесь описывается некое территориальное владение тамплиеров, о котором до сего момента никто ничего не знал.

Я пристально посмотрел на профессора, пытаюсь подавить охватывающее меня разочарование:

– Ну и что в этом такого интересного? Вы сами рассказывали мне, что у тамплиеров имелись сотни территориальных владений – от Лиссабона до Иерусалима.

Профессор прикрыл ладонью нижнюю часть своего лица, но я успел заметить, как его рот стал расплываться в коварной улыбке.

– Интересное в данном случае заключается в том, что это территориальное владение, насколько я понял, рассматривая пергамент, находилось отнюдь не между Лиссабоном и Иерусалимом, – заявил профессор. – И я не сомневаюсь, что именно в это территориальное владение и было, скорее всего, увезено золото тамплиеров.

Задумавшись над словами профессора, я впился взглядом в старинный документ.

Это был довольно толстый пергамент размером примерно со стандартный лист писчей бумаги. Он представлял собой нечто среднее между обработанной кожей и бумагой и имел цвет слоновой кости – как бумага, которую очень долго держали на солнце. На нем виднелись несколько строчек, написанные кем-то семь столетий назад, однако большую его часть занимала незатейливая карта, изображавшая бухту, почти полностью отделенную от открытого моря узкой и длинной полоской земли. Неподалеку от бухты находилось устье широкой реки, вытекающей из зеленых гор и затем выходящей с юго-востока на северо-запад по холмистой равнине.

Разглядывая карту, я с удивлением заметил, что посреди холмистой местности, изображенной на ней, в том месте, где река делала почти замкнутую петлю, превращая охваченную ею землю едва ли не в остров, была нарисована странная ступенчатая пирамида. Она была ярко-красного цвета, а на ее верхушке красовался предмет, удивительно похожий на тамплиерский крест.

36

Вечер уже давно перешел в ночь, а мы, включив свет, все еще сидели за столом, заваленным различными картами, книгами и листами бумаги, безуспешно ломая себе голову над тем, какую же часть мира изображала лежащая перед нами примитивная географическая карта.

Пока мы с профессором, решив сделать перерыв, лакомились принесенной из китайского ресторана вкуснейшей лапшой, Касси уже в тридесятый раз перечитывала вслух написанный на пергаменте рядом с картой короткий текст:

– «Отплыв из Ла-Рошель и направившись на юг, прибываете на Счастливые острова[44], где можно подремонтировать суда и взять провизию для долгого путешествия. Оттуда, все время следуя направлению тени, падающей от мачты на рассвете, с Божьей помощью прибываете через тридцать или сорок дней к берегам неизвестной земли. Миновав маленькие острова, заселенные дикарями, плывете вдоль побережья на север, до Города Рассвета, в который являетесь со смирением и вручаете подарки его могущественному правителю от имени ордена. Затем опять плывете вдоль побережья в течение пяти или шести дней, пока не прибудете в лагуну акул, где высадитесь на берег и пойдете вдоль бурной реки вверх по ее течению. После пятнадцати дней пешего пути через густые леса; в которых живут странные животные, прибудете в место, указанное нам Господом».

Под этим текстом не имелось ни подписи, ни даты, ни указания на место его написания, что было весьма нехарактерно для любого документа той эпохи, а тем более для такого важного, как этот.

– Да уж, изложено тут все довольно расплывчато, – сказала Кассандра, отрывая взгляд от пергамента. – Какие-то заселенные дикарями острова, лагуна, река... Это может быть где угодно от Венесуэлы до Соединенных Штатов!

– Ну, не совсем так, – возразил я, с усмешкой показывая на карту китайскими палочками, которыми уплетал лапшу. – Поскольку мы нашли перстень и колокол с затонувшего тамплиерского судна неподалеку от побережья Гондураса, зону поиска можно сократить всего лишь до какой-то пары тысяч километров центральноамериканского побережья – от Гондураса и далее на север.

Профессор с важным видом поднял вверх палец.

– Кроме того, в тексте упоминается «Город Рассвета». Если нам удастся выяснить, что это был за город и где он находился, то мы сможем разобраться и со всем остальным.

– Тогда давайте примемся за работу, – предложила Кассандра, резко поднимаясь из-за стола. – Если не возражаете, я войду в Интернет и попробую найти какие-нибудь упоминания об этом таинственном городе, а вы тем временем могли бы попытаться определить, какие из рек и лагун центральноамериканского побережья соответствуют данному в тексте описанию.

– Слушаюсь, сэр! – дурашливо козырнул я, изображая из себя бравого американского солдата.

Касси, показав мне в ответ язык, повернулась и стремительно направилась в кабинет профессора.

Удивившись такому бурному порыву Кассандры, мы быстренько доели свою лапшу и склонились над подробнейшим атласом мира, выпущенным Национальным географическим обществом.

Через неполных полчаса мы уже пересмотрели все реки и прибрежные лагуны от Москитового берега до Техаса. Едва мы успели закончить, как появилась Кассандра. Судя по выражению лица, у нее были для нас кое-какие новости.

– Как тут у вас дела? – осведомилась она.

– Мы нашли в интересующем нас регионе более двадцати прибрежных лагун, – ответил профессор, – однако только семь из них находятся неподалеку от того, что можно было бы назвать «бурной рекой». Впрочем, за семь сотен лет водоносность многих рек могла сильно измениться, и те реки, которые сейчас являются судоходными, в далекие времена могли быть всего лишь ручейками – и разумеется, наоборот.

– А какие из них все-таки больше всего привлекли ваше внимание?

– Ну, пожалуй, река Рио-Гранде, протекающая между США и твоей прекрасной Мексикой, – сказал профессор и стал водить пальцем по карте, – река Усумасинта, которая берет начало в Гватемале, но впадает в море в южной части Мексики, река Полочик, протекающая только лишь по Гватемале, и река коко, являющаяся естественной границей между Гондурасом и Никарагуа. Я сразу же отбрасываю первую из этих рек, потому что она протекает по довольно хорошо освоенной и, главное, засушливой местности, что трудно ассоциируется с районом, где могут быть «густые леса, в которых живут странные животные». А вот три другие реки протекают по гористой тропической местности, которая большей частью плохо освоена и в которой, следовательно, вполне мог затеряться в сельве целый древний город.

Касси в знак согласия кивнула.

– В тропических лесах на территории Мексики и Гватемалы, а особенно в мексиканском штате Чьяпас и гватемальском департаменте Петен до сих пор обнаруживают ранее неизвестные развалины древних городов майя, – сказала она, обводя на карте упомянутые ею районы. – Более того, их обнаруживают так часто, что карты с указанием местоположения древних поселений майя приходится переделывать едва ли не каждый год.

Произнеся эти слова, Кассандра замолчала и уставилась на меня с профессором. Было видно, что она изо всех сил пытается сдержать радостную улыбку.

– Ну а у тебя как дела? – спросил я, чувствуя, что она с нетерпением ждет от меня этого вопроса.

– В общем-то, неплохо, – ответила Касси с напускным равнодушием. – Поначалу, правда, я даже пришла в отчаяние, поскольку никак не могла найти ни одного упоминания населенного пункта с названием «Город Рассвета». Но затем я подумала, что данное наименование, особенно если оно тамплиерского происхождения, за прошедшие несколько веков вполне могло исчезнуть. – Сделав небольшую паузу, Касси произнесла: – И тогда у меня возникло одно предположение.

– Какое? – с интересом спросил профессор.

Кассандра легким движением руки откинула сползавшие ей на лицо волосы.

– Я решила, что это название могло быть переводом какого-то наименования с туземного языка.

– Очень умно, – похвалил профессор, но затем, подняв брови, добавил: – Однако, насколько я знаю, на территориях, составляющих современную Мексику и Центральную Америку, перед прибытием туда испанцев жили десятки различных народностей и каждая из них говорила на своем диалекте. Откуда ты можешь узнать, с какого диалекта было переведено это наименование?

– А вот в этом мне помогли. Я позвонила одной из своих коллег, и она по моей просьбе ввела в главный компьютер университета Мехико данное наименование на испанском языке и получила его перевод на все диалекты, имеющиеся на территории от Панамы до Техаса. Затем она прислала мне список вариантов перевода по электронной почте. Вот этот список. – Касси с торжествующим видом положила на стол лист бумаги, который все это время держала в руке.

– Замечательно! – воскликнул профессор.

– Теперь нам остается лишь сопоставить эти варианты с названиями населенных пунктов, расположенных вдоль побережья Карибского моря и Мексиканского залива, и мы найдем этот наш «Город Рассвета».

Мы с энтузиазмом принялись за работу. Разделив список на три части, мы должны были просмотреть названия прибрежных населенных пунктов и попытаться найти тот из них, название которого совпадало бы или по меньшей мере хотя бы походило на какой-нибудь из вариантов перевода на туземные языки словосочетания «Город Рассвета».

Не прошло и получаса, как нам это удалось.

– Нашел! – воскликнул я.

Профессор и Кассандра впились взглядом в название, на которое я показывал пальцем.

– Тулум! Ну конечно же! – воскликнула Касси, шлепая себя ладошкой по лбу. – Правильно!

– Ты, похоже, абсолютно уверена, что это именно то, что нам нужно, – сказал я Кассандре, видя ее реакцию.

– Вообще-то, это не город, а весьма необычная береговая крепость майя постклассического периода. Люди в ней жили в период с десятого по шестнадцатый век, и эпоха тамплиеров полностью вписывается в эти временные рамки. Кроме того, недавние раскопки показали, что возле этой крепости имелась своего рода пристань для рыбацких судов, а потому данная крепость, по-видимому, являлась наиболее подходящим местом для прибытия тамплиерских кораблей.

– Если ты считаешь, что это и есть Город Рассвета, то нам остается всего лишь рассчитать расстояние до так называемой «лагуны акул», – сказал я. Повернувшись к профессору, я спросил: – Проф, с какой скоростью двигались по морю суда в ту эпоху?

– На этот вопрос ответить очень трудно. – Нахмурившись, профессор начал объяснять: – Дело в том, что о средневековых судах сохранилось очень мало

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
сведений. Судя по результатам недавних исследований, форма корпуса...

– Хотя бы приблизительно, проф, – перебил я его, хватаясь обеими руками за свою голову. – Приблизительно!

Профессор задумчиво потер лоб.

– Думаю, между четырьмя и шестью узлами, – после минуты раздумий ответил он. – Но это всего лишь мое предположение.

– Мне его вполне достаточно, – заявил я и, схватив карандаш, стал делать расчеты на полях карты. – Итак... один узел – это приблизительно 1,85 километров в час... Умножаем на четыре и получаем 7,4 километров в час... За двадцать четыре часа это составит примерно 177 километра... А если умножить на упомянутые в тексте пять или шесть дней, то получим диапазон от восьмисот восьмидесяти пяти до тысячи шестидесяти двух километров. У кого-нибудь есть рядом линейка?

– Ты меня извини, Улисс, но это самый неточный расчет из всех, с которыми я когда-либо сталкивался. Ты не принял во внимание ни силу ветра, ни скорость течения, ни...

– Я знаю, проф, – ответил я, даже не глядя на профессора. Вооружившись небольшой линейкой, я начал отмерять расстояния от Тулума. – Однако мы все-таки сможем хотя бы приблизительно прикинуть, что тут к чему, и отвергнуть явно неподходящие варианты.

Прочертив карандашом несколько линий на карте, я перевел километры в сантиметры и, мысленно отложив по каждой из линий приблизительно рассчитанное расстояние, с самодовольным видом откинулся на спинку стула.

– Получилось? – спросила Касси, заметив, что я умышленно тяну время.

– Еще как!

– Не уходи от ответа. Я тебя спросила, что тебе удалось выяснить.

– А-а, это... Тут есть две более-менее большие реки, устье которых расположено неподалеку от морской лагуны, причем на таком расстоянии вдоль побережья от Тулума, которое попадает в пределы рассчитанного мною диапазона: Усумасинта – девятьсот километров от Тулума, а также Коко – чуть более тысячи километров.

– Но ты уже определил, какая из них нам больше подходит, да? – спросил профессор, глядя на мою самодовольную физиономию.

– Это было очень нелегко. В пергаменте указано, что нужно плыть на север до города Тулум, из чего логически следует, что и из Тулума нужно плыть тоже на север. Если же вы посмотрите на карту, то увидите, что одна из этих двух рек находится к югу от Тулума, а вторая – к северу. Поэтому та река, что находится к югу, отпадает, и у нас остается только один кандидат – Усумасинта.

– Это довольно большая река, – заметил профессор.

– От ее верховья в горах Кучуматанес до ее устья у залива Кампече больше тысячи километров, – задумчиво произнесла Кассандра. – Даже зная, возле какой реки находится нужное нам место, мы замучаемся его там искать.

– Человек, который писал этот текст, видимо, не очень-то хотел, чтобы это место кто-то смог найти, – сказал я, упершись локтями в стол и прижав ладони к своему лицу.

Профессор, прокашлявшись, начал рассуждать вслух:

– Я думаю, что этот пергамент предназначался для тех, кто смог бы понять его смысл. В условиях Средневековья такими людьми могли быть только хорошие картографы, а они тогда имелись только среди тамплиеров. – Профессор откинулся на спинку стула и свел кончики пальцев вместе. – Помните, что в те далекие времена люди в своем абсолютном большинстве были неграмотными, а неграмотному человеку очень трудно понять даже такую несложную карту, как

эта. Да и не только в период Средневековья, но и каких-нибудь лет сто назад почти никто не мог так легко разбираться в географических картах и лингвистических нюансах, как это делаем мы сейчас...

– В таком случае нам следует засвидетельствовать этому анонимному картографу свое почтение, а затем опять заняться затеянным нами делом, – перебил я профессора, пытаясь поставить точку в его разглагольствованиях.

Взяв пергамент, я положил его рядом с подробной картой, охватывающей территорию Гватемалы и Южной Мексики.

– У этих двух карт слишком разные масштабы, чтобы их можно было сопоставлять, – уныло сказал я. – Смотрите, на пергаменте река извивается даже больше, чем девка у шеста в ночном клубе.

– Ну, это самая лучшая из карт, которые у меня есть, – стал оправдываться Кастильо.

– Не переживайте, – вмешалась Касси, – я знаю несколько адресов в Интернете, по которым мы сможем найти очень подробную электронную карту данного региона.

Мы тут же отправились в кабинет профессора. Кассандра, усевшись за компьютер, стала барабанить по клавишам, а мы с профессором уставились на монитор. Касси набрала адрес какого-то веб-сайта, и через несколько секунд на экране появилась электронная топографическая карта бассейна реки Усумасинта.

– С чего начнем? – спросила, повернувшись ко мне, Кассандра. – С верховья или с устья?

– Ни с того, ни с другого, – ответил я. – В пергаменте говорится о пятнадцатидневном пути вверх по течению реки, а за это время, учитывая труднопроходимость местности и тяжелый груз, который приходилось нести на плечах, можно было пройти где-то от двухсот до четырехсот километров. Вот в этом диапазоне и нужно искать.

Используя компьютерную программу, позволяющую измерять на карте реальные расстояния, соответствующие длине прочерчиваемых с помощью мыши линий, мы, немного повозившись, ограничили область поиска участком, который находился между поселком Эмилиано-Сапата и деревней с символическим названием Ла-Луча[45].

Кассандра увеличила масштаб карты до максимально возможной величины, так что стало видно даже малюсенькие ручейки и узенькие тропинки. После этого она начала медленно передвигать изображение на экране с севера на юг вдоль извилистого русла Усумасинты: сначала – по болотистой равнине в мексиканском штате Табаско, а затем – по холмистой местности в приграничной зоне между мексиканским штатом Чьяпас и Гватемалой.

Мы уже занервничали, оттого что никак не могли найти участок реки, который был бы хоть немного похож на тот, что был изображен на пергаменте, когда вдруг, дойдя в пределах очерченной нами зоны до предпоследнего изгиба реки, я почувствовал, как мое сердце екнуло.

– Стой! – сказал я так громко, что Касси вздрогнула. – Вы видите?

И Кассандра, и профессор, конечно, уже увидели то, что первым заметил я, и взирали на экран с разинутыми от удивления ртами.

– Глазам своим не верю, – прошептал потрясенный профессор и, схватив ксерокопию нарисованной на пергаменте карты, попытался приставить ее к экрану. – Они полностью совпадают.

Прямо посередине участка исследуемой нами территории, который был очерчен подковообразным изгибом реки, виднелся забавный символ, а чуть ниже было написано какое-то странное название.

– Что это значит? – спросил я, указывая пальцем на экран.

– Это значит, что нам невероятно повезло, – нерешительно, словно не веря

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
себе самой, ответила Кассандра.

– Что ты имеешь в виду?

Касси повернулась на своем стуле.

– Я имею в виду, что этот рисунок указывает на археологическую достопримечательность, причем довольно значительную. – Она выдержала паузу и снова повернулась к экрану. – Это не что иное, как древний город майя Яшчилан.

37

Самолет «Ди-Си-9» компании «Авиатека» летел над огромным зеленым пространством, которое с первого взгляда напоминало океан, окутанный легким утренним туманом. Эдакая огромная изумрудная равнина без единого выступа и без каких-либо границ... Самолет уже давно начал снижаться, готовясь к посадке, а я, прильнув лицом к иллюминатору, все никак не мог увидеть, куда же он собирается садиться. Более того, за последние полчаса полета я не видел среди простиравшихся внизу непроходимых лесов ни малейших признаков цивилизации: ни дорог, ни населенных пунктов, ни хотя бы какой-нибудь отдельно стоящей хижины. Одни только деревья – и больше ничего. Мне даже стало казаться, что пилот собирается приземляться не на взлетно-посадочную полосу, а прямо на стелющиеся сплошным ковром заросли деревьев.

Лишь за несколько секунд до того как самолет коснулся колесами бетона, я увидел в иллюминатор несколько небольших белых зданий, окруженных антеннами и радарными – неотъемлемыми атрибутами любого аэропорта. Самолет проехал по взлетно-посадочной полосе мимо выстроившихся в ряд военных вертолетов и затем подрулил к скромному терминалу, где над входом висела бросающаяся в глаза своими крупными красными буквами надпись на испанском языке: «Добро пожаловать в Гватемалу». Мы, к своему удивлению, очень быстро – и без необходимости задабривать чиновников «чаевыми» – прошли паспортный и таможенный контроль и сразу же пересели на самолет местных авиалиний, который затем доставил нас в малюсенький аэропорт пыльного захолустного городка Санта-Элена, находившегося в приграничной зоне прямо посреди тропического леса в гватемальском департаменте Петен.

Выйдя из крохотного здания аэропорта и поставив свои дорожные сумки прямо на тротуар, мы стали смотреть по сторонам, чувствуя, что местное тропическое солнце даже в этот утренний час начинает хорошенько припекать.

– Вот ведь черт! – пробормотала, бросив недовольный взгляд на солнце, Кассандра. – И тут нам придется потеть.

– Успокойтесь, девушка, – насмешливо сказал профессор. – По сравнению с Сахарой тут просто курорт.

– Ладно, курорт или не курорт, а нам нужно немедленно найти себе какой-нибудь транспорт. – Я поднял с тротуара свою сумку и взвалил ее на плечо. – Пойдемте.

Мы сели в допотопное такси, которое, хотя и жутко тарахтело, все же таки доставило нас за каких-нибудь пять минут к автотранспортному терминалу «Транспортес Пинита», расположенному в самом центре населенного пункта, в который мы только что прилетели. Я подумал, что в такой глухомани люди, пожалуй, вряд ли могут найти себе занятие, кроме археологии или контрабанды ценных пород древесины и экзотических животных.

И в самом деле, из тех прохожих, которые нам встретились на улице, лишь немногие не были похожи на археологов.

Пообщавшись с людьми возле терминала, мы без труда нашли водителя, который согласился доставить нас на своем пикапе туда, куда мы только пожелаем – конечно же, в обмен на соответствующую сумму в американских долларах. Используя этого водителя – его звали Марио – в качестве гида, мы потратили остаток утра на покупку различного снаряжения, которое, с нашей точки зрения, могло нам понадобиться, но которое мы по вполне понятным причинам не могли привезти с собой на самолете: кирки, лопаты, мачете, веревки, три гамака. Мы также купили несколько упаковок бутылей с питьевой водой и различные продукты питания. Все свои приобретения мы складывали в нанятый

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
нами пикап – «Тойоту-Хайлюкс» с двойной кабиной. Наконец, решив, что теперь-то мы уж точно сможем прожить в тропическом лесу пару недель, и наполнив бак пикапа бензином, мы выехали в южном направлении. Конечным пунктом этого путешествия был поселок Кампамак, расположенный на берегу впадавшей в Усумасинту речки Ла-Пасьон. Там мы рассчитывали нанять лодку и доплыть на ней вместе со всем своим снаряжением до руин древнего города Яшчилан.

Пикап, тарахтя, тащился по грунтовой дороге, пролегающей по сельве департамента Петен и соединяющей Санта-Элену с городком Кобан. Если и есть на свете место, где можно, сидя в автомобиле, в два счета отбить себе поясницу, то, конечно, на этой дороге. Впрочем, наши мучения в какой-то степени компенсировались прекрасными видами тропического леса, где деревья стояли сплошной стеной и достигали тридцати, а то и сорока метров в высоту. Дорога, если ее можно было назвать дорогой, казалась среди этой буйной растительности совершенно неуместной – словно разрез, изуродовавший здоровое тело сельвы.

– Жаль... – неожиданно прошептала Кассандра, разглядывая в окошко окружающую нас зеленую массу.

– Чего тебе жаль? – спросил я.

Она резко обернулась, вероятно удивившись тому, что я расслышал ее шепот.

– Да так, ничего, – ответила Касси. – Просто мы находимся сравнительно недалеко от развалин самого грандиозного из городов майя, и мне хотелось бы заехать на них взглянуть.

– Ты имеешь в виду Тикаль?

– Да, легендарный Тикаль. Мне говорили, что по своей архитектуре и красоте окружающей природы с ним может сравниться разве что Мачу-Пикчу[46].

– Да, впечатляющее там, наверное, местечко.

– Не наверное, а точно, – убежденно сказала Кассандра. – Даже Джордж Лукас выбрал это место для съемок своих «Звездных войн».

Я взял Касси за руку и слегка улыбнулся.

– Как бы там ни было, могу тебя утешить лишь тем, что, скорее всего, в Яшчилане нас ждет столько культуры майя, что она нам еще надоест.

– Почему ты так думаешь?

– Да потому что, кроме борьбы с иероглифами майя и тайнами тамплиеров, нам еще предстоит побороться и с тамошними кусающимися, царапающимися и жалящими тварями, которые ждут не дождутся, когда мы к ним приедем. Уж они-то сумеют оказать нам «теплый» прием.

...Хотя огромна моя боль,
Хотя скорбит душа моя-а-а,
Расстанусь скоро я с тобой,
И в этом виноват не я-а-а...
Ведь я всегда тебя любил,
А ты врала, ты мне врала-а-а.
Каким же я наивным был!
И вот любовь моя прошла-а-а...
Хотел я быть с тобой одной,
Тобю бредил, как во сне-е-е.
Но ты смеялась надо мной,
И сердце ты разбила мне-е-е...

Наконец, преодолев почти семьдесят километров по пыльной и покрытой рытвинами дороге, мы выехали на берег реки Ла-Пасьон, где нам предстояло расстаться с Марио, а заодно и с его компакт-дискон с нескончаемыми хитами группы «Мачо из Кулиакана», которыми он мучил нас в течение всего пути. Мы выгрузили из пикапа все свое имущество, а затем немного прошлись, чтобы размять ноги. После этого мы позавтракали цыпленком и жареными бананами в ржавой металлической будке, которая считалась здесь придорожным баром. Подкрепившись, мы втроем отправились на поиски лодочника – нам нужна была

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
достаточно большая лодка, чтобы на ней можно было сплавиться со всем нашим снаряжением вниз по реке.

Менее чем через час мы уже плыли по Усумасинте на оснащенной мотором каюке[47], огибая огромные камни, торчавшие за каждым изгибом этой реки в самом неподходящем месте, и решительно устремляясь в бесчисленные быстрины, которые благодаря искусству Пабло, нашего лодочника, нам удавалось благополучно преодолевать.

Когда мы оказались на относительно спокойном участке реки, я, стараясь не раскачивать лодку, перебрался поближе к Пабло.

– Вот уж не думал, что Усумасинта окажется такой бурной рекой! – крикнул я, стараясь заглушить своим голосом шум мотора.

– Это еще пустяки, сеньор! – крикнул в ответ Пабло. – ниже того места, где я вас высажу, речушка становится и в самом деле очень прыткой!

– В таком случае, – заметил я, – остается только порадоваться, что мы сойдем на берег раньше, а то мне кажется, что плыть по этой реке довольно опасно.

Пабло, держа руку на руле, в знак согласия кивнул, а затем снова сосредоточил все свое внимание на реке, потому что течение впереди нас опять убыстрялось, превращаясь в хаос из белой пены и коричневой воды, грохочущей возле огромных камней, которые иногда полностью накрывались волнами и пропадали из виду.

Мы спустились вниз по реке в течение более чем пяти часов, и уже начало смеркаться, когда Пабло вдруг снизил обороты мотора, и тот заработал так тихо, что стали слышны звуки, доносившиеся из окружавшего нас со всех сторон тропического леса. Показав рукой на видневшееся над верхушками деревьев громадное сооружение из серого камня, он выкрикнул всего лишь одно слово, однако все мы услышали в его голосе искреннее восхищение и страх:

– Яшчилан!

В опустившихся сумерках выгрузка с лодки на берег среди густых тропических зарослей оказалась совсем не таким романтическим занятием, каким я представлял ее себе в течение нашего многочасового пути. Это объяснялось тем, что все москиты мира, как нам показалось, вдруг дружно решили прилететь в эту точку земного шара и атаковать незваных гостей. Однако у меня не было никаких сомнений в том, что уже на следующее утро я с лихвой возмещу временно возникший дефицит романтики.

Условившись с Пабло, что он приедет через две недели и привезет нам питьевую воду и продукты питания, мы простились с ним. Какое-то время мы смотрели на стремительно удаляющуюся лодку и, когда она полностью исчезла из виду, в полной мере осознали, что теперь мы остались в тропическом лесу совершенно одни и без какой-либо связи с внешним миром.

Однако через несколько секунд неугомонные москиты вывели меня из задумчивого состояния и я, открыв свою сумку, поспешно достал из нее дорожную аптечку.

– Держи, – сказал я Кассандре, протягивая ей прозрачный флакон с красной жидкостью. – Натри этим все открытые места на теле.

– А что это? – поинтересовалась она, посветив на флакон фонариком.

– «Оралдин». Он немного липкий, но зато его боятся москиты. Вот увидишь, они не будут тебя кусать.

Кассандра подняла голову и направила свет своего фонарика на меня.

– Жидкость для полоскания рта? Ты что, шутишь? А какого-нибудь нормального средства от москитов у тебя нет?

– Лучше уж послушайся моего совета, Касси. Здесь очень много различных типов москитов, и ни одно из существующих средств не способно отпугнуть их всех. А если ты натрешь себе кожу вот этим, – настойчиво произнес я,

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
показывая на флакон, – то есть гарантия, что ни одна тварь к тебе даже не подлетит.

– Какая гадость! – Кассандра с отвращением посмотрела на содержимое флакона. – Но раз уж другого выхода нет, то придется натереться ею, а иначе меня тут сожрут живьем.

Тщательно намазав открытые участки кожи красной жидкостью, Касси передала флакон профессору, который отнесся к этому средству с таким же скептицизмом, как и она, но, тем не менее, все же последовал ее примеру. Затем профессор отдал флакон мне, и я тоже тщательно натер себе кожу липкой красной жидкостью. Решив таким образом проблему с москитами, я предложил своим друзьям плотно поужинать, а затем сразу лечь спать, потому что следующий день обещал быть долгим и тяжелым.

Пока мы ели при свете своих фонариков спагетти с болонским соусом, вокруг нас вились мириады кровососущих насекомых, которые хотя и не кусали нас, но своим жужжанием так действовали на нервы, что невольно возникало желание бросить ужин и укрыться от этих тварей, нырнув в реку. К счастью, когда стало совсем темно, москитов значительно поубавилось, и мы, воспользовавшись этим, побыстрее доели спагетти и, достав свои гамаки, стали крепить их к деревьям, стоявшим вокруг маленькой поляны, которую мы использовали в качестве трапезной.

Закрепив свой гамак, я проверил упругость стволов деревьев, к которым я его привязал, затем смазал обернутые вокруг стволов веревки специальным маслом, отпугивающим муравьев, и отправился помогать своим товарищам.

Увидев, что Кассандра, у которой, как я понял, имелся кое-какой опыт пребывания в лесу, идеальным образом закрепила свой гамак, я подошел к профессору, уже заканчивавшему в этот момент обвязывать веревку вокруг ствола.

– Извините, проф, но вам, боюсь, придется все переделать.

Кастильо, обернувшись, невольно ослепил меня светом своего фонарика.

– Переделать? С чего бы это, позволь тебя спросить? Лично мне кажется, что я все сделал прекрасно.

– Да нет, о «прекрасно» не может быть и речи. Все очень плохо. Проблема в том, что ваш гамак висит слишком близко к земле.

Взглянув, профессор оценил расстояние, отделявшее гамак от земли.

– А мне кажется, что вполне нормально. Я не хочу упасть с высоты, когда буду вставать утром.

– Ну, вам виднее, – равнодушно сказал я, пожимая плечами. – Однако когда вы заберетесь в гамак, он под вашим весом провиснет сантиметров на тридцать-сорок. Поэтому, зная, что тут наверняка водятся необычайно ядовитые змеи, скорпионы, тарантулы и прочие симпатичные лесные обитатели, я бы на вашем месте закрепил гамак повыше. Но если вам на все это наплевать, то я не буду приставать к вам со своими советами.

С этими словами я отвернулся и пошел прочь, слыша, как за моей спиной чертыхается профессор и как трутся о кору дерева перевязываемые им веревки.

Я забрался в свой гамак, установил москитную сетку и, пробормотав себе под нос «Спокойной ночи!», позволил усталости окончательно одолеть меня. И тут, когда я закрыл глаза и расслабился, до меня стали доноситься звуки тропического леса. Из окружавшей нас непроницаемой тьмы слышались завывания обезьян, хлопанье крыльев неведомой мне ночной птицы, шорох в кустах, по которым ползал какой-то безобидный грызун. Внимая этим звукам, я уснул с мыслью о том, что, как несколько лет назад объяснил мне один коста-риканский биолог, кровожадные ягуары убивают своих жертв очень тихо, и первый звук, благодаря которому вы догадаетесь о присутствии ягуара, будет и последним звуком, услышанным вами при жизни.

Первые лучи утреннего солнца упорно пытались пробиться сквозь густой

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
балдахин, состоявший из миллионов листьев тропических деревьев, почти полностью скрывавших от нас небо; шумные попугаи ара переругивались между собой, сидя на высоко расположенных ветках, а целая семейка обезьян-капуцинов с любопытством наблюдала за нами с близлежащего бумажного дерева.

Лежа в гамаке, я смотрел, как великолепный тукан стремительно перелетает с одного дерева на другое. И тут, нарушая всю эту утреннюю идиллию и заставляя живых существ во всей округе замолкнуть, из глубины леса донесся зычный рев, от которого у меня волосы встали дыбом, а состояние приятной утренней дремы, в котором я пребывал, моментально улетучилось.

– О господи, ягуар! – с ужасом воскликнул профессор.

– Успокойтесь, проф, – стараясь сохранять невозмутимость, произнес я. – Никакой это не ягуар.

– Как не ягуар? – удивился профессор, приподнимаясь в своем гамаке. – Хочешь сказать, что это кот? Неужели ты не заметил, что даже птицы притихли?

– Нет, это не кот, проф. Это обезьяна.

Даже не глядя на профессора, я был уверен, что он, сидя сейчас в гамаке, нахмурился.

– Издеваешься надо мной? Обезьяны такого рева не издают!

– Улисс прав, профессор, – вмешалась Касси. – Звуки, которые вы только что слышали, – это сигнал самца обезьяны-ревуна, предупреждающего, что эта территория принадлежит ему.

– Ну и напугала же меня эта чертова обезьяна! Я едва не наложил в штаны! – сердито пробормотал профессор. Он стал внимательно всматриваться в густую листву, откуда донесся рев, словно пытаюсь увидеть напугавшую его обезьяну.

– В этом нет ничего удивительного. В качестве утешения могу вам сообщить, что все, кто впервые слышит этот рев, пугаются не меньше вас.

Окончательно проснувшись от услышанного нами «сигнала» самца-ревуна, мы вылезли из гамаков, тщательно осмотрели свою верхнюю одежду и обувь и, не найдя в ней ни пауков, ни змей, быстренько оделись. К нашему удивлению, утро, в отличие от жаркой и душной ночи, было довольно прохладным, а потому нам пришлось достать из дорожных сумок и надеть на себя еще по одной рубашке.

– Ну и ночка! – ворчливо сказала Кассандра. – Мало того, что я не привыкла спать в гамаке, так еще и всякие твари орал в лесу, жарница была жуткая, а от этого гнусного средства, которым я намазалась, ко мне все прилипло. Мне удалось поспать часа два, не больше.

– Часа два?! – ухмыльнувшись, переспросил профессор. – Да тебе крупно повезло! Я спал не больше десяти минут.

– Вот и прекрасно, – спокойно произнес я, доставая банку с кофе. – Зато будете крепче спать следующей ночью.

– Спасибо, утешил... – пробурчал себе под нос профессор.

Касси, засунув руку в свою дорожную сумку и порывшись там, достала полотенце.

– А я перед завтраком хочу искупаться в реке, – решительно заявила она, – Не могу больше чувствовать себя такой потной и липкой.

– Будь поосторожнее с течением, – предупредил я, отрывая взгляд от горелки.
– И не угоди в пасть к кайманам.

– У берега, где мы сходили с лодки, нет никаких течений. А если учесть, что я умираю от голода, то это кайманам нужно остерегаться, как бы не угодить ко мне в пасть. Так что до встречи, – сказала Касси, а затем, уже удаляясь,

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
добавила: – Кстати, тосты мне нравятся с маслом, а круассаны – хорошо подогретыми!

Набив желудки приготовленной на скорую руку едой, спрятав продукты в надежное место, чтобы их не утащили местные лесные клептоманы типа коати, наполнив фляги питьевой водой из пластиковых бутылей и уложив снаряжение, которое могло нам понадобиться, в сумки, мы отправились к руинам Яшчилана.

Мы шли по узенькой тропинке, внимательно глядя себе под ноги, потому что нам отнюдь не хотелось случайно наступить на какую-нибудь из ядовитых змей – например медянку, – которых, как сообщил нам лодочник Пабло, в здешних местах было больше, чем муравьев. Тропинка вилась параллельно реке среди густого кустарника, а слева и справа от нее высились огромные бумажные деревья и красные кедры. Минут через десять ходьбы мы уже увидели первые развалины сооружений древних майя. Поначалу это были всего лишь груды камней, едва заметных среди разросшегося кустарника, однако метров через двести мы натолкнулись на впечатляющую квадратную площадь, окруженную мощными сооружениями с прямоугольным основанием и ступенчатыми фасадами. Фасады эти были похожи на лестницу с гигантскими ступенями, в каждой из которых виднелись ниши размером с небольшую комнатку. На каменных стенах ниш еще издавлека угадывались вырезанные иероглифы. На самой площади росло примерно два десятка молодых деревьев: их корни уходили в землю между каменными плитами, устилавшими почти всю ее поверхность. Чуть дальше виднелась еще одна площадь – примерно таких же размеров, соединенная с первой узким проходом между постройками.

Мы шли молча, испуганно оглядываясь по сторонам и не решаясь произнести хотя бы слово, чтобы передать охватившие нас чувства. Царившую здесь торжественную тишину нарушал лишь глухой гул бурной Усумасинты, протекавшей справа на расстоянии менее ста метров от руин, да еще легкое хлопанье крыльев попугаев ара, которые обычно вели себя очень шумно, но в этом месте, как мне показалось, даже они боялись издать малейший звук.

Я еще никогда не бывал в местах, подобных этому, а потому мое сердце невольно сжималось уже от одного только вида таких величественных и малопонятных для меня строений. Ни одно из возведенных человеческими руками творений, которые мне раньше доводилось видеть, не могло сравниться с тем, что было здесь. У меня возникло ощущение, что я либо смотрю научно-фантастический фильм, либо вообще нахожусь на другой планете.

И даже царившая здесь тишина казалась какой-то нереальной.

Жизнь в этом городе угасла много-много веков назад, однако его развалины производили такое впечатление, как будто в них таилось нечто живое, и это живое относилось к незванным пришельцам явно недоброжелательно.

Испытывая едва ли не благоговение, мы стали бродить среди развалин, останавливаясь у каждой каменной стелы, которая более-менее хорошо сохранилась. Эти древние стелы были украшены барельефами и иероглифами, и мы фотографировали их весьма кстати прихваченным с собой цифровым фотоаппаратом.

Мы посвятили все утро осмотру руин, и к полудню у нас сложилось довольно четкое представление о планировке древнего города майя и взаимном расположении его основных сооружений – храмов, жилищ знати и жрецов, различных каменных стел. Многие строения были украшены странными рисунками, смысл которых мне был, конечно же, непонятен. Самым величественным сооружением среди всего архитектурного ансамбля была пирамида, построенная на вершине пологого холма, примыкавшего к площади, которую мы обнаружили сегодня утром самой первой. Именно эту пирамиду, а точнее, ее возвышавшуюся над кронами деревьев верхушку, мы увидели вчера, когда причаливали на лодке Пабло к берегу. Вблизи она оказалась еще более величественной, а на ее вершине находилась надстройка – по-видимому, святилище – с большим фронтальным входом и несколькими внутренними помещениями, стены которых кое-где были покрыты иероглифами. Оттуда, с вершины пирамиды, открывался превосходный вид на весь архитектурный комплекс, и я, стоя там, смог оценить предусмотрительность основателей города, построивших его на участке, который почти со всех сторон огибала бурная река. С внешним миром этот город был соединен лишь узкой полоской земли, заблокировать которую в случае нападения врагов не составило бы большого труда.

Когда солнце начало потихоньку клониться к закату, мы решили вернуться. Спустившись с «пирамиды на холме» по длинной каменной лестнице, простирающейся аж до основания холма, мы прошли мимо стоявшей там каменной стелы, пересекли площадь, которую стали называть теперь Центральной площадью, и отправились по уже знакомой тропинке в свой лагерь.

Я занялся благоустройством лагеря и приготовлением пищи, а Касси и профессор, усевшись рядом, стали сопоставлять свои записи и обсуждать то, на что они сегодня обратили внимание. Закончив свою работу, я подошел к ним. Они в этот момент склонились над портативным компьютером, питающимся от солнечной батареи, и начали переписывать на жесткий диск сделанные сегодня фотоснимки, чтобы затем рассортировать их в зависимости от места съемки.

– Вы, я вижу, решили сосредоточиться на иероглифах, – сказал я. – Вы их уже все сфотографировали?

– Как бы не так! – оживившись, воскликнула Касси. – Всего лишь малую часть. Их там еще несколько тысяч.

– По правде говоря, мне непонятно, зачем вы этим занимаетесь. Даже если вы сфотографируете абсолютно все эти странные рисунки, у вас уйдут целые годы на то, чтобы перевести их на испанский язык, а в конечном счете может выясниться, что они не несут никакой информации, которая помогла бы нам найти то, что мы ищем.

– В этом ты абсолютно прав, – с беззаботным видом согласилась Кассандра, – особенно если учесть, что никто из нас двоих, – она показала на себя и профессора, – не является специалистом по иероглифической письменности майя.

– Ты шутишь?!

– Вовсе нет, Улисс, – спокойно произнес профессор. – У меня нет об этой письменности ни малейшего представления, а сеньорита Брукс, насколько я вижу, знает о ней немногим больше, чем я.

– Тогда какого черта вы этим занимаетесь?

– Мы готовим базу данных, – уклончиво ответил профессор.

В начале этого разговора мне казалось, что они шутят, но теперь я всерьез забеспокоился.

– Если я вас правильно понял, вы собираетесь потратить время, которое мы пробудем здесь, на фотографирование нескольких тысяч иероглифов, заведомо зная, что все равно потом не сможете прочитать их, да?

– А вот этого я не говорила, – возразила Кассандра.

– Как это не говорила? Вы только что признались, что ни один из вас ничего не смыслит в этих иероглифах!

Кассандра, улыбнувшись, легонько похлопала ладошкой по лежащему у нее на коленях портативному компьютеру.

– Мы – не смыслим, – сказала она, а затем, посмотрев с почти материнской нежностью на компьютер, добавила: – А он – еще как смыслит. – Она улыбнулась и кивнула на экран. – По правде говоря, тут нет ничего сложного. На этом компьютере установлена программа, разработанная моими коллегами по университету. Она, правда, еще толком не испытана, но мои коллеги все же любезно согласились передать мне ее через Интернет.

– А как она работает?

– Принцип работы этой программы заключается в том, что она сравнивает фотографические изображения иероглифов с содержанием прилагаемой к ней базы данных, в которую занесено большинство из известных иероглифов майя с указанием их возможных значений. – Продолжая рассказывать, Касси вывела на левую часть экрана один из сфотографированных ею иероглифов, напоминая

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
голову ягуара со странным хоботом, заданным вверх. – Компьютер просматривает всех возможных «кандидатов», определяет, какой из них является наиболее подходящим, и через несколько секунд... – Касси замолчала, наблюдая за тем, как в правой части экрана появился рисунок, очень похожий на сделанный ею фотоснимок, – бах! и мы получаем его перевод на испанский язык. В данном случае программа сообщает, что иероглиф соответствует слову «Соц», то есть названию четвертого месяца календаря майя.

– Мне даже не верится. Как может компьютер идентифицировать рельеф, представленный на двухмерной фотографии?

– В этом-то и состоит главная особенность, потому что эта компьютерная программа на самом деле ничего не идентифицирует. Она просто сравнивает сочетания светлых и темных точек на фотографии и рисунках из базы данных и делает это до тех пор, пока не натолкнется на сходное изображение.

Профессор, слушая Кассандру, кивал с таким видом, как будто она излагала прописные истины.

– Я все равно ничего не понимаю, – признался я.

– Тогда давай я приведу тебе пример. Ты видел когда-нибудь фильм про полицию, в котором снимают оставленные преступником отпечатки пальцев, а затем при помощи компьютера проверяют наличие схожих отпечатков в имеющейся у полиции базе данных?

– Да, конечно.

– Так это то же самое. Программа, которую мне предоставили коллеги по университету, не имеет ни малейшего понятия об иероглифике майя – она всего лишь анализирует сочетания светлых и темных точек на фотографии и ищет среди имеющихся в базе рисунков тот, у которого были бы примерно такие же сочетания.

– Теперь понятно... – сказал я, кладя руку на плечо Кастильо. – А если мы вместо фотографии иероглифа майя введем в компьютер фотографию профессора в его смешных штанишках...

– Скорее всего, он покажет тебе самый похожий на него иероглиф и сообщит его возможные значения.

– Давай проведем эксперимент!

Профессор отстранил мою руку и посмотрел на меня поверх очков.

– А почему бы не провести эксперимент над тобой? – сердито спросил он. – Мы тогда узнали бы, был ли у майя иероглиф, символизирующий такого пустомелю, как ты.

Мы стали упорядочивать информацию, полученную нами в ходе нашего первого знакомства с развалинами Яшчилана, а заодно обсуждать свои планы на завтра. В частности, мы собирались тщательно осмотреть все до единого сооружения, чтобы затем вместе проанализировать результаты исследования.

Незаметно подкрался вечер, а вслед за ним и тропическая ночь с ее многообразием издаваемых различными живыми существами звуков. Следуя уже установившейся процедуре подготовки ко сну, мы намазались жидкостью для полоскания рта, поужинали в обществе бесчисленных mosquitos, а затем каждый забрался в свой гамак – под защиту москитной сетки.

Пожелав друг другу спокойной ночи, мы выключили фонарики, и вся округа погрузилась в темноту.

А ведь с тех самых пор, как человек стал человеком, больше всего на свете он всегда боялся темноты. И мы трое, конечно же, не были исключением.

Потя от жары в своих гамаках, мы тщетно пытались заснуть, а вокруг, причем очень близко, шевелились кусты, дрожала листва, раздавались жуткие крики животных, словно предупреждая о надвигающейся опасности... Если хорошенько прислушаться, то можно было даже различить – или же просто вообразить себе, что в данном случае было почти одно и то же, – как покрытые чешуйками

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
длинные тела рептилий чиркают по влажной почве тропического леса.

Человеку очень трудно заснуть, когда он чувствует себя абсолютно беззащитным перед смертью, которая может нагрянуть в любой момент, причем в самых различных формах: то ли это будет внезапное нападение голодного ягуара, то ли укус незаметно подкравшейся ядовитой змеи, то ли просто укус комара, являющегося носителем вируса малярии или тропической лихорадки.

Тропический лес – это среда, весьма далекая от цивилизации. Она находится на другом конце мира, который мы считаем покоренным людьми и по которому шагаем с гордо поднятой головой, наивно веря в иллюзию собственной безопасности.

Тропический лес – это место, где человек неожиданно для самого себя начинает осознавать, что он – всего лишь бесшерстная обезьяна, которую запросто могут убить, не спрашивая ни у кого разрешения и не обосновывая своих действий, очень многие из самых невзрачных лесных тварей. В тропическом лесу ты переосмысливаешь суть борьбы за существование и уже по-новому смотришь на свои прежние ежедневные хлопоты и заботы. В тропическом лесу ты очень быстро приходишь к пониманию того, что тебя не защитит никакой бог, что книги жалоб здесь нет и что, хотя ты сейчас здоров и жизнерадостен, всего лишь через секунду можешь стать просто куском мяса. И никто здесь не будет играть на похоронах усопшего и собирать пожертвования его родственникам.

Тропический лес, как и война, тесно связан со страхом, болью и смертью. А еще с переосмыслением ценностей.

Тропический лес – это жизнь в ее экстремальных проявлениях.

38

Посреди ночи совершенно неожиданно начался ливень, который не только насквозь промочил все наши вещи, но и превратил тропинку, ведущую к руинам города, в сплошное месиво. Профессор, с трудом отрывая ступни от липкой грязи, шагал впереди меня. На его руках остались следы от нескольких десятков укусов москитов, а то, что еще совсем недавно было его любимой рубашкой, теперь превратилось в синюю тряпку. Учитывая отросшую за это время щетину на щеках, профессора Кастильо можно было сравнить с жертвой кораблекрушения. Казалось, что от импозантной внешности почтенного преподавателя средневековой истории ничего не осталось.

Прошло уже одиннадцать дней с того момента, как Пабло высадил нас со своей лодки на берег тропической реки. Одиннадцать Долгих и жарких дней, на протяжении которых мы напряженно работали почти в экстремальных условиях. Нам и в самом деле пришлось очень тяжело, потому что у профессора случился приступ какой-то странной лихорадки (возможно, первый симптом малярии), а меня укусил в левую ладонь решивший поселиться в моей дорожной сумке тарантул. В результате рука распухла и я пару дней мучился от головокружения и рвоты.

Счастливым исключением среди нас была Кассандра, сумевшая не только лучше меня и профессора приспособиться к окружающему нас зеленому аду, где каждый день казался вечностью, но и избежавшая каких-либо злоключений в общении с местной фауной. К тому же она не унывала, а наоборот, по мере того как ее понимание вырезанных на каменных стенах иероглифов улучшалось, все больше и больше проникалась энтузиазмом.

Контраст между Кассандрой и нами, двумя мужчинами, был разительным, потому что если мы с профессором напоминали двух оборванных попрошайек, участвовавших в уличной драке, то Касси выглядела такой бодрой и жизнерадостной, как будто только что вернулась с какого-то курорта. Она каждое утро настойчиво призывала меня и профессора «не обращать внимания на небольшие трудности» и «не делать вид, что мы устали». К моему удивлению, ей удалось расшифровать большую часть сфотографированных ею иероглифов майя – конечно же, с помощью пришедшейся очень кстати компьютерной программы, позволяющей переводить эти иероглифы на испанский язык. Усевшись на пне или камне и положив портативный компьютер себе на колени, Касси часами стучала своими изящными пальчиками по клавишам, и мне временами даже казалось, что она стала неотъемлемой частью развалин Яшчилана.

Как мы с профессором ни настаивали, Кассандра наотрез отказалась делиться с нами результатами своих исследований, мотивируя это тем, что еще рано делать какие-либо выводы. Правда, время от времени она отправляла то меня, то профессора еще раз сфотографировать какой-нибудь конкретный иероглиф или же очистить от растительности при помощи мачете ту или иную часть развалин. В сложившейся ситуации мы, естественно, вскоре стали воспринимать Кассандру как руководителя нашей экспедиции, тем более что она не только была единственным среди нас археологом, но и буквально пылала оптимизмом, которого мне с профессором, наоборот, явно недоставало. Лично я – хотя Кассандра и уверяла меня, что она уже значительно продвинулась в своей работе, – не видел никакого прогресса в наших поисках и с каждым днем все больше падал духом. Я постоянно думал о том, что сокровища тамплиеров могли находиться буквально под нашими ногами, а мы до сих пор не выкопали в земле даже маленькой ямки.

– Мы торчим здесь уже почти две недели, – сердито сказал я Кассандре, – и у меня складывается не очень-то приятное впечатление. Тебе не кажется, что мы по-прежнему топчемся на том, с чего начали?

– Топчемся на том, с чего начали? – переспросила Кассандра.

– Да, именно так. У нас до сих пор нет уверенности, что сокровища находятся среди руин Яшчилана, но вместо того чтобы искать их всеми возможными способами, мы за время своего пребывания здесь успели лишь сфотографировать пару тысяч иероглифов, от которых, похоже, все равно не будет никакого толку.

– Как сказать... – задумчиво произнесла Кассандра. – Благодаря этим иероглифам я узнала очень многое об истории Яшчилана и теперь могу понять смысл некоторых из них даже без помощи компьютера.

– Замечательно! Ты теперь – настоящий эксперт по письменности майя. Однако позволь тебе напомнить, что мы не для того рискуем своим здоровьем и жизнью, чтобы изучать граффити двухтысячелетней давности.

– Я знаю. Но если мы хотим разыскать эти чертовы сокровища, мне вначале нужно найти побольше письменных подтверждений того, что их сюда привезли.

– Побольше? Ты хочешь сказать, что ты уже что-то нашла?

Кассандра с серьезным видом посмотрела на меня и скрестила руки на груди.

– Как только я буду в этом уверена, – спокойно ответила она, – то сразу же тебе сообщу.

– А когда, по-твоему, у тебя появится такая уверенность?

– Я делаю все, что в моих силах, но вряд ли смогу определить для себя какой-то конкретный срок.

– Ну что ж, хорошо. Однако не забывай, что мы не получили разрешения на проведение подобных исследований, и если власти твоей страны узнают о нашем самовольном решении, то нас либо вышвырнут отсюда куда подальше, либо посадят в тюрьму.

Придя вдвоем с профессором на Центральную площадь, я увидел там Кассандру, которая, по-видимому, проснулась намного раньше нас и уже занималась тем, что внимательно изучала каменную стелу, расположенную у основания лестницы, ведущей к вершине «пирамиды на холме». Ее волосы были заплетены в косичку, а одета она была в простенькую рубашку и необычайно грязные шорты. Однако, несмотря на более чем скромное одеяние, Кассандра этим утром показалась мне удивительно красивой. Со своим милым личиком и изящной фигуркой она органично вписывалась в окружающее нас архитектурное и растительное великолепие, чего отнюдь нельзя было сказать обо мне и профессоре – оборванцах, оскорблявших это великолепие уже одним своим присутствием.

Кассандра так увлеклась рассматриванием вырезанных на каменной стеле иероглифов, что не заметила нашего появления, и только когда я крикнул ей издали «Доброе утро!» – признать, это утро мы отнюдь не считали добрым, – она повернулась к нам и сделала знак, чтобы мы подошли к ней.

– Что нового? – поинтересовался я. – Еще одна фотография для нашей коллекции?

Кассандра проигнорировала мою иронию и с бодрым видом ответила:

– Хватит с нас фотографий! Лучше взгляните вот на это.

Мы с профессором без особого энтузиазма приблизились к стеле и уставились на вереницу иероглифов, повествующих о каких-то малопонятных для нас событиях. За время нашего пребывания здесь мы успели повидать далеко не одну сотню точно таких же. Самый первый из них представлял собой изображение мужчины, тело которого было украшено перьями, на голове – что-то вроде шлема в виде головы ягуара, а руки раскинуты в стороны в знак дружеского приветствия, обращенного к странному существу. Это существо, похожее на пернатого змея с ужасными зубами, бросало сияющее солнце, снабженное глазами, носом и ртом, в открытую пасть находящегося рядом с ним еще одного фантастического существа.

Мы довольно долго рассматривали эти иероглифы, пока профессор не озвучил то, что вертелось на языке у меня самого:

– Лично я тут ни черта не понимаю, сеньорита Брукс. Даже не догадываюсь, что, по-вашему, я должен здесь увидеть.

Кассандра посмотрела на нас каким-то странным взглядом, словно бы ее удивила наша неспособность вникать в смысл иероглифов майя.

– Ладно, я вам сейчас все объясню.

Она стала поглаживать ладшкой поверхность стелы с таким видом, как будто это было ее самое ценное достояние,

– То, что вы видите здесь, – одна из самых последних иероглифических записей, высеченных на камне в этом городе в тот период, когда он был уже почти заброшенным и использовался главным образом как религиозный центр – религиозный центр индейцев племени лакандонов, которые до сих пор приходят сюда в дни разных знаменательных событий.

– Это те самые индейцы, которые населяют данный регион и живут в хижинах, сделанных из глины и соломы? – удивленно спросил я. – Это они здесь все построили?

– Да, они. Точнее, их предки. Так вот, к тому времени, когда на данной стеле вырезались иероглифы, прошло уже несколько веков, как умер последний правитель Яшчилана – Кинич Татбу Череп III...

– Ну, если у него было такое имя, то неудивительно, что он стал последним в своей династии, – усмехнулся я.

Кассандра, проигнорировав мою реплику, продолжала:

– Где-то через пятьсот тунов после его смерти, то есть примерно через пятьсот лет, произошло необычайное событие, которое заставило майя высечь на этом камне упоминание о нем.

Касси посмотрела на меня, и по блеску в ее глазах я догадался, что ей удалось узнать нечто очень важное.

– То, что вы видите слева, – это, скорее всего, жрец майя в своем ритуальном одеянии, которое украшено перьями птицы кетцаль. Справа от него – бог Кукулькан, изображенный в виде пернатого змея, кладущего в рот Ах-Пуча, бога смерти и владыки мира мертвых, подарок, представляющий собой Ицамну – бога солнца, владыку небес и создателя того мира, в котором жили майя. А вот эти иероглифы рассказывают о том, – произнесла Касси и провела ладонью по вырезанному на камне замысловатым рисункам, – что бог Кукулькан на протяжении нескольких десятков лет не раз приходил в город Яшчилан и что он, появившись здесь в последний раз, сделал большое подношение богу Ах-Пучу, а затем отправился на юг и никогда уже больше сюда не возвращался.

Произнеся эти слова, Кассандра с победоносным видом посмотрела на меня и

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
профессора, ожидая, наверное, что мы сейчас начнем рукоплескать ей.

– Извините меня, сеньорита, – сказал профессор, явно не собиравшийся хвалить ее, – но вы упомянули так много всяких богов, что я в них просто запутался.

– Ой, нет, это вы меня извините. Я иногда забываю о том, что вы не так хорошо знакомы с мифологией майя, как, скажем, я. – Касси на мгновение замолчала, собираясь с мыслями. – Видите ли, вот этот украсивший себя перьями дядечка, как я вам уже сказала, является жрецом, а змей справа от него – это самое главное божество в религии майя. Оно более широко известно по его ацтекскому наименованию – Кетцалькоатль...

– Один момент! – перебил Кассандру профессор. – Это божество, по-моему, знакомо мне. Не тот ли это бог, с которым ацтеки спутали испанских конкистадоров?

– Именно так! – оживившись, подтвердила Касси. – Существует легенда, что за много веков до прибытия испанцев бородатый светлокожий бог приплыл сюда по морю с той стороны, откуда восходит солнце, и правил на этих землях в течение нескольких лет. Затем он, не давая никаких объяснений, отправился туда, откуда приплыл, однако пообещал, что когда-нибудь вернется, чтобы править всеми народами майя.

– Думаешь, это мог быть тамплиер? – спросил я, чувствуя, как меня охватывает волнение.

– Вряд ли, – отрицательно покачала головой Кассандра. – Эта легенда повествует о гораздо более древних событиях. Возможно, этим «богом» был какой-нибудь финикийский или греческий мореплаватель, попытавшийся определить, где же находится граница мира. Существует даже предположение, что им был человек, ставший главным героем «Одиссеи» Гомера и что именно он вдохновил знаменитого древнегреческого сказителя на создание поэмы о таком невероятном путешествии.

– Ты имеешь в виду...

– Да, Улисс, твоего тезку[48]. Так или иначе, но с тех пор все светлокожие бородачи, которые высаживались на побережье Центральной Америки, воспринимались местными жителями как потомки легендарного Кетцалькоатля, который вернулся, чтобы выполнить свое обещание.

– Именно так здесь и были восприняты испанцы, – подтвердил профессор, который внимательно слушал Кассандру.

– А возможно, и тамплиеры, – добавил я.

– Я к этому и веду, – сказала Кассандра. – Вы теперь знаете, что у майя была страсть к датированию всех происходивших в их жизни событий: войн, рождений, смертей, жертвоприношений, прочих религиозных церемоний. И конечно же, изображенные на этой стеле события не являются исключением.

Мы с профессором молча уставились на Кассандру, подозревая, что она сейчас сообщит нам нечто сногшибательное.

– Если говорить более конкретно, – продолжила Касси, – то на данной стеле, посвященной подношению, сделанному кукульканом-Кетцалькоатлем, фигурирует следующая дата: восьмой тун четвертого катуна одиннадцатого бактуна первого длинного счета. Это соответствует четыре тысячи четыреста двадцать второму году с момента создания календаря майя.

– А нельзя ли перевести это на более понятное для нас христианское летоисчисление? – пробурчал я.

Кассандра, довольная тем, что ей удалось запутать меня, улыбнулась.

– Нулевой год майя соответствует по григорианскому календарю три тысячи сто четырнадцатому году до нашей эры, а поэтому, если мы отсчитаем от него упомянутые мною четыре тысячи четыреста двадцать два года, то получим...

– ...тысяча триста восьмой год от Рождества Христова! – воскликнул профессор.

– Получается, что это произошло на следующий год после того, как суда тамплиеров выплыли из Ла-Рошель!

Кассандра сделала паузу, чтобы перевести дыхание, а заодно этой паузой придать весомость своему умозаключению, о котором она собиралась сообщить.

– Вы правы, профессор, но это еще не все, – с торжествующей улыбкой заявила Касси. – После того как я тщательно изучила возможные переводы высеченных на этой стеле иероглифов, – она снова сделала паузу, а затем голосом академика, выступающего на научном конгрессе, продолжила: – я пришла к выводу, что бог-солнце может означать большое подношение в виде золота. Что касается Кетцалькоатля, то, по всей видимости, он символизирует светлокожих людей, явившихся в Яшчилан в тысяча триста восьмом году. Ну а под Ах-Пучем, исходя из мифологии майя, здесь подразумевается так называемый сенот – большой природный колодец, образовавшийся в известняковой породе под воздействием подземной реки.

– Это означает...

– Это означает, что я ни минуты не сомневаюсь в том, что наши друзья-тамплиеры прибыли сюда и решили – с благословения местных жрецов! – замаскировать привезенные ими сокровища ордена Храма под видом подношения богам майя. Для этого они опустили их на дно сенота, который, если я, конечно, не ошибаюсь, должен находиться где-то поблизости.

Разложив подробную военно-топографическую карту местности на большой каменной плите, которая, по словам Касси, когда-то использовалась для совершения человеческих жертвоприношений, мы стали искать предполагаемое местонахождение сенота.

– Судя по карте, ближайший сенот находится от нас более чем в ста километрах, – разочарованно сказал профессор.

Кассандра выпрямилась и окинула нас сердитым взглядом.

– А я думаю, что данная карта недостаточно подробная или, возможно, этот колодец пока еще не обнаружили, – возразила она. – Могу вас заверить, что выводы, которые я сделала на основе анализа иероглифов, – правильные. Ошибка исключена.

– Я в этом не сомневаюсь, – спокойно произнес я. – Тем не менее, если я правильно понял, упомянутый тобой сенот необязательно должен находиться именно здесь. – Это всего лишь твое предположение.

Кассандра недовольно поморщилась.

– По-твоему, они понесли на своих спинах несколько тонн золота дальше в сельву, а эти иероглифы были высечены на стеле просто для отвода глаз?

– Касси, ну чего ты злишься? Нам необходимо учитывать все допустимые в этой ситуации варианты.

– В таком случае мой вариант, который ты считаешь ошибочным, можешь прямо сейчас выкинуть из головы, – в сердцах выпалила Кассандра.

– Да ладно, не кипятитесь, – примирительным тоном сказал профессор. – Давайте будем исходить из того, что сенот все-таки находится где-то поблизости, однако его по какой-то причине не обозначили на карте. Почему, по-вашему, такое могло произойти?

Мы с Кассандрой переглянулись.

– Возможно, он просто очень маленький и его в этом густом тропическом лесу еще не обнаружили, – неуверенно произнес я.

Кассандра неодобрительно покачала головой.

– Мне кажется, что это все-таки маловероятно, – возразила она. – Данная территория на протяжении уже многих лет активно изучается и археологами, и военными, а потому все мало-мальски важные топографические объекты, в том числе сеноты, уже должны были быть обозначены на этой карте.

– А что здесь нужно военным? – спросил я.

Кассандра бросила на меня удивленный взгляд.

– Ты что, забыл о Сапатистской армии национального освобождения?

– А-а, да. Если мне не изменяет память, это повстанцы из числа местных индейцев, возглавляемые неким субкоманданте Маркосом. А разве боевые действия иногда докатываются и до этой части штата Чьяпас?

– Не просто докатываются, а вовсю тут ведутся. Повстанцев уже вытеснили из густонаселенных территорий, однако они засели в тропических лесах. И хотя сапатисты обычно действуют в горах, время от времени они появляются и на такой равнинной местности, как эта. По правде говоря, уже далеко не одной археологической экспедиции приходилось с ними сталкиваться.

Профессор с обеспокоенным видом провел ладонью по своим жиденьким волосам.

– И что произошло с этими экспедициями? – поинтересовался он.

– К счастью, ничего. Ведь повстанцы не грабители с большой дороги, а националистически настроенные представители майя, борющиеся за выживание своего народа и своей культуры. Как только они убеждаются, что повстречавшаяся на их пути экспедиция не собирается расхищать национальное наследие майя, они оставляют ее в покое.

– Но если посмотреть на нас с их точки зрения, – профессор, излагая пришедшую ему в голову мысль, нахмурился, – мы как раз и собираемся расхищать их национальное наследие.

– Да нет же, то, что мы ищем, не имеет никакого отношения к культуре майя... Впрочем, вы, возможно, и правы. Если мы наткнемся на повстанцев, нам будет трудно объяснить им, с какой целью мы здесь находимся.

– А не кажется ли вам, что мы отклонились от темы? – перебил я Кассандру, чувствуя, как во мне нарастает раздражение. – Пока что мы с вами не видели ни одного повстанца, и поскольку нас в данный момент гораздо больше интересует некий сенот, то давайте-ка в первую очередь думать о том, как его найти. Не стоит забивать себе голову всякими гипотетическими событиями, на которые мы все равно не сможем повлиять.

– Я с тобой согласна, – сказала Касси, – но, к сожалению, мне не приходит в голову ни одного разумного объяснения, почему этот чертов сенот не обозначен на карте.

– А если он попросту высох? – предположил профессор, по лицу которого было видно, что разговор о повстанцах вызвал у него серьезную озабоченность. – Ты же сама сказала, что сенот – это своего рода колодец. А колодцы иногда высыхают или засоряются.

Кассандра, протестуя, покачала головой:

– Нет, профессор. Хотя сеноты являются источниками питьевой воды, как и обычные колодцы, они очень сильно от них отличаются и вряд ли могут высохнуть. Они появляются в силу того, что вода из больших подземных родников, пытаясь найти себе путь под землей, вымывает в известняковой породе целые пещеры, и, когда свод какой-нибудь из этих пещер подходит слишком близко к поверхности, он обваливается, образуя сенот. Эти колодцы бывают иногда такими большими, что в них могут уйти по самую крышу даже целые жилые дома. – Кассандра устало провела ладонями по своему лицу. – В общем, сенот едва ли может высохнуть, а тем более засориться.

Мы, похоже, столкнулись с неразрешимой загадкой. Где-то поблизости от нас должен был находиться большой подземный водоем, но его почему-то не обозначили на карте.

– У меня есть только одно объяснение, – сказал я. – Вероятно, этот сенот был преднамеренно «закрит».

– Нет! Это невозможно, – решительно возразила Касси. – Для древних майя

Последний тайник. фернандо гамбоа filosofff.org
сеноты были входом в потусторонний мир, и вокруг них вращалась значительная часть их космогонии и религиозной жизни. Они никогда не стали бы «закупоривать» сенот, даже если бы он находился в завоеванном ими вражеском городе. Майя поклонялись сенотам и всегда защищали их, при-чем любой ценой.

– А я не говорю, что они «закупорили» сенот, – я имел в виду, что они «закрыли» его... от посторонних глаз. И может быть, как раз для того, чтобы защитить свою святыню.

– Я тебя не понимаю.

– В этом городе полно храмов, которые, как ты не раз объясняла мне, в одних случаях возводились в качестве гробниц правителей, а в других – как места поклонения тому или иному богу...

– Ну и что?

– Сейчас я все объясню, но сначала ответь мне на один вопрос. Тебе случайно не попадались сведения о том, что один из этих храмов посвящен богу... как его там... в общем, богу подземного царства?

– Богу смерти и владыке мира мертвых, которого звали Ах-Пуч, – поправила меня Кассандра. – Да, конечно, один из храмов посвящен именно ему. И этот храм – прямо перед нами. – Кассандра показала рукой на вершину «пирамиды на холме». Кстати, в прочитанных мною иероглифических надписях он называется Храмом сенота.

Вертевшаяся в моей голове безумная мысль при этих словах Кассандры показалась мне не такой уж и безумной.

– А не должен ли сенот находиться неподалеку от посвященного ему храма? – спросил я.

Кассанда обвела рукой простиравшееся вокруг нас пространство:

– Может, и должен, но только его здесь нет.

– А может, он есть, причем очень близко, но только его не видно.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что сенот, который мы ищем, находится прямо здесь, – ответил я, уже не сомневаясь в том, что мне удалось разгадать мучившую нас загадку. – В самом почитаемом и самом защищенном из всех мест, которые тамплиеры могли избрать для хранения своих несметных сокровищ. – Показав пальцем на каменную громадину, которая, казалось, слушала наш разговор, я добавил: – Внутри этой пирамиды.

39

– Идите скорее сюда! – крикнула Кассандра. – Мне кажется, я что-то нашла!

Я поспешно пересек несколько погруженных в полумрак небольших помещений святилища, которое было расположено на вершине «пирамиды на холме» и в котором мы все трое сейчас находились, и увидел, как Касси освещает своим фонариком участок выложенного каменными плитами пола. Присев на корточки рядом с ней, я подождал, когда подойдет профессор.

– Что случилось? – спросил Кастильо, шумно сопя после быстрой ходьбы.

– Посмотрите вот на это! – сказала Кассандра, показывая на слегка потертую каменную плиту, в центре которой виднелось какое-то вырезанное изображение.

– А что это? – поинтересовался я, вглядываясь в запутанное переплетение линий.

– Изображение Ах-Пуча.

– Ах-Пуча? Это бог смерти?

– Он самый.

– Ну и что тут удивительного? – спросил профессор. – Мы ведь как раз находимся на пирамиде, которая ему посвящена. Так что я лично не вижу ничего особенного в этом изображении...

Свет фонарика отражался от поверхности каменных плит, и я, взглянув на Кассандру, заметил в ее глазах какой-то странный блеск.

– Дело тут не в рисунке. Обратите внимание на материал, из которого сделана плита, и на место, в котором она находится

– Что ты имеешь в виду?

– Если вы потрогаете рукой эту плиту, то почувствуете, что она сделана из какого-то другого камня, – сказала Кассандра, проводя рукой по поверхности плиты. – В отличие от всех других плит, использованных при строительстве этой пирамиды, она изготовлена из более легкого вида известняка. Она, как вы видите, такого же размера, как и остальные плиты, то есть имеет метр в ширину и примерно два с половиной метра в длину. Кроме того, она находится в самом центре святилища, которое, в свою очередь, расположено на вершине пирамиды. Интересно, правда?

– Очень, – кивнул я, – а главное, логично. Ты ведь сама говорила, что этот храм посвящен изображенному на плите богу.

– Да, конечно, – сказала Касси, поднимая палец вверх. – Но вы лучше сумеете понять то, о чем я хочу вам сообщить, если направите свои фонарики вверх.

Три луча света тут же устремились к потолку и слились там в одно яркое пятно как раз над нашими головами. Оттуда, с высоты нескольких метров, на нас угрожающе смотрело жуткое существо, вырезанное на каменной поверхности несколько сотен лет назад.

– Дамы и господа, – голосом конферансье произнесла Кассандра, – позвольте представить вам Кукулькана, известного также под именем Кетцалькоатль и... – Кассандра сделала паузу, – являющегося запечатленным на камне символом прибывшего сюда по морю светлокожего человека.

Профессор громко прокашлялся, как будто это помогало ему собраться с мыслями.

– Так эта каменная плита может быть входом во внутреннюю часть пирамиды, да?

Кассандра подняла бровь:

– Я считаю, что это очень даже вероятно, поскольку в пользу данной версии указывает достаточно многое.

Несмотря на проснувшийся во мне энтузиазм, я не смог отовнезапно пришедшую в голову пессимистическую мысль.

– Извините меня, коллеги, за то, что, возможно, разочаровываю вас, но я вдруг подумал, что в наших предположениях есть одна неувязка. Как может сенот, представляющий собой, в общем-то, большую полость, вымытую в породе подземной рекой, находиться в середине горы?

– Ну, я не стала бы называть этот холм горой, – живо отреагировала Кассандра. – Он всего-то тридцать или сорок метров в высоту.

– Это не важно, – продолжил я. – Хоть бы даже и двадцать метров. Мне кажется, что подземная река и находящаяся посреди равнины гора – можешь называть ее хоть холмом, хоть чем угодно – понятия несовместимые. На любой равнине уровень грунтовых вод всегда проходит ниже поверхности земли, и, как бы нам этого ни хотелось, вода никогда не смогла бы подняться внутри холма к его вершине и образовать в нем полость. Закон всемирного тяготения этого не допустит.

Кассандра с унылым видом посмотрела на меня, а потом перевела взгляд на профессора. Однако по выражению его лица было понятно, что он со мной полностью согласен.

– Получается... что эти изображения ничего не означают?

– Я допускаю, что в них заключен какой-то другой смысл, – неуверенно предположил я. – Нам, видимо, нужно поискать где-то в другом месте.

Кассандра упрямо покачала головой.

– Нет! – воскликнула она. – Я почти не сомневаюсь, что именно здесь скрыт ход, ведущий к сеноту.

– Дорогая моя, – мягко произнес профессор и положил ладонь на плечо Кассандры, – в том месте, где мы находимся, сенота попросту не может быть. Как уже сказал Улисс, внутри холма не мо...

Кассандра так резко поднялась с корточек, что профессор невольно запнулся на полуслове.

Не говоря ни слова, Касси вышла из святилища. Мы последовали за ней и, к своему удивлению, увидели, как она решительным шагом спустилась по лестнице аж до самого основания холма, на котором находилась пирамида. Со стороны казалось, что Касси слегка тронулась рассудком, но прежде чем мы успели окликнуть ее и спросить, что, черт возьми, с ней случилось, она уже бежала по грязной тропинке в наш лагерь.

Через некоторое время она оттуда вернулась, неся в одной руке кирку, а в другой – лопату.

Мы с профессором все еще стояли у входа в святилище, находившееся на вершине пирамиды, и с недоумением наблюдали за действиями Кассандры. Однако наше недоумение стало еще больше, когда, вместо того чтобы снова подняться к нам, Касси остановилась на середине склона холма, бросила лопату на землю и, ухватившись за кирку обеими руками, стала с таким остервенением бить ею по грунту, как будто от результатов этих усилий зависела ее собственная жизнь.

Мы с профессором переглянулись, уже и вправду начиная верить, что Касси свихнулась.

Через пару минут мы решили спуститься к ней и попытаться ее успокоить. Впрочем, подходили мы к Кассандре медленно и настороженно: нас смущала та ярость, с которой она наносила удары киркой.

– Касси... – ласково сказал я, приближаясь к ней сбоку. – Ты себя хорошо чувствуешь?

Кассандра, подняв голову, посмотрела на меня из-под копны своих взъерошенных волос, и я, к своему удивлению, не заметил в ее лице даже малейших признаков безумия. Глаза Касси светились энтузиазмом.

– Давай, приятель, помоги мне! – попросила она, задорно улыбаясь. – Чего стоишь без дела?

– Помочь тебе... в чем? Ты можешь объяснить, что, черт возьми, ты сейчас делаешь?

– Как это что? – возмутилась Касси, снова принимаясь орудовать киркой. – Помогаю тебе искать эти чертовы сокровища!

«Она, по-видимому, и в самом деле не в себе, – подумал я. – Словно с цепи сорвалась».

– Дорогая моя, – ласково обратился я к ней. – Ты ищешь кривица внутри холма?

Кассандра перестала долбать землю киркой и, опершись на нее, посмотрела на меня с таким видом, как будто перед ней был не я, а ящик с вкуснейшими пирожными.

– А вот в этом я не уверена.

– В чем?

– В том, что это – настоящий холм.

Профессор по-прежнему стоял в стороне, а мы вдвоем с Кассандрой, обливаясь потом, стали вгрызаться киркой и лопатой в склон холма. Когда мы, дойдя почти до изнеможения, уже начали подумывать о том, чтобы отказаться от своей затеи, кончик кирки звякнул, задев что-то очень твердое, и мы, помучавшись еще с полчаса, откопали небольшую часть огромного каменного сооружения, явно созданного руками человека.

– Так я и думала! – возбужденно воскликнула Касси. – Я знала, что права.

– Да, ты действительно очень умная, – согласился я, разглядывая огромную каменную ступеньку, которую мы только что откопали. – Мне бы такое даже в голову не пришло.

– Что ты имеешь в виду? Ты не допускал мысли, что я очень умная или что внутри этого холма находится еще одна пирамида?

Я не смог удержаться от улыбки и сказал:

– Ну конечно, что ты очень умная. О том, что здесь, под землей, есть пирамида, я бы и без тебя минут через десять-пятнадцать догадался... Правда, проф? – спросил я, поворачиваясь к профессору.

Кастильо, не обращая внимания на наш с Кассандрой разговор, подошел к откопанному нами каменному блоку и, присев на него, стал гладить шероховатую поверхность рукой, как будто пытаюсь убедить самого себя, что это настоящая гигантская каменная ступенька, а не галлюцинация, вызванная лихорадкой, от которой он еще толком не оправился. Посмотрев затем на Кассандру, он с нескрываемым восхищением произнес:

– Я не могу понять, как ты сумела догадаться, что здесь, под этим холмом, скрыта пирамида. Признаюсь, ты меня просто потрясла.

Касси, покраснев от похвалы, расплылась в улыбке:

– По правде говоря, своей догадкой я отчасти обязана Шерлоку Холмсу.

– Как это?

– А так, – тряхнув головой, ответила Касси. – Я вспомнила одну из его известных фраз: «Если из двух имеющихся версий одна оказывается невозможной, а вторая – маловероятной, то маловероятная версия, по-видимому, является правильной...» Ну или что-то в этом роде. Кстати, а вам не приходило в голову с самого начала, насколько странным кажется возвышающийся посреди равнины одинокий холм?

– Да, действительно... – пробормотал я, почесывая затылок. – А ведь мне по прибытии сюда и в самом деле все это казалось немного необычным. Но я бы никогда не додумался, что этот холм может быть своего рода пирамидой. Уж слишком он большой.

– Не очень, – возразила Кассандра, бросая взгляд на святилище, расположенное на вершине «пирамиды на холме». – Вместе со святилищем Ах-Пуча общая высота этого сооружения не превышает... семидесяти метров. Примерно такую же высоту имеют самые большие пирамиды в Тикале. Правда, у этой пирамиды основание намного шире.

– Теперь для меня абсолютно ясно, что у майя было очень много свободного времени. Чтобы возвести такую громадину, требуются огромные ресурсы и десятилетия напряженного труда.

– Столетия, Улисс, столетия, – поправила меня Кассандра. – Майя, как правило, возводили свои пирамиды на основе ранее построенных пирамид.

– Как это?

– После того как какой-нибудь правитель возводил пирамиду, которая была либо его гробницей, либо культовым сооружением, посвященным одному из

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
богов, властелин, пришедший ему на смену, строил поверх старого сооружения свою пирамиду. Затем его преемник делал то же самое. И так на протяжении многих столетий. В результате получались такие громадины, как эта. – Касси показала на «пирамиду на холме» и добавила: – Кстати, не так давно внутри одной из пирамид майя в Копане, что на западе Гондураса, были обнаружены несколько пирамид – одна внутри другой. Все они в прекрасном состоянии. На них даже сохранились рисунки, которыми они были покрыты при возведении.

– А-а, это как в русских матрешках, – сказал я, опускаясь на траву.

– Да, что-то в этом роде, только масштабы совсем другие.

Профессор, который, похоже, думал о чем-то своем, вдруг прокашлялся и спросил:

– Кассандра, значит, ты считаешь, что эта пирамида была построена именно таким способом?

– Безусловно, профессор, безусловно. Достаточно взглянуть на ее размеры.

– А не может ли оказаться так, – предположи л я, догадавшись о мыслях профессора, – что лишь самая последняя «достройка» была посвящена богу смерти, что это сооружение изначально являлось чьей-то могилой и что, следовательно, внутри этой громадины – одни лишь камни, а никакого сенота и в помине нет?

– Ни в коем случае! – Кассандра энергично покачала головой. – Одно дело, как ты выразился, «достроить» уже возведенный храм и совсем другое – изменить его назначение. Этого майя никогда не делали. – Касси на мгновение замолчала, задумавшись о чем-то своем, а затем сказала: – Единственное, по поводу чего у меня сейчас возникают сомнения, так это вопрос о том, сохранился ли по прошествии семи сотен лет доступ к этому сеноту?

– Ну что ж, – сказал я, бодро поднимаясь на ноги, – вот это нам как раз и предстоит выяснить.

Для нас теперь было очевидно, что большая каменная плита, на которой имелось изображение бога Ах-Пуча и которая находилась в центре посвященного этому богу святилища, закрывала вход в туннель, ведущий внутрь пирамиды. Проблема заключалась в том, что плита эта весила, по всей видимости, две или три тонны.

– А как мы, черт возьми, сможем ее поднять? – озадаченно спросил профессор.
– Никто из вас не прихватил с собой подъемный кран?

Кассандра, опустившись на корточки, стала рассматривать края плиты и ковырять ножом в стыках между нею и соседними плитами.

– Вряд ли мы сможем полностью извлечь замазку из этих швов, – сказала она, – а если бы даже и смогли, то нам все равно не удалось бы сдвинуть ее с места. Нас всего лишь трое, мы измучены, и в нашем распоряжении нет никаких орудий, кроме кирок и лопат. Жаль, что это приходится говорить именно мне, но я не знаю, как совладать с этой плитой.

– А если попытаться разбить ее на куски? – предложил я. Профессор и Кассандра посмотрели на меня с таким видом, как будто я подговаривал их сжечь портрет Моны Лизы.

– Ни в коем случае! – негодуя воскликнула Касси.

– Даже не думай об этом! – запротестовал профессор. – Нам нужно изобрести какой-нибудь способ и сдвинуть плиту, не нанеся ей ущерба.

– Что-то мне ваша логика не совсем понятна, – недовольно сказал я. – С одной стороны, вы без каких-либо угрызений совести замышляете присвоить себе огромные сокровища, а с другой – аж трясетесь от возмущения, когда я предлагаю разбить какую-то невзрачную каменную плиту... Нет, я вас не понимаю.

Кассандра бросила на меня сердитый взгляд и непререкаемым тоном заявила:

– Этой «невзрачной каменной плите», как ты ее назвал, многие сотни лет. Она является бесценной частичкой истории майя. Каждый камень этого города – священен, и я не позволю тебе ломать эту плиту на куски только ради того, чтобы мы смогли немножко облегчить себе работу.

– Немножко облегчить? Ты, наверное, шутишь? Да эта глыба весит, как земной шар!

И тут профессор подпрыгнул, как будто внутри него сработала пружина.

– Вот оно, решение! – ликующе закричал он. – Сдвинуть Землю! – И почтенный профессор истории начал пританцовывать, топая по каменным плитам.

Я невольно подумал, что в этом заброшенном городе то один, то другой из нас переживает приступ безумия.

– Можно поинтересоваться, проф, что вызвало у вас столь бурную радость? – усмехнувшись, спросил я.

– Фраза Архимеда! – бодро ответил профессор, продолжая выделывать ногами какие-то замысловатые движения, – «Дайте мне точку опоры, и я смогу сдвинуть Землю!»

– Ну конечно же! – поддержала его Касси. – Если мы соорудим рычаги и засунем их в щель у края этой плиты, то наверняка сможем сдвинуть ее. – Касси резво вскочила и чмокнула профессора в щеку. – Да вы, профессор, просто гений!

Я наблюдал за ними, сидя на полу, и был весьма далек от охватившего их энтузиазма.

– Не хотелось бы показаться вам безнадежным пессимистом, – произнес я, – однако у нас нет необходимых инструментов. Чтобы соорудить рычаг для поднятия вот этого, – сказал я и прикоснулся к каменной плите, – нам нужны различные железяки, а еще несколько мускулистых помощников. Но у нас, к сожалению, нет ни того, ни другого.

– Давайте попробуем найти их в Санта-Элене, – предложила Кассандра.

– Да, накупим там себе всякого оборудования, провизии побольше, найдем людей на работу и отправимся сюда, – криво улыбнувшись, сказал я. – Ты считаешь, что это не вызовет подозрений?

– Тогда, вероятно, ты посоветуешь, как нам правильно поступить? – вызывающе спросила Кассандра, уперев руки в бока. – Ломать на куски археологические ценности?

– А с чего ты взяла, что мне не может прийти в голову какое-то другое решение? – вопросом на вопрос ответил я и тем самым заставил Кассандру, а заодно и профессора выжидающе уставиться на меня. – Я думаю, что знаю, каким образом можно поднять эту чертову плиту, – продолжал я, чувствуя, как во мне крепнет уверенность. – Однако это потребует от нас огромных физических усилий, а я, по правде говоря, сомневаюсь, что мы на такие усилия способны. – Я покосился на профессора: несмотря на то что Кастильо хорохорился, стараясь держаться молодцом, было очевидно, что он заметно обессилел после перенесенного им приступа лихорадки.

– Что касается меня, то я готова на любые крайности, – решительно заявила Кассандра. – Еды у нас осталось еще дней на пять, а затем должен приплыть наш лодочник... До его приезда мне, в общем-то, уже и нечем заняться.

– А что скажете вы, профессор? Как у вас насчет силенок?

Профессор, гордо выпрямившись, посмотрел на меня сверху вниз и несколько заносчиво произнес:

– Я считаю, что мы только зря теряем время на подобные разговоры. Лучше расскажи нам, что ты там придумал.

– Бамбук? – изумленно переспросили в один голос Кассандра и профессор,

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
когда я изложил им свою идею.

- Да, бамбук. Вы, может быть, не заметили, но его тут полно.
 - Но он же легко ломается, – удивился профессор. – Всего лишь несколько минут назад ты говорил, что нам потребуются железяки, а теперь предлагаешь попытаться поднять каменную плиту весом в пару тонн с помощью нескольких бамбуковых палок?
 - Вообще-то, их потребуется не несколько, а очень и очень много. Но основная идея заключается именно в этом.
 - А ты случайно не пьяный? – с напускной тревогой спросила Кассандра.
 - Давайте я объясню вам все более подробно. Бамбук, хотя он и кажется вам хрупким, на самом деле является прекрасным строительным материалом. В Гонконге, например, строят небоскребы высотой в несколько сотен метров, используя в качестве подпорок и строительных лесов конструкции из бамбуковых стволов. Нам это может показаться странным, но только потому, что мы привыкли считать, что все хорошее должно быть обязательно блестящим, красивым и суперсовременным на вид. Я, однако, могу вас заверить, что бамбук по некоторым параметрам является более прочным, чем сталь, а еще он легче алюминия.
 - Откуда тебе все это известно? – недоумевая, спросил профессор. – Насколько я знаю, ты никогда не работал на стройке в Гонконге.
 - Просто я регулярно смотрю телеканал «Дискавери», – признался я, – и как-то раз видел по этому каналу документальный фильм...
- Кассандра скептически посмотрела на меня.
- Получается, что твоя лекция о бамбуке и блестящая идея о том, как поднять эту плиту, основывается всего лишь на какой-то телевизионной передаче?
 - В общем-то, да. Однако я уверен в том, что идея эта хорошая и что мой план сработает.
 - Ну что ж, прекрасно, – сказал профессор. – Предположим, что твоя оценка качеств бамбука соответствует действительности. Но у нас остается нерешенной вторая проблема: нас всего лишь трое, а нам, как ты сам говорил, потребуется несколько помощников, чтобы суметь создать необходимое давление.
 - Для этой проблемы у меня тоже есть решение.
 - Которое ты позаимствовал из телепередачи, посвященной кулинарии? – съязвила Кассандра.
 - Нет, Касси, я позаимствовал его из своего личного жизненного опыта, приобретенного во время занятий альпинизмом. Мне когда-то довелось устанавливать с друзьями в горах тибетский мост.
 - Тибетский мост? А что это?
 - Это мост, состоящий из трех параллельно натянутых веревок, каждая из которых, если посмотреть на них в поперечном разрезе, является одной из конечностей буквы «V». По той веревке, которая является нижней конечностью этой буквы, ступают ногами, а две другие веревки – это своего рода поручни. Ты наверняка когда-нибудь видела такой мост по телевизору.
 - А-а, я знаю, о чем ты говоришь, – кивнув, сказала Касси. – Но мне непонятно, какое отношение может иметь этот изящный веревочный мостик к нашей затее.
 - Сейчас объясню, в чем тут дело. Для того чтобы по этому мосту можно было ходить, нам пришлось натянуть веревки до предела. Для этого требовалось усилие в сотни килограммов, а нас тогда, как и сейчас, было всего лишь трое.
 - И как же вы с этим справились?

- Используя систему блоков.
- Блоков? – изумился профессор. – Но у нас нет блоков!
- Их можно изготовить. У нас имеется больше ста метров хороших веревок, несколько колесиков с желобом и множество точек опоры. Больше нам, можете мне поверить, ничего не потребуется.

Как и в любой другой вечер на протяжении последних нескольких сотен лет, лучи скатывающегося к горизонту солнца проникли в святилище и окрасили в оранжево-желтые тона белые стены его внутренних помещений. Казалось, солнечный свет вдохнул немножко жизни в загадочные барельефы, созданные руками людей, умерших несколько веков назад и уже давным-давно позабытых.

Но в отличие от многих тысяч предыдущих вечеров, в этот вечер в святилище не было ни тишины, ни спокойствия. Почти все его внутреннее пространство теперь занимала какая-то странная конструкция из бамбуковых стволов. Они были привязаны друг к другу веревками, тесемками и даже лианами. Кроме того, по этой нелепой конструкции проходила зигзагами толстенная веревка. Она тянулась от входа в святилище и до центра, а конец ее был привязан к кирке. Деревянная рукоятка из этой кирки была вынута, а ее более плоская металлическая часть воткнута в щель возле края плиты, которая закрывала вход в царство мертвых.

- Ты уверен в правильности того, что мы сейчас делаем? – спросила Кассандра, связывая бамбуковые стволы еще одной лианой.
- Конечно нет! – ответил я, возясь с колесиком. – Сколько я, по-твоему, вскрыл пирамид майя за свою жизнь?
- Я имею в виду эту конструкцию. Мне все еще не верится, что мы сможем сдвинуть тяжеленную каменную плиту с помощью бамбуковых стволов и веревок.
- Наконец-таки закрепив колесико, я подошел к одетой в грязную рубашку и штаны, но по-прежнему красивой и изящной женщине, которую я не целовал уже почти целый день.
- Давай я тебе все наглядно объясню.. – сказал я заигрывающим тоном и пристально посмотрел на Кассандру.
- Прекрати, Улисс. Перестань дурачиться.
- Не переста-а-а-ну. Давай я подурачусь с тобой, а ты подурачишься со мной.
- Я обнял Касси и попытался ласково укутить ее за мочку уха.
- Улисс! – вполголоса запротестовала Кассандра. – Профессор где-то рядом, он может нас услышать.
- Не переживай, он нас не слышит.
- Да слышу я вас, слышу! – раздался голос Кастильо.
- Вот так, – сказала, хихикнув, Кассандра. – Перестань меня тискать и лучше объясни, как должна функционировать эта штука, над которой я работаю с самого утра.
- Ладно.. Профессор! Идите сюда, уже почти все готово.

Я подождал, когда Кастильо подойдет к нам, а затем стал рассказывать своим друзьям о том, как будет работать сооруженная нами конструкция.

- Итак, – начал я, подходя к плите с изображением бога Ах-Пуча, – сначала я хочу попытаться слегка приподнять один край плиты, используя металлическую часть кирки в качестве рычага. Затем мы вставим в образовавшуюся щель деревянные клинья, чтобы приподнятый край снова не опустился, и быстренько обвяжем его этой же самой веревкой и поднимем плиту еще выше – ровно настолько, чтобы кто-нибудь из нас смог под нее пролезть. Все очень просто.
- И ты считаешь, что мы втроем с этим справимся?

– Касси, вспомни о том, что каждый из используемых нами блоков увеличит прилагаемые нами усилия, а ведь таких блоков я установил аж десять штук. Конечно, придется изрядно потрудиться, но нас вполне устроит, если край плиты поднимется над уровнем пола хотя бы сантиметров на сорок.

– Вот и хорошо, – сказал профессор. – Нам осталось только попробовать. Где мне встать?

– Вначале, когда нам потребуется создать максимальное усилие, мы все вместе потянем за веревку, а затем по моему сигналу вы будете быстренько подбегать к щели и вставлять в нее клинья, которые лежат вон там. Еще есть вопросы?

– Только один, – ответила Кассандра, подняв руку. – Чего мы ждем?

40

Мы стояли втроем в своей грязной одежде, обливаясь потом и чувствуя, как солнце печет нам спины. Чтобы не стереть в кровь ладони, мы натянули на них носки, а затем ухватились покрепче за веревку, которая должна была открыть нам путь к разгадке одной из величайших в истории человечества тайн. Вот только одежда у нас для такого торжественного случая была, конечно же, неподходящей.

– На счет три все вместе начинаем тянуть, – распорядился я. – Ни на секунду не ослабляем веревку, а затем по моей команде резко дергаем ее. Я буду задавать ритм. Договорились?

Кассандра и профессор кивнули, и я – скорее для того, чтобы успокоить нервы, а не собраться с силами, – сделал глубокий вдох. Я понимал, что первые сантиметры будут самыми трудными, но, если нам удастся с этим справиться, дальше все пойдет как по маслу.

– Тяните! – крикнул я, и мы все трое, вцепившись в веревку обеими руками, стали тянуть изо всех сил.

Я почувствовал, что мускулы под моей рубашкой так вздулись от перенапряжения, что, казалось, еще немного – и они лопнут.

– Давай, давай! – подбадривая своих друзей, кричал я и вскоре заметил, что плита сдвинулась с места. – У нас получается!

Край плиты стал миллиметр за миллиметром подниматься над уровнем пола, подчиняясь прилагаемому к плите через систему блоков усилию, которое концентрировалось на кончике используемой в качестве рычага кирки.

Когда постепенно увеличивающаяся щель стала настолько широкой, что появилась возможность засунуть в нее в качестве подпорки вторую кирку, профессор по моей команде быстренько это сделал. После еще нескольких усилий щель расширилась больше – уже настолько, что под край плиты можно было продеть веревку.

Профессор вставил в щель заранее подготовленные деревянные клинья, а я обвязал приподнятый край плиты веревкой. Потом мы все вместе, продолжая использовать сооруженную нами конструкцию, приподняли этот край примерно на сорок сантиметров над уровнем пола.

Подперев приподнятый край плиты поленьями, мы с почтительной осторожностью заглянули в зияющий черный проем, но из него повеяло настолько неприятным запахом плесени, что мы одновременно отпрянули.

– Ты, наверное, не поверишь, но я вся дрожу от страха, – мне на ухо Кассандра.

– Еще как поверю, – ответил я, – Я сам весь дрожу.

– Не знаю почему, но мне сейчас вспомнилось о судьбе, постигшей археологов из бригады Говарда Картера после того, как они проникли в гробницу Тутанхамона, – произнес вполголоса профессор, который, как и мы с Кассандрой, неотрывно смотрел в черный проем.

– А что с ними произошло? – поинтересовался я и тут же пожалел, что задал этот вопрос.

Кассандра, покосившись на меня, ответила:

– Они почти все умерли буквально через несколько недель. Считается, что это произошло из-за проклятия, которое было наложено на каждого, кто попытается проникнуть в гробницу фараона.

– Понятно... Вероятно, было бы глупо сейчас спрашивать, нет ли и здесь какого-нибудь проклятия...

– Так это, вообще-то, не гробница.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– А если я отвечу, что есть, ты туда не полезешь?

Свой ответ я обдумывал недолго:

– Конечно же, полезу.

– Ну, тогда и не думай ни о каких проклятиях.

Профессор стацил со своих ладоней носки и кашлянул.

– Сегодня был очень трудный день, – сказал он. – Пойдемте спать, а завтра утром спустимся внутрь пирамиды, пусть даже нас там ждут самые неожиданные неприятности.

– Как это завтра утром? – возмутился я. – Я собираюсь спуститься туда прямо сейчас.

– Сейчас? – удивился профессор. – Но ведь мы очень сильно устали, – напомнил он. – Кроме того, стемнело и вот-вот наступит ночь!

– Так я ведь не прошу, чтобы туда спустились вы. Я и сам это сделаю. А еще я хочу сказать вам, что там, внутри пирамиды, одинаково темно и ночью, и днем.

– Но ведь ты прекрасно понимаешь, что это глупо! Кассандра, скажи ему, может, он хоть тебя послушает.

– Я тоже спущусь с Улиссом! – решительно заявила Касси.

– Да вы оба с ума сошли! – воскликнул профессор. – Вы что, не можете подождать до завтра?

– Нет, проф, не можем. Если я не спущусь в пирамиду прямо сейчас, то ночью не смогу заснуть, а потому завтра утром буду еще более уставшим. Единственное, о чем я вас прошу, – это помочь мне связать все наши веревки и веревочки в одну очень длинную веревку. Я хочу использовать ее как нить Ариадны. Там, внутри пирамиды, ни черта не видно, и мне не хотелось бы заблудиться.

Когда «нить Ариадны» была готова, мы с Касси, не обращая внимания на ворчание профессора, пролезли в отверстие между плитой и полом и, спустившись на находившуюся примерно в полутора метрах ниже приподнятой плиты небольшую площадку (на ней едва хватало места для нас двоих), уселись на корточки.

– У вас там все в порядке? – спросил профессор, просовывая голову в проем.

– Пока что да, – ответил я. – Хотя воздух здесь – просто жуть.

– Неудивительно, – сказал профессор. – Там, я думаю, уже давненько не проветривали.

– Уж это точно. Но мы продолжим спускаться, проф.

– Будьте очень осторожными.

– Не переживайте за Улисса, профессор, – сказала Кассандра. – В случае чего я его подстрахую.

В окружавшем нас с Кассандрой полумраке мы едва могли видеть лица друг друга, но я, тем не менее, заметил в ее глазах тревогу, страх и... отчаянную решимость. Впрочем, вполне возможно, что в моих глазах в этот момент можно было увидеть то же самое.

– Боишься? – спросил я.

– Да, боюсь, но все равно буду идти.

Наклонившись ко мне и поцеловав меня в губы, Касси повернулась в сторону уходящего куда-то вниз темного прохода и зажгла свой фонарик.

– О Господи! – воскликнула Кассандра. – Тут такая длинная лестница...

– Да уж... – пробормотал я. – Даже конца ее не видно...

От той площадки, на которой мы с Кассандрой сидели на корточках, вглубь пирамиды уходила длинная лестница чуть меньше метра в ширину. Она была покрыта слизью, мхом и лишайником и вела вниз под таким крутым углом, что напоминала скорее шахту колодца, чем лестницу, по которой можно ходить.

– Нам нужно постараться быть предельно осторожными, – предупредил я Кассандру. – Я пойду впереди, постепенно разматывая веревку, а ты иди сразу вслед за мной и освещай фонариком путь. И все время держись за веревку. Договорились? Эти ступеньки, похоже, очень скользкие, и один неверный шаг может стать последним шагом в жизни.

– Слушай, приятель, хватить меня стращать. Лучше начинай спускаться.

Я с необычайной осторожностью сделал первый шаг. Ступеньки были полностью покрыты либо лишайником, либо мхом, и спускаться по ним было все равно что идти по льду, на котором валяется банановая кожура.

Мы постепенно все больше удалялись от профессора, светившего нам вслед своим фонариком. Сначала на лестнице было прохладно, а затем эта прохлада сменилась довольно чувствительным холодом. На нас же была все та же легкая и влажная от пота одежда, в которой мы трудились с самого утра. От холода и сырости я вскоре покрылся гусиной кожей, а Касси начала чихать.

– Добро пожаловать в преисподнюю! – зловещим голосом произнесла она. – Эх, давненько я мечтала сказать что-нибудь подобное!

– Для преисподней тут уж слишком холодно.

– Я тоже это заметила, однако мне даже в голову не приходило, что такой горячий парень, как ты, может замерзнуть.

– Если эта лестница в ближайшие несколько минут нас никуда не выведет, я предлагаю вернуться наверх и прийти сюда завтра, но уже более подготовленными.

– Вернуться сейчас наверх? Даже не подумаю!

– Если мы подхватим воспаление легких, у нас могут начаться серьезные проблемы.

– Ну ладно, давай будем спускаться еще в течение пяти минут, – предложила Касси, – и если ни на что интересное не наткнемся, то повернем назад. Согласен?

– Пять минут, – сказал я. – И ни минутой больше.

Мы продолжили спуск, и, когда оговоренные пять минут уже почти прошли, впереди появилась какая-то довольно большая площадка, которую Кассандра попыталась осветить фонариком.

- Видишь? – спросила Касси, приостанавливаясь.
- Да. Похоже, именно там заканчивается лестница.
- У меня нервы уже на пределе. Ты не мог бы идти немного быстрее?
- Чтобы свернуть себе шею, дойдя практически до конца?
- Да ладно, не злись. Уж и спросить нельзя...
- Потерпи чуть-чуть. Мы почти пришли.

Спустившись еще на полтора десятка ступенек, мы постояли недолго у основания лестницы, чтобы перевести дыхание, а затем, чувствуя, что наши сердца колотятся так, что едва не вырываются из груди, стали медленно продвигаться по простирившемуся перед нами коридору высотой метра в три. Стены этого коридора были украшены удивительными разноцветными рисунками, среди которых мне особенно бросились в глаза весьма правдоподобно изображенные фигуры людей в натуральную величину. Эти люди держали в руках щиты и топоры с лезвиями из обсидиана и были облачены в украшенные зелеными, красными и синими перьями одеяния из шкур ягуара и головные уборы в виде головы каймана.

- Это... это... – пробормотала, заикаясь, Кассандра.
- ...уму непостижимо, – договорил за нее я.
- Здесь показана вся история Яшчилана, – потрясенно прошептала Касси, направляя луч своего фонарика то на одну, то на другую стену. – Основание города, войны, мирные договоры с соседями, побежденные и победоносные правители, человеческие жертвоприношения... В общем, вся история города... – Пораженная увиденным, Кассандра нервно сглотнула и произнесла: – Мы с тобой сделали самое значительное археологическое открытие за всю историю исследования цивилизации майя. Это похоже на сон, ставший явью.
- Да уж, местечко здесь действительно впечатляющее. Смотри, стены разрисованы аж до самого потолка.
- То-то и оно. – Кассандра подняла глаза. – Я бы осталась здесь еще на несколько часов: просто ходила бы вдоль стен и разглядывала эти древние рисунки.
- Я тоже, можешь мне поверить, с удовольствием бы их разглядывал, но нам нужно еще разобраться, где и чем заканчивается этот коридор. – Я осветил фонариком и сказал: – Похоже, именно сейчас мы это и выясним.

Направляя свет своих фонариков то вперед, то вправо, то влево, мы решительным шагом прошли к концу коридора и, переступив через имевшийся там высокий каменный порог, оказались в огромном помещении. Погруженное в темноту, оно казалось очень мрачным, но полностью осветить его, имея с собой лишь фонарики, нам было не под силу. В нескольких десятках метров над нашими головами угадывался гигантский каменный свод, с которого свисали тысячи маленьких сталактитов, отражавших свет фонариков, так что казалось, будто это не сталактиты, а самые настоящие бриллианты. Стены, насколько мы могли видеть, были покрыты иероглифами и украшены громадными скульптурами мифологических существ.

- жилище богов, – еле слышно произнесла Кассандра. – Гора Олимп древних майя.

Несмотря на то что я не разбирался ни в особенностях мифологии создателей всего этого великолепия, ни в его предназначении, я был поражен огромными размерами подземного помещения и тем, что оно, по всей видимости, являлось не просто гигантской рукотворной пещерой, а самым настоящим священным местом – чем-то вроде Гроба Господня у христиан или Мекки у мусульман.

Выточенные из камня невообразимые существа, казалось, настороженно смотрели на незваных пришельцев из темноты, выжидая подходящий момент, чтобы вонзить в нас свои чудовищные острые когти или громадные клыки и прикончить за то, что мы осквернили своим появлением священное место майя.

– Это... это совсем не то, что я ожидала здесь увидеть, – пробормотала Кассандра. – Я очень сильно ошибалась.

– В чем ты ошибалась? – тихо спросил я. – Ты ведь правильно догадалась, где это все должно находиться.

– Да, но это вовсе не обычный сенот, предназначенный для проведения религиозных ритуалов, – сказала Касси, осматриваясь по сторонам. – Я бывала возле сенотов на полуострове Юкатан и даже ныряла в них, однако все они были большими естественными колодцами, на дне которых лежали какие-то древние ритуальные предметы и остатки принесенных в жертву людей. – Кассандра замолчала, чтобы перевести дыхание, и после паузы восхищенно произнесла: – Здесь все по-другому. – Голос Касси слегка задрожал. – Я еще никогда не видела ничего подобного... Никогда.

– Вот и замечательно. Ты станешь знаменитой.

– Знаменитой? Вовсе нет. Скорее, подорву свою репутацию археолога.

– О чем это ты? – удивился я. – Ты ведь минуту назад сказала, что мы сделали грандиозное археологическое открытие.

– Да, но мы сделали его незаконно, не имея в своем распоряжении ни бригады квалифицированных специалистов, ни разрешения на проведение археологических раскопок. Если властям станет известно о том, чем я тут занималась, мне вряд ли удастся отвертеться от тюрьмы. – Кассандра шумно вздохнула. – Забавно: я сделала открытие века, но не могу об этом никому рассказать.

Притянув Касси к себе, я крепко ее обнял.

– Ну, может тебя утешит то, что очень скоро ты, возможно, станешь сказочно богатым человеком.

– Это, пожалуй, поможет мне перенести горечь разочарования. – Кассандра прищелкнула языком. – Кстати, а где тут сенот? Я, как ни странно, совсем про него забыла.

Оставив один из наших фонариков возле входа в коридор, мы осторожно направились туда, где, как нам казалось, находился центр погруженной в темноту пещеры. Я перевел фонарик в сигнальный режим, чтобы по его мигающему красному свету можно было без труда найти дорогу к лестнице, ведущей в верхнюю часть пирамиды.

Теперь мы шли при свете только одного фонарика, что позволяло видеть лишь на несколько метров вперед. Кассандра держалась за мою руку, дрожа от холода и волнения, а вместе с ней дрожал и я.

Отшлифованные каменные плиты под нашими ногами сменились сырой землей, и через мгновение мы увидели, что в полу, чуть впереди, зияет огромная яма, внутри которой было еще темнее, чем вокруг нас. Присмотревшись, я отметил про себя, что эта яма по своей форме напоминает широко раскрытую пасть, а по ее краям торчат огромные и острые каменные зубы. Со стороны казалось, что разверзнутая пасть жаждет выпить крови, проливаемой при совершении человеческих жертвоприношений.

– Боже мой! – воскликнула Кассандра, еще крепче сжимая мою руку. – Это ужасно.

– Ой, не говори, – согласился я с ней и невольно поежился. – Древние майя знали, как нагнать страху на простого смертного.

– Они даже выкрасили эти каменные зубы в белый цвет, чтобы те выглядели более правдоподобно. Ужасно, но гениально.

– Готов поспорить, что, окажись ты здесь семьсот лет назад, твои впечатления были бы еще более сильными.

– Да уж... Люди, спускавшиеся сюда в те времена, были, по всей видимости, либо жрецами, либо обедом для ненасытного бога смерти.

Мы с замиранием сердца прошли последние несколько метров, которые отделяли

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
нас от края ямы. В абсолютной тишине, царившей в пещере, наши шаги по скользкому грунту прозвучали, как пушечные выстрелы. Осветив яму фонариком, мы увидели, что священный колодец имел округлую форму, его ширина составляла несколько метров, а земляные стены уходили вниз почти вертикально... Пасть Ах-Пуча.

Еще один шаг вперед – и в свете фонарика, проникшего внутрь ямы, мелькнуло что-то голубоватое.

Стараясь двигаться очень осторожно, чтобы случайно не свалиться в колодец, мы с Кассандрой приблизились к самому краю, и я трясущимися от волнения руками направил луч фонарика на его дно.

Самое первое, что я там увидел, – это зачаровывающая пляска отблесков света в голубоватой и необыкновенно прозрачной воде, которая, казалось, удивилась тому, что кто-то вздумал осветить ее после нескольких сотен лет полной темноты. Благодаря этим отблескам все внутреннее пространство ямы наполнилось фантазмагорическим сиянием, отразившимся в каждой из миллионов малюсеньких капелек, покрывавших ее земляные стены.

Когда мои глаза привыкли к этому волшебному сиянию, я смог наконец рассмотреть яму, а точнее сенот: от его края до поверхности воды было метров десять, а от поверхности воды до дна – метра три-четыре. Дно сенота, насколько я мог видеть, устлало какие-то зеленоватые отложения, из которых выглядывало что-то белое. Когда, приглядевшись, я догадался, что это такое, мои волосы едва не встали дыбом.

– Касси. Ты видишь... Вон там...

– Это скелет человека, – сохраняя невозмутимость, ответила Кассандра. – В сенотах обычно полно человеческих костей.

Я снова стал водить лучом фонарика по дну и стенам сенота, но теперь у меня появилось чувство, что я оскверняю древнее кладбище.

И вдруг мое внимание привлек еле заметный красновато-желтый отблеск, мелькнувший где-то на дне. Я направил луч фонарика в это место и, всмотревшись, различил наполовину зарывшийся в ил знакомый силуэт, от одного вида которого едва не выронил фонарик из рук.

– Кассандра! – заорал я, хотя Касси стояла рядом со мной. – Вон, смотри, лежит!

– Что лежит? – испуганно спросила Кассандра.

– Ты разве не видишь? Там, с краю! Возле стены!

– Боже мой! – воскликнула Кассандра, увидев предмет, на который я ей указывал. – Золотое распятие... да еще с огромным рубином!

Усевшись прямо на илистый грунт возле края водоема, позабыв и о холоде, и о пронизывающей до костей сырости, мы пытались прийти в себя от только что перенесенного взрыва эмоций, который едва не вызвал у нас приступ тахикардии.

– Мы добились своего, – сказал я через несколько минут. – Мы нашли сокровища тамплиеров.

– Это ты их нашел, – возразила Касси. – А я просто следовала за тобой.

– Не болтай глупостей. Без тебя у меня ничего бы не получилось.

– Да, это верно, – подумав несколько секунд, с гордым видом произнесла Кассандра. – Но и профессор Кастильо тоже приложил к этому руку.

– Профессор! – воскликнул я, шлепнув себя ладонью по лбу. – Я совсем о нем забыл. Как же он сейчас, наверное, волнуется!

– Тогда нам, пожалуй, лучше вернуться наверх, – предложила Кассандра, поднимаясь на ноги. – Мне не терпится его обрадовать.

Чувствуя себя бесконечно счастливыми, мы вернулись по украшенному рисунками коридору к основанию каменной лестницы и, держась за протянутую вдоль нее веревку, пошли вверх по ступенькам. Подниматься оказалось намного легче, чем спускаться, а веревка, за которую мы держались, помогала нам не поскользнуться и не скатиться вниз – в результате мы поднялись по лестнице гораздо быстрее, чем до этого спустились по ней.

Когда мы находились уже в нескольких метрах от приподнятой каменной плиты, я заметил, что из отверстия между полом и плитой уже никто не светит фонариком, и подумал, что профессор, наверное, выключил его, чтобы не тратить попусту заряд батареи. Я сказал об этом Кассандре, и мы решили, что тихо выберемся наружу и попытаемся незаметно подкрасться к профессору, чтобы затем хорошенько его напугать.

Кассандра, которая шла впереди меня, первой проскользнула в отверстие между полом и приподнятой плитой, а я тут же последовал за ней. Однако когда я начал вылезать наружу, чувствуя при этом, как прохлада, царящая во внутренней части пирамиды, сменяется духотой тропической ночи, меня вдруг ослепил направленный прямо в лицо яркий луч света.

– Касси, черт тебя побери! – недовольно воскликнул я. – Не свети в глаза!

В ответ послышался хриплый мужской смех, показавшийся мне удивительно знакомым.

Встревожившись, я быстро вылез наружу и, включив свой фонарик, направил его луч туда, откуда донесся этот смех. То, что я увидел, поразило меня не меньше, чем сенот древних майя.

Прямо передо мной, оперев руки в бока и улыбаясь своей акульей улыбкой, стоял человек, которого мне меньше всего на свете хотелось бы сейчас здесь встретить.

– Привет, Джон, – произнес я после довольно продолжительной паузы. – Только не говори мне, что ты оказался здесь совершенно случайно.

41

Мы сидели втроем – я, Кассандра и профессор Кастильо – вокруг раскладного стола в просторной палатке, используемой в качестве конференц-зала и оборудованной переносным кондиционером. За нами внимательно наблюдал одетый в полувоенную форму здоровенный детина с нордической внешностью и холодным взглядом, на поясе у которого с одной стороны красовался пистолет, а с другой – внушительный по размерам нож.

Мы пришли сюда по тропинке, которая вела от руин Яшчилана в сторону севера, под конвоем троих рослых мужчин, вооруженных автоматами такой конфигурации, какую я видел разве что в фантастических фильмах. Неожиданная встреча с Хатчем вызвала у меня замешательство, однако я, откровенно говоря, пришел в еще большее замешательство, когда нас привели на просторную лесную поляну. Здесь, менее чем в километре от города древних майя, где мы работали уже почти две недели, был разбит небольшой, но прекрасно организованный лагерь, чем-то похожий на военный. Лагерь состоял из дюжины палаток камуфляжной окраски, а по его периметру прохаживались вооруженные до зубов молодчики. По всей видимости, эти люди следили за нами уже несколько дней, дожидаясь, когда мы выполним всю самую трудную работу, чтобы затем внезапно нагрянуть и взять ситуацию под свой контроль.

Когда мы дошли до наиболее освещенной части лагеря, Джон Хатч, вышагивающий по тропинке впереди нас с таким видом, как будто это была обычная вечерняя прогулка, повернулся к нам и с наигранной любезностью произнес:

– Будьте так добры, пройдите в пункт управления. Я присоединюсь к вам через несколько минут. – Кивнув в сторону сопровождавших нас громил, он добавил: – Мои люди покажут вам, куда идти.

Понимая, что выбора у нас, в общем-то, нет, мы прошли под конвоем до палатки, в которой сейчас и сидели, время от времени переглядываясь, но никак не комментируя резкую перемену, происшедшую в ходе событий: мы понимали, что нас наверняка подслушивают. Наконец я не выдержал.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– Мне даже не верится, – шепотом произнес я, злясь на самого себя, – что они разбили целый лагерь у нас под носом, а мы ничего не заметили.

– Так ведь нам даже в голову не приходило, что поблизости есть кто-то еще, – уныло ответила Кассандра. – Потому-то мы ни о чем и не догадывались.

– Судя по всему, эти типы – мастера своего дела, – угрюмо добавил профессор, бросив взгляд на стоявшего у входа в палатку верзилу. – Я уверен, что если бы мы их заметили, то просто попали бы в этот лагерь еще раньше. Вот чего я не могу понять, так это то, как мистер Хатч узнал, что мы направились именно сюда.

– Мне это тоже непонятно, – признался я, – однако, по-видимому, тут сыграл свою роль его звонок моей матушке.

– Его звонок твоей матушке? Какой еще звонок?

– Я вам об этом не рассказывал, потому что не придавал звонку Хатча особого значения. Когда мы находились в Мали, Хатч позвонил мне домой, а там в этот момент находилась моя матушка, и...

– Понятно, – перебил меня профессор, который прекрасно знал, что моя матушка очень любит поболтать. – Но мне все равно кажется невероятным, что он сумел разыскать нас в таком захолуственном штате, как Чьяпас, да еще посреди этого чертова тропического леса.

– У Хатча в распоряжении есть очень много чего, – напомнила нам Кассандра. – И людей у него полно, и всякого оборудования. А мы ведь даже не пытались заметать за собой следы, так что ему не составило большого труда организовать за нами слежку. Мы вели себя, как последние дураки, – за что теперь и поплатимся. Вот такие-то дела.

– Да ладно, давайте пока не вешать нос. Хотя мне отнюдь не нравится присутствие вокруг нас такого количества вооруженных людей, я все же думаю, что мы сможем как-то договориться с Хатчем. В конце концов, только благодаря нам он оказался здесь, и если нам удастся удачно использовать свои козыри, то мы вполне сможем добиться, чтобы Хатч...

И тут – словно следуя поговорке о том, что стоит только упомянуть черта, как он сразу появляется, – в палатку вошел Хатч вместе со своим заместителем Раковичем.

– Ну вот мы и снова все вместе, – сказал Ракович и, насмешливо посмотрев на меня, добавил: – Вы взяли с собой свои козыри?

Хатч, проигнорировав реплику своего заместителя, уселся за стол напротив нас.

– Я сразу перейду к делу, – заявил он, произнося слова с характерным калифорнийским акцентом. – Что вы здесь нашли?

– А с какой стати мы должны перед тобой отчитываться? – не сдержавшись, выпалила Кассандра.

Хатч окинул нас взглядом, неторопливо затянулся уже наполовину выкуренной сигарой и откинулся на спинку стула.

– Я объясню вам, как сейчас складывается ситуация, – спокойно произнес он. – В данный момент мои люди обследуют внутреннюю часть пирамиды, и завтра рано утром на моем столе будет лежать подробный отчет о том, что они там увидели. Судя по усилиям, которые вы предприняли ради того, чтобы поднять каменную плиту, внутри пирамиды должно находиться нечто весьма ценное. Поэтому для вас теперь есть два варианта дальнейшего развития событий: либо вы соглашаетесь стать членами моей бригады в качестве советников – и тогда, в случае успеха данной операции, получаете небольшой процент от прибыли, либо вы отказываетесь со мной сотрудничать – и тогда я отправляю вас на лодке обратно в Гватемалу. Там вы узнаете о моем археологическом открытии из газет.

– О твоём археологическом открытии? – возмущенно воскликнула Кассандра. – Ну ты и наглец! Это мы сделали открытие!

– Что ж, если судить по документам, дающим возможность проведения археологических раскопок, которые вот-вот получит мой представитель в Мехико, мексиканские власти придерживаются другого мнения. Благодаря официальному разрешению на раскопки компания «Хатч Мэрин Эксплорейшнз» получает исключительное право на любое археологическое открытие, которое будет сделано в течение ближайших трех недель, а также право собственности на любой найденный предмет, который не имеет отношения к культурному наследию майя.

– Какая же ты свинья! – крикнула Кассандра. – Скольких чиновников тебе пришлось подкупить?

– Не будь лицемеркой. Вы пытались сделать то же самое, что сейчас делаю я, вот только мне пришлось позаботиться о том, чтобы придать своим действиям видимость легальности.

– Но мы ради того, чтобы добраться сюда, рисковали своими жизнями, а ты просто за нами шпионил.

– А ты вспомни о том, что вы первыми пошли на обман, не поставив меня в известность о проводимых вами изысканиях. – Хатч выпустил изо рта облачко дыма и презрительно посмотрел на нас. – И теперь можете не сомневаться: я не испытываю на этот счет абсолютно никаких угрызений совести.

– О чем ты говоришь, Джон? – удивился я. – Наш с тобой договор ограничивался лишь поиском затонувшего судна.

– А я решил его продлить и дополнить. – На лице Хатча не дрогнул ни один мускул. Поднявшись со стула, он добавил: – Теперь я даю вам возможность поразмыслить над моим предложением, которое гарантирует вам более чем щедрую награду. Горан проводит вас в палатку, где вы проведете эту ночь, а завтра утром я надеюсь получить ответ. – Вынув сигару изо рта и улыбнувшись своей хищной улыбкой, Хатч пожелал нам приятных сновидений.

Оказавшись в отведенной нам палатке, мы несколько часов шепотом спорили по поводу ультиматума Хатча. Однако еще до начала этого спора мы с Касси рассказали профессору о том, что нам довелось увидеть внутри пирамиды. Наш рассказ вызвал у Кастильо такой восторг, что мне даже пришлось быстро зажать ему рот рукой, а иначе бы весь лагерь услышал его ликующие вопли. Хотя мы утратили шанс прибрать к рукам найденные нами сокровища, профессор в глубине души оставался прежде всего историком, а потому, узнав, что его предположения подтвердились, он очень обрадовался и уже, казалось, не замечал охватившего меня и Касси разочарования.

Взвесив свои шансы в противостоянии с Хатчем, я пришел к выводу, что если мы откажемся сотрудничать с ним, то не только лишимся возможности быть причастными к открытию века, но и, возможно, подвергнем себя серьезному риску. Конечно, у Хатча не было репутации человека, способного кого-то убить, но все-таки он мог принять решение – во избежание грозивших ему с нашей стороны неприятностей, – что, пожалуй, имеет смысл утопить нас в Усумасинте и тем самым устроить для здешних кайманов сытный обед.

После долгого и утомительного разговора мы пришли к единодушному мнению и часа в три ночи наконец-таки растянулись на своих койках. Утомленные бурными событиями прошедшего дня, мы тут же уснули.

– Ну и что вы решили? – спросил Хатч, стоя у заваленного схемами и фотографиями стола и упираясь в него костяшками пальцев.

Меня и моих друзей разбудили рано утром, и когда светловолосый крепыш почти двухметрового роста привел нас в палатку, используемую в качестве пункта управления, я пребывал все еще в полусонном состоянии.

– Я хочу, чтобы фамилии Кассандры и профессора упоминались первыми во всех статьях и заявлениях, связанных с авторством данного открытия, – ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо. – Еще мы требуем, чтобы нам досталась часть из найденных предметов, а также процент от полученной прибыли.

– Вы сейчас не в той ситуации, чтобы предъявлять требования, – отрезал Хатч. – Своими словами вы лишь разжигаете во мне желание усадить вас в лодку и отправить обратно в Гватемалу.

– С твоей стороны это было бы не очень умно.

– А можно поинтересоваться, что могло бы помешать мне поступить таким образом? – заносчиво произнес Хатч. – У меня здесь подробный отчет моих людей с фотографиями и эскизами внутренней части пирамиды и подземной пещеры – в том числе и снимок золотого распятия с прикрепленным к нему рубином, которое торчит из тины на дне водоема. Так что я сейчас имею по данному вопросу гораздо больше информации, чем вы, и поэтому мне непонятно, почему я должен выполнять ваши требования, если я, по сути дела, в вас не нуждаюсь.

– Возможно, ты и прав. Однако на твоём месте я имел бы в виду, что все может оказаться не так просто, как ты думаешь.

Хатч недовольно поморщился, что могло быть для нас как хорошим, так и плохим признаком.

– Что ты имеешь в виду? – мрачно осведомился он.

– А то, что если даже мы и нашли в подземном водоеме золотое распятие, то – каким бы ценным оно ни было – это еще не означает, что все сокровища находятся именно там. – Пытаясь скрыть охватившее меня волнение, я говорил настолько медленно, насколько мог. – Тамплиеры вполне могли разделить свои сокровища на несколько частей и спрятать их не только под пирамидой, но и в других местах города, и если это действительно так, то тогда тебе, чтобы найти остальные части сокровищ, потребуется наша помощь.

– Как сказать. В моем распоряжении имеется бригада высококлассных специалистов и самое лучшее из всего поискового оборудования, какое только можно купить за деньги. Уже в ближайшее время эта бригада вместе с оборудованием прибудет сюда. – Обведя нас троих небрежным жестом, Хатч добавил: – Поэтому я не считаю, что мне может понадобиться ваша помощь.

– Ну да, конечно. Ты собираешься перерыть весь город и не оставить в нем камня на камне. Замечательный план. И если ты наткнешься на высеченный иероглиф майя, который будет указывать, где именно нужно искать сокровища, ты вполне можешь обратиться к какому-нибудь из имеющих в твоем распоряжении высококлассных специалистов и он тебе его запрос-то переведет, да? Если же перевести иероглиф не удастся, то вы просто взорвете камень, на котором он был высечен, – да и дело с концом.

Хатч некоторое время молча размышлял над моими словами. Было заметно, что, прочитав оптимистический отчет, который сейчас лежал на его столе, он решил, что мы ему больше не понадобимся, а менять свое решение ему, естественно, не хотелось.

– Ну хорошо, – с явной неохотой сказал он. – Ваши фамилии будут упоминаться в числе первых в любой обнародованной информации о данном проекте, однако вы будете не более чем обычными членами моей поисковой бригады, а значит, вам придется работать на таких же условиях, как и всем остальным. А еще я вас предупреждаю, – Хатч поочередно ткнул пальцем в каждого из нас, – если у меня возникнет хотя бы малейшее подозрение в том, что вы скрываете от меня какую-то информацию или пытаетесь меня обмануть, я отдам вас в руки Горана и его друзей. И я, ни минуты не колеблясь, позволю делать с вами все, что им вздумается. Вам это понятно?

Кивнув в ответ, я посмотрел украдкой на Раковича и заметил, как его губы расплылись в садистской улыбке.

В течение нескольких последующих часов, поговорив то с одним, то с другим обитателем лагеря, мы выяснили, что те шесть вооруженных крепышей, которых мы здесь видели, были всего лишь наемниками и, как уклончиво выразился один из них, «специалистами по безопасности». Все они являлись бывшими бойцами южноафриканских подразделений спецназначения, бросившими службу и устроившимися на более высокооплачиваемую работу в компанию «Тэктикал

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Солушнз», услугами которой – по неизвестным нам причинам – решил воспользоваться Хатч.

Мы потратили все утро на то, чтобы свернуть свой маленький лагерь и перенести вещи в лагерь Хатча, а в полдень явились на центральную площадь Яшчилана, где возле фронтальной части «пирамиды на холме» нам предстояло снова встретиться с Хатчем.

Хатч уже стоял там, что-то обсуждая с Раковичем, который показывал ему пальцем на окружающие их руины. Со стороны эти двое были похожи на военных, проводивших рекогносцировку.

Мы остановились чуть поодаль, а потому не слышали, о чем они говорили. Ракович, закончив свой доклад, вскоре вернулся в лагерь. А Хатч, уже заметивший, что мы его ждем, неспешно направился к нам. Будучи в прекрасном настроении, он радостно сообщил:

– Все идет, как и было запланировано. Я поговорил по спутниковому телефону со своим адвокатом, и он сообщил мне, что разрешение на проведение раскопок уже получено – со всеми необходимыми подписями и печатями.

– И сколько денег ты потратил на взятки? – с сарказмом в голосе спросила Кассандра. – Чтобы получить такое разрешение, тебе, вероятно, пришлось обращаться к довольно высокопоставленным чиновникам, потому что на этот раз речь идет не о поисках мифических сокровищ где-то на морском дне, а о проведении раскопок в развалинах древнего города. Подобные раскопки, как тебе хорошо известно, наверняка причинят развалинам ущерб.

– При проведении поисковых работ я всегда стараюсь быть как можно более осторожным, мисс Брукс, – ответил Хатч, стараясь казаться уравновешенным и очень терпеливым. – Но поскольку вы и сами не раз участвовали в таких экспедициях, то знаете не хуже меня, что невозможно приготовить омлет, не разбив яиц.

От одного только упоминания о том, что она когда-то работала на Хатча, лицо Кассандры стало мрачнее тучи.

– А мне хотелось бы знать, – поспешил вмешаться я, пока разговор не перешел на личные оскорбления, – как долго ты за нами шпионил и зачем здесь вооруженные люди? Мы провели в этих местах довольно продолжительное время, и у нас не было ни малейших проблем с местным населением. По правде говоря, мы вообще не встретили здесь ни одного местного жителя.

– Я и мои люди прибыли сюда три дня назад. Что касается твоего второго вопроса, то осторожность и предусмотрительность никогда не помешают, а особенно в том случае, если речь идет о сокровищах стоимостью в миллиарды долларов. Для проведения данной операции моя компания «Хатч Мэрин Эксплорейшнз» получила от инвесторов рискованного капитала более тридцати миллионов долларов, и я приму все необходимые меры для того, чтобы она увенчалась успехом.

– Тридцать миллионов? – изумленно воскликнул я, быстренько прикинув в уме, что эта сумма равняется двадцати пяти миллионам евро. – И на что ушли такие огромные деньги? Может, ты попросту купил весь Яшчилан?

– Я вполне мог бы это сделать, – сухо ответил Хатч, – но я потратил их на то, чтобы приобрести самое лучшее в мире оборудование по исследованию земных недр и чтобы нанять самых лучших специалистов, способных осуществить раскопки в установленные мною сроки.

– И где же сейчас эти специалисты? – поинтересовалась Кассандра, демонстративно оглядываясь по сторонам. – Может, ты имеешь в виду вон тех вооруженных головорезов?

– Нет, мисс Брукс. Купленное мною оборудование и нанятые мною специалисты сюда еще не прибыли.

– А через сколько дней они приедут? – осведомился профессор, смешно выговаривая английские слова.

– Дней?! По правде говоря, они вот-вот должны появиться здесь... – Слегка

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
подняв голову и прислушавшись к чему-то, Хатч добавил: – Да, думаю, что через несколько минут они уже будут в Яшчилане.

Мы втроем – я, Касси и профессор – машинально посмотрели в сторону реки, ожидая увидеть на ней какие-нибудь лодки или другие плавучие средства. Однако мы тут же поняли, что тихий гул, к которому прислушивался Хатч, доносится не со стороны реки, а откуда-то из глубины тропического леса.

Вскоре этот гул перерос в громкий рокот. Когда он стал почти оглушительным, верхушки стоявших на опушке леса деревьев начали прогибаться, как будто на них давил невидимый груз, а затем из-за них, словно чудовищные насекомые из какого-то кошмарного сна, появились три огромных двухвинтовых вертолета «Чинук» – в камуфляжной окраске и с изображением мексиканского флага на носу. Слегка коснувшись верхушек деревьев своими колесами, они замерли в воздухе над Центральной площадью, неподалеку от того места, где находились мы. Винты вертолетов создавали такой мощный поток воздуха, что тот поднимал с земли и швырял во все стороны пыль, листья и веточки с силой небольшого урагана.

После прибытия вертолетов в лагере Хатча и среди развалин Яшчилана началась кипучая деятельность. Разгрузка вертолетов заняла уйму времени, потому что, хотя на них прилетело два десятка технических специалистов и вооруженных охранников, привезенного оборудования было очень много и к тому же оно требовало бережного обращения. Параллельно с разгрузкой вертолетов несколько техников стали возводить из металлических и пластиковых деталей домик. Этот домик предназначался размещения пункта управления, и в нем предполагалось установить еще до наступления темноты мини-водопровод, кондиционер и комплект современной оргтехники. Электропитание обеспечивалось мощным дизельным генератором «Пау-эртех», который при помощи своего двенадцатицилиндрового мотора «Камминз» выдавал пять тысяч киловатт – причем, как ни странно, он почти не гудел и не тархтел. Этого генератора вполне хватило бы на то, чтобы обеспечить электроэнергией целую деревню.

Вокруг будущего пункта управления возводились другие домики – поменьше размером, – предназначенные для хранения инструментов, оружия и продуктов питания, Все работы велись под неусыпным взором вооруженных охранников.

Мини-городок из этих домиков был возведен буквально за считанные часы. Я впоследствии узнал, что подобное «чудо» произошло благодаря специалистам из компании «Экстрим Инжиниринг», с которой Хатч заключил соответствующий контракт и которая специализировалась на строительстве временного жилья и сопутствующей ему инфраструктуры в нестандартных ситуациях и в малопригодных для жизни уголках планеты. На специалистов этой компании также возлагалась задача «вырвать» из земных недр спрятанные там сокровища. Возглавлял их бригаду молчаливый горный инженер Дэвид Картер. Вместе с ним в Яшчилан прибыл и некий Майкл Бенедикт – крепко сложенный геолог из Хьюстона, который, по его же словам, и сам еще толком не знал, в чем будет заключаться его задача. На вертолетах также прилетели два человека, знакомые нам еще со времени нашего пребывания на судне Хатча: вечно думающий о чем-то своем доктор Фрэнсис Дайер, с которым я не обменялся на судне ни единым словом, и Нат Дункан – механик, электрик и вообще мастер на все руки. Последний должен был организовать всю инфраструктуру лагеря так, чтобы она работала в соответствии с требованиями Хатча, то есть идеально.

Когда день начал клониться к вечеру, Хатч отправил меня с Кассандрой и профессором из Яшчилана в лагерь, заявив, что мы здесь сегодня больше не нужны и что нам следует получше отдохнуть, потому что завтра предстоит долгий и трудный день. Отдыхать, однако, предложили, как мы поняли, лишь нам одним, потому что техники, нанятые Хатчем, продолжали работать не покладая рук. Уходя с развалин, я успел заметить, что они уже начали прокладывать кабели от главного генератора к вершине пирамиды.

На следующий день мы отправились рано утром в пункт управления, где нас уже ждала «поисковая бригада», состоявшая, как мы с удивлением узнали, всего лишь из геолога Майкла Бенедикта и его широкополой ковбойской шляпы. Включение в эту бригаду нас троих увеличило ее численность аж в четыре раза.

– Зовите меня просто Майк, – сказал Бенедикт после того, как мы

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
представились ему. – Должен вам сказать, что термин «поисковая бригада» звучит уж слишком помпезно для той задачи, которая на нас возлагается.

– И в чем заключается эта задача? – поинтересовалась Кассандра.

– На данный момент – совершить небольшую экскурсию во внутреннюю часть пирамиды.

– О-о, я вижу, что мы угодили в неплохую бригаду, – пробормотал я.

Техасец рассмеялся и дружески хлопнул меня ладонью по спине, при этом едва не сбив меня с ног.

– Я сказал «на данный момент», – повторил Бенедикт. – Как только мы проведем предварительный осмотр, у меня будет гораздо больше работы и мне понадобится ваша помощь. Вы когда-нибудь пользовались стратиграфическим детектором? Или радаром для зондирования подповерхностных слоев грунта?

Взглянув на нас, Бенедикт сразу догадался, что мы не об этих устройствах ни малейшего понятия.

– Я умею водить машину, – сказал я, поднимая руку.

Я не успел уклониться, и Бенедикт, засмеявшись, снова хлопнул меня ладонью по спине. Чувствуя, как от его удара у меня на несколько секунд перехватило дыхание, я запоздало подумал, что в компании этого человека лучше не шутить.

– Ну, если не пользовались, значит, не пользовались, – беззаботно сказал американец. – Я объясню вам, как функционируют эти приборы и какие графики нам нужно с их помощью построить. Через пару часов вы сможете управляться с ними не хуже меня.

Мы взяли по фонарику и отправились к расположенному на вершине пирамиды святилищу.

Вдоль каменной лестницы, поднимавшейся от основания искусственного холма до святилища, уже лежали несколько кабелей. Зайдя в святилище, я с удивлением увидел, что там нет конструкции из бамбуковых стволов, которую мы с таким трудом воздвигли, а огромная каменная плита, приподнятая благодаря нашим усилиям, куда-то исчезла.

Когда мы подошли к входу во внутреннюю часть пирамиды, из него, как кролик из норы, вдруг появился Дэвид Картер. Он молча поприветствовал нас кивком, а затем, отойдя немного в сторону и посмотрев на меня, Кассандру и профессора, троих незнакомых ему людей, достал из кармана старую трубку, неторопливо набил ее табаком и стал чиркать старенькой зажигалкой.

– Значит, это вы соорудили здесь пугало из бамбука и веревок? – спросил он, когда листья табака наконец-то начали тлеть.

– Да, мы... – ответил я, слегка поморщившись при слове «пугало». – Тут, в сельве, довольно скучно, вот мы и решили... поразвлечься.

Инженер еле заметно улыбнулся.

– Не поймите меня превратно, – сказал он. – То, что вы соорудили, я оценил как довольно талантливое изобретение, и мне было даже жаль все это демонтировать.

– Что-то не верится. Уж больно быстро вы убрали наше сооружение.

– У нас не было другого выхода. Мне для подъема плиты нужно было установить гидравлические домкраты, а ваше «сооружение» нам очень мешало.

– Кстати, а куда вы дели эту плиту? – поинтересовалась Касси. – Что-то я ее нигде не вижу.

– Мы спустили ее вниз, – ответил Картер, – потому что решили использовать ее в качестве противовеса в подъемнике номер один.

– Подъемнике? – с удивлением переспросил я. – А для чего вам нужен подъемник?

– Для того чтобы поднимать оборудование на вершину пирамиды. Или вы думаете, что мы будем использовать мулов? У нас есть несколько тонн оборудования, которое нужно переместить внутрь пирамиды. Кроме того, нам ведь придется очень многое из нее достать.

– Ваши хозяева, я вижу, средств не жалели, – вставил профессор Кастильо.

На этот раз вместо Картера ответил Бенедикт:

– Если наша экспедиция обеспечена почти неограниченным финансированием и перед нами поставлена задача выполнить работу как можно быстрее и эффективнее, то вполне логично, что мы стараемся использовать все, на что только у нас хватает фантазии, так ведь?

– Да, конечно, – согласился профессор. – Я просто привык, что в нашей стране при выполнении тех или иных работ стараются не тратить на всякие ухищрения.

– В конечном счете это обходится дороже.

– Несомненно, – согласился Кастильо, – однако дурные привычки очень трудно искоренить, особенно если они уже воспринимаются как «черты национального характера».

– А что вы здесь установили? – вмешался я, видя, что разговор уходит куда-то в сторону. – Эти кабели, которые протянуты во внутреннюю часть пирамиды, означают, что там, внизу, уже есть освещение?

Картер посмотрел на меня с таким видом, как будто я задал ему глупейший вопрос.

– Ну конечно. Это было самое первое, что мы сделали. Сейчас там уже устанавливаются кабели системы внутренней связи и рельсы подъемника номер два, на котором можно будет спуститься в подземную пещеру и подняться обратно.

Меня настолько удивила скорость выполнения работ и вообще амбициозность всего проекта, что я загорелся желанием еще поспрашивать кое о чем этого инженера, однако тот, сказав, что у него полно дел, вежливо попрощался с нами и ушел.

Тогда мы стали спускаться один за другим в отверстие, окруженное теперь с трех сторон ограждением из желтых пластиковых пластин, к верхнему краю которого были прикреплены мигающие лампочки.

Поначалу мы передвигались очень осторожно, однако затем пошли гораздо быстрее: за минувшую ночь вдоль всей лестницы было установлено освещение – сотни маленьких тусклых лампочек, – а ступеньки были очищены от лишайника и мха и посыпаны абразивным песком, в результате чего риск поскользнуться и упасть был сведен до минимума. Впрочем, вместе с ним была сведена до минимума и та атмосфера таинственности, которая так поразила нас с Кассандрой менее двух суток назад.

Мы сравнительно быстро спустились по лестнице и вошли в украшенный рисунками коридор. Профессор шел по нему с расширившимися от удивления глазами и постоянно останавливался, из-за чего мне время от времени приходилось подгонять его. Что касается Майка, то он, наоборот, не обращал почти никакого внимания на древние изображения, хотя сейчас, при стационарном освещении, они предстали перед нами во всем своем великолепии. Даже для такого дилетанта, как я, было понятно, что они, будучи образцом древнего изобразительного искусства, представляют огромную ценность, ибо дают описание истории населявшего этот город народа с его войнами, жертвоприношениями и правителями, умершими многие сотни лет назад.

Дойдя до порога, отделявшего коридор от пещеры, и пропустив профессора вперед, мы с чувством благоговения вошли вслед за ним в пещеру.

Техники из компании «Экстрим Инжиниринг» уже установили освещение и здесь,

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
но, в отличие от лестницы и коридора, решили не ограничиваться тусклыми лампочками. По всему периметру пещеры были расставлены на треногах мощные лампы в тысячу ватт, освещавшие ее так, как она еще никогда не освещалась. Даже те, кто создал эту пещеру много веков назад, не имели возможности так отчетливо видеть ее гигантский свод, отстоявший от пола на расстоянии более тридцати метров. В результате двенадцать исполинских фигур фантастических существ, которые отбрасывали при свете ламп невероятные тени, казались еще более жуткими, чем они были на самом деле.

Размеры пещеры были просто огромными, и меня не покидала мысль о том, какое же сильное впечатление она производила на древних майя, которых приводили сюда, чтобы принести в жертву. У этих бедняг к ужасу, вызванному приближающейся смертью, прибавлялся еще и ужас от осознания того, что их бессмертная душа и в самом деле находится в руках могущественных и безжалостных богов.

Однако в конце концов наше внимание сконцентрировалось на уже освещенном изнутри сеноте, от которого исходило неестественное голубоватое сияние, весьма подходящее для окружающей его таинственной обстановки. Он был похож на огромную разинутую пасть злобного существа, угрожающего своими каменными клыками каждому, кто замышлял проникнуть в его чрево и забрать то, что принадлежит божеству и душам умерших.

К несчастью, мы тогда еще не понимали, что и в самом деле находимся перед Ах-Пучем, богом смерти древних майя, который, уже несколько столетий не получая человеческих жертвоприношений, может захотеть утолить свой многовековой голод теми, кто явился без приглашения в его владения.

42

Сделав множество фотоснимков, а также измерив пещеру и священный колодец, мы вернулись в пункт управления, чтобы принять участие в общем совещании и составить график своей работы на следующий день.

Стоявший у входа в домик Хатч терпеливо ждал, пока все соберутся, и когда в установленное время помещение пункта управления заполнилось людьми, он зашел туда, уселся на ящик и, покашляв в знак того, что просит внимания, начал совещание. Говорил Хатч таким же наигранным тоном, как и несколько недель назад, когда он обращался с мостика «Мидаса» к находившейся на судне бригаде специалистов по подъему затонувших кораблей.

– Прежде всего мне хотелось бы поблагодарить всех за то, что вы согласились сюда приехать. Я знаю, что для некоторых из вас от того момента, когда вы спали в постели со своей женой, и до того момента, когда вы уже сидели в самолете, направляющемся в Центральную Америку, прошло менее двух часов. – Хатч лукаво улыбнулся. – Но вы еще будете меня за это благодарить. – Среди присутствующих послышался смехок, и Хатч, удовлетворенно кивнув, продолжил: – Хотя все, кто сюда приехал, получают от меня очень щедрое вознаграждение, я не могу не сказать вам спасибо за то, что вы поверили в успех данного проекта и находитесь сейчас здесь, в этом тропическом лесу, в одном шаге от открытия, которое заставит ученых переписать учебники истории.

Хатч сделал паузу и с самодовольным видом обвел взглядом всех присутствующих.

– А еще я хочу вам сообщить, – сказал он, – что я провел переговоры со своими инвесторами и достиг с ними договоренности о том, что, если данная операция приведет к ожидаемым результатам, один процент от полученной прибыли будет распределен между всеми участниками экспедиции!

Раздались восторженные крики и аплодисменты. По лицам многих людей было видно, что они лихорадочно пытаются под считать в уме, какую же сумму составит тридцатая доля одного процента от десяти миллиардов долларов.

Хатч, несомненно, умел вдохновлять своих работников.

– В обмен на это, – Хатч повысил голос, пытаясь интонацией и жестом сдержать охватившую присутствующих эйфорию, – я прошу вас превзойти самих себя, потому что для достижения нашей амбициозной цели мы должны выложиться даже не на сто, а на целых сто десять процентов. – Хатч сделал паузу, чтобы собравшиеся в этом домике люди осознали значимость только что произнесенных

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
им слов. – В нашем распоряжении имеется всего несколько дней, однако у меня нет ни малейших сомнений в том, что мы справимся со своей задачей, с какими бы трудностями нам ни пришлось при этом столкнуться. Я верю в вас, а вы постарайтесь не разочаровать меня.

Снова раздались аплодисменты и одобрительные крики, и если бы мы в этот момент находились не посреди развалин древнего города, а на арене для корриды, Хатча с почетом вынесли бы на плечах через главные ворота.

В отличие от ликующих охранников и технических специалистов, мы, то есть я, Кассандра и профессор, сидели в дальнем углу с самым мрачным видом, чувствуя себя обманутыми и обделенными на этом – чужом для нас – празднике жизни.

Остаток дня мы потратили на то, чтобы научиться пользоваться различными высокотехнологичными приборами, названия которых мне все никак не удавалось запомнить. На нас была возложена задача помочь Майку в составлении стратиграфической карты пещеры, и потому мы должны были знать, как работают все эти новейшие устройства. Благодаря приборам, предоставленным в наше распоряжение, нам нужно было выяснить, с какими типами скалистой породы придется столкнуться инженерам, по каким туннелям вода поступает в сенот и уходит из него. Майк объяснил нам, что, хотя вода в колодце кажется стоячей, в действительности она является проточной, ибо в противном случае в ней обнаружилось бы множество водорослей и бактерий и она не была бы такой прозрачной и голубоватой, какой мы ее сегодня видели.

Мы до глубокой ночи возились с изучаемым нами оборудованием и обговаривали работу, которую нам предстояло выполнить на следующий день. Лишь только когда наш техасский геолог решил, что мы к этой работе готовы, нам наконец-таки позволили вернуться в лагерь. К слову, лагерь за прошедшие сутки увеличился в четыре раза, и теперь в нем, словно по мановению волшебной палочки, появились душевые кабины, уборные и столовая. Когда я увидел такие разительные перемены, мне подумалось, что мы попали в какую-то сказку, в которой неутомимые эльфы трудятся не покладая рук с утра до ночи, но никто их при этом не видит.

Да, люди, нанятые Хатчем, не только очень хорошо, но и весьма быстро делали свою работу.

Ночь прошла спокойно, и нам с Кассандрой даже удалось насладиться друг другом в нашей палатке, поскольку профессор, понимая ситуацию, отправился «немного погулять при луне». Мы с Касси уже много дней не занимались любовью, и я, снова касаясь шелковистой кожи любимой женщины, страстно целуя ее, лаская руками и прижимаясь своим телом к ее телу, соединяясь с ней в одно целое, забывал обо всем на свете, в том числе и о разочаровании, постигшем нас в связи с крушением надежд относительно богатства и славы. Я осознал, что самое главное – это то, что мы живы и что меня любит человек, которого люблю я.

Близость с Кассандрой стала для меня своего рода очищением, ибо я в первый раз за две недели спал в эту ночь беспробудным сном и проснулся на следующее утро в прекрасном настроении, чувствуя себя преисполненным новых сил.

В восемь часов утра, заглянув в столовую и безуспешно попытавшись получить там бутерброды с арахисовым маслом и мармеладом (как будто забыв, что находимся среди представителей англо-саксонской расы), мы отправились в пункт управления, где нас уже ждал Майк, на голове которого, как обычно, красовалась ковбойская шляпа.

– Доброе утро, – сказал он при нашем появлении и коснулся пальцами своей шляпы. – Вам хорошо спалось?

– Кое-кому – очень даже хорошо, – ответил, подмигивая мне, профессор.

Мое лицо, наверное, приняло придурковатое выражение, потому что Майк сразу же догадался, в чем тут дело.

– Вот и прекрасно, – с заговорщическим видом произнес он. – Для меня главное, чтобы у вас осталось достаточно сил, потому что нам предстоит

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
тяжелый рабочий день.

Взвалив себе на плечи различные электронные приборы, мы пошли к пирамиде и обнаружили у ее основания, что «эльфы» снова заявили о своем присутствии. Там, где в предыдущий день был лишь голый склон холма, я с удивлением увидел рельсы из блестящего алюминия, которые поднимались от основания холма до расположенного на вершине пирамиды святилища. На рельсах стояла вагонетка, похожая на те, что используются в шахтах, но только более изящной формы.

– Картер рассказывал нам, что собирается установить здесь нечто подобное, – с восхищением сказал я, – однако я никак не ожидал, что это будет сделано всего лишь за одну ночь.

– Да, они работают быстро, – согласился геолог.

Судя по тону его голоса, он уже не первый раз имел дело с этими людьми, и потому их расторопность его нисколько не удивила.

– Нам нужно ехать на «этом»? – недоверчиво спросила Кассандра, показывая рукой на вагонетку.

– Нет, мисс Брукс. «Это» – только для перемещения грузов. Положите в нее приборы, которые вы несете, и давайте поднимемся по лестнице.

Мы так и поступили. Дойдя до вершины пирамиды, мы щелкнули небольшим выключателем, и вагонетка, которую потащил вверх тонкий стальной трос, вскоре оказалась рядом с нами.

Мы достали из нее свои приборы и стали осторожно спускаться во внутреннюю часть пирамиды по каменной лестнице, вдоль которой тоже были установлены алюминиевые рельсы. Вероятно, на следующий день на них должна была появиться примерно такая же вагонетка, как и та, которой мы только что воспользовались, но только поменьше.

Дойдя до пещеры, мы увидели, что несколько техников устанавливают у края колодца сложный по конструкции подъемный кран. А еще рядом с сенотом на синей полиэтиленовой подстилке лежали пять комплектов снаряжения для подводного плавания.

– А это зачем? – спросил я, показывая рукой на комплекты.

– Понятия не имею, – ответил геолог. – Как бы там ни было, это не наше дело. Давайте-ка лучше займемся своей работой.

Он показал нам, куда следует положить принесенные приборы, а затем мы подсоединили к ним портативный компьютер, монитор которого, разделенный на несколько секций, тут же начал показывать различные малопонятные нам диаграммы, автоматически сохранявшиеся на жестком диске. В течение целых пяти часов мы, перемещая приборы, поочередно снимали участки пола пещеры. Закончив эту работу и оставив приборы в тех местах, где они были установлены нами в последний раз, мы направились к выходу.

– А теперь, – начал объяснять нам Майк, когда мы уже поднимались по лестнице, – я сброшу всю полученную нами информацию на компьютер пункта управления и при помощи сложной компьютерной программы, в разработке которой принимал участие и я, мы получим трехмерную карту всего того, что находится под пещерой.

– Просто волшебство какое-то, – искренне произнес профессор. – И как такое возможно?

– Это довольно трудно объяснить, – ответил техасец, пытаясь от того, что ему приходилось одновременно и подниматься по крутой лестнице, и разговаривать. – Если в двух словах, то мы с вами пронизывали грунт электромагнитными волнами низкой частоты и благодаря этому нам удалось «проникнуть» на несколько метров вглубь скалистой и земляной породы – независимо от ее плотности. В результате мы «увидели» то, что находится под нашими ногами. – Майк снял свою шляпу и почесал затылок. – А впрочем, вы правы: это самое настоящее волшебство.

Полчаса спустя, сидя в зале оргтехники и держа в руках стаканы с прохладительными напитками, мы рассеянно смотрели на монитор главного компьютера, на котором слой за слоем вырисовывалось изображение всего того, что находилось под пещерой в пределах пятнадцатиметровой глубины. Когда компьютер через несколько минут закончил выполнение поставленной ему задачи, Майк, ловко орудуя мышью, стал вертеть итоговое изображение вокруг каждой из трех осей, выбирая наиболее наглядный из возможных ракурсов.

И тут в дверях появился Хатч. Он, не здороваясь, подошел к геологу и сел рядом с ним.

– Ну как, сняли уже все данные? – осведомился он.

– Да, все, – ответил Майк. – Я только что завершил их анализ.

– И каков результат?

– Как я и предполагал, – начал рассказывать тоном лектора Майк, – скалистая порода под пещерой имеет известковый характер. В ней не выявлено сколько-нибудь заметных трещин, и поэтому можно приступить к блокировке туннелей, по которым течет вода, без опасения обвалов.

– А сколько этих туннелей? – поинтересовался Хатч.

– Два: подводный и отводящий.

– Извините, что вмешиваюсь, – сказал я, – но что это за «блокировка»? И о каких туннелях идет речь?

Геолог повернулся на своем стуле и посмотрел на меня.

– Туннели – это те подземные полости, по которым вода подходит к расположенному в пещере колодцу и по которым она из него уходит, – ответил он, а затем, ткнув пальцем в монитор, добавил: – Видишь вот эти два ответвления, идущие в противоположных направлениях? Они проходят в трех метрах ниже уровня воды, и мы собираемся заблокировать их, используя пластическое взрывчатое вещество.

– А зачем? – спросил я.

– Как это зачем? – удивился техасец. – Чтобы остановить поступление воды в сенот, осушить его и после этого спокойно достать хранящиеся в нем сокровища.

– А если не удастся полностью заблокировать эти туннели? Я, например, сомневаюсь, что вода перестанет туда просачиваться.

Майк покачал головой.

– Тут нет никакой проблемы, Улисс. Картер, наш инженер, объяснит тебе более подробно, а я лишь могу сказать, что у нас есть насос, способный откачивать сто кубических метров в минуту. Даже если вода и будет просачиваться, мы ее тут же откачаем.

Кассандра, разглядывающая на экране странное изображение, очень похожее на торец ствола толстого дерева, от которого под прямым углом отходили в разные стороны две ветки, задала вопрос, вертевшийся на языке и у меня.

– А не слишком ли этот сенот симметричный?

– Вы правы, мисс Брукс, я тоже обратил на это внимание, – ответил Майк. – У этого странного водоема уж слишком правильная форма. У меня даже складывается впечатление, что он создан людьми.

– А может, он и вправду создан людьми? – с обеспокоенным видом спросил Хатч.

– Вряд ли. Создать такой водоем было бы довольно трудно. Да и какая разница? – Майк пожал плечами.

– Большая, – серьезно ответил Хатч. – Если этот водоем создавался людьми, то они могли предусмотреть в нем нечто такое, что впоследствии превратилось бы в неприятный сюрприз для незваных гостей... как мы, например.

– Тысячу лет назад? – насмешливо спросила Кассандра. – Не впадай в паранойю, это тебе не Вьетнам. Майя не устраивали в своих священных местах никаких неприятных сюрпризов. Это бывает только в фильмах.

Хатч в ответ ехидно усмехнулся и сказал:

– Я очень рад, что вы так сильно в этом уверены, мисс Брукс, а потому вы двое (он посмотрел сначала на Кассандру, а затем на меня) спуститесь в этот водоем самыми первыми.

Нырять в сенот нам предстояло следующим утром, и Касси решила посвятить остаток этого дня изучению изображений, нарисованных на стенах коридора, ведущего в пещеру. Перед этим она попросила нас с профессором составить ей компанию.

Взвалив себе на плечо сумку, в которой лежал портативный компьютер с программой, позволяющей переводить на испанский язык иероглифы майя, я вместе с Касси и профессором снова спустился во внутреннюю часть пирамиды.

– Я, признаться, думал, что ты позвала меня с собой из-за моего неотразимого обаяния и прекрасного чувства юмора... – ворчливо говорил я, шагая по лестнице. – Но на самом деле я нужен тебе в качестве носильщика твоего компьютера.

– Нет-нет, ты ошибаешься, Улисс, – поспешно возразила Кассандра. – Ты еще можешь пригодиться для того, чтобы отгонять от меня mosquitos и передвигать различные тяжелые предметы.

– Мы для женщин – всего лишь дешевая рабочая сила, – усмехнулся профессор. – Но хуже всего то, что нас такая роль вполне устраивает.

– Все из-за этого чертова тестостерона...

– А мне он нравится, – ласково прошептала у меня за спиной Кассандра. – Выделишь для меня этой ночью немножко тестостерончика?

– Посмотрим.

– Улисс, ты постепенно теряешь чувство собственного достоинства, – заявил профессор.

– А вам завидно?

– Если честно, то да, – ответил, весело хихикнув, Кастильо.

Он шел впереди меня, и я хлопнул его сзади ладонью по плечу.

– Не расстраивайтесь, проф. Может, мы найдем в пещере какую-нибудь мумию вашего возраста, а в придачу еще и виагру.

Беззаботно болтая, мы даже не заметили, как спустились лестнице и снова оказались в коридоре, который уже окрестить «коридором с рисунками».

Я находился в этом помещении уже в четвертый раз, но, тем не менее, снова открыл в нем новые для себя символы и изображения, удивляясь тому, насколько искусно древние художники использовали те или иные оттенки цвета, чтобы показать различия в положении тел и движениях внешне вроде бы одинаковых персонажей. Вокруг каждого рисунка располагались вереницы иероглифов, с помощью которых майя описывали события, связанные с определенным человеком или мифическим персонажем, и указывали даты этих событий. В довольно просторном коридоре длиной более чем двадцать метров было изображено как минимум тридцать сцен. Они были нарисованы не только на стенах, но и на потолке, и поэтому я направил луч своего фонарика вверх, поскольку лампочки были настолько тусклыми, что не позволяли хорошо

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
разглядеть рисунки, расположенные на высоте трех метров.

Пока профессор и Кассандра занимались изучением рисунка, на котором жрец в великолепном головном уборе из перьев попугая ара вырывал сердце из груди воина, облаченного в шкуру леопарда, и бросал его в пасть Ах-Пуча, я разглядывал изображения, помещенные на потолке. Честно говоря, я не очень-то надеялся понять их смысл, но чувствовал, как меня очаровывает сила, излучаемая этими древними персонажами. Но после того как я целый час бродил взад-вперед по коридору, мне поднадоели все эти украшенные разноцветными перьями правители, жертвоприношения и казни и я стал подумывать о том, а не пора ли вернуться в лагерь и завалиться спать. Внезапно мой взгляд остановился на небольшом рисунке, который находился прямо над порогом, отделяющим коридор от пещеры, и который, сам не знаю почему, буквально приковал к себе мое внимание.

Я тщательно разглядывал этот рисунок, пытаюсь понять, что же в нем такого особенного. На стене было изображено похожее на змею уродливое зубастое существо, украшенное зелеными перьями и находившееся рядом с двухколесной повозкой, на которой лежало что-то вроде большого каменного ящика. «Это, возможно, глупо, – подумал я, – но раз уж мы здесь, надо бы сфотографировать этот дурацкий рисунок».

В этот момент ко мне подошел профессор.

– Что это ты фотографируешь? – поинтересовался он.

– Да так, ничего особенного. Просто вон тот рисунок чем-то привлек мое внимание, и я решил его сфотографировать.

– Позволь-ка взглянуть, – сказал профессор, направляя на рисунок луч своего фонарика. – Это, похоже, какой-то бог. И что любопытно, так это... Он изображен рядом с... О Господи! – удивленно воскликнул профессор. – Мисс Брукс, идите скорее сюда!

Кассандра тут же подбежала на зов профессора и направила на рассматриваемый нами рисунок луч своего фонаря. Тут же издав изумленный возглас, она испуганно отступила на шаг.

– Это невозможно, – прошептала она. – Если только...

– Вы можете мне объяснить, чем вас так сильно поразил этот рисунок? – спросил я, чувствуя, что меня начинает раздражать странное поведение моих друзей.

Кассандра посмотрела на меня с таким видом, как будто я был виноват в том, что не смог разглядеть на этом рисунке того, что увидели на нем она и профессор.

– Дело в том, – начала объяснять Касси, снова уставившись на рисунок, – что здесь изображен бог Кетцалькоатль, рядом с которым находится деревянная повозка.

– Ну и что?

– А то, что, насколько известно ученым-историкам, колесо как таковое появилось в Америке лишь с прибытием туда испанцев. В цивилизации древних майя, Улисс, колёса не использовались.

Потрясший моих друзей рисунок был самым последним из целой серии изображений, которая начиналась на одном краю потолка и заканчивалась на противоположном. Эти изображения, как поняла Кассандра из сопровождавших их иероглифов, рассказывали в хронологической последовательности о том, как дети бога Кетцалькоатля несколько раз прошли вдоль русла реки, чтобы посетить город Яшчилан. Появившись там в последний раз, они обратились к жрецам за помощью и сделали невероятно огромное подношение богу Ах-Пучу в виде золота и драгоценных камней. Затем эти бородатые светлокожие боги, изображенные на рисунках в виде Кетцалькоатля, отправились на юг в населенный пункт, расположенный в горах и называвшийся «Город Храма», и никогда уже больше не появлялись в Яшчилане. Они увезли с собой нефритовую статуэтку пернатого змея, подаренную им жрецами в знак признательности за

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
сделанное ими подношение Ах-Пучу, а также таинственный каменный ящик, в котором, как сказали жрецам эти дети Кетцалькоатля, лежало их священное сокровище.

– По всей видимости, эти рисунки передают историю прибытия в город тамплиеров, – пробормотал профессор, не сводя замороженного взгляда с потолка. – Они рассказывают о том, как тамплиеры появились здесь, опустили свои сокровища в сенот и затем отправились восвояси. На это указывает очень много признаков, и если Кассандра правильно интерпретировала эти рисунки и иероглифы... – Профессор посмотрел в сторону пещеры, в которой были заметны голубоватые отблески, исходившие от поверхности воды, и сказал: – Я думаю, что можно смело утверждать: все сокровища ордена тамплиеров покоятся сейчас на дне вон того водоема.

– Со стороны тамплиеров было бы вполне разумно спрятать свои сокровища именно там, – согласился я. – Думаю, им показалось, что этот колодец и впрямь неплохой тайник: в него и суеверные туземцы не рискнули бы сунуться, потому что побоялись бы гнева своих богов, и Папа Римский с французским королем вряд ли бы до него когда-нибудь добрались. Кроме того, тамплиерам наверняка не хотелось тащить с собой несколько тонн золота и драгоценных камней через непролазные тропические заросли. А ты как считаешь, Касси? – спросил я, обнимая Кассандру за плечи. – Почему ты примолкла?

– А что тут говорить? И так все ясно, – поспешно ответила Кассандра. – Я только не могу понять, о каком священном сокровище здесь идет речь. Хотела бы я знать, что увезли с собой тамплиеры в каменном ящике.

– Я бы не придавал этому большого значения, – заметил профессор. – По всей видимости, это были книги или рукописи, которые тамплиеры не могли бросить в сенот, потому что вода бы их уничтожила. Столь высокопарная формулировка просто служила для подтверждения предполагаемой божественности явившихся к майя бородатых людей со светлой кожей. В общем, что бы ни находилось в этом ящике, оно было объявлено «священным сокровищем».

Кассандра на несколько секунд замолчала, размышляя над рассуждениями профессора.

– Вы, безусловно, правы, однако... не знаю... Это – веревочка, за которую мне хотелось бы потянуть, чтобы посмотреть, куда она приведет.

Стараясь удержать в памяти изображения, которыми был украшен коридор, мы возвратились в лагерь. Уже начинало темнеть, и, наспех поужинав, мы побыстрее улеглись спать, потому что следующий день обещал быть весьма тяжелым.

В тот вечер я даже представить себе не мог, что предстоящий день будет не просто тяжелым – он станет одним из самых трагических дней в моей жизни. Да, денек меня ждал прямо-таки жуткий.

43

Рано утром, когда первые лучи солнца начали пробиваться сквозь густую листву тропических деревьев, меня разбудил умопомрачительный, похожий на какое-то дурное предзнаменование, вой обезьян-ревунов.

Поскольку снова заснуть я не смог, а лежать на койке, уставившись на брезентовый потолок нашей палатки, мне не хотелось, я решил встать, одеться и пойти посмотреть на восход солнца с какого-нибудь возвышенного места древнего города. Уже шагая по тропинке, я подумал, что самым подходящим местом для этого будет святилище, находящееся на вершине уже так «глубоко» изученной мною пирамиды.

Когда я забрался на вершину пирамиды, почти рассвело. Огненно-красное солнце, похожее на могущественного владыку небес, освещало подвластный ему мир, отгоняя тьму и возрождая многоцветие окружавшей меня флоры и фауны мексиканских джунглей.

Мне пришло в голову, что тысячу лет назад в том самом месте, где сейчас нахожусь я, стоял какой-нибудь разукрашенный перьями и одетый в шкуры животных жрец, который, как и я, встречал выползающее из-за горизонта солнце и настороженно наблюдал за облаками, казавшимися в утренних лучах

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
кровоаво-красными. И если бы этот жрец был сейчас рядом со мной, он, наверное, смог бы объяснить мне, что означает это ниспосланное богами знамение.

Когда я вернулся в лагерь, Кассандра и профессор уже сидели в столовой и завтракали. Взяв у повара парочку только что испеченных сдобных булочек и немного сливочного масла, я подошел к своим друзьям.

– Доброе утро, – поздоровался я, подсаживаясь к ним.

– Где ты был? Мы за тебя переживали. – В голосе Кассандры звучал упрек.

– Да я тут неподалеку встречал бога солнца, – ответил я, разрезая булочку пополам.

– Уж лучше займись богом сливочного масла, потому что нам с тобой предстоит погрузиться в сенот менее чем через два часа, а еще нужно успеть проверить снаряжение.

Позавтракав, мы отправились к пирамиде, откуда я совсем недавно вернулся, и, дойдя до входа в ее внутреннюю часть, увидели, что на рельсах, ведущих вглубь святилища, уже установлена причудливая по своей форме вагонетка. Она была намного меньше вагонетки, на которой мы поднимали оборудование вдоль наружной лестницы пирамиды, и напоминала короткую, но широкую алюминиевую лестницу, к которой прикрепили четыре маленьких колеса и открытую кабинку для размещения пассажиров.

– Это еще, черт возьми, что за штукавина? – спросил профессор у техника, прикручивавшего последние шурупы на корпусе выключателя вагонетки.

– Мы называли ее «повозкой смерти», – ответил тот, усмехнувшись. – Но вы не переживайте: она пока что не оправдала своего названия.

– Пока что? – не скрывая тревоги, переспросил я. – А сколько человек ею уже пользовались?

– Ни одного! – ответил техник и расхохотался.

Мне его шутка отнюдь не показалась остроумной, однако нам не оставалось ничего другого, как залезть в кабинку этой странной вагонетки, немного похожую на кабинки, используемые на аттракционах, но без ремней безопасности и гораздо более хлипкой конструкции.

По нашему сигналу техник привел вагонетку в действие, и мы менее чем за две минуты спустились – в который раз! – вглубь пирамиды, а затем, пройдя через «коридор с рисунками», вошли в пещеру.

Там нас уже ждали Хатч и Ракович. Хатч осматривал снаряжение для подводного плавания и проверял, наполнены ли воздухом баллоны, а его заместитель возился с какими-то маленькими пакетами. Подойдя поближе, я увидел, что это были заряды пластического взрывчатого вещества. На этикетках виднелась надпись большими буквами: «СЕМТЕКС».

– Послушай, – обратился я к Хатчу, – ты, надеюсь, не собираешься заставлять нас с Кассандрой устанавливать в сеноте взрывчатку?

Хатч с высокомерным видом посмотрел на меня.

– Думаешь, я позволил бы тебе возиться с взрывчатым веществом так близко от моих сокровищ? – сказал он, делая ударение на слове «моих». – Подобную работу может выполнить только такой высококвалифицированный специалист, как Ракович.

– А в чем тогда заключается цель нашего погружения? – спросила Кассандра.

– На вас возлагается задача осмотреть дно колодца, подводный и отводящий туннели, а также сделать фотоснимки, что-бы мы потом смогли определить, в каком месте следует установить взрывной заряд. Вы в состоянии это сделать?

В последнее время Хатч почти при всех наших встречах говорил с нами

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
вызывающе-оскорбительным тоном.

– Ты забыл сказать, что нам нужно проверить, нет ли там неприятных сюрпризов, – произнеся эти слова, я насмешливо посмотрел на Хатча.

– Да, конечно, и если там есть какая-нибудь ловушка, я прошу тебя непременно в нее угодить, – ослабившись, заявил он.

– Можешь на это не рассчитывать.

Как любой водолаз, дорожащий своей жизнью, я внимательнейшим образом осмотрел снаряжение, в котором мне нужно было погрузиться в воду. Хотя погружение это должно было быть коротким и на небольшую глубину, нам с Кассандрой предстояло проплыть какое-то расстояние по узким туннелям, где любой сбой в работе регулятора или баллонов со сжатым воздухом мог оказаться роковым.

Прошедшей ночью кто-то установил на стене сенота алюминиевую лестницу, спускающуюся в его полупрозрачную воду метра на два в глубину. Я встал на нее, чтобы проверить ее на прочность, и... и тут из зияющего отверстия коридора донесся отдаленный раскат грома.

– Странно, – беззаботно пробормотал я себе под нос. – Когда мы шли к пирамиде, я не видел даже малейших признаков приближающейся грозы.

Но тут снова послышался нарастающий гул, и на этот раз мне показалось, что лестница под моими ногами слегка завибрировала. Уже в следующее мгновение установленное на стене пещеры переговорное устройство стало потрескивать и из него раздался громкий встревоженный голос:

– Мистер Хатч! На нас напали!

Мы втроем – я, профессор и Кассандра – от неожиданности застыли, словно каменные изваяния, а вот Хатч и Ракович отреагировали мгновенно, как будто на этом свете не было ничего такого, что могло бы застать их врасплох.

Бросив на пол снаряжение для подводного плавания и пакеты с взрывчаткой, которые они в этот момент держали в руках, Хатч и его заместитель побежали по направлению к установленной на рельсы вагонетке.

– Подождите! – крикнул я, справившись с охватившим меня оцепенением, когда Хатч и Ракович были уже у входа в коридор. – Я пойду с вами!

– Нет! – отчаянно крикнула Касси.

– Ты когда-нибудь обучался военному делу? – спросил, обернувшись в мою сторону, Хатч.

– В свое время я проходил обязательную военную службу в испанской армии, – ответил я. – Кое-что, наверное, еще помню.

– Хорошо, – неуверенно сказал Хатч. – Пойдешь с нами.

– Улисс! – крикнул профессор, когда я побежал вслед за американцем и сербом. – Не ввязывайся в это! Кто бы там ни был, они нападают на них, а не на нас!

Уже находясь на пороге, отделяющем пещеру от «коридора с рисунками», я на секунду остановился и спросил:

– Вы и в самом деле думаете, профессор, что если нападающие доберутся сюда, вниз, вам удастся убедить их, что вы не один из них, а один из нас?

Не дожидаясь ответа Кастильо, я шмыгнул в коридор и побежал к вагонетке, оставляя позади себя любимую женщину и старого друга своего отца и не зная, увижу ли я их когда-нибудь еще.

Мы поднимались на вагонетке с максимально возможной скоростью и мысленно молились о том, чтобы электропитание не прервалось еще до того момента, как мы достигнем вершины пирамиды. Нервно ерзая на маленьком сиденье, я чувствовал, как выброшенный в кровь адреналин растекается по моему телу, а

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
сердце бешено бьется, делая две сотни ударов в секунду. В висках стучало с такой силой, что голова, казалось, вот-вот разлетится на части. Мы сидели в сторону движения спиной, а потому то и дело поглядывали через плечо, опасаясь, что в любой момент может появиться силуэт вооруженного человека, подкараулившего нас в ситуации, когда нет никакой возможности себя защитить.

Наконец вагонетка, вздрогнув, остановилась в конечной точке своего маршрута, и Ракович, не теряя ни секунды, выскочил из нее с пистолетом «Зиг Зауэр» в руке. Затем он осторожно выглянул в отверстие, ведущее в расположенное на вершине пирамиды святилище, и жестом показал мне и Хатчу, чтобы мы следовали за ним.

Выбравшись наверх и подкравшись к выходу из святилища, я выглянул наружу, думая, что сейчас передо мной предстанет кровавое поле боя с кучей трупов. Однако я увидел лишь пару нанятых Хатчем охранников, которые, укрываясь за толстыми стволами деревьев, стреляли из автоматов короткими очередями по какому-то невидимому врагу, спрятавшемуся в густых тропических зарослях. Воздух то и дело содрогался от грохота выстрелов, доносившихся со всех сторон, и только еле заметные струйки дыма выдавали местонахождение нападавших, про которых мы даже не знали, кто они такие.

– Ракович бригаде охраны! Ракович бригаде охраны! – заорал в свое переговорное устройство серб. – Доложите обстановку!

Из переговорного устройства тут же донесся сбивчивый голос:

– Говорит крюгер! Обстановка необычайно сложная! Противник пытается обойти нас с севера и с запада!

– Вам удалось выяснить, кто на нас напал?

– Нет, сэр! Мы не смогли идентифицировать противника, но я заметил, что у некоторых из напавших на нас людей на шее повязан красный платок.

– Повстанцы-сапатисты! – Ракович с отвращением плюнул себе под ноги.

Он сжал свое переговорное устройство с такой силой, что фаланги его пальцев побелели.

– У нас есть потери? – спросил он, хмурия брови.

– Трое гражданских и двое моих бойцов убиты, – послышалось в ответ.

– Вы можете оттеснить напавших на нас людей обратно в лес?

На этот раз прошло несколько секунд, прежде чем из переговорного устройства ответили:

– Вряд ли. Перед нападением противник незаметно занял главенствующие позиции, и выбить его оттуда будет очень трудно.

Хатч, до этого внимательно слушавший своих подчиненных, нажал клавишу собственного переговорного устройства.

– Крюгер! – крикнул он в микрофон. – Говорит Джон Хатч! Вы должны удерживать те позиции, на которых сейчас находитесь! Вы меня поняли? Удерживайте позиции, на которых сейчас находитесь!

– Мы делаем все, что в наших силах, сэр, но я прошу вас позволить нам отступить к главной пирамиде – туда, где сейчас находитесь вы.

– И оставить оборудование, которое стоит миллионы долларов, без охраны, чтобы эти бандиты смогли его безнаказанно забрать? – рявкнул Хатч.

– Сэр... – Крюгер запнулся, а затем заговорил с нарастающей уверенностью: – Сэр, мне кажется, что в подобной ситуации нужно меньше всего думать о том, что вас могут ограбить.

Хатч с немым вопросом в глазах посмотрел на Раковича, и тот в ответ кивнул.

– Ладно, Крюгер, – неохотно произнес Хатч в переговорное устройство. – Расставьте своих людей так, чтобы организовать круговую оборону главной пирамиды, и пришлите сюда, наверх, всех гражданских.

Едва Хатч произнес эти слова, как раздался оглушительный грохот, больно ударивший по моим барабанным перепонкам, а у границы расположенной прямо перед нами площади взметнулся вверх большой огненный шар. Этот шар мгновенно поднялся почти до высоты «пирамиды на холме», и через долю секунды нагрянувшая к нам ударная волна отбросила нас внутрь святилища.

– Боже праведный! – послышался из переговорного устройства Хатча чей-то голос. – Они взорвали наши бочки с топливом!

Я с трудом поднялся с пола и, выглянув из святилища, пораженно смотрел, как там, где раньше находились генератор и бочки с бензином, теперь пылал огромный костер, от которого в небо поднимался высокий столб черного дыма.

Мне тут же пришло в голову, что Касси и профессор остались без электрического освещения и сидят теперь вдвоем в сырой пещере, погрузившейся в непроглядную тьму. Мое решение подняться в верхнюю часть пирамиды вместе с Хатчем и Раковичем, которое я всего лишь несколько минут назад считал абсолютно правильным, теперь показалось мне несусветной глупостью. Хотя ситуация здесь, наверху, была очень сложной, находится глубоко под землей в полной темноте, словно кролики в норе, было еще опаснее. А я ушел и бросил там, в пещере, Кассандру и профессора!

Я размышлял о том, что же сейчас могут предпринять мои друзья, когда до меня вдруг донесся далекий голос Раковича. Посмотрев с удивлением на серба, который находился буквально в нескольких шагах от меня, я лишь через несколько секунд догадался, что меня оглушило взрывом и поэтому я его так плохо слышу.

– Нам нужно пробраться в арсенал! – кричал Ракович, – надо забрать оттуда оружие и боеприпасы, а иначе мы не сможем обороняться!

– А еще мы должны пробраться в пункт управления! – заявил Хатч. – Там лежит спутниковый телефон! По нему мы сможем обратиться за помощью к мексиканской армии!

– Тогда давайте разделимся на две команды! – Ракович кричал, широко открывая рот, чтобы его было слышно, несмотря на грохот выстрелов, раздававшихся все ближе и ближе. – Вы пойдете со мной, – сказал он, схватив Хатча за рукав, – и мы постараемся вдвоем найти этот чертов спутниковый телефон. – Затем Ракович повернулся ко мне и ткнул в меня пальцем: – А ты пойдешь с двумя моими людьми в арсенал и поможешь им притащить сюда все, что они тебе скажут. Понятно?

– Понятно! – ответил я, кивнув. – Но у меня нет с собой оружия!

Ракович насмешливо посмотрел на меня и процедил сквозь зубы:

– Значит, когда будешь бежать, пригибайся пониже к земле.

Спуститься под вражеским огнем по лестнице пирамиды и добежать по примыкающей к ней площади до «арсенала», как требовал от меня Ракович, было практически равносильно самоубийству. Тем не менее я решил рискнуть, потому что мне очень хотелось помочь моим друзьям, а заодно и всем тем, чья жизнь сейчас, возможно, зависела от моих действий.

– По моей команде прикройте нас огнем! – приказал Ракович охранникам.

Он выждал несколько секунд, а затем, рывкнув в переговорное устройство «Огонь!», махнул Хатчу, мне и двоим охранникам рукой и побежал вниз по лестнице. Мы вчетвером бросились вслед за ним.

Мне еще никогда не приходилось бывать в ситуации, когда прямо над головой свистят пули, и если бы все мои органы чувств не были сосредоточены на том, чтобы не оступиться и не упасть во время стремительного бега вниз по ступенькам, я бы наверняка не выдержал нервного напряжения и попытался бы куда-нибудь спрятаться. Впрочем, прятаться на лестнице все равно было

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
негде, и, кроме того, я успел развить такую скорость, что мне вряд ли бы удалось остановиться.

Я мчался изо всех сил, надеясь, что оба охранника бегут где-то рядом. Добежав до основания лестницы и чувствуя, что мои легкие вот-вот разорвутся на части, я стал метаться по площади зигзагами, пока не оказался возле одного из домиков с металлическими стенами, внутри которого можно было укрыться, чтобы перевести дух. Через пару секунд в этот домик заскочили и охранники. Они, как и я, тяжело дышали, однако знаками показали мне, что отдыхать некогда и что я должен немедленно последовать за ними. Пригибаясь, мы стали лавировать между домиками, пока не оказались у входа в помещение, в котором хранилось оружие. Один из охранников набрал на замке цифровой код, и дверь «арсенала», гулко лязгнув, отворилась. Более высокий охранник остался у входа, а я и другой охранник вошли в оружейный склад.

Внутри этой постройки, не имевшей окон, было очень темно, однако охранник прекрасно ориентировался здесь и, несмотря на лихорадочность движений, действовал целенаправленно, открывая один шкаф за другим. Он доставал из них и складывая в одну кучу все то, что нам надлежало забрать с собой: бинокли ночного видения, автоматы причудливой формы, снайперские винтовки с огромным оптическим прицелом, осколочные гранаты и, конечно же, коробки с патронами. Мне показалось, что хранившегося здесь оружия и боеприпасов хватило бы для ведения небольшой войны, и я подумал, что Хатч либо необычайно предусмотрительный, либо заранее знал, что организованная им экспедиция вполне может спровоцировать вооруженное нападение.

Опустошив несколько шкафов, охранник открыл один из стоявших на полу картонных ящиков и вытащил из него шесть больших спортивных сумок. Затем мы с ним поспешно стали складывать в эти сумки все то, что лежало на полу посреди помещения.

– Э-э, друг! – крикнул я, когда охранник, схватив четыре сумки и жестом приказав мне взять оставшиеся две, направился к выходу из оружейного склада. – Мне бы тоже не помешало какое-нибудь оружие!

Охранник с удивлением посмотрел на меня, а затем достал из сумки один из автоматов причудливой формы.

– Это «Джи-11-кэй-2» производства компании «Хеклер энд Кох», – сказал он, приподнимая большим пальцем в верхней части автомата какую-то крышку и впихивая в открывшееся отверстие прямоугольную коробочку, по-видимому магазин. – Заряжаешь его сверху, закрываешь крышку, снимаешь с предохранителя – и можно стрелять.

Взяв из рук охранника этот необычный автомат, я удивился тому, как мало он весит.

– Это новейшая модель автомата без отдачи, – пояснил охранник, заметив, как вытянулось мое лицо. – Он сделан из карбо волокна и стреляет пулями калибра четыре целых семь десятых миллиметра со скоростью две тысячи выстрелов в минуту – очередями по три выстрела. Внутри приклада имеются еще два магазина по пятьдесят патронов каждый. – Ткнув в мою сторону пальцем, он предупредил: – Главное – не потеряй его. Этот автомат – самый лучший в мире, и он стоит больше шести тысяч долларов.

– Благодарю, – пробормотал я, стараясь удержать в своей памяти все, что я услышал мгновение назад, и добавил: – Слава богу, что хотя бы спусковой крючок находится там, где он и должен быть.

Ничего не сказав мне в ответ, охранник снова схватил четыре сумки и направился к выходу, где он сразу же передал две из них своему товарищу, который, пока мы возились в оружейном складе, стоял у дверного проема, внимательно наблюдая за тем, что происходит вокруг.

Выстрелы раздавались с обеих сторон площади, а мы, находясь где-то посередине, теперь должны были пересечь под перекрестным огнем открытое пространство, неся на себе двадцать или тридцать килограммов груза и стараясь не угодить под пулю. Пятьдесят метров, отделявшие оружейный склад от основания холма, на котором стояла пирамида, показались мне пятьюдесятью километрами. Пристраивая у себя на плечах тяжеленные сумки, чтобы они меньше мешали при беге, я старался не думать о том, как мало у меня шансов

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
выбраться живым и невредимым из «коридора смерти», по которому нам предстояло пробежать под символическим прикрытием нескольких отдельно стоящих деревьев. Даже если бы я и преодолел этот «коридор», мне затем нужно было еще подняться на вершину пирамиды, причем сделать это быстро я вряд ли бы смог, потому что лестница была уж очень крутой, а на плечи давил большой груз.

Когда мы вышли из оружейного склада, тот охранник, который был со мной внутри «арсенала», отцепил от своего жилета гранату, крикнул нам, чтобы мы как можно быстрее бежали к пирамиде, вырвал из гранаты кольцо и, к моему величайшему удивлению, бросил ее внутрь «арсенала». Я мгновенно представил себе, что за этим последует, а потому тут же бросился вслед за устремившимся к пирамиде вторым охранником, изо всех сил работая ногами и, конечно, позабыв о том, что нужно бежать зигзагами и пригибаться. Когда брошенная охранником граната взорвется, весь «арсенал» тут же взлетит на воздух, и тогда даже какие-нибудь дополнительные полметра, отделяющие меня от оружейного склада, могут оказаться спасительными.

Раздавшийся через несколько секунд взрыв был еще более оглушительный, а ударившая в спину взрывная волна повалила меня на землю. Прижимаясь лицом к влажному грунту, я услышал целый ряд взрывов, грохот которых перемешивался с резким свистом разлетающихся во все стороны осколков от боеприпасов, а еще я почувствовал, как меня обдало сверху жаром.

Оглушенный взрывом, я больше не слышал свиста вонзающихся в землю рядом со мной пуль, и мне, весьма некстати, вспомнилась военная поговорка о том, что пуля, свиста которой ты не услышишь, – та самая, которая тебя убьет.

– Остается только радоваться, что эта поговорка оказалась неверной, а иначе я был бы уже на том свете, – пробормотал я себе под нос, еще сильнее прижимаясь к земле.

Через несколько секунд, приподняв голову и осмотревшись, я с ужасом заметил, что оба охранника уже вскочили на ноги и бегут что есть мочи к пирамиде. Получалось, что я теперь остался лежать посередине открытой площади один – словно последняя непораженная мишень в тире.

Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ними, надеясь на то, что у моего ангела-хранителя сегодня не выходной день. Я резко поднялся на ноги и, пошатываясь под тяжестью сумок, попытался передвигаться с такой же скоростью, как и охранники, уже почти достигшие основания холма. Ничего не слыша, я мчался в какой-то неестественной тишине, и единственными звуками, которые я еще хоть как-то воспринимал, были удары моего собственного сердца.

Я подбежал, задыхаясь от натуги, к основанию холма и стал подниматься вверх по лестнице, стараясь не обращать внимания на взметавшиеся впереди меня фонтанчики пыли и искры – это чиркали по каменным ступенькам прилетавшие откуда-то справа пули.

Совершая буквально сверхчеловеческие усилия, я сумел догнать охранников где-то в средней части лестницы. И тут один из них – тот, что пониже ростом, – сделал странный скачок в сторону, взвыл от боли и рухнул на ступеньки, схватившись обеими руками за левую ногу. Судя по всему, в него угодила пуля.

Другой охранник тут же подбежал к упавшему товарищу и, бросив на ступеньки сумки, начал стрелять из автомата в том направлении, откуда до нас долетали пули. Я же сделал единственное, что мне в этой напряженной обстановке пришло в голову, – тоже снял с плеч сумки и, отцепив от своего автомата ремень, стал обвязывать его вокруг бедра раненого охранника, который, стиснув зубы, ошалело смотрел на струйку крови, вытекающую из раны на его ноге. Он понимал, что пуля могла задеть артерию и что если немедленно не остановить кровотечение, то он вскоре потеряет сознание и умрет от потери крови.

Затянув ремень вокруг его бедра настолько сильно, что кровотечение резко уменьшилось, я попросил другого охранника помочь мне, и мы, обхватив раненого с двух сторон и взяв, кроме своих, еще и его сумки, снова стали подниматься по лестнице, чувствуя, как охватившее нас отчаяние придало нам новые силы.

Теперь я снова слышал свист пролетающих рядом смертоносных пуль, то и дело чиркавших по ступенькам пирамиды. Было удивительно, что ни одна из них до сих пор в меня не попала, но едва я об этом подумал, как тут же почувствовал в правом плече острую боль, от которой невольно выронил автомат и едва не упал на ступеньки.

Сам не понимая, как мне это удалось, я все же устоял на ногах. Придя через пару секунд в себя, я осмотрел свое плечо и увидел, что в нем зияет маленькая окровавленная рана, однако рука вроде бы осталась работоспособной. Пуля, к счастью, всего лишь задела мякоть плеча и полетела дальше. Поэтому я, сжав зубы, снова потянул раненого охранника вверх по ступенькам, стараясь побыстрее преодолеть пару десятков метров, отделявших нас от расположенного на вершине пирамиды святилища, в котором мы могли укрыться от обстрела.

Наконец, все-таки сумев удрать от мчавшейся за нами по пятам смерти, мы достигли вершины пирамиды. Там я увидел полдюжину техников и столько же охранников из компании «Тэктикал Солушнз», которые, находясь у входа в святилище, стреляли из автоматов и пистолетов по противнику, прятавшемуся в густых зарослях и окружавших нас развалинах. Мы заскочили в святилище и остановились в его глубине, тяжело дыша, обливаясь потом и не понимая, как нам удалось остаться в живых. У нас сразу же забрали сумки с оружием, и кто-то стал вызывать по громкоговорителю доктора Дайера, чтобы тот осмотрел раненого охранника.

Я в изнеможении опустился на влажный пол, уставившись в пустоту и жадно ловя ртом воздух. Немного придя в себя, я осмотрел свою рану и убедился, что, хотя боль в плече была довольно сильной, кости и артерия остались невредимыми. Мысленно поблагодарив Бога, я ограничился тем, что достал из кармана большой носовой платок и обвязал его вокруг плеча, чтобы сдержать кровотечение.

Я сидел на полу и пытался восстановить дыхание, уже не обращая никакого внимания на выстрелы, взрывы и громкие крики. Мне оставалось лишь удивляться тому, как я сумел выбраться из такой жуткой переделки всего лишь с небольшой раной. Мне, несомненно, очень и очень повезло.

Отдохнув пару минут, я поднялся и подошел к раненому охраннику, чтобы справиться, как он себя чувствует. Доктор уже находился возле него и обрабатывал его рану, пытаясь остановить кровотечение.

В святилище собрались почти все, кому удалось выжить, однако мне сразу бросилось в глаза, что недостает двух главных действующих лиц – Хатча и Раковича. Я осторожно выглянул из святилища и, бросив взгляд на пункт управления, заметил, что там, возле стены домика, притаились два человека, которые, по-видимому, не решались покинуть свое укрытие.

– А вон там не Хатч и Ракович? – спросил я, показывая на этих мужчин мускулисту и покрытому множеством татуировок охраннику, занявшему позицию слева от выхода из святилища.

– Сейчас мы ничего не можем для них сделать, – равнодушно ответил он. – Пока что им лучше оставаться там. Они сообщили нам по переговорному устройству, что им удалось воспользоваться спутниковым телефоном и что подразделения мексиканской армии уже двигаются сюда. Через час мексиканские солдаты должны быть здесь.

Я покосился на охранника и, стараясь говорить абсолютно спокойно, поинтересовался:

– А как ты думаешь, мы сумеем продержаться этот час?

Охранник, продолжая смотреть через прицел своего автомата куда-то вдаль, пожал плечами.

– Может, и сумеем, – невозмутимо ответил он.

Я попытался прикинуть в уме, сколько же шансов на выживание подразумевается в этой его фразе «может, и сумеем», и тут в моем сознании промелькнула яркой кометой тревожная мысль: Касси и профессор все еще находятся в

пещере!

Мне нельзя было больше терять ни минуты. Если я хочу вытащить Кассандру и профессора из мышеловки, в которой они оказались, мне потребуется время не только на то, чтобы спуститься во внутреннюю часть пирамиды и разыскать их там, но и на то, чтобы вернуться с ними наверх. Но при этом я не знал, как долго охранники смогут оказывать сопротивление повстанцам. Стараясь действовать побыстрее, я схватил три фонаря, лежавшие возле пульта управления подъемником, и побежал к входу во внутреннюю часть пирамиды.

Там до меня дошло, что спускаться по лестнице будет почти так же трудно, как и в самый первый раз, потому что сейчас там не было освещения, да и вагонетка без электроснабжения превратилась в обычную железяку. Мне не оставалось ничего другого, как перелезть через вагонетку, чтобы затем спуститься по лестнице ступенька за ступенькой. Однако начав перелезать через вагонетку, я зацепился ногой за какой-то длинный предмет. Я осветил его фонариком и разглядел рычаг, на котором виднелась полоска желтой клейкой ленты с надписью на английском языке: «Осторожно! Разблокирование троса».

Недолго думая (а иначе я вряд ли решился бы на такой отчаянный поступок), я уселся на одно из сидений вагонетки и изо всех сил дернул за этот рычаг.

Послышался щелчок, еще один, и вагонетка почти бесшумно заскользила вниз – сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее. Я направил луч фонарика вперед и увидел, как ступеньки лестницы замелькали мне навстречу. «При такой скорости, – подумал я, – я буду внизу менее чем через минуту».

Однако – чего, впрочем, и следовало ожидать – скорость, с которой я мчался на этой тележке на колесиках вдоль каменной лестницы, увеличивалась с каждой секундой, и вскоре ступеньки стали мелькать настолько быстро, что я уже не мог их различить. А вместе с нарастающей скоростью росли и сомнения по поводу правильности моего поступка.

– По крайней мере, – пробормотал я себе под нос, – это будет оригинальная форма самоубийства.

И тут я заметил в вагонетке рычажок, возле которого виднелась надпись «Аварийное торможение». Я моментально надавил на него, надеясь заставить вагонетку резко замедлить ход и затем остановиться. Однако у меня ничего не получилось. Точнее говоря, вместо ожидаемого мною резкого торможения произошло лишь незначительное снижение скорости, сопровождаемое целой тучей искр, образовавшихся от трения между колесами вагонетки и алюминиевыми рельсами.

Вагонетка двигалась уже настолько быстро, что заставить ее остановиться до того момента, как она достигнет конца рельсов, оказалось невозможным.

А на сиденьях в этой вагонетке не было предусмотрено наличия ремней безопасности...

44

Когда до конца рельсов оставалось не более двух десятков метров, я с ужасом увидел нечто такое, чего не заметил во время своего предыдущего спуска во внутреннюю часть пирамиды: внизу стоял буфер, похожий на те, которые используются в конце железнодорожных путей, но только поменьше размером.

Эта алюминиевая конструкция, покрытая резиновыми накладками, была самым последним, что я отчетливо видел, потому что уже через пару секунд вагонетка врезалась в нее с такой силой, что выбила ее из основания и отбросила в сторону, а сама понеслась дальше.

Затем наступил настоящий хаос.

Вагонетка соскочила с рельсов и, увлекаемая огромной кинетической энергией, приобретенной во время бешеного спуска вдоль шестидесятиметровой лестницы, с умопомрачительной скоростью ворвалась в «коридор с рисунками», чиркая своими бортами то по одной, то по другой его стене и тем самым безжалостно уничтожая сделанные на этих стенах рисунки.

Но самое ужасное заключалось в том, что я все еще находился внутри вагонетки. Единственное, что я мог сделать, так это изо всех сил вцепиться в одну из крепежных перекладин вагонетки и молить Бога о том, чтобы эта чертова тележка хоть когда-нибудь остановилась. Однако она, отлетая от одной стены коридора к другой и обратно, продолжала сдирать своими бортами бесценные изображения древних майя.

«Если я даже и сумею сейчас выжить, Касси меня все равно убьет», – мелькнула в моей голове мысль.

Уверенный в том, что выбраться абсолютно невредимым из этой сумасшедшей скачки мне вряд ли удастся, я решил выпрыгнуть из вагонетки на ходу. Уж лучше удариться об пол и, прокатившись несколько метров, отделаться ушибами и парочкой поломанных костей, чем врезаться лбом в конце коридора в какое-нибудь настенное изображение одного из древних правителей Яшчилана.

Поэтому, когда проклятая вагонетка в очередной раз стукнулась о левую стену, я, собрав все свои силы, прыгнул из нее вперед. Скорость моего прыжка сложилась со скоростью вагонетки, в результате чего меня швырнуло вперед метров на десять и я, вылетев из коридора в пещеру, рухнул там в полной темноте на пол.

Придя через некоторое время в себя, я почувствовал, как чья-то рука ощупывает мою грудь, прямо мне в лицо светит ослепляющий луч фонарика, а откуда-то издалека доносится женский голос.

– Улисс! – кричал этот голос. – Ты слышишь меня? Скажи что-нибудь!

Я стал лихорадочно соображать, что же со мной только что произошло и кому принадлежит голос, взволнованный и до боли знакомый.

– Касси? – наконец догадался я.

– Да, милый. Я здесь, вместе с профессором. Как ты себя чувствуешь?

– Как после автомобильной аварии.

– А что, черт возьми, произошло? – спросил профессор.

– Я вам... попозже... все объясню, проф, – запинаясь, сказал я и попытался приподняться. – А сейчас нам нужно как можно быстрее отсюда выбраться.

– О Господи! – воскликнула Кассандра, увидев окровавленный платок на моем плече. – Ты ранен!

– Пустяки, – бодро произнес я, чтобы успокоить Кассандру. – Пуля лишь слегка задела меня.

– Пуля?! – удивилась Касси. – Какая еще пуля? В тебя кто-то стрелял?

«Ну я ее и успокоил...» – усмехнувшись, подумал я, только сейчас сообразив, какой неуместной была моя последняя фраза.

– послушайте меня, – обратился я к Кассандре и профессору, стараясь сохранять невозмутимость. – На лагерь напали какие-то люди. Они совершенно неожиданно появились из сельвы и застали наших охранников врасплох. Сейчас вся экспедиционная бригада собралась в святилище на вершине пирамиды, и я не знаю, сколько еще времени людям Хатча удастся продержаться. Поэтому я подумал, что вам лучше подняться вместе со мной наверх.

– А не будет ли там еще опаснее, чем здесь? – спросил профессор, в голосе которого чувствовался страх.

– Может, и будет, – ответил я, тяжело вздыхая. – Однако, находясь наверху, мы, по крайней мере, будем в курсе событий и в случае чего сможем попытаться убежать в лес. Но если мы останемся здесь, то уже точно никуда не убежим.

– Допустим, что напавшие найдут нас здесь, – не унимался Кастильо, которому явно не хотелось идти туда, где стреляют, – тогда у них не будет никакой

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
причины причинять нам какой-либо вред. Мы ведь всего лишь ученые!

– Профессор, в этой дыре хранятся сокровища стоимостью в миллиарды евро, – ответил я, начиная раздражаться от осознания, что мы попусту теряем драгоценное время. – Вы считаете, что люди, напавшие на нас, которые, кстати, уже убили нескольких техников, оставят в живых троих свидетелей, чтобы те впоследствии рассказали о том, что они натворили?

Кассандра, направив на себя луч фонарика, решительно заявила:

– Я пойду с тобой.

– А что скажете вы, проф? Хотите остаться здесь в компании со своим симпатичным другом Ах-Пучем?

Даже не видя выражения лица профессора, я был уверен, что в его душе сейчас идет напряженная борьба со страхом.

– Хорошо, я тоже пойду с тобой, – наконец сказал Кастильо. – А что мне еще остается делать?

Прежде чем начать подниматься вверх по ступенькам, мы решили найти те фонари, которые я, отправляясь на поиски Кассандры и профессора, прихватил с собой, и которые, как я надеялся, могли уцелеть во время моего стремительного спуска.

Освещая себе дорогу единственным имеющимся у нас фонариком, мы вошли в «коридор с рисунками» и сразу же наткнулись на искореженную вагонетку: она врезалась в высокий каменный порог, отделявший коридор от пещеры.

Кассандра удивленно присвистнула:

– Тебе, похоже, очень сильно повезло. Если бы ты своевременно не выскочил из вагонетки, тебя бы размазало по... О Господи! – вдруг вскрикнула она, направив луч своего фонарика на одну из стен коридора. – Ты уничтожил настенные рисунки!

– Ты говоришь таким тоном, как будто я сделал это умышленно.

Ничего не сказав в ответ, Кассандра подошла к изуродованным изображениям и легонько провела ладошкой по наиболее поврежденным участкам.

– Тебе следовало быть поосторожнее, – мрачно сказал профессор. – Эти рисунки – уникальные, им цены нет.

– Мне очень жаль, что я испортил такие ценные произведения искусства, – сердито ответил я. – В следующий раз, когда я стану рисковать своей жизнью ради того, чтобы спасти вас, постараюсь ничего не портить.

И тут из окутанного тьмой противоположного конца коридора послышался чей-то голос.

– Так вот где ты спрятался, – холодно сказал по-английски приближающийся к нам человек.

Кассандра, испугавшись, невольно отступила на шаг и направила свет своего фонаря туда, откуда донеслись эти слова.

Из противоположного конца коридора к нам приближался мужчина, одетый во все черное. Его одежда была во многих местах порвана, а руки измазаны кровью. В одной руке он держал пистолет, а в другой прибор ночного видения, который прижимал к своему лицу, тоже окровавленному.

Это был Ракович.

Он целился своим пистолетом прямо в меня.

– Я думал, что вы с Хатчем сейчас находитесь в пункте управления и не можете оттуда выбраться, – сказал я, когда Ракович подошел поближе.

– Да, так оно и было, и именно поэтому ты решил вернуться сюда, – ответил Ракович таким тоном, как будто мои слова подтвердили его подозрения. – Чтобы забрать отсюда столько, сколько вы втроем сможете унести.

Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, на что он намекает.

– Что за ерунду ты говоришь? Я спустился сюда, чтобы спасти своих друзей.

– Да, конечно... – Лицо серба скривилось в презрительной гримасе. – Спасти своих друзей...

– Ракович, – не выдержав, вмешалась Касси, – ты параноик.

Серб, неожиданно повернувшись, со всего размаха ударил ее по щеке, и Касси, потеряв равновесие, отлетела к стене.

– Заткнись, девка! – крикнул он.

Я, не раздумывая ни секунды, тут же бросился на него, однако он, видимо имея опыт рукопашного боя, ловко уклонился в сторону и одновременно нанес мне удар коленкой в живот, от которого я, охнув, опустился на пол.

– Сукин сын... – пробормотал я сквозь зубы, корчась от боли.

– Успокойтесь, друг! – крикнул профессор, наверное испугавшись, что Ракович сейчас меня пристрелит. – Поверьте мне, мы не собирались ничего забирать – мы всего лишь хотели выбраться отсюда живыми и невредимыми.

– Помолчите, дедушка, – угрожающим тоном произнес серб. – Лучше помогите своим сообщникам подняться на ноги и ступайте вместе с ними обратно в пещеру.

– Обратно в пещеру? Но если мы хотим отсюда выбраться.

– Делайте то, что вам говорят, – грубо перебил профессора Ракович, – а не то я пристрелю их обоих прямо здесь.

Профессор помог мне подняться на ноги, а затем мы с ним подняли Кассандру, у которой от удара о стену на лбу появилась кровавая ссадина.

Ракович, прихватив выроненный Кассандрой фонарик, пошел вслед за нами в пещеру, освещая нам из-за наших спин путь.

Когда мы дошли до середины пещеры, он неожиданно погасил фонарик.

– Теперь вы меня не видите, – злорадно сказал он, – а я вас вижу. Так что не делайте резких движений, иначе я пристрелю вас всех троих.

– Почему ты так себя ведешь? – спросил я. – Почему ты нам угрожаешь? Ты что, сошел с ума?

В тишине пещеры отчетливо послышался злобный смех серба.

– Выполняйте мои приказы, – непререкаемым тоном заявил он.

– какие еще приказы? – раздраженно спросил я.

– Я приказываю вам остаться здесь, в пещере.

Интуитивно почувствовав, что это еще не все, я встревожился.

– И что потом?

Из темноты снова послышался смех, за которым последовал ответ:

– А потом я взорву вход в нее.

45

– Теперь мне понятно... – сердито прошептал я. – Хатч хочет сохранить все в
Страница 230

тайне.

– О чем это ты? – донесся до меня из темноты тихий голос Кассандры.

– И в том случае, если Хатчу придется отступить и повстанцы захватят пирамиду, и в том случае, если подразделения мексиканской армии вовремя придут экспедиционной бригаде на помощь, тайна этой пещеры и хранящихся в ней сокровищ будет раскрыта. Но если...

Я замолчал, и вместо меня тут же договорил профессор:

– ...но если взорвать вход в пещеру, никто не узнает о ее существовании, и тогда Хатч сможет вернуться за сокровищами уже с другой экспедицией.

– Но зачем ему нужно убивать нас? – В голосе Кассандры звучал явный протест. – Мы ведь входим в состав его бригады!

– Нет, Касси, никуда мы не входим. Мы для него – всего лишь помеха, своего рода неизвестная величина в уравнении, которую лучше вынести за скобки. Хатч не хочет рисковать: оставшись в живых, мы будем представлять для него опасность. Поэтому он и жаждет от нас избавиться.

Выслушав меня, Кассандра с удивительной решительностью заявила:

– В таком случае нам нужно что-то предпринять, а иначе мы умрем прямо здесь.

Но предпринять нам было нечего, потому что мы полностью находились во власти Раковича. В его распоряжении имелся пистолет и прибор ночного видения. А еще он обладал холодной решимостью человека, не знающего, что такое угрызения совести.

Мы не могли даже видеть его и, сидя в темноте, лишь догадывались, что беспощадный серб возится сейчас с взрывчатым веществом, изначально предназначенным для того, чтобы блокировать туннели сенота.

Я понимал: времени у нас оставалось очень мало, поскольку на то, чтобы перенести взрывчатку в «коридор с рисунками», Раковичу понадобится меньше пяти минут. Значит, если нам не удастся его остановить, мы будем погребены в этой пещере и через некоторое время либо задохнемся от недостатка воздуха, либо умрем от голода. Поэтому я, набравшись смелости, вскочил и бросился туда, где, как мне казалось, должен был находиться Ракович. Однако я побежал к нему не напрямик, а зигзагами.

Не успел я преодолеть и нескольких метров, как пещеру на долю секунды осветила яркая вспышка и тут же раздался грохот, отразившийся затем эхом от ее стен. А еще я почувствовал – уже второй раз в этот день, – как меня ужалила пуля.

Ракович, вероятно подумав, что я пытаюсь удрать, выстрелил мне в ногу. Однако и на этот раз удача была на моей стороне, поскольку, хотя я и почувствовал резкую боль, мне удалось удержаться на ногах. Стало быть, у меня появилась возможность реализовать вторую часть своего отчаянного плана. Сразу же за выстрелом прозвучал чей-то раздраженный возглас, и возглас этот исходил отнюдь не от меня.

Зная о том, что Ракович смотрит на окружающее пространство через прибор ночного видения, который не способен выдерживать очень яркий свет, я своим неожиданным поступком умышленно заставил его выстрелить из пистолета. Сопровождавшая выстрел вспышка не только позволила мне увидеть, где сейчас находится Ракович, но и на какое-то время ослепила моего противника.

Ситуация резко изменилась.

Теперь Ракович уже не мог видеть меня, а я, наоборот, точно знал, где именно он находится. По крайней мере, я думал, что знаю. Превозмогая боль в ноге, я бросился с выставленными вперед кулаками к тому месту, где я только что видел вспышку, и натолкнулся на Раковича. Я тут же скользнул обеими ладонями по правой руке серба в направлении кисти, надеясь, что благодаря фактору внезапности мне удастся завернуть ему руку за спину и вырвать из нее пистолет.

И только когда я почувствовал, что в ладони Раковича ничего нет, я вспомнил, что он левша.

Через долю секунды мне в висок уперся холодный металл пистолетного ствола.

– Ты умрешь, придурок, – послышался ледяной голос серба.

Ракович уже, видимо, собрался надавить на спусковой крючок, когда на нас обоих вдруг навалилось что-то тяжелое, отчего мы оба рухнули наземь, а пуля полетела не в мою голову, а в каменный свод пещеры.

Лишь несколько секунд спустя я понял, что наземь нас повалил профессор, который, ориентируясь в темноте по шуму моей стычки с сербом, быстренько подкрался и попытался свалить Раковича с ног.

Мы катались втроем по полу, не имея возможности разобраться, кто есть кто. Я получил несколько сильных ударов локтем и кулаком в челюсть, грудь и живот. Рана на моей ноге, хотя и не была серьезной и вполне позволяла мне двигаться, тем не менее ужасно болела, и каждый раз, когда ее задевала чья-нибудь рука или нога, я едва не терял сознание. Абсолютно ничего не видя в темноте, я, словно слепой в уличной драке, наносил наугад удары руками и ногами, надеясь, что Ракович рано или поздно вскрикнет от боли и тем самым выдаст себя. В суматохе борьбы я натолкнулся на ногу, обутую в военный ботинок, и, сообразив, что это нога серба, изо всех сил дернул ее. Конечно, я рассчитывал повалить Раковича на пол и наконец одолеть его, но вместо этого получил сильный удар ботинком в лицо, а затем серб, ударив меня другой ногой, сумел вырваться из моего захвата.

Когда я попытался подняться, до меня донесся шум борьбы, вслед за которым раздалось чье-то оханье и звякнул упавший на пол металлический предмет. Еще через пару секунд меня ослепил луч света, а нога в тяжелом ботинке нанесла мне сильный удар в бок.

Я упал на колени, корчась от боли и слыша, как где-то рядом со мной тяжело дышит профессор.

– Мне следовало бы убить вас прямо сейчас, – презрительно произнес Ракович, – но мне хочется, чтобы вы помучились здесь еще недельку-другую.

Луч света скользнул по моему лицу, а потом переместился куда-то в сторону и стал метаться по пещере, пока наконец не остановился на выходе из нее. Затем источник света стал стремительно двигаться к выходу. Ракович шел к «коридору с рисунками», чтобы заложить в него взрывчатку.

– Передайте от меня привет богу преисподней! – крикнул он через плечо.

Я, чувствуя свое бессилие, окаменел от ужаса. У Раковича была взрывчатка, фонарик и пистолет. Если мы побежим вслед за ним, он нас пристрелит. Если не побежим, то все равно погибнем, но уже совсем по-другому. Разница была только в том, какой будет наша смерть.

– Улисс, – прошептал профессор, – мне кажется, он потерял пистолет.

Ну конечно! Именно поэтому он нас и не пристрелил! Я ведь слышал, как звякнул упавший на пол металлический предмет. Это и был пистолет! Я с грустью подумал о том, что найти его в такой кромешной тьме практически невозможно.

– У нас теперь есть только один шанс, последний, – прошептал я, видя, что источник света задержался перед входом в «коридор с рисунками». – Попытаемся тихонько подкрасться к этому сукиному сыну, когда он будет возиться с взрывчаткой, и по моей команде набросимся на него и свернем ему шею. Договорились, проф?

Тишина.

– Профессор... вы здесь?

Снова никакого ответа.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Зато я услышал где-то далеко впереди себя торопливые шаги, приближающиеся к «коридору с рисунками».

Едва я поднялся на ноги, как увидел силуэт профессора: он входил в освещенный фонариком коридор.

– Профессор, нет! – раздался за моей спиной женский голос.

Я бросился за старым другом своего отца, но не успел сделать и нескольких шагов, как прозвучал грохот выстрела, за которым последовал звук какого-то глухого удара.

Свет фонарика погас.

Ничего не видя в темноте, я остановился. Послышался чей-то крик, затем на несколько секунд воцарилась тишина...

И тут окружавший нас мир содрогнулся.

Из «коридора с рисунками», как из жерла выстрелившей гигантской пушки, вырвалось ослепительное пламя. Земля под моими ногами задрожала, а мне на голову свалился камень, из-за чего я едва устоял на ногах. Оглушительный грохот, несколько раз отразившийся от стен пещеры, едва не порвал мои и без того уже ощутимо пострадавшие барабанные перепонки. От жуткого звука обваливающихся камней в моих жилах застыла кровь, а в ноздри ворвалась заполнившая пещеру густая пыль, от которой стало почти невозможно дышать.

Я задыхался. Мне казалось, что я погибаю.

Однако в этот трагический момент мои мысли были обращены к женщине, которую я любил. Я не мог оставить ее здесь одну. И уже теряя сознание, я из последних сил произнес ее имя:

– Касси...

46

– Улисс! – послышался чей-то голос. – Улисс, очнись!

Звучавший рядом голос показался мне знакомым, однако доносился он почему-то издалека. Возможно, он звал не меня, а какого-нибудь другого Улисса. Да мне, в общем-то, было все равно. У меня ужасно болела голова, и я хотел одного – спокойно лежать там, где я сейчас лежу. Да, кстати, а где я сейчас лежу?

Совершенно запутавшись в собственных мыслях, я пребывал в состоянии полной отрешенности. Тем не менее я все-таки открыл глаза, и то, что я увидел перед собой, повергло меня в еще большее замешательство, ибо перед глазами был лишь яркий свет. Только свет – и больше ничего.

Может, это был тот самый свет, о котором рассказывают люди, пережившие предсмертное состояние? И что в подобном случае нужно делать? Пойти навстречу этому свету или, наоборот, постараться убежать от него?.. Я решил приглядеться к нему более внимательно.

– Очнись, любовь моя! – сказал свет. – Вернись ко мне.

Этот свет неудержимо влек меня к себе и разговаривал со мной очень ласково, но мне все-таки хотелось побыть еще хоть немножко в мире живых.

– Если ты ангел, – пробормотал я, выплюнув набившуюся в рот пыль, – то позволь мне вернуться на землю. Я хочу еще пожить.

Голос из света заговорил со мной то ли обеспокоенным, то ли насмешливым тоном.

– Я вижу, что тебя и в самом деле сильно стукнуло по голове, – сказал свет. – Впрочем, путать меня с ангелом – это с твоей стороны очень даже галантно.

Свет, заполнявший все пространство вокруг меня, куда-то исчез, словно бы растворился, и вместо него появилось лицо, на котором, словно драгоценные

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
камни, поблескивали зеленые глаза.

– Касси? – удивленно спросил я, узнав глаза любимой. – Что произошло?

– Был взрыв, и тебя чем-то стукнуло по голове.

– Понятно... – пробормотал я, пытаюсь подняться. Похоже, я стал кое-что припоминать. – Взрыв...

И тут я вспомнил нечто такое, от чего у меня закололо в сердце.

– Профессор! – отчаянно вскрикнул я. – Где он?

Стоя перед грудой огромных камней и мелких осколков скалистой породы, еще совсем недавно составлявших свод входа в пещеру, я водил лучом фонарика, пытаюсь найти хоть какие-нибудь признаки того, что профессор еще жив.

– Помоги мне перетащить эти камни! – сказал я Кассандре. – Нам нужно вытянуть из-под них профессора!.. Профессор! – отчаянно закричал я. – Эдуардо!

Кассандра с силой схватила меня за плечо и потянула назад.

– Улисс, тише, – перейдя на шепот, сказала она. – Мне очень жаль, но мы уже ничего не сможем для него сделать.

– Если не хочешь мне помогать, то и не надо! – зло ответил я. – Но он, наверное, еще жив, и мы должны попытаться его спасти.

– Если ты сдвинешь хотя бы один камень, – произнесла Кассандра, – то здесь все может рухнуть. – Она выразительно посмотрела на меня и добавила: – Но я не позволю тебе совершенно бессмысленно подвергать наши жизни риску.

От охватившего меня отчаяния так сдавило грудь, что я едва мог дышать.

– А мне наплевать! – запальчиво крикнул я. – Я должен найти его! Профессор, возможно, еще жив!

– Мне очень жаль, любовь моя... но он не мог остаться в живых после такого взрыва, а потом еще и обвала. – Касси обняла меня и прошептала: – Мне и в самом деле очень жаль.

И тут я, не в силах вынести навалившегося на меня горя, разрыдался.

Я плакал о погибшем профессоре, с которым дружил и который, помимо всего прочего, был для меня олицетворением памяти о моем отце. Я обливался слезами, которые так долго держал в себе, а Кассандра крепко обнимала меня, пытаясь утешить. Однако я чувствовал, что она тоже плачет, потому что мне на шею капало что-то теплое, по-видимому ее слезы.

В этот момент я отдал бы все эти чертовы сокровища ради того, чтобы вернуть профессора Кастильо к жизни.

Я, как это часто случается с людьми, слишком поздно понял, что все золото в мире не стоит даже одной человеческой жизни.

Я слишком поздно усвоил этот урок, но зато запомнил его на всю оставшуюся жизнь.

Когда мне наконец удалось успокоиться, я, удрученный и обессиленный, опустился на пол пещеры, обхватив голову руками.

– И что мы теперь будем делать? – громко спросил я, обращаясь к себе самому.

Касси присела на пол рядом со мной.

– Ждать, – сказала она. – Молиться и ждать.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– Ждать и надеяться на то, что нас спасут? – спросил я, причем более язвительно, чем следовало бы.

– Если в Яшчилан придут подразделения мексиканской армии, то их командиры, возможно, захотят осмотреть внутреннюю часть пирамиды.

– Вряд ли это нам поможет, – сказал я, тяжело вздыхая. – Даже если они и спустятся по лестнице, то, увидев завал в конце «коридора с рисунками», тут же повернут назад. Самое лучшее, что нас ожидает, – это вероятность того, что наши кости будут обнаружены здесь по прошествии нескольких лет.

– Не знала я, что ты такой великий оптимист, – с горькой усмешкой произнесла Касси.

– Тут дело не в оптимизме или пессимизме. – Я резко поднялся на ноги. – Мне просто кажется... Нет, я уверен, что нам нужно придумать, как выбраться отсюда, рассчитывая на собственные силы... Причем как можно скорее. Чем больше мы проведем здесь времени, тем больше ослабеем.

– У тебя есть какая-то идея?

– Еще нет. А пока нам ничего не пришло на ум, расскажи-ка мне, как тебе удалось разжечь фонарем.

– Совершенно случайно. Когда вы дрались с Раковичем, я попыталась в темноте подойти к вам, но при этом споткнулась о какой-то лежавший на полу предмет. Я пощупала его руками и поняла, что это фонарь. Это, должно быть, один из тех фонарей, который мы должны были использовать при погружении в священный колодец.

И тут у меня появилась шальная мысль, которая, как мне показалось, давала нам шанс на спасение.

– Быстро! – сказал я, беря Кассандру за руку и заставляя ее подняться. – Покажи, где ты нашла этот фонарь!

С помощью фонаря мы без труда нашли это место, и, как я и предполагал, там же лежало снаряжение для подводного плавания, в котором нам с Кассандрой предстояло спуститься в сенот: пятилитровые баллоны со сжатым воздухом, регуляторы «Посейдон», плавательные жилеты «Тех Дип», маски, ласты и декомпрессиометры «Уватек Сمارт Ком».

– Ты ведь не думаешь предпринять то, что пришло тебе сейчас в голову? – с беспокойством спросила Кассандра, наблюдая за тем, как я внимательно осматриваю снаряжение для подводного плавания.

– А ты можешь предложить что-то получше? – ответил я вопросом на вопрос, покосившись на Касси.

– Что-то получше, чем закончить жизнь самоубийством? Думаю, что могу. Мы не знаем, куда ведут эти туннели и насколько они широкие. Мы в них, возможно, даже не втиснемся. А еще вполне вероятно, что подземные потоки унесут нас в какой-нибудь резервуар, из которого мы потом не сможем выбраться. Кроме того, есть угроза оказаться в подземном лабиринте, где мы будем плавать, пока у нас в баллонах не закончится воздух. В общем, мы можем натолкнуться там, внизу, на тысячу всяких неожиданностей, и ни одна из них не сулит нам ничего хорошего.

Я ласково провел ладонью по щеке Касси и спросил:

– Ты предпочитаешь оставаться здесь и молиться о спасении?

Кассандра на некоторое время задумалась, а затем недовольно щелкнула языком.

– Нет, – твердо сказала она. – По правде говоря, нет.

– Ну, тогда давай наденем снаряжение и попытаемся выбраться из этой чертовой пещеры.

Хотя мы старались действовать как можно быстрее, нам пришлось провозиться

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
гораздо дольше обычного, поскольку надевать на себя снаряжение для подводного плавания при свете фонаря было довольно трудно. Однако через несколько минут мы уже стояли в неопреновых костюмах трехмиллиметровой толщины (хотя вода в подземном водоеме и не была холодной, мы решили защитить кожу, потому что могли поцарапаться об острые выступы туннелей), а за спиной у нас висели баллоны со сжатым воздухом.

– Готова? – спросил я у Кассандры, начиная надевать на себя маску.

Касси жестом показала мне, что готова.

Я надул плавательный жилет до максимума, чтобы обеспечить себе при погружении в воду хорошую плавучесть, и, взяв ласты в руки, стал медленно спускаться по алюминиевой лестнице, ведущей вглубь священного колодца.

Фонарь, который держала в руках находившаяся выше меня Касси, освещал верхнюю часть водоема, а где-то глубоко подо мной чернела безмолвная тьма, терпеливо ожидавшая, когда я в нее погружусь. Она, казалось, знала, что, как только я оскверню своим появлением воду сенота, мне по воле богов придется заплатить за свой поступок самую высокую цену, ибо меня поглотит зубастая пасть – как она поглощала тех древних майя, которые послушно приходили сюда, чтобы быть принесенными в жертву.

После бесконечно долгого, как мне показалось, спуска по лестнице я наконец-таки почувствовал, что мои ступни коснулись воды. Надев ласты и спустившись еще на несколько шагов, я погрузился по грудь в воду и оттолкнулся от лестницы, чтобы затем переместиться к центру поверхности водоема. Бросив взгляд на лестницу, я удивился тому, что отсюда она казалась гораздо длиннее, чем если смотреть на нее при свете фонаря сверху.

А еще мне показалось, что на одном конце этой лестницы находилась жизнь, а на другом – смерть, и оставалось только узнать, на каком из них нахожусь я.

– Я спустился! – крикнул я Кассандре. – Теперь давай ты!

В верхней части лестницы тут же появилась черная фигура Кассандры, и она при дрожащем свете висевшего на ее запястье фонаря стала спускаться по лестнице.

И вдруг послышался какой-то странный звук, отразившийся эхом от стен сенота – как будто кто-то царапал ногтями по поверхности шифера. Этот звук, по всей видимости, донесся из глубины пещеры, но я не мог понять, что это такое, пока не раздался жуткий треск, а за ним послышались удары камня о камень, свидетельствовавшие о том, что происходит нечто ужасное. Наверное, самое ужасное из всего, что сейчас могло произойти здесь.

Кассандра, насторожившись, на секунду замерла.

В следующее мгновение раздался громкий треск, а потом грохот от обвала огромных камней, ударявшихся о пол и друг о друга.

Свод пещеры начал рушиться у нас на глазах.

– Кассандра! – громко крикнул я. – Прыгай! Нам нужно немедленно убраться отсюда!

– Но я ничего не вижу! – донесся сверху встревоженный голос Касси. – Я боюсь прыгать в темноту!

– Если ты этого не сделаешь, мы оба погибнем! Давай, прыгай!

Снова раздался треск, и рядом со мной в воду упал огромный камень, поднявший своим падением такую волну, что меня отбросило к краю колодца.

Кассандра, которая словно дожидалась этого «сигнала», пронзительно закричала и, подняв руки, отчаянно прыгнула в простирившуюся внизу темноту.

Я отпрянул в сторону, чтобы не угодить под падающую Кассандру, а затем, когда она погрузилась в воду, устремился к месту ее падения и попытался отыскать ее в темноте.

– Касси! – крикнул я, зная, что накачанный воздухом плавательный жилет сразу же поднимет Кассандру на поверхность. – Где ты?

Через несколько секунд, показавшихся мне целой вечностью, из темноты послышался кашель, а затем Касси ответила:

– Здесь. Я здесь.

– Слава Богу! – радостно воскликнул я, подплывая к Кассандре. – С тобой все в порядке?

– Думаю... думаю, да. Я чувствовала себя, как Алиса, падающая в нору кролика, и... Вот черт!

– Что случилось?

– Фонарь, Улисс! – взволнованно сказала Кассандра. – Я его, кажется, потеряла... А... нет! Я его вижу! – Касси с облегчением вздохнула. – Он лежит на дне, сейчас я его подниму.

– Нет, подожди! Не ныряй одна.

Однако в ответ послышался лишь сильный всплеск.

– Касси! – крикнул я.

Посмотрев вниз, я увидел, как светивший откуда-то из глубины фонарь, который Кассандра выронила, прыгая в сенот, вдруг начал приближаться, пока наконец его луч не ослепил меня.

– Больше так не делай, – рассерженно произнес я, когда Касси вынырнула на поверхность рядом со мной. – С этого момента любое действие, которое нам предстоит совершить, мы будем заранее согласовывать друг с другом. Понятно?

Я услышал, как Кассандра с шумом вынула регулятор изо рта.

– Извини, – сказала она, – но я терпеть не могу темноты.

– Ладно. А теперь привяжи к себе вот эту веревку. Она своим вторым концом привязана к моему плавательному жилету. И дай мне фонарь, я поплыву первым.

– Поплывешь куда?

– Туда, куда нас понесет течение.

Едва я произнес эти слова, как раздался еще более громкий треск, и в тот же миг гигантские каменные блоки стали с грохотом падать на пол пещеры, заставляя все вокруг содрогаться. Мне показалось, что обрушилась вся пирамида.

– Улисс, – прошептала мне на ухо Кассандра, не обращая внимания на доносившиеся до нас жуткие звуки. – Я тебя люблю.

Даже сквозь стекло маски я отчетливо видел, что ее глаза светятся любовью. Я тоже ее любил – любил больше собственной жизни.

– Я знаю, – ответил я, чувствуя себя счастливым, оттого что нахожусь – хотя и на волосок от смерти – рядом с этой удивительной женщиной.

Наклонившись к ней, я прижался губами к ее губам. «Может быть, уже в последний раз», – мелькнула у меня грустная мысль.

После очередного обвала свода, закончившегося тем, что несколько небольших камней упали в воду буквально в полуметре от нас, мы поспешно засунули себе в рот регуляторы, выпустили воздух из плавательных жилетов и, опустившись на дно колодца, стали искать выход, ведущий в отводящий туннель.

Вскоре мне удалось обнаружить какое-то отверстие, и я, стараясь не поднимать ластами донный ил, проник в него, но не всем туловищем, а только наполовину. Затем я полностью расслабился и, закрыв глаза, попытался

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
почувствовать телом, в каком направлении течет вода. После нескольких секунд пребывания в такой подводной «нирване» я вылез из отверстия и, посветив на себя фонарем, чтобы Кассандра могла меня видеть, сделал знак, что все в порядке. Я нашел отводящий туннель подземного водоема.

Направив затем луч света на Касси, я сквозь поднимавшиеся от моего регулятора пузырьки увидел, как она мне кивнула. Не теряя больше времени, я решительно поплыл внутрь отводящего туннеля, а вслед за мной туда устремилась и Кассандра.

Этот туннель был в диаметре менее метра, и из его стенок торчали острые камни, о которые мы могли при малейшей неосторожности порвать свои неопреновые костюмы или же повредить какой-либо из жизненно важных компонентов своего снаряжения. Свет фонаря, который я выставил перед собой, позволял мне видеть лишь на два-три метра вперед.

В обычной жизни я не согласился бы на подобное погружение, даже если бы перед этим меня накачали текилой, – я вообще всегда старался держаться подальше от подводных пещер. Натолкшись мы с Касси сейчас на подводный лабиринт, вряд ли бы нам удалось найти для себя какую-нибудь «нить Ариадны», благодаря которой можно было бы отыскать путь обратно. А еще у нас не было запасных баллонов со сжатым воздухом и мы плыли по такому узкому туннелю, что, случись с одним из нас что-то непредвиденное, то другой уже ничем не смог бы ему помочь. В общем, как сказали бы профессиональные ныряльщики, «это было не погружение, а сплошное дерьмо».

Я осторожно двигал руками и ногами, стараясь не поднимать лежавшую на дне грязь, чтобы не замутить воду и тем самым не свести на нет и без того плохую видимость, – а вместе с ней и наши шансы на спасение. То и дело увертываясь от сталактитов, которые, торча сверху острыми дамочловыми мечами, казалось, ждали, когда мы зазеваемся и напоремся на них, я подумал, что мы попали в самую худшую ситуацию, какая только может быть при подводном плавании.

Наивный.

В нескольких метрах впереди меня фонарь высветил нечто такое, чего мне при данных обстоятельствах хотелось бы избежать любой ценой.

Подземный туннель раздваивался...

Передо мной зияли два абсолютно одинаковых темных отверстия, одно из которых вело налево, а второе – направо. Они оба чем-то напоминали угрожающе разинутую пасть огромной голодной анаконды.

Ситуация становилась критической. Ограниченный запас воздуха в наших баллонах вынуждал меня как можно быстрее принять решение, по какому из этих двух туннелей нам следует плыть, однако у меня не было ни малейшего представления о том, какой именно может вывести нас на поверхность – если вообще они вели на поверхность...

Я подплыл к тому месту, где туннель раздваивался и, остановившись, почувствовал, как следовавшая за мной Касси уперлась в мои ласты. От моего решения зависела наша жизнь, потому что, выбрав один из этих узких и темных туннелей, мы утрачивали возможность повернуть назад.

Единственное, что я мог сейчас сделать, – так это поочередно заглянуть в каждый из туннелей и, выставив вперед фонарь, посмотреть, какой из них, на мой взгляд, выглядит менее зловещим.

Вначале я засунул руку с фонарем в левый туннель и, осветив его так далеко, как только мог, увидел, что он точно такой же, как и тот, по которому мы до сего момента плыли, но чуть-чуть поуже и, как мне показалось, с небольшим наклоном вниз. Последнее обстоятельство мне очень не понравилось, и я, попятившись, произвел те же самые действия в туннеле, который уходил вправо. Этот туннель тоже был узким, однако, в отличие от первого, поднимался под довольно большим углом вверх.

Вероятнее всего, он и должен был привести к столь нужному нам выходу на поверхность.

Я жестами объяснил Кассандре, что туннель, ведущий налево, уходит вниз, а туннель, ведущий направо, – вверх, и затем при свете фонаря увидел, что она показывает мне, что нам нужно плыть по второму туннелю.

Выставив руку с фонарем вперед и уклонившись от сталактита, «охранявшего» вход во второй туннель, я поплыл вперед, уже почти уверенный, что именно этот подземный коридор выведет нас на поверхность. Столь опасной для нас грязи на дне этого туннеля не оказалось, но в нем было так тесно, что я едва мог работать ногами и руками и со страхом думал, что дальше он может еще больше сузиться и тогда течение нам не позволит...

Стоп!

Внутренний голос подсказывал мне, что здесь что-то не так.

В моем мозгу, где-то на подсознательном уровне, вдруг отчаянно замигал сигнал тревоги, подаваемый мне интуицией, которая выработалась у меня в результате многолетнего опыта плавания под водой. Я в нерешительности остановился, зная, что интуиция меня не обманывает, но еще не понимая, чем вызвано ощущение тревоги.

Я почувствовал, как Кассандра слегка подергала меня за одну из ласт, напоминая, что нам нельзя терять времени. Не обращая на это внимания, я закрыл глаза и, снова расслабившись, попытался мысленно проанализировать свои недавние действия и понять, чем же объясняется внезапно возникшее у меня волнение.

Осознавая, что с каждой секундой, проведенной в неподвижности в этом чертовом туннеле, неумолимо тает запас воздуха, которого нам в конечном счете может не хватить, я, тем не менее, сохранял невозмутимое спокойствие и не торопясь размышлял над тем, о какой ошибке предупреждает меня внутренний голос.

Когда Кассандра во второй раз, уже более настойчиво, стала дергать меня за ласты, перед моим мысленным взором вдруг появилось одно-единственное слово, которое как будто было написано огненно-красными буквами на внутренней стороне моих век: «Течение». И хотя физически я этого не чувствовал, у меня уже не было никаких сомнений: в туннеле, по которому мы плыли сейчас, отсутствовало течение.

Это могло означать только одно: этот подземный коридор заканчивается тупиком.

Я оглянулся и, осветив себя фонарем, попытался жестами объяснить Кассандре, что нам нужно немедленно плыть назад. Вначале Касси протестующе качала головой, но затем все-таки согласилась и стала пятиться к тому месту, где туннель разделялся надвое.

Когда мы вновь оказались на развилке, я проверил запас воздуха в своем баллоне и обнаружил, что – по-видимому, из-за чрезмерных физических усилий – уже израсходовал значительную часть имевшегося в баллоне запаса, а значит, время, в течение которого мне нужно успеть выбраться на поверхность, существенно сократилось. Но еще больше меня беспокоило то, что Кассандра, наверное, находилась в такой же ситуации, а может, в еще более жуткой.

Решив не терять больше ни секунды, я с силой рванулся внутрь левого туннеля, чувствуя, как буквально по пятам за мной следует Кассандра.

Я видел, что этот туннель и в самом деле уходит все глубже и глубже в землю, но пытался убедить себя, что течение, которое теперь отчетливо ощущалось, рано или поздно все равно вынесет нас в какой-нибудь наземный водоем. И все-таки меня не покидала тревожная мысль о том, что воздух в наших баллонах закончится раньше, чем мы сумеем выбраться на поверхность.

Позабыв об осторожности, я изо всех сил работал ластами, стараясь плыть как можно быстрее. Туннель постепенно сужался, в результате чего скорость течения все возрастала, а вместе с ней возрастала и опасность столкновения с каким-нибудь из острых каменных выступов.

Изловчившись, я проверил на ходу, сколько у меня еще осталось воздуха в

баллоне.

«Хватит еще минут на пять», – подсчитал я в уме.

А туннель по-прежнему вел вглубь земли.

Я еще сильнее заработал ластами, не обращая внимания ни на столкновения с каменными выступами, ни на ссадины, ни на пулевые ранения в плече и ноге, которые хотя и были неглубокими, но начинали ужасно болеть каждый раз, когда я нечаянно задевал стену туннеля, становившегося все более и более тесным. Теперь я даже не мог оглянуться, и мне оставалось только надеяться, что Кассандра от меня не отстанет и что с ней все в порядке, – в противном случае я все равно ничем не смог бы ей помочь.

Мне очень не хотелось погибнуть в этом жутком месте – темном и залитом водой подземном коридоре, куда вряд ли когда-нибудь заглянет человек. А если и заглянет, то, возможно, найдет здесь два скелета, облаченных в черный неопрен.

Туннель все никак не заканчивался, а воздух в наших баллонах был уже почти на исходе. Я чувствовал, как стремительно слабеет подача воздуха из регулятора, как с каждым вдохом его становится меньше и меньше.

«Господи, – в отчаянии взмолился я, – помоги нам выбраться отсюда живыми и невредимыми, и я клянусь тебе, что всю оставшуюся жизнь буду примерным человеком. Пожалуйста, помоги нам...»

И вдруг какая-то непонятная сила схватила меня за плечи и потащила куда-то наверх. Увлекаемый этой неудержимой силой, я проскользнул в узкое отверстие в потолке туннеля и затем, словно запускаемая из подземной шахты стратегическая ракета, взмыл по узкому вертикальному проходу вверх – туда, куда уже мчались пузырьки воздуха и где виднелся яркий свет, делавший мой фонарь ненужным.

Еще не понимая толком, что со мной происходит, я стремительно поднимался к поверхности наземного водоема.

47

Мощный вертикальный поток воды вынес меня на поверхность гораздо быстрее, чем хотелось бы, и оставалось только надеяться, что после долгого плавания по подземному туннелю и последующего стремительного подъема в моем организме не возникнет проблем в связи с микроскопическими пузырьками азота в крови или из-за чрезмерного расширения легких.

Едва оказавшись на поверхности, я вытащил регулятор изо рта и, сделав несколько жадных вдохов, начал оглядываться по сторонам, ища Касси. Через пару секунд в нескольких метрах от меня вода забурлила, а затем появилась голова Кассандры. Касси, как и я, первым делом успешно вытащила регулятор изо рта и стала глубоко дышать.

Я позвал ее, и она начала вертеть головой, пытаюсь найти меня взглядом. Увидев, что я нахожусь в нескольких метрах позади нее, она тут же направилась ко мне и, подплыв, обхватила меня за шею и поцеловала.

– Пресвятая дева! – воскликнула Касси, широко раскрывая глаза. – Я уже думала, что нам конец!

– Надо сказать, нам очень повезло.

– Повезло?! Да это было настоящее чудо! Я до сих пор не могу понять, как мы оттуда выбрались.

– Нас, похоже, затянуло в вертикальное ответвление туннеля, а затем, благодаря гидростатическому давлению, выпихнуло наверх. Как ты правильно сказала, это было настоящее чудо.

Кассандра стянула с лица маску и огляделась по сторонам. Последовав ее примеру, я увидел, что мы плывем посреди широкой мутной реки.

– А куда это нас занесло? – спросила Кассандра. – Мы, наверное, сейчас

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
плывем по Усумасинте.

– Да, похоже, что так и есть, – согласился я, оценив взглядом ширину реки и крутизну ее берегов. – Но мы, вероятно, находимся где-то в километре ниже по течению от Яшчилана.

– И что мы будем делать? – Касси посмотрела на меня и предложила: – Может, вернемся в Яшчилан?

– Не думаю, что это хорошая идея, – ответил я, щелкнув языком. – Если мы попадем в руки повстанцев, они нас, наверное, убьют, а если мы нарвемся на Хатча и его заместителя Раковича...

– И что ты предлагаешь? – перебила меня Касси. – Мы находимся за много километров от ближайшего населенного пункта, плывем по реке, в которой полно кайманов, а твои раны кровоточат. Не кажется ли тебе, что эта река – не самое подходящее для нас место?

– Может, ты и права, но я считаю, что нам лучше продолжать плыть вниз по течению. Неопреновые костюмы защитят нас от холода, а течение впереди нас, насколько я вижу, убыстряется. Что касается кайманов, то они сторонятся и быстрых течений, и таких уродливых типов, как мы.

Мы отдали себя во власть течению, стараясь как можно меньше грести, чтобы не тратить понапрасну силы. Река вскоре начала сужаться, появились покрытые пеной огромные черные валуны, и спокойное течение Усумасинты постепенно переросло в ревущий хаос из волн и водоворотов. Чтобы уцелеть в таком бурном потоке, нужно было соблюдать осторожность и быть очень внимательным.

– Касси! – крикнул я. – Послушай меня! Сними с себя плавательный жилет, установи баллон снизу и надуй жилет тем воздухом, который еще остался в баллоне.

– Зачем?

– Делай, что тебе говорят, – непререкаемым тоном сказал я. – Когда надешь жилет, заберись на него сверху – так, чтобы ты упиралась в него локтями, а твое туловище находилось вне воды, – и работай ластами. Тогда будешь плыть туда, куда хочешь ты, а не куда тебя понесет река... Мы сумеем отсюда выбраться, и все будет хорошо.

Кассандра хмуро посмотрела на меня: ей, видимо, не очень понравился предложенный мною план действий.

– А ты когда-нибудь что-либо подобное делал? – очень громко спросила она, стараясь перекричать рев волн.

– В общем-то, да. Это все равно что гидроспид. Тебе придется следить лишь за тем, чтобы не угодить в водоворот и не врезаться головой в валун, а твое тело будет защищено от ударов о подводные камни баллоном и жилетом.

– А почему бы нам не бросить свое снаряжение и не пойти пешком по берегу? – спросила Касси.

– По непролазному тропическому лесу, где человека на каждом шагу подстерегает опасность? Или бродить в зоне, занятой повстанцами? Ты забыла, что у нас нет ни питьевой воды, ни еды? – Кивнув в сторону берега, я добавил: – К тому же я сомневаюсь, что мы сможем вскарабкаться на какой-нибудь из этих берегов. Уж больно они крутые. Так что, откровенно говоря, твоя идея мне не нравится.

Касси посмотрела вперед, туда, где вода с силой ударялась о выступающие над поверхностью реки валуны и превращалась в пену, а затем бросила на меня встревоженный взгляд:

– Ты и в самом деле думаешь, что твой план лучше?

Река несла меня и Кассандру все быстрее и быстрее, швыряя нас из стороны в сторону, как плывущие вниз по течению листья. Мне стало немного страшно, но отступить было поздно.

– Плыви вслед за мной и делай все то, что буду делать я.

Вскоре мы оказались посреди бушующих водоворотов и стремнин. Несколько лет назад мне довелось заниматься на реке Ногера-Пальяреса гидроспидом – плыть вниз по течению на полуметровой пластиковой доске с двумя углублениями для рук. Но сейчас все было совсем по-другому: у нас отсутствовали шлемы и прочее защитное снаряжение, а Усумасинта была гораздо более многоводной и бурной, чем ее далекая родственница в Пиренеях. В общем, меня и Касси ожидала отнюдь не туристическая экскурсия.

Первым делом нас потянуло в глубину, и в результате я ударился обеими коленками о дно. Затем нас подбросило вверх, и я, едва успев вынырнуть на поверхность, увидел, что впереди появился покрытый пенящейся водой камень размером с полуостров Гибралтар.

– Поосторожнее с этим камнем! – заорал я, обращаясь к Кассандре, однако из-за громкого рева беснующейся реки даже не услышал собственного голоса.

Согнувшись, я выставил ноги вправо и стал что есть силы грести ластами, благодаря чему мне удалось обогнуть гигантский камень с левой стороны, но при этом я все-таки слегка зацепился за него плечом – как раз тем местом, где была рана от задевшей меня пули.

Стиснув от боли зубы, я повернул голову и поискал взглядом Кассандру, но рассмотреть что-нибудь среди мелькавших вокруг валунов и бурных потоков воды было практически невозможно. Мне оставалось только надеяться, что я не совершил ошибку, уговорив Касси проплыть через этот водный ад.

Ни на секунду не переставая работать ластами (в противном случае я рано или поздно врезался бы в один из многих сотен торчащих из воды валунов), я смещался то влево, то вправо, мчась по быстринам, огибая мелкие места и стараясь не содрать себе кожу об острые каменные выступы.

Я чувствовал себя изможденным, ноги почти не слушались меня, и мне становилось все труднее и труднее преодолевать различные препятствия, которые то и дело попадались на моем пути. Мне приходилось увертываться не только от торчащих из воды камней, но и от рухнувших в реку старых деревьев: некоторые из них неслись по течению со скоростью торпеды, другие же, зацепившись за дно, выставили свои сухие сучья, которые вполне могли пронзить меня насквозь, если бы я на них налетел.

Когда я оказывался на относительно спокойном участке между двумя быстринами, то смотрел назад и, вытянув шею, пытался разглядеть среди пенящихся волн светловолосую голову Кассандры, однако увидеть ее мне так и не удалось. Но даже если бы я ее и заметил, то все равно был уже так слаб, что у меня не хватило бы сил побороть течение и подплыть к Касси. В этом вихре воды и камней она могла рассчитывать только на саму себя.

Как, впрочем, и я.

Находившийся под плавательным жилетом баллон с воздухом то и дело ударялся о дно реки. Не успевая своевременно вернуться от торчавшего из воды валуна, я использовал баллон в качестве буфера, и он принимал удар на себя. Я вцепился обеими руками в ремни плавательного жилета, стараясь ни в коем случае их не выпустить, поскольку они давали мне возможность управлять жилетом, как плотом, и благодаря этому «плоту» моя голова все время находилась над водой, в результате чего я мог без затруднений дышать. Поэтому, когда через некоторое время жилет, наткнувшись на острый камень, начал потихоньку сдуваться, я с горечью подумал, что в нем, по-видимому, появилась маленькая дырочка и что если череда быстрин в ближайшее время не закончится, то меня ожидает весьма печальная участь.

Бросив взгляд вперед и увидев, что над поверхностью реки, метрах в ста от меня, уже нет высоких волн, я догадался, что в том месте быстрины наконец-то заканчиваются.

Собрав остатки сил, я всю заредел ластами, желая побыстрее выбраться из окружавшего меня кошмара. Я переместился в самый центр течения. Несмотря на то что оно было очень бурным, валунов здесь оказалось поменьше. Вскоре я увидел, что теперь всего лишь одна быстрина отделяет меня от спокойной

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
воды, но затем, приподнявшись на волне, с ужасом заметил, что впереди нас с Касси ждет еще одно – и весьма серьезное – препятствие. Это препятствие представляло собой водоворот диаметром метров десять, находившийся прямо посреди реки и затягивающий на ее дно все, что проплывало неподалеку: стволы деревьев, ветки, листья и... изможденных аквалангистов.

К несчастью, у меня не было возможности обогнуть этот водоворот – течение несло меня прямехонько к нему. Когда же я оказался внутри него и начал кружиться по водной спирали, я с надеждой подумал о том, что, может быть, хотя бы Кассандре удастся не угодить в эту смертельно опасную зону и выплыть на спокойную воду целой и невредимой.

Понимая, что мне придется испытать последнюю шутку судьбы, я схватился покрепче за уже почти сдувшийся плавательный жилет и в тот момент, когда меня начало засасывать в водоворот, набрал в легкие побольше воздуха.

«Отсюда мне уж точно не выбраться», – подумал я напоследок. Похоже, в этот день провидение решило устроить лотерею, кому сегодня предстоит выжить, а кому – умереть, и все счастливые билеты были уже разобраны.

Я почувствовал, что начинаю кружиться – все быстрее, и быстрее, и быстрее... Казалось, чья-то невидимая рука тянет меня вниз, пытаюсь утопить. Затем с моей головы слетела маска, ремни плавательного жилета едва не выскользнули из рук. В следующее мгновение я ударился обо что-то грудью и почувствовал, как у меня из легких вышибло весь остаток воздуха.

Я начал задыхаться...

48

Уже почти теряя сознание, я вдруг почувствовал, что давление воды начало спадать. Несмотря на то что я все еще находился под водой, меня уже не тащило на дно реки. Я стал отчаянно двигать руками и ногами, стараясь побыстрее выплыть к блеклому свету, пробивавшемуся сквозь мутный слой воды над моей головой.

К счастью, глубина здесь была небольшая и через несколько секунд, показавшихся мне вечностью, я выплыл на поверхность.словно выброшенная на берег рыба, я стал жадно хватать ртом воздух, а затем огляделся по сторонам.

К моему удивлению, на участке в каких-нибудь два или три десятка метров от меня быстрина резко сменялась спокойным течением, как будто это была уже не бурная Усумасинта, так настойчиво хотевшаяся отправить меня на тот свет, а совсем другая река, тихая и безобидная.

Сдувшийся плавательный жилет, маска и ласты теперь, должно быть, лежали на дне водоворота, из которого мне просто каким-то чудом удалось выбраться. Впрочем, на простирающемся впереди меня спокойном участке реки все это снаряжение было уже не нужно, тем более что после неоднократных ударов о камни оно все равно уже превра...

И тут я вспомнил: Кассандра!

Мой взгляд лихорадочно заскользил по поверхности воды и вдоль береговой линии – то с одной стороны, то с другой. Но как я ни старался увидеть Касси, ее нигде не было.

Тогда я с ужасом подумал, что она, возможно, осталась на дне Усумасинты.

Если это действительно случилось, то мне нельзя было терять ни секунды.

Не обращая внимания на усталость и острую боль в ранах, не думая о том, что, пытаюсь спасти Кассандру, я и сам могу погибнуть, я поплыл против течения. Теперь я хотел не выплыть из водоворота, а наоборот, оказаться на его глубине.

Когда я с большим трудом добрался до края водоворота и уже собирался в него нырнуть, чтобы спасти женщину, которую я любил и которая, как я решил, не смогла выбраться из омута, Касси вдруг, словно по мановению волшебной палочки, вынырнула из мутной воды прямо передо мной. У нее было такое

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
выражение лица, как будто она находилась не в бурной реке, а в бассейне и только что ради забавы прыгнула в воду с вышки.

– Вот здорово! Это было просто замечательно! – едва успев немного отдышаться, воскликнула задорно улыбающаяся Касси. – Давай нырнем туда еще разок!

Мы медленно поплыли вниз по течению, теперь уже гораздо более спокойному, и вскоре достигли участка, на котором русло реки значительно расширилось, а ее берега, прежде обрывистые и голые, теперь были пологими и покрытыми густой растительностью.

Благодаря нашим неопреновым костюмам нам не составляло никакого труда удерживаться на поверхности воды, и, если бы не тревога по поводу того, что в этих спокойных водах могут водиться кайманы, путешествие по этому участку Усумасинты можно было бы даже назвать приятным.

Не говоря ни слова, мы плыли посередине реки, внимательно присматриваясь к прибрежной воде, потому что именно у берегов и предпочитают находиться симпатичные рептилии под названием «кайманы». И вдруг Кассандра, вскрикнув у самого моего уха, заставила меня вздрогнуть:

– Улисс! Смотри! – Она показала куда-то вперед.

Я испуганно проследил за рукой Кассандры, ожидая увидеть там кровожадное чудовище с разинутой пастью, из которой торчат несколько десятков огромных острых зубов.

Однако Кассандра увидела нечто совсем иное.

Из-за деревьев на правом берегу реки поднимался столб черного дыма, уходящий высоко в небо.

– Может, это повстанцы? – с тревогой в голосе спросила Касси.

– Понятия не имею. Вообще-то, это правый берег, а стало быть, территория Гватемалы. Вряд ли повстанцы-сапатисты решились бы пересечь границу, пусть даже для этого им нужно было бы всего лишь переправиться через реку.

– Я бы не стала на это полагаться. Как известно, границы здесь не имеют большого значения.

– В любом случае мы очень скоро узнаем, что это за дым.

Через пару минут мы оказались у излучины реки и увидели стоящую на сваях маленькую деревянную хижину с крышей из пальмовых листьев. На берегу, неподалеку от этого убогого жилища, лежала изготовленная из ствола дерева каюка, в которой сидели два мальчика. Судя по всему, они играли в рыбаков.

– Эти ребяташки не очень-то похожи на повстанцев, – улыбнувшись, сказал я и поплыл вслед за Кассандрой, уже направившейся к берегу.

Когда мальчуганы увидели, как из воды, пошатываясь, вышли два привидения в изорванной черной одежде и со следами крови на руках и ногах, у них чуть глаза не вылезли из орбит. Подумав, наверное, что на берег явились духи реки Усумасинты, чтобы утащить их к себе на дно, детишки, издавая пронзительные вопли, стремглав бросились к хижине и заскочили в нее.

– Неужели у нас и вправду такой ужасный вид? – уныло спросил я.

Касси окинула меня насмешливым взглядом и ухмыльнулась:

– Даже хуже.

Из-за раны в ноге я очень сильно хромал, а рана в плече ужасно болела, и из обеих сочилась кровь, которая затем вытекала через дырки в моем неопреновом костюме.

– Зато мы, по крайней мере, остались живы, – сказал я, вздыхая. – Хотя если мы начнем рассказывать о том, что с нами произошло, нам все равно никто не

поверит.

– А может, и поверят, – возразила, кашлянув, Кассандра.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил я, заметив, что Касси улыбается.

Она в ответ лишь молча показала на свой живот.

Я ошеломленно посмотрел на нее и целую минуту пытался понять, что это за предмет вырисовывается под черным неопреном, а затем еще одну минуту изумленно смотрел на Кассандру, поскольку все никак не мог поверить в то, что увидели мои глаза.

– Но... как? И когда?..

Глаза Касси светились лукавством, как у озорной девчонки.

– Когда я прыгнула в сенот и выронила при этом фонарь, он опустился на дно как раз рядом с распятием. Поэтому, нырнув за фонарем и увидев распятие, наполовину покрытое илом, я подумала, что стоит только протянуть руку и взять его. – Губы Кассандры растянулись в невинной улыбке. – Как я могла не забрать золотое распятие, украшенное драгоценными камнями и валявшееся на дне водоема, словно обычный мусор?

Тремя днями позже мы уже сидели, завтракая в кафетерии отеля «Швейцарский» в городе Гватемала. Наши раны постепенно начали затягиваться, но тела все еще были покрыты синяками.

Отец тех двух ребятшек, которых мы напугали на берегу реки своим жутким видом, оказался гораздо менее пугливым, чем его чада, и довез нас на своей лодке до небольшой туземной деревни. В этой деревне нас приняли очень радушно; мы там наелись и выспались, а на следующий день отправились в кузове старенького пикапа в уже известный нам городок Санта-Элена, где местный врач, не задавая лишних вопросов, напичкал нас антибиотиками и наложил швы на раны.

Поскольку у нас не было при себе ни денег, ни документов, ни даже приличной одежды, мы сделали несколько телефонных звонков на условиях их оплаты теми, кому мы звонили. Получив деньга через систему «Вестерн Юнион», мы смогли купить себе одежду и билеты на самолет до города Гватемала. Прибыв туда и наврав с три короба сотрудникам посольств своих стран, мы выхлопотали временные удостоверения личности, по которым смогли забронировать два места на ближайший авиарейс до Барселоны.

Кассандра согласилась полететь вместе со мной в Испанию, чтобы, как она сама выразилась, «попытаться наладить со мной отношения», отчего я пришел в большой восторг.

Мы провели вместе несколько недель, занимаясь поисками легендарных сокровищ тамплиеров, и после того, как уже почти до них добрались, а затем безвозвратно их утратили, поняли: несмотря на все наши героические усилия и самопожертвование, нам не суждено стать ни миллиардерами, ни хотя бы знаменитыми людьми. Единственное, что нам с Касси теперь оставалось, – это разобраться, что же мы все-таки друг для друга значим.

Ответ пока что состоял в том, что мы этого все еще не знали. Но и Кассандра, и я – мы оба – хотели как можно быстрее это выяснить.

К несчастью, радость от того, что мы сумели благополучно выбраться из затеянной нами опасной авантюры, омрачалась для меня горечью утраты и чувством вины: профессора Кастильо с нами уже не было и мысль о его смерти не давала мне покоя с того самого момента, как мы покинули Яшчилан. Я считал, что в смерти профессора виноват именно я. Если бы я не показал ему тот чертов бронзовый колокол, мы не отправились бы с ним на поиски сокровищ и он был бы сейчас жив. Я понимал, что никогда не прощу себе гибели профессора.

– Улисс... – услышал я тихий голос, доносившийся, как мне показалось, откуда-то издалека,

Подняв взгляд, я увидел, что на меня нежно смотрят изумрудно-зеленые глаза.

- Перестань об этом думать, – ласково сказала Кассандра.
- Неужели так сильно заметно, что я об этом думаю?
- Ты уже минут десять намазываешь себе один и тот же бутерброд.
- А-а...

Касси, чуть наклонившись, накрыла своими ладошками мою ладонь.

– Мы ведь вчера говорили на эту тему, – напомнила она, – и пришли к выводу: твоей вины в том, что произошло, нет. Насколько я знаю, ты не приказывал Раковичу нас убивать и не закладывал взрывчатку на выходе из пещеры. – Кассандра сильнее сдавила мою ладонь, пытаясь вывести меня из задумчивости.

– Профессор Кастильо поехал с тобой по собственной воле, и, когда произошло то, что произошло, ты сделал все, что было в твоих силах, чтобы спасти нас – всех троих.

– А он отдал свою жизнь ради того, чтобы спасти нас с тобой.

– Да, это верно, и я обещаю тебе, что через своих знакомых в федеральном археологическом управлении Мексики попытаюсь добиться, чтобы было официально признано, что именно профессор Кастильо первым обнаружил этот сенот и хранящиеся в нем сокровища. Его имя будет золотыми буквами написано в книгах, посвященных исторической науке, – рядом с Говардом Картером и Генрихом Шлиманом.

– Лучше бы он сидел сейчас здесь, за этим столом, и завтракал вместе с нами, – с горечью произнес я.

Отпустив мою руку, Касси откинулась на спинку стула.

– Я знаю, что профессор был твоим старым другом и другом твоего отца, и понимаю, как тебе сейчас тяжело. Мне его тоже очень жаль. Но если ты и дальше будешь горевать по поводу своей несуществующей вины, от этого все равно никому не станет легче, а ситуация по-прежнему будет такой, какая она есть. – Кассандра пристально посмотрела мне прямо в глаза и с нажимом произнесла: – Перестань терзать себя и... и снова стань тем жизнерадостным и эмоциональным человеком, в которого я влюбилась, как девчонка.

Мы купили билеты на самолет авиакомпании «Иберия», вылетающий в семь часов вечера, и поскольку в нашем распоряжении имелся почти целый день, Кассандра предложила отдохнуть от утомительного шума многолюдного центра гватемальской столицы в Археологическом музее, где, как мы были уверены, царили тишина и спокойствие.

Мы сели в одно из стоявших перед отелем такси, и оно доставило нас к зоологическому парку, напротив которого находились четыре главных музея города, в том числе и Археологический музей. Последний размещался в прекрасно сохранившемся старинном здании неомосарабского стиля, окруженном густым садом. У главного входа в это здание стояла большая каменная стела майя – вроде тех, которые мы видели в Яшчилане, – и с нее на нас свирепо смотрел какой-то воинственный персонаж. От вида этой стелы у меня снова закололо сердце: я вспомнил о трагических событиях, которые произошли с нами в заброшенном городе древних майя.

– Мне кажется, что мы зря сюда пришли, – пробормотал я, останавливаясь перед входной дверью.

– Да, ты прав. Я тоже сейчас вспомнила обо всем, что случилось с нами в Яшчилане. Но раз мы уже здесь, нужно пересилить себя и...

Я отрешенно пожал плечами и сказал:

– Ладно, пошли.

Заплатив чисто символическую плату за вход, мы прошли в музей, состоявший из двух секций, одна из которых была посвящена древним майя, а вторая –

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
испанскому завоеванию и последующей колонизации территории Гватемалы. Мы предпочли начать со второй секции и стали медленно расхаживать между застекленными стендами, на которых лежали шлемы, шпаги и прочие испанские предметы шестнадцатого века. Касси то и дело останавливалась, чтобы получше рассмотреть тот или иной заинтересовавший ее экспонат, а я лишь рассеянно водил взглядом по выставочным стендам. Оружие здесь в основном было ржавое, в том числе и шпага, которая, судя по надписи рядом с ней, принадлежала самому Альварадо. Пергаменты, которых насчитывалась не одна сотня, были написаны на староиспанском языке, но такими замысловатыми буквами, что прочесть их неспециалисту было практически невозможно, потому что эти буквы казались лишь бессмысленной чередой росчерков и узоров.

А вот отдел, посвященный древним картам, вызвал у меня кое-какой интерес. Почти все представленные там экспонаты были картами тех или иных регионов и областей Гватемалы, но имелись и такие, на которых была представлена территория всего вице-королевства Новая Испания, в том числе Мексика и Центральная Америка вплоть до Панамы. Однако больше всего мое внимание привлекла изящно оформленная карта, в верхней части которой красовалась надпись на староиспанском языке: «Провинция Гоатемала». На этой карте были обозначены абсолютно все города, деревни, дороги и реки Гватемалы и даже было указано, в каких населенных пунктах живут испанцы и креолы, а в каких – индейцы майя. Я с удивлением заметил, что, судя по этой карте, территория нынешнего мексиканского штата Чьяпас когда-то входила в состав Гватемалы, и сказал об этом Кассандре.

– Да, до 1815 года, когда Гватемала получила независимость от Испании, Чьяпас и в самом деле был частью Гватемалы, – пояснила мне Касси. – После получения независимости в Гватемале возникла политическая нестабильность, и это вынудило страну присоединиться к Мексиканской империи.

– Мексиканской империи? Что-то я о такой империи никогда ничего не слышал.

– По правде говоря, это был не самый лучший период в истории моей страны, однако и длился он совсем недолго. Мексиканская империя довольно быстро канула в Лету, и Гватемала снова стала независимым государством. Вот только Чьяпас решил остаться в составе Мексики, где он до сих пор и пребывает.

– Но его коренным обитателям, похоже, не очень-то хорошо там живется, – сказал я, вспомнив о повстанцах-сапатистах и об их претензиях на расширение своих прав и свобод.

Кассандра удрученно посмотрела на меня.

– Можешь мне поверить, что туземцам Гватемалы живется еще хуже.

Через некоторое время мы перешли во вторую секцию, посвященную исключительно доколумбовскому периоду в истории цивилизации майя. Территория нынешней Гватемалы являлась сердцем этой цивилизации, и хотя древние города-государства майя имелись и на территории Мексики, Гондураса, Сальвадора и Белиза, именно на широких равнинах северной части Гватемалы было построено наибольшее количество пирамид, храмов и других сооружений. В этих местах поселения майя разрослись до грандиозных размеров, из-за чего, судя по словам Кассандры, и начался внезапный упадок этой великой цивилизации.

– Почва сельвы не очень-то плодородная, – рассказывала Касси, – и чтобы прокормить население численностью в одну-другую сотню тысяч человек, приходилось вырубать огромные участки леса. Однако после сбора всего лишь нескольких урожаев почва на вырубленных участках быстро истощалась, а потому приходилось рубить все новые и новые леса.

– Что-то твои объяснения не увязываются с широко распространенными представлениями о том, что майя жили в гармонии с природой.

– Улисс, не стоит доверять стереотипам. Люди тысячу лет назад были такими же, как и сегодня. Если им нужно было питаться и кормить свои семьи, они не задумываясь рубили целые леса – точно так же, как поступают люди в наши дни. Кроме того, между городами-государствами майя велись беспрестанные войны за право владения теми или иными территориями.

– И это, хотелось бы заметить, тоже не увязывается с их имиджем миролюбивых

людей.

– У майя имелось очень много добродетелей, Улисс, однако миролюбия среди этих добродетелей не было.

Мы продолжали бродить по залу музея, где экспонаты были гораздо интереснее, чем в предыдущей секции. Здесь имелись десятки сосудов (прекрасно сохранившихся и украшенных такими же символами и рисунками, какие мы видели в Яшчилане), блюда, пластины для растирания кукурузных зерен и даже примитивные курительные трубки. На одном из стендов мы увидели оружие и доспехи майя: пугающего вида топоры и ножи из обсидиана, маска из нефрита и нагрудник из того же материала. А еще – маленький полукруглый резак с золотой рукояткой, предназначение которого я поначалу не понял.

– А это для чего? – спросил я у Кассандры, показывая на резак.

– Мне кажется, что это церемониальный нож.

– Церемониальный?..

– Да. С его помощью приносили в жертву пленников, девственников, выбранных в качестве дара богам, и тех, кто проиграл в игре в мяч.

– Не знал, что древние майя так серьезно относились к спорту.

– Игра в мяч была для них не просто спортом, а священным ритуалом, – пояснила Касси и, усмехнувшись, добавила: – Как футбол в наши дни.

Продолжая расхаживать между стендами, мы любовались удивительно красивыми изделиями из зеленого нефрита: погребальными масками, украшениями, статуэтками правителей и богов.

И вдруг Кассандра, которая медленно шла метрах в двух впереди меня, резко остановилась возле одного из экспонатов – двадцатисантиметровой нефритовой статуэтки более чем странной формы. Не сводя взгляда с этой статуэтки, Касси сделала шаг назад и, поднеся руку к груди, сдавленно ойкнула.

– Улисс... – позвала она меня.

– Что случилось?

Не получив никакого ответа, я быстро подошел к Касси.

Она стояла как вкопанная и неотрывно смотрела на нефритовую статуэтку. Слегка приоткрыв рот, словно собираясь что-то сказать, Касси повернулась ко мне, но так и не произнесла ни слова. Присмотревшись к статуэтке, я подумал, что уже видел нечто подобное, но сразу не смог вспомнить.

– Не узнаешь ее? – еле слышно спросила Кассандра.

И тут до меня дошло. Ну конечно! Я уже видел похожее на змею уродливое существо с грозными клыками и торчащими из спины и затылка перьями в «коридоре с рисунками».

Мы стояли с Кассандрой и ошеломленно смотрели на статуэтку, которую жрецы Яшчилана подарили тамплиерам почти семь веков назад.

49

Я уже в третий раз перечитывал размещенный рядом со статуэткой комментарий: «Изготовленное из нефрита изображение кукулькана – божества древних майя, имевшего вид пернатого змея и известного также под именем Кетцалькоатль. Найдено в 1910 году крестьянином неподалеку от Текпана и впоследствии передано в дар музею лицензиатом [49] Хакобом Барьентосом. Данное изделие является уникальным, потому что среди изученного культурного наследия майя у него нет аналогов – ни по материалу, ни по форме. Примечателен тот факт, что статуэтка изготовлена из цельного куска нефрита, уникального и по своим размерам, и по чистоте камня, из чего следует вывод, что она принадлежала некоему могущественному правителю, но пока еще неизвестно, какому именно. Следует также отметить, что в той местности, где была обнаружена данная статуэтка, не существовало ни одного сколько-нибудь значительного

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
государственного образования майя. Разновидность нефрита, из которого она сделана, очень похожа на нефрит, послуживший для изготовления изделий, обнаруженных во время археологических раскопок в бассейне реки Усумасинты, и поэтому вполне возможно, что статуэтка была привезена в Текпан именно оттуда».

Мы с Кассандрой молчали, стоя перед простеньким стендом, на котором, по всей видимости, находился ключ к разгадке огромной тайны. Признаться, мы уже и не надеялись разгадать ее, но судьба вдруг неожиданно-негаданно подбросила нам этот ключ в виде необычной нефритовой статуэтки.

– Как ты думаешь, какова была вероятность того, что мы натолкнемся вот на это? – наконец нарушила молчание Кассандра.

– Не знаю, Касси, – ответил я. – Но для меня очевидно, что кое-кто там, наверху, решил поиграть с нами по-крупному.

Кассандра фыркнула и скрестила руки на груди:

– И что мы теперь будем делать?

Мои губы помимо моей воли произнесли слова, заставившие удивиться меня самого:

– Поедем в Текпан.

Кассандра, которая, как я понял, придерживалась такого же мнения, посмотрела на свои наручные часы.

– Через восемь часов нам нужно сесть в самолет... а мы еще даже не знаем, где находится этот чертов городишко.

Хотя я сам предложил поехать в Текпан, у меня отнюдь не было уверенности в том, что мы и в самом деле должны это сделать. Затейные мною поиски сокровищ привели к гибели многих людей, в том числе и профессора Кастильо, и я, естественно, не хотел, чтобы по моей вине пострадал кто-нибудь еще.

– Касси... – Я взял Кассандру за плечи и посмотрел ей прямо в глаза. – Ты уверена, что нам стоит продолжать это безумие?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что, возможно, нам пора бы остановиться.

В зеленых глазах Кассандры застыл немой вопрос, но после недолгого молчания она спросила:

– Позволь поинтересоваться, почему именно сейчас?..

– У меня плохое предчувствие, – ответил я, ласково касаясь волос Кассандры.

– А-а, понятно... – Касси язвительно ухмыльнулась. – Весьма серьезная причина для того, чтобы отказаться от попытки разгадать одну из важнейших в истории человечества тайн.

– Из-за этих дурацких сокровищ погибло уже много людей, и я не хотел бы, чтобы ты... В общем, ты и сама понимаешь...

Мы некоторое время молча смотрели друг на друга, а затем Касси, на глаза которой вдруг навернулись слезы, обняла меня и крепко поцеловала в губы.

– Не переживай, – шепнула она мне на ухо. – Мы просто поедем взглянуть на тот городишко. Что может с нами случиться, если мы несколько часов побудем туристами?

У меня в голове мелькнула мысль, что, несмотря на все наши недавние злоключения, нам, похоже, не терпится нарваться на новые неприятности...

Прежде чем покинуть музей и отправиться в Текпан, мы решили поговорить с кем-нибудь из сотрудников музея и попытаться узнать какую-нибудь

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
дополнительную информацию о странной статуэтке и о том месте, где она была найдена.

Через несколько минут мы уже беседовали со смотрителем музея – самодовольным толстячком, который представился как лицензиат Оскар Санчес и любезно пригласил нас в свой маленький кабинет, расположенный в западном крыле здания.

– Слушаю вас, – сказал он, когда мы все трое присели на стулья.

– Видите ли, сеньор лицензиат, – начала Кассандра, поскольку мы с ней заранее решили, что говорить со смотрителем будет в основном она, – я – студентка археологического факультета Автономного университета Мехико. Я приехала на каникулы в вашу прекрасную страну и, находясь здесь, не могла не зайти в ваш великолепный музей. То, что я здесь увидела, очень сильно поразило меня. Нет сомнений, что экспозиции музея подготовлена настоящими профессионалами, и во всем чувствуется твердая рука высококвалифицированного смотрителя...

По мере того как Кассандра рассыпалась в комплиментах, лицензиат все больше и больше надувался от гордости. Я даже подумал, что еще пара комплиментов – и он лопнет.

– Вы очень любезны, сеньорита...

– ...Брукс. А это – сеньор Видаль. Он тоже учится в Автономном университете Мехико.

Пожав мне руку, смотритель осведомился:

– И чем же я могу помочь вам?

Касси слегка наклонилась вперед и пристально посмотрела на сеньора лицензиата своими пленительными зелеными глазами.

– Дело в том, – Кассандра перешла на заговорщический тон, – что я пишу дипломную работу о культуре Кетцалькоатля у майя и о его влиянии на религиозные верования других племен Мезоамерики.

– Интересно...

– Да, очень, – живо согласилась Касси. – И мы, собственно говоря, обратились к вам потому, что увидели на одном из стендов вашего музея статуэтку, о которой я раньше ничего не знала и которая, возможно, приведет к резкому повороту в ходе проводимых мною исследований.

– Вы имеете в виду нефритовую статуэтку Кетцалькоатля... – сказал смотритель, и мы заметили, как он помрачнел.

– Да, именно ее, – подтвердила Касси. – И вы бы очень помогли мне, если бы позволили взглянуть на имеющиеся у вас материалы по истории этого экспоната.

Лицензиат заерзал своим необъятным задом на стуле.

– Видите ли, сеньорита Брукс, – сокрушенно произнес он, – мне кажется, что я вряд ли смогу вам помочь.

– А почему?

– Дело в том, что, хотя эта статуэтка и экспонируется в нашем музее как изделие майя, совсем недавно были проведены исследования относительно ее возможного происхождения, – сказал смотритель и запнулся. – И... поскольку никаких аналогов данной статуэтке среди культурного наследия майя не найдено, возникли вполне обоснованные подозрения, что эта статуэтка не более чем фальсификация. Поэтому я не имею права дать свое согласие на то, чтобы вы включили в дипломную работу ссылку на полученную из нашего музея информацию, которая впоследствии может оказаться, мягко говоря, не совсем верной. Поймите меня правильно: мы не хотим подорвать репутацию музея, а потому не станем предоставлять никаких сведений об этой статуэтке до тех пор, пока не будем абсолютно уверены в том, что ее действительно изготовили

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
древние майя.

- Но ведь именно они и изготовили ее... – невольно вырвалось у меня.
- Что вы сказали? – встрепенулся смотритель, резко поворачиваясь ко мне.
- Мой коллега имел в виду, – вмешалась, бросив на меня укоризненный взгляд, Кассандра, – что, по нашему мнению, данная статуэтка была изготовлена древними майя. Но как бы там ни было, я обещаю вам, что в своей дипломной работе обязательно укажу, что принадлежность данной статуэтки к культурному наследию майя находится под вопросом, и упомяну все имеющиеся предположения относительно ее происхождения.

Лицензиат в нерешительности почесал подбородок.

- Я была бы вам очень признательна, если бы вы сделали мне... личное одолжение, сеньор лицензиат, – добавила, беззастенчиво улыбаясь, Кассандра.

Оскар Санчес смутился и, покраснев, пробормотал что-то про личный архив. Затем он тяжело поднялся со стула и стал рыться в стоявшем в его кабинете шкафу. Не прошло и минуты, как он положил перед нами на стол тоненькую папку.

Стараясь не выдавать своего волнения, мы с Кассандрой открыли папку и начали жадно читать текст на единственном лежавшем в ней листке.

Дочитав до конца, мы с разочарованным видом переглянулись.

- Это все? – спросила Касси у смотрителя.
- Да, все.
- Но... но ведь это почти то же самое, что написано на карточке возле статуэтки.

– Как вы уже прочитали, данная статуэтка была найдена неким крестьянином, а потом ее передал в дар музею врач, который был владельцем земельных участков возле Текпана и который узнал о существовании нефритовой статуэтки совершенно случайно. В общем, эта находка не являлась результатом археологических раскопок, а потому о ней не удалось получить каких-либо сведений, кроме тех, которые изложены на лежащем перед вами листке. Это еще одно основание для того, чтобы усомниться в ее подлинности.

Мы с Кассандрой снова разочарованно посмотрели друг на друга.

- Как бы там ни было, – сказала Касси, поднимаясь со стула, – я благодарю вас за помощь. Вы были очень любезны.

Мы пожали смотрителю руку, и он встал, чтобы проводить нас к выходу. И тут мне в голову пришла еще одна мысль.

- Да, кстати, чуть не забыл, – сказал я. – А далеко ли отсюда то место, где упомянутый вами крестьянин нашел статуэтку?
- Текпан? Нет, совсем недалеко, менее чем в часе езды на автомобиле. Однако вам вряд ли стоит туда ехать. – Смотритель со скучающим видом пожал плечами. – Это всего лишь небольшой городишко, в котором живут туземцы. Там нет ничего интересного.
- Понятно, – сказал я, чувствуя, как меня охватывает отчаяние.
- Интересен лишь тот факт, – задумчиво добавил смотритель, – что этот городок на языке майя означает «Город Храма», однако храмов древних майя там нет. Ни одного.

Касси, которая уже направилась было к выходу, вдруг резко обернулась.

- Вы сказали «Город Храма»? Именно так переводится название «Текпан»?

Лицензиат, удивленный неожиданно возникшим у Кассандры интересом к Текпану, пристально посмотрел на нее.

– Конечно, – ответил он. – Это легендарный город, основанный «текпантлаками», то есть, если перевести на испанский, «людьми храма».

50

Поспешно попрощавшись с лицензиатом, мы едва ли не бегом покинули музей и, остановив первое попавшееся такси, договорились с водителем, что он отвезет нас в Текпан, подождет там часика три, а затем доставит в столичный аэропорт. За это нам пришлось выложить таксисту сто долларов США – его двухнедельный заработок.

Таксист в рекордно короткое время довез нас из центра города до его окраины, смело проезжая перекрестки на красный свет (судя по всему, он был здесь далеко не единственным, кто так поступал). Когда мы выехали на шоссе, ведущее в город Кесальтенанго, машина помчалась с умопомрачительной скоростью, обгоняя старенькие грузовички и экзотического вида автобусы. Мы ехали в городишко, о существовании которого еще полчаса назад даже не подозревали, но который теперь обещал стать конечным пунктом нашего долгого и полного трагических событий путешествия.

– Мне с трудом верится, что после всех наших злоключений мы по чистой случайности обнаружили последний приют тамплиеров, причем в каком-то захолустном гватемальском городке, – пробормотала Кассандра, глядя через окно автомобиля на мелькающие мимо деревья. – Это... это так неправдоподобно.

– Ну, мы пока еще не уверены, что этими «людьми храма» и в самом деле являлись тамплиеры, – ответил я. – Может, мы имеем дело с простым совпадением.

– Совпадение? Статуэтка, которую, как нам известно, подарили рыцарям-тамплиерам, была найдена в городке, основанном группой людей, называемых «людьми храма»! И произошло это в ту самую эпоху, когда тамплиеры прибыли в эти места. Не слишком ли много совпадений?

Я промолчал, потому что ответ был очевиден. Пытаясь сдерживать охватывающее меня волнение, я думал о том, что мы можем найти в Текпане, и эти шальные мысли не давали мне покоя.

– Признаться, меня удивляет, – сказал я, – что в этом довольно густо населенном регионе никто никогда не нашел ни одного предмета, свидетельствующего о пребывании тамплиеров – пусть даже рыцари-храмовники и находились здесь почти семьсот лет назад.

– Один предмет все-таки нашли. Нефритовую статуэтку.

– Да, но если в этой местности была найдена статуэтка Кетцалькоатля, то почему не нашли, например, оружие или другие предметы, принадлежавшие тамплиерам?

Кассандра на несколько секунд задумалась, а затем ответила:

– Этому можно дать различные объяснения, но наиболее правдоподобное из них заключается в том, что такие предметы здесь, вероятно, все-таки были обнаружены.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Прежде всего не следует забывать, что данная территория была завоевана испанцами через двести лет после прибытия сюда тамплиеров, и я подозреваю, что археология не входила у конкистадоров в число их приоритетов. Поэтому, обнаруживая здесь что-нибудь такое, что могло им пригодиться – скажем, стальной клинок или распятие, – они ограничивались лишь тем, что присваивали себе эти предметы. Наверняка испанцы думали, что найденные ими вещи были утеряны их соотечественниками во время предыдущих военных экспедиций.

– Может, ты и права, – согласился я. – А как насчет каких-нибудь строений, сооруженных тамплиерами? Ведь если рыцари ордена Храма основали город, пусть даже очень маленький, они должны были построить в нем какие-то здания.

– И этому тоже можно найти объяснение, – невозмутимо ответила Кассандра, – причем довольно простое. Если бы ты был вице-королем или губернатором и узнал, что в недавно захваченных тобой владениях есть город с домами и храмами, построенными, по всей видимости, христианами, а стало быть, твое право на эти владения может быть оспорено, как бы ты поступил?

Я мгновенно понял, к чему клонит Касси.

– Я бы их уничтожил – и дома, и храмы.

– И тем самым уничтожил бы явное свидетельство того, что какие-то христиане прибыли сюда раньше, чем твои солдаты.

Последние слова Кассандры заставили меня забеспокоиться.

– Тогда какой смысл ехать в Текпан, если мы все равно ничего не сможем найти там? – спросил я.

Касси бросила на меня лукавый взгляд и ответила:

– А я не говорила, что мы там ничего не сможем найти.

Нахмурившись, я посмотрел на Кассандру, но предпочел не уточнять, что она имеет в виду.

– У нас есть один большой козырь, Улисс, – сказала Касси. – Мы знаем, что мы ищем.

– И что же, позволь тебя спросить, мы ищем?

Когда Кассандра после недолгой паузы решила ответить на мой вопрос, я увидел, как в ее глазах загорелись веселые огоньки.

– Доказательство, Улисс. Всего лишь доказательство.

Полчаса спустя мы подъехали к пересечению дорог, где стоял знак, указывающий, что едущим в Текпан нужно повернуть налево. После поворота нам пришлось ехать несколько километров по узкой асфальтированной дороге, покрытой рытвинами. Дорога эта петляла вдоль живописной долины, где кукурузные поля чередовались с небольшими холмами, сосновыми борами и дубовыми рощицами.

– А тут красиво, – сказал я, любясь через окно автомобиля окружавшим нас пейзажем.

– Не зря Гватемалу называют страной вечной весны, – отозвалась Кассандра, которую, как и меня, очаровала картинная красота гватемальской равнины...

С того момента как мы выехали из столицы, нам постоянно попадались навстречу группы туземцев, чьи яркие одежды так и бросались в глаза. Некоторые из них несли на себе сельскохозяйственные орудия или мешки с кукурузными зернами, однако большинство шло с пустыми руками. По мере того как мы углублялись в сельскохозяйственный район, количество бредущих вдоль обочины мужчин, женщин и детей постепенно увеличивалось, отчего создавалось впечатление, будто здесь проводится массовая эвакуация населения.

– Извините, – обратился я к таксисту, неряшливому метису, который за все время пути еще ни разу не раскрыл рта, – а куда идут все эти люди?

Таксист удивленно посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

– Никуда, сеньор, – ответил он.

– Как это никуда? – в свою очередь удивился я. – Что-то мне не верится, что они бредут вдоль дороги от нечего делать.

– А им действительно нечего делать, – ответил, тяжело вздохнув, таксист. – Большая часть из них – бедные арендаторы, которым землевладелец в этом году не выделил земельного участка, и им теперь нечем заняться и негде жить.

– Неужели никто не может хоть чем-то помочь этим людям? – простодушно спросил я.

– Разве что Бог, – ответил таксист. – Но он уже давно не заглядывал в Гватемалу.

Через полчаса мы наконец-таки прибыли в Текпан и, выйдя из машины на центральной площади, договорились с таксистом, что он будет ждать нас на этом же месте через три часа.

Город был застроен разнотипными одно- и двухэтажными домами из бетонных плит. Из их плоских черепичных крыш торчали ржавые железные прутья, а выкрашены эти дома были в самые разные цвета: серебристо-голубой, пронзительно-желтый, изумрудно-зеленый, темно-оранжевый, ослепительно-красный. По всей видимости, страсть гватемальцев к ярким цветам нашла свое отражение не только в их одежде. «Насколько этот город не похож на серые европейские города, в которых живут серые жители, облаченные в серые одежды», – подумал я.

Во всей архитектуре Текпана единственным исключением из парада зданий, покрашенных в насыщенно-яркие цвета, была стоявшая на краю площади белоснежная церковь, которая была самым высоким и, безусловно, самым красивым зданием города. Ее фасад был украшен двумя парами колонн, у вершин которых виднелись изображения каких-то неизвестных мне святых. Судя по сравнительно невысокой колокольне и каменным контрфорсам, конструкция церкви была рассчитана на то, чтобы выдерживать землетрясения.

– Итак, – сказал я, потирая руки, – с чего начнем?

Кассандра пожала плечами.

– Понятия не имею, дружище, – ответила она и, задумавшись, предложила: – Может, зайдём в муниципалитет?

– Хорошая мысль. Если неподалеку от города есть какие-нибудь древние развалины, то муниципалитет наверняка располагает подробной информацией о них.

Отличительной чертой планировки населенных пунктов, построенных в колониальную эпоху, является то, что большинство мало-мальски значимых учреждений находится рядом с центральной площадью или вокруг нее, а потому нам не пришлось долго искать муниципалитет – он располагался как раз напротив церкви.

Едва мы вошли в фойе, как перед нами возник вооруженный охранник. Преградив нам путь, он окинул нас недовольным взглядом и спросил, держа руку на рукоятки своего револьвера.

– Что вам нужно?

Слегка опешив от подобного приема, мы с Кассандрой переглянулись, только сейчас сообразив, что, в общем-то, не знаем, кого конкретно ищем.

– Добрый день, – вежливо сказал я и представился: – Меня зовут Улисс Видаль. Я хотел бы поговорить с членом муниципалитета Текпана, который занимается вопросами культуры.

– Он на совещании, – коротко ответил охранник, все еще держа руку на револьвере.

– А могли бы мы поговорить с кем-нибудь из его подчиненных?

– Они тоже на совещании, – холодно отрезал охранник, всем своим видом показывая, что мы явились некстати.

– А с каким-нибудь другим сотрудником муниципалитета? – вступила в разговор Касси. Заметив, какое выражение приобретает лицо охранника, она поспешно добавила: – Только не говорите мне, что все сотрудники муниципалитета на совещании.

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Охранник посмотрел на нас исподлобья с таким видом, как будто он охранял банк, а мы замыслили этот банк ограбить.

– Интересные тут у вас, наверное, совещания, если в них участвует так много людей, – заметил я. – Но, судя по вашему поведению, вас на эти совещания вряд ли когда пригласят.

Поняв, что от охранника нам все равно ничего не добиться, мы вышли из муниципалитета и отправились искать местную школу, чтобы поговорить с кем-нибудь из учителей.

Спрашивая у прохожих, как пройти к школе, мы вскоре подошли к расположенному на окраине городка зданию, окруженному решетчатой оградой. Однако и тут нас ждало разочарование: на висевшей у входа в школу доске объявлений мы увидели приколотый кнопками лист бумаги, на котором от руки было написано: «Закрето на каникулы».

– Все идет совсем не так, как я рассчитывал, – устало произнес я и сел на бордюр тротуара.

Кассандра, задумавшись, присела рядом со мной.

– Думаю, единственное, что нам остается, – это поспрашивать у прохожих, – через какое-то время сказала она.

– И что мы у них спросим? «Извините, вы не знаете, где тут поблизости находится тамплиерская таверна?»

– А вдруг нам повезет? В таких маленьких городках жители, как правило, хорошо знают местные легенды.

– Ладно, – сказал я, не испытывая особого энтузиазма. – В любом случае это будет лучше, чем просто сидеть на тротуаре.

Мы поднялись и направились в парк, надеясь повстречать там какого-нибудь старожилу. Когда мы шли по мощеной улице, где прямо на тротуаре местные женщины-туземки на расстеленных циновках разложили маленькими кучками помидоры, картофель и лук, я поднял взгляд и, посмотрев вверх крыш домов, увидел вдалеке белую колокольню церкви. И тут меня осенило.

– Священник! – воскликнул я.

– Что? – удивленно спросила Кассандра.

– Священник, Касси. Если в этом городишке имеются какие-нибудь древние развалины, священник наверняка о них знает.

– Может, ты и прав, – неохотно согласилась Кассандра. – Я, правда, не разделяю твоего оптимизма, но... если хочешь, давай поговорим с ним, ведь нам все равно нечего терять.

Воодушевленный внезапно возникшей у меня идеей, я зашагал так быстро, что заметно уставшая Кассандра едва поспевала за мной. Вскоре мы подошли к громадной деревянной двери церкви, и я несколько раз постучал в нее висевшим здесь же молотком.

Мы прождали около двух минут, но никто так и не появился.

Тогда я с силой подергал за ручку двери, чтобы проверить, заперта она или нет. Дверь не поддалась даже на миллиметр. Кассандра, покачив головой, скрестила руки на груди.

– У меня такое впечатление, что почти все местные жители поразъехали, – сказала она.

– Здесь где-то должен быть боковой вход, – пробормотал я.

– Только не говори мне, что ты хочешь пробраться в закрытую церковь.

– Мы не собираемся там ничего воровать. Я всего лишь хочу поговорить с местным священником.

- Но если нам никто не открывает, значит, священника в церкви сейчас нет.
- А может, он просто прилег отдохнуть... или не хочет открывать.
- Допустим, но почему ты думаешь, что он захочет с нами разговаривать после того, как мы заберемся в церковь, словно воры?
- Давай посмотрим на все это с другой стороны. Тут, по крайней мере, нет охраны, и если мы в чем-то согрешим, то сразу же сможем исповедаться в грехах.

Обойдя церковь, мы увидели маленькую боковую дверь. Она была открыта, и через нее мы смогли пройти в крытую галерею, а затем и в неф[50]. Там мы стали стучать во все имеющиеся двери и даже несколько раз громко крикнули, но никто по-прежнему не отзывался. Видя, что все наши усилия напрасны, мы сели на одну из скамеек, чтобы немного отдохнуть, а заодно и решить, что нам делать дальше.

Внутреннее пространство церкви было погружено в темноту, нарушаемую лишь тусклым солнечным светом, который с трудом пробивался сквозь узкие окна и разноцветные витражи, да еще мерцающими огоньками нескольких свечей, стоявших перед изображениями бородатых святых с блаженными лицами.

Чтобы усугубить совершаемое мною святотатство, я решил дать своей измученной спине несколько минут отдыха и растянулся на одной из скамеек, положив руки под голову. Я думал о том, что же мы станем делать с прихваченным Кассандрой из сенота золотым распятием, а мой взгляд рассеянно блуждал по замысловатым очертаниям потолка нефа.

И тут мое внимание привлек барельеф, расположенный в самом центре свода. Несмотря на слабое освещение, я – почти на подсознательном уровне – почувствовал, что это вырезанное на каменной плите изображение явно не вписывается в окружающую его обстановку. Кроме того, хотя я едва мог его разглядеть, оно показалось мне удивительно знакомым.

После нескольких минут, которые мне потребовалось на то, чтобы глаза привыкли к полумраку, я снова всмотрелся в изображение, находившееся в десяти метрах над моей головой. Меня так поразило увиденное, что я, не в силах произнести ни слова, смог лишь поднять руку и пальцем указать Кассандре на это изображение.

На каменном потолке маленькой церквушки, находившейся в захолустном гватемальском городке, было высечено то же самое, что и на печати некоего картографа, которая была обнаружена нами в Карибском море. Такое же изображение было на ящичке из эбенового дерева, хранящемся в затерянном посреди пустыни Сахара поселке.

Два всадника, едущих верхом на одной лошади.

51

- Это... это... – пробормотала Кассандра, которая, стоя посреди нефа, неотрывно смотрела на потолок. – Как это могло появиться... здесь?
- Видимо, когда строили церковь, кто-то решил украсить этим барельефом потолок, – ответил я, искоса наблюдая за Кассандрой.
- Ну, это и так понятно, – сказала Касси, не глядя на меня. – Непонятно, когда именно это было сделано и, главное, почему.
- А может, этот храм воздвигли сами тамплиеры?

Наконец Кассандра оторвала взгляд от барельефа и повернулась ко мне.

– Вряд ли. Эта церковь построена в типичном испанском колониальном стиле, – заявила она, указывая рукой на внутреннее оформление храма. – Думаю, в шестнадцатом или семнадцатом веке.

– Тогда получается, что ее возвели через двести или триста лет после прибытия сюда тамплиеров, а ведь к тому времени, насколько известно, ордена

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Храма уже не существовало.

- Вот это меня и смущает.
- А может, эту церковь построили потомки тамплиеров?
- Потомки? – Кассандра снисходительно улыбнулась. – Придется напомнить тебе, Улисс, что тамплиеры были монахами и давали обет безбрачия.
- Да, верно. Я об этом забыл.

Устав стоять с задранной головой, я начал ходить взад-вперед по церкви, погрузившись в размышления. Здесь было очень тихо, потому что толстые стены здания полностью изолировали его помещения от уличного шума, и царившую в церкви неестественную тишину нарушали лишь звуки моих шагов. Казалось, что этот храм пребывает в совсем другом временном и пространственном измерении и находится сейчас в том далеком прошлом, когда религиозные чувства людей были еще сильными и искренними.

Я ходил по нефу, заложив руки за спину и рассеянно разглядывая пол. И тут, когда я приблизился к алтарю, мне на глаза попало нечто такое, что поразило меня даже больше, чем изображение двух всадников на одной лошади.

– Мне кажется, я знаю, что здесь произошло, – сказала Касси, все еще стоявшая на том же самом месте посреди нефа. – Тут наверняка находилась какая-то тамплиерская постройка, но она была по той или иной причине разрушена – может, землетрясением, а может, испанцами, пожелавшими уничтожить следы пребывания здесь других европейцев. Впоследствии, когда стали возводить эту церковь, было принято решение использовать каменные плиты, оставшиеся от разрушенного строения, среди которых оказалась и эта плита с вырезанным на ней изображением двух монахов-воинов на одной лошади. Наверное, она чем-то понравилась архитектору, и он, даже не подозревая об эзотерическом смысле изображенного на ней символа, решил поместить ее на потолке в качестве украшения.

Повернувшись ко мне, Кассандра спросила:

– А ты что по этому поводу думаешь?

Ее вопрос застал меня врасплох, ибо я почти не слушал, о чем говорила Касси, а рассматривал то, что могло придать новый импульс нашим поискам.

– Я думаю, что ты не поверишь своим глазам, если посмотришь вот сюда, – ответил я, не отрывая взгляда от пола и чувствуя, как от волнения у меня участилось дыхание. Там, возле моих ног, находилась истертая каменная плита, на которой можно было разглядеть уже знакомый мне силуэт бога Кетцалькоатля и высеченную над ним большими латинскими буквами надпись: MILITES TEMPLI.

Подойдя к плите, Касси присела на корточки и осторожно провела пальцами по силуэту Кетцалькоатля и латинским буквам.

– Тут все очень сильно истерлось, – сказала она дрожащим от волнения голосом, – но, судя по очертаниям, это изображение высекали не металлическими, а каменными орудиями.

– Каменными?

– Да, причем в той же самой манере, которую использовали древние майя для высечения изображений на стенах своих храмов.

– Ты хочешь сказать, что вот это высекали на камне майя? В том числе и латинские буквы?

– Я хочу сказать, что для создания этого изображения применялись орудия майя. А кто его создал – майя, европейцы или китайцы, – я не знаю. Впрочем, если мне не изменяет память, традиционные методы, которые использовали майя для высечения рисунков на камне, канули в Лету сразу же после того, как прибывшие в Америку испанцы научили их применять железное зубило и молоток.

– Значит, данная надпись была сделана не позднее, чем сюда прибыли испанцы.

– Да, конечно.

– Она даже могла быть сделана в то время, когда здесь находились тамплиеры.

– Вполне возможно.

Я на некоторое время замолчал, собираясь с мыслями, а затем у меня как бы сам по себе вырвался вопрос:

– Думаешь, и эту плиту тоже разместили здесь лишь «в качестве украшения»?

Кассандра ничего не ответила, словно не услышала мой вопрос, но когда я уже открыл рот, чтобы его повторить, она вдруг с самым серьезным видом сказала:

– Я готова поспорить, что эта плита была частью пола в храме, который возвели на этом месте еще до прибытия сюда испанцев.

Я почувствовал легкий зуд в груди – верный признак того, что меня начинает охватывать сильное волнение.

– Храма христиан или храма майя?

– Не знаю, – задумчиво ответила Кассандра, продолжая разглядывать плиту. – Может, и тех и других. Тамплиеры, насколько я поняла из всех тех сведений, которые мне сообщил в последние несколько недель профессор Кастильо, были очень гибкими в вопросах мировоззрения и легко приспосабливались к другим культурам – по крайней мере, внешне. Поэтому храмы, воздвигнутые тамплиерами, скажем, в Кастилии, с архитектурной точки зрения, были очень мало похожи на храмы, построенные ими в Шотландии или в Палестине, а потому они, как мне кажется, вполне могли приспособиться и к культуре майя и использовать при строительстве христианских храмов изображения персонажей мифологии майя.

С этими словами Кассандра подняла голову и с возросшим любопытством окинула взглядом внутреннее убранство церкви, как будто бы этот храм из самой обыкновенной церквушки вдруг превратился в Сикстинскую часовню.

– Давай поищем еще! – воскликнула Касси, загораясь исследовательским энтузиазмом. – Если этот пол когда-то был полом тамплиерского храма, здесь в любом случае должны остаться еще какие-нибудь изображения или следы, подтверждающие это. – Кассандра показала рукой на все внутреннее пространство храма. – Их нужно найти!

– Хорошо, – согласился я, – но было бы неплохо, если бы ты сначала объяснила мне, что конкретно мы будем искать.

– Как это что? Какие-нибудь изображения, которые не вписывались бы в окружающий интерьер или напоминали бы символы, относящиеся к тамплиерам. Например, два всадника, едущие на одной лошади, – об этом символе ты уже знаешь, – или восьмиконечные кресты, или распустившиеся розы, или голова старика, которую называли то ли Бафомет, то ли Буфомет и которая символизировала мудрость. Чем больше мы найдем в этой церкви следов присутствия тамплиеров, тем легче нам будет доказать, что они плавали в Америку задолго до Колумба.

– Ну, тогда давай не будем терять времени, потому что, когда вернется священник, ему вряд ли понравится, что мы рыскаем по его церкви без спросу.

Кассандра стала изучать алтарь и все, что находилось вокруг него, а я отправился осматривать дальние уголки нефа. Поскольку там было довольно темно, мне пришлось «позаимствовать» одну из свечей, стоявших перед вырезанным из темного дерева изображением Пресвятой Девы, очень сильно напомнившим мне «Черную мадонну», которую я видел в монастыре Монсеррат.

По истечении четверти часа напряженных поисков я присел на скамейку в первом ряду, на которой уже сидела, поставив локти на колени и подперев подбородок руками, Касси.

– Не понимаю... – пробормотала она. – Должны же здесь остаться какие-нибудь следы пребывания тамплиеров. В любой католической церкви полно христианских

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
символов, памятных надписей и даже могил епископов и приходских священников, похороненных под ее полом. А здесь, кроме этих двух плит, – легким движением головы Касси показала сначала на потолок, а затем на пол, – нет абсолютно ничего. Очень странно.

– Ну, у нас, по крайней мере, есть эти плиты. Они сами по себе уже достаточно убедительные доказательства.

Кассандра, не меняя положения тела, покосилась на меня,

– Сразу видно, что ты не знаешь, как функционирует механизм оценки археологических открытий. Если способ, которым сделано открытие, отличается от традиционного, если археолог не пользуется непререкаемым авторитетом, если сделанные им выводы противоречат общепринятым гипотезам и если автор выдвигает какую-то новую гипотезу – неправдоподобную и сомнительную, – то вряд ли кто-нибудь отнесется к такому открытию всерьез.

– Но ведь у нас полно других доказательств: колокол, завещание, пергамент, золотое распятие, сенот...

– Это все неубедительно, – возразила Касси. – Скорее всего, нам скажут, что эти предметы – подделки и что наши доводы носят тенденциозный характер. А от сенота осталась лишь груда камней. У нас нет никаких серьезных доказательств, Улисс. Никаких.

Несмотря на пессимизм Кассандры, мне очень не хотелось верить, что затеянные мною поиски следов тамплиеров и их чертовых сокровищ закончатся здесь, на скамейке в маленькой церкви захолустного гватемальского городка, и что если мы расскажем о сделанном нами грандиозном открытии, то нас обвинят в шарлатанстве. А еще мне очень не хотелось верить, что мой старший товарищ Кастильо, которому это открытие стоило жизни, навсегда останется никому не известным профессором. «Не может быть, – мысленно повторял я сам себе, – не может быть, чтобы наши усилия абсолютно ни к чему не привели».

Поднявшись со скамейки, я стал мерить шагами неф, пытаюсь найти выход из создавшегося положения. В моей голове роились сумасбродные идеи о том, что можно было бы организовать раскопки в главной пирамиде Яшчилана или же попытаться проникнуть в находящийся под ней сенот, используя тот самый подземный туннель, по которому мы с Касси выбрались из пещеры. Однако оба этих варианта потребовали бы огромных денежных затрат, а потому реализовать их нам вряд ли бы удалось.

Когда я в очередной раз прошелся между двумя рядами скамеек и, оказавшись перед алтарем, повернул назад, мой взгляд вдруг остановился на каменной плите с изображением Кетцалькоатля и надписью на латинском языке.

– Касси, ты вроде бы говорила, что под полом церковью иногда хоронят умерших священнослужителей?

Кассандра бросила на меня равнодушный взгляд.

– Да, говорила. А почему ты об этом спрашиваешь?

– А не может ли эта плита быть надгробной плитой тамплиерского захоронения?
– спросил я, глядя на пол.

Касси без особого интереса посмотрела на плиту.

– Вряд ли, – ответила она. – Если бы это была надгробная плита, на ней обязательно высекли бы имя усопшего и дату его смерти. А я что-то не вижу на ней ни имени, ни даты.

– Но ведь тамплиеры были не просто монахами, а монахами-воинами, и у них имелись свои собственные традиции. Возможно, их захоронения выглядели как-то по-особенному.

Кассандра, пожав плечами, ответила:

– Возможно. Я, как тебе известно, не являюсь специалистом в данной области.

Задумавшись, я присел на одну из ступенек, ведущих к алтарю.

– Мне кажется, что мы с тобой что-то упустили.

– Но ведь мы, дружище, осмотрели тут буквально каждый уголок, – устало произнесла Кассандра, подходя ко мне и садясь рядом со мной на ступеньку. – Если только разгадка не кроется внутри распятия или где-нибудь под алтарем...

Касси, запнувшись, изумленно посмотрела на меня.

А я – на нее.

Затем мы оба медленно повернулись к алтарю, который был накрыт расшитой узорами белой шелковой материей. Вот под это покрывало мы еще не заглядывали.

– Ты понимаешь, что здесь написано? – без особой надежды спросил я, когда, приподняв материю с тыльной стороны алтаря, увидел там иероглифы майя.

– Без компьютерной программы мне трудно расшифровать эти иероглифы, но, исходя из того, что я узнала о письменности майя за последние полмесяца, здесь фигурирует некая дата.

– Дата?

– Да. Здесь упоминается последний день последнего месяца последнего катуна последнего бактуна и говорится, что в этот день будет открыта истина, и...

– И?..

Касси поднесла свечу, которую держала в руках, поближе к алтарю и сощурилась.

– Я не уверена, но тут, по-моему, говорится о конце света или о чем-то в этом роде.

– А можно полюбопытствовать, когда это произойдет?

Кассандра насмешливо посмотрела на меня:

– Боишься?

– Конца света? Нет, пускай наступает. При условии, что не закроют пивные бары.

– Да, это было бы бесчеловечно, – подмигнув мне, сказала Кассандра. – Но тебе пока еще рано беспокоиться, потому что в переводе на наш календарь эта дата соответствует двадцать третьему декабря 2012 года.

– Ты в этом уверена?

– Вполне. Календарь майя внешне выглядит как ряд дисков, которые, подобно шестеренкам в часах, касаются краями один другого, причем последующий диск всегда больше предыдущего. Максимальный цикл вращения этих дисков охватывает период длительностью более пяти тысяч лет, который называется «длинным счетом» и начинается одиннадцатого августа 3114 года до нашей эры. Календарь устроен так, что в нем нет даже и двух дней с одним и тем же названием. Тут, на алтаре, четко написано: последний день последнего месяца последнего катуна последнего бактуна последнего цикла. Иначе говоря, это самый последний день длинного счета календаря майя, который, как я уже сказала, соответствует двадцать третьему декабря 2012 года.

Убрав с алтаря подсвечники, Библию и позолоченный потир, мы полностью стащили покрывало и увидели, что он представляет собой каменную глыбу в форме параллелепипеда, на боковых поверхностях которого были высечены иероглифы майя. Сверху на алтаре лежала отшлифованная белая мраморная плита, делавшая его похожим на большой кухонный стол.

– Он напоминает мне стол в кухне моей бабушки, – тихонько произнес я.

- А мне – алтарь майя, на котором они делали свои жертвоприношения. Тут даже есть узенький желобок, по которому стекала кровь жертвы.
 - Не может быть! – воскликнул я, пытаюсь разглядеть на поверхности плиты упомянутый Кассандрой желобок.
 - Это была шутка, дурачок.
 - А ты, я смотрю, археолог с хорошим чувством юмора. Тебя ждет большое будущее.
 - Ну, это я и без тебя знаю, – с нарочито заносчивым видом ответила Касси.
 - Мне об этом говорил еще мой папочка.
 - Прекрасно. Ты заметила среди этих иероглифов еще что-нибудь интересное?
 - Нет. На всех четырех боковых поверхностях написано примерно одно и то же.
 - И что мы теперь будем делать?
 - Понятия не имею. Наверное, придется подождать до 2012 года и затем посмотреть, что произойдет.
 - Ну что ж, можно поступить и так... Вот только наш самолет улетает гораздо раньше.
 - А еще мы могли бы спросить у Иисуса Христа, – продолжила Касси, садясь на алтарь и показывая большим пальцем на видневшееся позади нее распятие. – Может, хоть он что-нибудь знает.
 - Ага... А мне кажется, что тут есть еще один уголок, в который мы не заглядывали.
 - И где он? – спросила Кассандра, демонстративно оглядываясь по сторонам.
- Вместо ответа я пристально посмотрел на мраморную плиту, на которой она сидела.
- Нет! – воскликнула Касси. – Этого делать нельзя! – Я не верю, что ты способен на такое...
 - У тебя есть предложения получше?
 - Ты всегда произносишь эти слова, когда замышляешь сделать что-нибудь ужасное. Например, осквернить алтарь.
 - Ничего мы не оскверняем. Правильнее будет сказать, что мы... мы просто занимаемся обычной археологической работой.
- Касси изумленно подняла брови.
- Обычной археологической работой? Ты что, шутишь? Это умышленное повреждение чужого имущества, да к тому же еще и святотатство!
 - Ничего я не собираюсь повреждать, – возразил я, напуская на себя невинный вид.
 - Не собираешься? Зачем тогда ты взял этот здоровенный подсвечник?
 - Хочу проявить инженерную смекалку.
 - Не вешай мне лапшу на уши, приятель! Ты собираешься с его помощью поднять мраморную плиту!
 - Может, и собираюсь. Но у меня ничего не получится, если ты мне не поможешь.
- Кассандра посмотрела по сторонам, словно ища кого-то, с кем можно было бы поделиться охватившим ее негодованием.
- Ты с ума сошел! Из-за твоей дурачности мы угодим в тюрьму!

– Я не могу тебя заставить, – сказал я, подходя поближе к Кассандре. – Но вполне вероятно, что там, внутри, находится то, что мы так долго искали. Если мы с тобой сейчас обнаружим неопровержимое доказательство, свидетельствующее, что здесь когда-то находились тамплиеры, смерть профессора Кастильо уже не будет бессмысленной.

– Это удар ниже пояса.

– Знаю. Так я могу на тебя рассчитывать?

Уперев руки в бока, Кассандра покачала головой.

– Я все еще считаю, что ты поступаешь очень скверно... Однако в глубине души я осознаю, – интонации в голосе Касси вдруг резко изменились, – что если я не загляну туда сейчас, то буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

– Вот так-то лучше! – удовлетворенно воскликнул я, вставляя край основания подсвечника в щель между каменным корпусом алтаря и лежащей на нем мраморной плиты. – Давай-ка побыстрее поднимем эту плиту, пока нас еще не застукали!

Стараясь действовать как можно более осторожно, мы стали давить сверху вниз на подсвечник, используя его как рычаг, пока наконец не услышали тихий скрип – плита, казалось, сетовала на то, что ее сдвигают с привычного места.

– Она приподнимается.

Да, она приподнималась. Как ни странно, эта прямоугольная массивная плита – полметра в ширину и два метра в длину – слегка сдвинулась, и мы с Касси стали давить на подсвечник с удвоенной энергией.

– Давай, давай, девочка моя, – бормотал я сквозь зубы. – Дави, мы ее уже почти подняли.

И когда Касси уже практически повисла на конце подсвечника, который, к счастью, оказался необычайно прочным, а я стал давить на него так, что едва не надорвался, плита приподнялась настолько, что мы сумели вставить в образовавшуюся щель «клин». В роли клина пришлось использовать Библию, потому что никакого другого подходящего предмета у нас под рукой не оказалось. Дальше все пошло намного легче. Синхронно прилагая свои усилия, мы с Касси сдвинули плиту вбок и, ничуть ее не повредив, поставили одним краем на пол.

То, что мы увидели внутри алтаря, удивило нас – по крайней мере меня – намного больше, чем высеченные на его боковых поверхностях иероглифы маяя.

Нашему взору предстала каменная плита с прикрепленными к ней каменными дисками, покрытыми какими-то странными символами, касающимися краями один другого. На краю средней части этой плиты, чуть ниже одного из дисков, виднелась круглая каменная пластина, на которой был высечен тамплиерский крест.

– Это что еще за чертовщина?

– Календарь маяя! – взволнованно воскликнула Кассандра.

– Вот эта штукавина и есть календарь маяя?

– Да. Несколько веков назад это был самый совершенный из всех когда-либо придуманных до того времени календарей.

– По правде говоря, я бы отдал предпочтение календарю Пирелли.

– Не говори глупостей. Это был удивительно точный календарь, прямо-таки настоящее математическое и астрономическое чудо. С его помощью можно было с большой точностью устанавливать даты на миллионы лет назад и вперед.

– Ага... Но чем, по-твоему, он может быть полезен нам?

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– На этом календаре имеется изображение тамплиерского креста, а это отнюдь не характерно для календарей майя.

– Это я уже заметил. Но, как ты и сама прекрасно понимаешь, нам трудно будет доказать, что тамплиерский крест на этой пластине высекли не мы сами.

– Да, конечно, если только...

Кассандра протянула руку и, взявшись пальцами за самый маленький из дисков, сделала вращательное движение кистью. Диск немного повернулся.

– Он движется! – возбужденно воскликнула Касси.

Я застыл от изумления.

– Ты видел, Улисс?

– Глазам своим не верю...

– действующий календарь! Таких еще никто не находил! – Кассандра была вне себя от восторга. – Это само по себе уже колоссальное открытие!

– Ты так считаешь?

– Ну разумеется. Это уникальный предмет.

– Тогда зачем его спрятали под плитой весом в сто килограммов?

– И в самом деле... – Касси удивленно подняла брови. – Возможно, священник даже не знает, что это за штукавина, а потому и не обращает на нее внимания...

– ...или он просто прячет ее.

– Прячет? Но зачем? – Пристально посмотрев на меня, Касси тихо добавила: – Ты случайно не впадаешь в паранойю?

– Может, и впадаю, но... ты не могла бы кое-что для меня сделать? – Я на несколько секунд замолчал, чтобы собраться с мыслями. – Как ты думаешь, у тебя получится установить на этом календаре дату конца света – двадцать третье декабря 2012 года?

После десяти минут напряженных размышлений Кассандра наконец-таки протянула руку к календарю – но на этот раз уже к самому большому диску – и, взявшись за этот диск и прилагая заметное физическое усилие, поворачивала его до тех пор, пока он не встал в нужное ей положение. Затем она проделала то же самое со всеми остальными дисками.

– И что теперь? – спросила Кассандра, отступая на шаг назад.

– Понятия не имею. Может, произнесем заклинание «Сезам, откройся»?

– Не хотелось бы устраивать конец света раньше установленного срока, – сказала полушутя, полусерьезно Касси.

– Мне кажется... – прошептал я по истечении небольшой паузы, наполненной гробовой тишиной, – мне кажется, что нужно попробовать.

– Лучше не надо. – Кассандра взяла меня за руку. – Оставь подобные занятия для Индианы Джонса. У него, может, и получилось бы.

– Да, ты права. Мне даже начинает казаться, что мы сейчас участвуем в съемках какого-то фантастического фильма где-нибудь в пещерах Исландии.

– Не переживай, милый. Открытие, которое мы сделали, уже само по себе стоило всех наших страданий и усилий.

– Похоже на то, что мне придется тащить на себе этот крест всю оставшуюся жизнь.

Едва я произнес слово «крест», как в мое сознание прокралось одно нелепое подозрение.

Я наклонился и изо всех сил надавил на каменную пластину, на которой был высечен тамплиерский крест. Честно говоря, мне хотелось вложить в свое усилие весь груз накопившихся у меня за последние несколько дней негативных чувств.

В тот же миг где-то за нашими спинами раздался звук трения камня о камень. Оглянувшись, мы увидели, что напольная плита с надписью «MILITES TEMPLI» исчезла. Вместо нее в полу зияло темное прямоугольное отверстие.

– О Господи... – ошеломленно пробормотала Кассандра.

– Подожди-ка секундочку, – сказал я, оправившись от охватившего меня волнения. – Я пойду возьму чем посветить.

Взяв пару свечей, горевших перед изображением Пресвятой Девы, я подошел с ними к краю открывшегося в полу отверстия и заглянул в него.

Ожидая увидеть там бранные останки какого-нибудь тамплиера, я оторопел, ибо увидел в этом отверстии нечто совсем иное.

– Черт побери! – изумленно воскликнула Касси, хватаясь руками за голову. – Ну и дела!

Она тоже была поражена.

52

Чувствуя, как у меня по спине бегают холодные мурашки, я смотрел на каменные ступеньки, которые начинались в зияющем в полу отверстии на глубине одного метра и затем терялись в темноте.

– Что-то не похоже на могилу, – растерянно сказал я.

– Я не собираюсь туда спускаться, – тут же заявила Касси, по-видимому вспомнив наши умопомрачительные приключения во внутренней части пирамиды в Яшчилане. – Хватит с меня и сенота.

– Хорошо. Я тебя вполне понимаю. Оставайся здесь, наверху.

– Ты что, хочешь туда спуститься?

– А разве у меня есть выбор? Ты предлагаешь просто стоять и смотреть отсюда?

– Не умничай. У тебя ведь нет с собой даже фонарика.

– Мне вполне хватит и свечей.

– А если они погаснут?

– Тогда я прибегну к своим сверхъестественным способностям и буду летать по воздуху с развевающимся за плечами плащом и смотреть по сторонам с помощью своего рентгеновского зрения.

– Перестань дурачиться, я с тобой серьезно разговариваю.

– А как, по-твоему, я должен поступить? Остаться здесь?

– Не знаю. Надо подумать.

– Послушай, Касси, – сказал я, беря Кассандру за руку. – Я понимаю, что у тебя с некоторых пор отбило всякую охоту блуждать по темным лестницам, но лично мне сейчас необходимо спуститься туда, в подземелье. И я это сделаю.

– Тогда я пойду с тобой.

– Ты уверена, что это будет правильно?

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– Нет, не уверена, но я же все-таки археолог... Кроме того, четыре свечи – это меньшая вероятность того, что они все потухнут, чем если их будет только две.

Я с огромной осторожностью стал спускаться по ступенькам, держа в каждой руке по горящей свече и чувствуя, как позади меня взволнованно дышит Кассандра.

– Как думаешь, что это может быть? – тихонько спросил я, не оглядываясь.

– Какой-нибудь склеп, или подземный склад, или... в общем, не знаю.

– А может, мы натолкнемся там на погреб с вином урожая тысяча трехсотого года...

– Или на кегельбан. Давай шагай, и мы сейчас все увидим.

Свет от наших свечей был очень тусклым, и я почти не видел ступенек, так что мне приходилось сначала нащупывать каждую ступеньку носком, прежде чем сделать шаг. Потолок же, находившийся всего в нескольких сантиметрах от моего затылка, был виден очень хорошо: неровный, почерневший от дыма и, к сожалению, без того впечатляющего орнамента, который мы видели в «коридоре с рисунками» внутри главной пирамиды Яшчилана.

– Они тут, похоже, решили обойтись без украшений, – сказал я, осторожно нащупывая ногой очередную ступеньку.

– Я тоже это заметила, – послышался из-за моей спины голос Кассандры. – Они ограничились тем, что создали подземный коридор, по которому можно было передвигаться. А украшения им тут были ни к чему. В общем, они поступили очень даже... по-монашески.

В нескольких метрах впереди себя я увидел конец лестницы.

– Все, лестница уже заканчивается, – сказал я.

– Правда? – обрадовавшись, спросила Кассандра. – И что там дальше?

– Пока не знаю. Сейчас сама все увидишь.

Вскоре я сошел с последней ступеньки и остановился. Следовавшая за мной по пятам Кассандра, позабыв о своих опасениях, аккуратно отодвинула меня в сторону и, сделав шаг вперед, впилась взглядом в простирившуюся перед нами темноту.

– Что-то я там ни черта не вижу.

– Подожди-ка... – сказал я, разглядев на стене какой-то длинный и узкий предмет.

Я подошел к нему поближе и – к своей превеликой радости – увидел, что это не что иное, как старинный факел. Его рукоять была довольно трухлявой, но в остальном он вроде бы еще вполне годился. Поставив одну из своих свечей на пол, я попытался зажечь факел при помощи второй свечи, и после нескольких попыток мне наконец удалось это сделать.

– Voila! [51]

– Ого! – удивилась Касси. – Где ты его взял?

– Он висел на стене... Смотри, там есть еще один.

Кассандра поспешно сняла со стены второй факел, и секунд через двадцать подземелье было достаточно освещено, чтобы мы могли полностью увидеть помещение, в котором оказались.

Созданная человеческими руками пещера была метров десять в длину и метров пять в ширину, причем с таким низким потолком, что его можно было коснуться кончиками пальцев, вытянув руку вверх. Бросалось в глаза, что стены пещеры очень неровные, на них отсутствовали какие-либо украшения, а потому я очень удивился, когда увидел, что у дальней ее стены находится пьедестал,

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
изготовленный из того же камня, что и вскрытый нами алтарь. На этом пьедестале, перед висевшим на стене большим деревянным крестом, стоял незатейливый каменный ящик, который я сразу же узнал.

Это был тот самый ящик, который так красочно изобразили майя на потолке «коридора с рисунками» в главной пирамиде Яшчилана и который увезли с собой тамплиеры после того, как опустили свои сокровища на дно колодца. И если Касси правильно перевела написанные на потолке «коридора с рисунками» иероглифы, в этом ящике находилось нечто такое, что, как сообщили жрецам майя тамплиеры, являлось их «священным сокровищем».

53

При свете факелов белый известняк, из которого был изготовлен стоявший на пьедестале ящик, приобретал желтоватый оттенок, и на фоне темных стен пещеры казалось, что от него исходит таинственное сияние.

– Ты его узнаешь? – шепотом спросил я.

Кассандра сделала несколько шагов вперед и, протянув руку с факелом, осветила ящик сверху.

– Это тот самый ящик, который... – тихо произнесла она, проводя по его шершавой поверхности ладонью.

– Да, именно тот. Тот самый ящик, который был изображен в святилище Яшчилана.

Касси наклонилась и, вплотную приблизив свое лицо к каким-то изображенным на поверхности ящика символам, стала внимательно рассматривать их.

– Только это не ящик, – прошептала она по истечении нескольких секунд, а затем, повернувшись ко мне, добавила: – Это оссуарий.

– А что такое оссуарий?

– Своего рода каменная урна, в которой хранятся кости усопших.

– Получается, что это все-таки чья-то могила. А пещера – склеп.

– Похоже, что так, – согласилась Кассандра. Затем она снова стала разглядывать поверхность ящика.

– Судя по тем усилиям, которые пришлось приложить тамплиерам, чтобы доставить этот ящик сюда, в нем, наверное, хранятся останки какого-то очень важного для их ордена человека, – предположил я.

Кассандра, ничего мне не отвечая, продолжала внимательно рассматривать оссуарий и нанесенные на его поверхность странные символы.

– Видишь вот этот рисунок? – спросил я, показывая на изображение рыбы, которое виднелось на поверхности ящика. – Такое простенькое, как будто его нарисовал ребенок. – Тот, чьи останки лежат в этом ящике, был, наверное, рыбаком или кем-то в этом роде.

Касси посмотрела на это изображение и стала покусывать нижнюю губу. Насколько я знал, она обычно делала это, когда начинала нервничать.

– Улисс, эта рыба и вот эти круги – видишь их? – были символами, которые использовали самые первые христиане для того, чтобы узнавать друг друга.

– А я думал, что символом христиан был крест.

– Крест стал использоваться христианской церковью в качестве ее символа намного позже. Рыба же указывала на статус первых последователей Иисуса Христа, которые считались рыбаками, – объяснила мне Кассандра и, вздохнув, добавила: – Вот только ловили они не рыбу, а людей.

– Ты хочешь сказать, что в этом оссуарии лежат останки одного из первых христиан и поэтому тамплиеры не поленились привезти этот ящик в такую даль?

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org

– Не только это. Я почти уверена, что маленькие символы, которые нанесены по краям крышки ящика, – это какие-то слова. Думаю, что написаны они на арамейском языке.

– Секундочку, – сказал я, тоже начиная волноваться. – А не тот ли это язык, на котором говорили в Палестине две тысячи лет назад?

– Да, тот. Получается, что перед нами оссуарий, высеченный из камня в древней Иудее во времена возникновения христианства и впоследствии перевезенный в Америку вместе с сокровищами ордена Храма. Тамплиеры спрятали свое золото и драгоценности на дне священного колодца, а вот это они привезли сюда и затем хранили как свою самую ценную реликвию.

– Ты думаешь, что это...

– Могли ли это быть останки одного из первых последователей Иисуса? Думаю, что да. А иначе зачем бы тамплиеры стали так много возиться с этим ящиком?

– А может, в нем лежат останки одного из апостолов Христовых? – спросил я и тут же почувствовал, как у меня сжалось сердце.

Кассандра, взволнованная и испуганная, взяла меня за руку.

– Я никогда... не считала себя ни католичкой, ни агностиком, – запинаясь, призналась она. – Но это... это производит на меня очень сильное впечатление. По правде говоря, мне даже страшно.

– Могу утешить тебя лишь тем, что страшно не только тебе.

Некоторое время мы стояли молча, держась за руки и прислушиваясь к тому, как в тишине пещеры потрескивают наши факелы.

– Давай его откроем, – прошептала Кассандра, глядя на ящик.

Я изумленно посмотрел на нее:

– Ты уверена?

– Уверена в чем? В том, что хочу осквернить могилу святого?.. Ты, наверное, шутишь. Я вся дрожу от страха! Но я все-таки археолог, причем потомственный, и раз уж мы нашли этот оссуарий, я не могу уйти, не заглянув в него.

– Хорошо, – согласился я, сжимая Кассандре руку. – Уж кто-кто, а я тебя отговаривать не стану.

Отыскав две расщелины в стене, мы закрепили в них факелы, а затем с благоговейной почтительностью взялись за тяжелую каменную крышку ящика и, приподняв ее повыше и оттащив в сторону, поставили сбоку от пьедестала, прислонив к стене.

После этого мы снова взяли в руки факелы и, держа их так, чтобы ни одна искра не упала внутрь оссуария, подошли к нему, дрожа от волнения.

Когда я попытался заглянуть внутрь ящика, мне в ноздри ударил такой неприятный запах, что я невольно отпрянул от него. Кассандра же, не обращая внимания на запах, поднесла свой факел поближе к ящику и, наклонившись, заглянула в него.

– Улисс, – пробормотала Касси. Она дышала так прерывисто, как будто ей не хватало воздуха. – Ты не мог бы... поднести свой факел чуть-чуть поближе?

Я так и сделал, но вместо того чтобы заглянуть в оссуарий, я уставился на Кассандру. По мере того как она разглядывала содержимое оссуария, ее лицо все больше и больше вытягивалось от удивления и становилось еще бледнее, чем прежде. Наконец Касси сделала шаг назад и устремила на меня невидящий взгляд. Затем она уронила свой факел на землю и, пошатываясь, стала отступать от пьедестала, пока не уперлась в стену. Я с нарастающей тревогой наблюдал, как она на мгновение замерла и медленно сползла вниз, сев на пол.

– Боже мой... – донесся до меня ее сдавленный голос. – Боже мой...

Опешив от такого странного поведения Кассандры, я все же через пару минут мало-помалу пришел в себя и, поднеся факел поближе к оссуарию, со страхом заглянул в него.

Первым, что я там увидел, был череп, от гладкой поверхности которого отразился свет моего факела. Пустые глазницы черепа уставились на потолок пещеры, как будто пытались увидеть там что-то своими несуществующими глазами. Нижняя челюсть отделилась от черепа – я с удивлением заметил, что все зубы на ней прекрасно сохранились, – и лежала на груди, от которой, словно лучи, расходились в обе стороны ребра. Все они были в прекрасном состоянии – кроме одного из правых ребер, которое было рассечено. В ящике лежали и кости конечностей. Плечевая, локтевая, лучевая, запястные и пястные кости находились на своих местах и сохраняли общую форму рук. Однако мне показалось, что с этими руками что-то не так. Присмотревшись к вроде бы хорошо сохранившимся белым костям, я заметил, что там, где соединялись локтевая и лучевая кости и где должно было быть запястье, виднелось темно-красное пятно, а сами кости как будто были пробиты чем-то острым и твердым – наверняка при жизни у человека в этом месте была ужасная рваная рана. Позабыв о том, что в останках может таиться какая-нибудь инфекция, я еще ниже склонился над лежавшими в ящике костями и увидел, что такие же повреждения имеются и на втором запястье.

Еще больше испугавшись от возникшего у меня умопомрачительного предположения, я внимательно осмотрел кости ступней и увидел там именно то, что и предполагал увидеть: на обеих ногах у подъема стопы имелись те же признаки – словно кости были пробиты и на них сохранились следы ржавчины.

– Этого... этого не может быть... – потрясенный не меньше Кассандры, пробормотал я.

Чтобы развеять свои последние сомнения, я очень внимательно осмотрел череп и... и увидел, что на нем имеются следы порезов, идущие вокруг него, словно обод. Порезы эти находились на разном расстоянии друг от друга и имели разную глубину. Именно такие порезы остались бы на черепе человека, если бы на него с силой натянули терновый венец с торчащими вовнутрь жесткими колючками.

Теперь уже и я сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Даже при тусклом желтоватом свете валяющихся на полу факелов было видно, что лицо Касси стало мертвенно-бледным – как, наверное, и мое лицо тоже. Мне казалось, что невидимая рука давит мне на грудь, отчего мне было очень трудно дышать – так бывает в тех случаях, когда при плавании под водой с аквалангом давление воздуха в баллонах падает ниже допустимого уровня.

Меня охватил вихрь лихорадочных мыслей, чувств и опасений, которые мешали сосредоточиться. Мне хотелось доказать самому себе, что наша находка – это всего лишь случайное совпадение. Да-да, совпадение, или какая-нибудь шутка тысячелетней давности, задуманная зловредным средневековым жителем, или же ошибка, допущенная семьсот лет назад неграмотными монахами.

Однако в глубине души я был уверен, что в этом оссуарии находится не что иное, как скелет человека, сыгравшего ключевую роль в истории человечества. Я понимал, что если общественности станет известно, кому принадлежат эти останки, возникнут большие сомнения в правдивости Нового Завета и в предполагаемой божественности того, кто называл себя Сыном Божьим, а значит, могут быть подорваны фундаментальные основы христианства, Церкви и веры значительной части человечества.

– И что нам теперь делать? – еле слышно произнесла Кассандра.

Я пребывал в таком замешательстве, что не смог ответить ничего вразумительного.

– Не знаю... – сказал я. – Не знаю. Ты ведь археолог. Как обычно поступают археологи в подобных... случаях?

Глядя прямо перед собой, я краем глаза заметил, с каким мрачным видом

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
посмотрела на меня Кассандра.

– Ты спрашиваешь, как поступают археологи, когда они находят в каменном ящике скелет человека, который считался бессмертным Сыном Божиим и который вроде бы на третий день после своей смерти воскрес и вознесся на небеса?

– Но ведь есть же какой-то установленный порядок действий, которым должны руководствоваться археологи? Или нет? – спросил я, поворачиваясь к Кассандре.

– Какой еще к черту установленный порядок действий? Мы с тобой сделали самое грандиозное за всю историю человечества археологическое открытие, последствия которого для всего мира трудно даже представить. Ничего подобного в истории нашей цивилизации еще никогда не случилось.

– И ты, наверное, собираешься растрезвонить об этом открытии на весь мир...

– Ну конечно же, я собираюсь о нем «растрезвонить»! – воскликнула Касси. – Если это и, вправду останки Иисуса Христа, человечество должно об этом узнать. Или ты придерживаешься другого мнения?

– Нет. Конечно нет, – задумчиво ответил я. – Но меня все-таки беспокоят возможные последствия.

Кассандра, которую, по-видимому, разозлили мои сомнения, резко поднялась на ноги.

– Ты что, один их тех, кто считает, что люди – идиоты и поэтому их лучше обманывать, выдумывая для них фальшивое счастье, чем говорить им правду?

– Разумеется, нет. Пойми меня правильно, Касси, я всего лишь... – Я покачал головой, пытаясь отогнать от себя кое-какие мысли. – Нет, не обращай внимания. Ты абсолютно права.

Кассандра протянула руку, помогая мне встать, и мы, подняв с пола факелы, снова подошли к оссуарию.

– Тогда будем считать, что разговор на эту тему окончен, – сказала Касси. – Остается только решить, уехать ли нам отсюда с пустыми руками и затем вернуться с разрешением на проведение раскопок, – рискуя при этом, что склеп к тому моменту будет уже пустым, – или же забрать сейчас с собой эти кости и спрятать их в надежном месте.

Я уже открыл рот, чтобы ответить, однако Кассандре довелось услышать отнюдь не мой, а другой, совсем незнакомый голос, раздавшийся у нее за спиной.

– Добрый день. – В голосе человека, который обратился к нам, чувствовалось с трудом сдерживаемое раздражение. – Вы нашли то, что искали?

55

Вздвогнув от испуга, мы медленно обернулись и увидели позади себя священника. Он держал в вытянутой вверх руке керосиновую лампу и с негодованием смотрел на нас. Судя по испещренному многочисленными морщинами лицу, ему уже перевалило за семьдесят. У него было типичное лицо местного туземца, излучавшее определенное обаяние, о котором мне сразу же пришлось забыть, стоило лишь всмотреться в его черные глаза, которые были настолько пронизательными, что мне даже показалось, что этот человек видит меня насквозь.

– Кто вы такой? – спросил я.

– А вам не кажется, что этот вопрос должен был бы задать вам я? – ледяным тоном произнес священник.

– Меня зовут Улисс Видаль, а эту сеньориту – Кассандра Брукс. Мы... археологи-любители.

– Прекрасно, сеньор Видаль и сеньорита Брукс. А теперь вам нужно объяснить, что вы здесь делаете.

– Видите ли... – робко начала Касси, – мы долго стучали в дверь главного входа в церковь, но нам никто не открыл. А потом мы увидели незапертую боковую дверь и решили зайти через нее...

Священник направил свет керосиновой лампы на Кассандру.

– То есть самое первое, что вы сделали, – это незаконно проникли в церковь, – констатировал он, сурово посмотрев на нее. – Но меня больше интересует другое: что вы делаете здесь, внизу?

Я уже открыл рот, чтобы ответить, но Касси меня опередила:

– Мы любовались внутренним убранством церкви, когда вдруг совершенно случайно...

– Совершенно случайно? – сердито перебил ее священник.

– Да, конечно... Случайно. В общем... нам показалось, что одна из напольных плит шевелится. Мы из любопытства подняли ее и прошли сюда, а затем...

– Сеньорита Брукс, – нетерпеливо прервал Кассандру священник, – вы и в самом деле полагаете, что я поверю в эту ложь?

Мне стало понятно, что нам нужно найти к этому человеку какой-то другой подход.

– Если говорить честно, – вмешался я, – то мы обнаружили на алтаре иероглифы майя, а под мраморной плитой – календарь. Но я клянусь вам, что мы отнюдь не грабители и что нами руководило лишь любопытство.

– А вам известна английская поговорка о том, что любопытство довело кота до гибели?

Почувствовав в этом вопросе скрытую угрозу, я замаялся.

– Не переживайте, я вам не угрожаю, – как будто прочитав мои мысли, сказал священник. – Но я все еще надеюсь, что вы перестанете мне лгать.

– А мы и не лжем, – с пылкостью заверила его Касси. – То, что мы вам рассказали, – это, в общем-то, правда. Мы даже понятия не имели, что здесь, внизу, что-то есть.

– И давно вы занимаетесь осквернением церквей?

– Извините, я не знаю, кто вы такой, но я вам клянусь, что...

– Отец Рамон Диас.

– Что вы сказали?

– Я – отец Рамон Диас, – повторил священник. – Теперь вы знаете, кто я такой.

– Я вам клянусь, сеньор Диас, что...

– Прошу называть меня не сеньор, а отец Диас.

Кассандра несколько секунд растерянно молчала, а затем, согласно кивнув, сказала:

– Видите ли, отец Диас, я понимаю, что вам будет трудно в это поверить, но всего лишь три часа назад мы осматривали экспонаты Археологического музея. В одном из залов наше внимание привлекла статуэтка майя, найденная возле Текпана примерно сто лет назад, и прежде чем сесть в самолет и улететь в Испанию, мы решили поехать посмотреть на ваш городок.

– И приехав сюда, вы без разрешения зашли в церковь, сломали алтарь, пробрались в склеп и осквернили могилу.

– Так вы знали, что здесь находится могила? – вырвалось у меня.

– Не уклоняйтесь от темы, молодой человек.

– Одну секунду... – Я уже начинал кое-что понимать. – Вы это знали, но... А вам известно, чьи останки лежат в этом ящике?

Лицо священника стало еще более суровым.

– Наш разговор подошел к концу, – холодно заявил он, – а потому я прошу вас немедленно покинуть церковь. Я уже вызвал полицию, и если вы сейчас не уберетесь отсюда, вам придется провести какое-то время в гватемальской тюрьме.

– Черт побери, а ведь вам это известно! – воскликнула Касси.

– Я не знаю, что именно, с вашей точки зрения, мне должно быть известно, сеньорита Брукс! – гневно произнес отец Диас и, тяжело дыша, добавил: – И по правде говоря, не хочу этого знать. Но я попрошу вас воздержаться от ругани, а заодно как можно быстрее покинуть церковь.

Я подумал, что нам остается лишь одно: рассказать все начистоту. «Эх, была не была», – решил я и умоляюще посмотрел на священника.

– Послушайте, отец Диас, мы осознаем, что поступили нехорошо, и просим у вас за это извинения, – мягко произнес я, решив для начала разрядить накалившуюся обстановку. – Честно говоря, главная причина, по которой мы сюда приехали, заключается в том, что последние несколько недель мы с сеньоритой Брукс разъезжали по миру, пытаюсь найти некие древние сокровища, однако обстоятельства в конечном счете сложились так, что эти сокровища исчезли для нас навсегда. Более того, в ходе этих поисков погиб один наш очень хороший друг, поэтому – в качестве своеобразной дани его памяти – мы решили попытаться разгадать тайну, связанную с нефритовой статуэткой, изображающей бога Кетцалькоатля. Именно попытки разгадать эту тайну совершенно случайно привели нас в вашу церковь. Мы надеялись, что в этом городе нам удастся найти ответы на интересующие нас вопросы, но... – Я бросил взгляд на оссуарий, крышка которого все еще стояла у стены, и продолжил: – Нам даже в голову не приходило, что нас здесь ждет такой ответ.

Выражение лица священника слегка смягчилось, и он, тоже посмотрев на оссуарий, с почтительным видом подошел к нему.

– Будьте добры, закройте его, – попросил он уже гораздо менее суровым тоном.

Мы с Касси переглянулись и, аккуратно положив факелы на пол, взяли каменную крышку и накрыли ею оссуарий.

– А теперь, – повторил отец Диас, – я прошу вас уйти отсюда и никогда больше в это место не приходить.

– Думаю, что не уйдем, – ответил я.

– Что вы сказали? – удивился священник.

– Я сказал, что мы не уйдем отсюда.

– Улисс, сюда скоро нагрянет полиция... – услышал я шепот Кассандры.

Я никогда не отличался особой проницательностью, но интуиция все же подсказала мне, что слова священника о полиции – не более чем блеф.

– Успокойся, Касси. Никакая полиция сюда не нагрянет.

Священник промолчал и с вызывающим видом посмотрел на меня.

– И не нагрянет она потому, что отцу Диасу отнюдь не хотелось бы, чтобы про этот склеп стало кому-то известно, а тем более полиции. – Теперь уже я посмотрел на священника с вызывающим видом. – Или я ошибаюсь, святой отец?

Священник выдержал долгую паузу, сверля меня своим колючим взглядом. По-видимому, он пытался разгадать мои намерения, а заодно взвешивал свои шансы, думая о том, удастся ли ему выпроводить нас отсюда

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosofff.org
подобру-поздорову.

– Чего вы хотите? – наконец спросил он.

– Всего лишь получить ответ на интересующий нас вопрос. Отец Диас тяжело вздохнул и опустил керосиновую лампу.

– Хорошо, – устало произнес он.

Затем священник развернулся и пошел в сторону лестницы, вероятно уверенный в том, что мы последуем за ним. – Пройдемте в мой кабинет, – бросил он через плечо.

После того как мы помогли священнику снова закрыть подземный ход плитой, на которой был изображен бог Кетцалькоатль, он сделал знак рукой, чтобы мы шли за ним. Вскоре мы оказались в маленькой комнате, примыкавшей к часовне. Вся обстановка этой комнаты состояла лишь из потертого деревянного стола, на котором лежали папки с какими-то бумагами, нескольких деревянных стульев и висевшего на стене распятия – единственного украшения этого простого до аскетизма помещения.

Священник, не произнесший еще ни одного слова с того самого момента, как мы покинули склеп, жестом пригласил нас присесть, а затем и сам сел на стоявший у стола стул. Уперев локти в стол, он снова стал внимательно разглядывать нас, но уже при довольно ярком свете, который проникал в его кабинет через большое окно, выходившее на крытую галерею.

– Ответ на ваш вопрос... – задумчиво произнес он, не сводя с нас пронзительного взгляда. – Вы считаете, что имеете на это право только потому, что вам удалось проникнуть в мою церковь и обнаружить имеющийся под ней склеп?

– Нет, – возразила Касси. – Я не считаю, что мы имеем на это право... но есть миллионы людей, которые такое право имеют. Миллионы людей, которые ежедневно молятся богу, принявшему образ человека, умершему и затем воскресшему, и верят каждому слову книги, в которой, по всей видимости, написана не одна только правда.

Священник нахмурился.

– А вы, значит, собираетесь стать теми, кто будет решать, что является правдой, а что – нет?

– Мы не будем ничего решать, – ответила Кассандра. – Мы просто хотим разобраться в некоторых фактах.

Отец Диас откинулся на спинку стула и уставился в потолок.

– В фактах... – повторил он, как будто это слово ему чем-то понравилось. – А в чем, по-вашему, могут заключаться факты?

– Возможно, в том, – сказал я, кладя руки на стол, – что под этой церковью находится склеп, в котором хранится оссуарий, привезенный сюда тамплиерами в начале четырнадцатого века. Причем этот оссуарий, по всей вероятности, содержит в себе их самое ценное сокровище и одновременно их самую жуткую тайну. Вам известно так же хорошо, как и мне, что в этом оссуарии лежит не что иное, как останки человека, изображение которого можно увидеть у вас в кабинете. – Я перевел взгляд на висевшее на стене распятие.

Священник задумчиво потер подбородок.

– Понятно... – сказал он. – И вы двое горите желанием сообщить об этом всему миру. Или я ошибаюсь?

– А есть какие-нибудь основания для того, чтобы этого не делать?

– В жизни иногда бывает так, что правда оказывается отнюдь не такой благотворной, какой ее обычно считают.

– Не такой благотворной для кого? Для людей или... для бизнеса?

– Бизнеса?

– Да, второго самого древнего бизнеса в мире – и, несомненно, самого выгодного. Я не знаю другого такого предприятия, основанного две тысячи лет назад, которое до сих пор бы функционировало.

Отец Диас, вопреки моим ожиданиям, не стал сердиться, а наоборот, даже слегка улыбнулся.

– Вы, похоже, не являетесь верующим.

– Я агностик.

– А-а, значит, вера у вас все-таки есть. – Священник развел руками.

– Я верю в то, что существует Бог, понять которого мне не дано. И я уверен в том, что понять этого Бога людям вообще невозможно, потому что иначе это был бы не Бог, а всего лишь порождение ограниченного человеческого интеллекта. Как воздух: если человек думает, что способен схватить его рукой, это уже не воздух.

– Вы, я смотрю, не раз размышляли над данным вопросом, – заметил отец Диас.

– У меня было много свободного времени... как и у любого из священников.

Моя последняя реплика прозвучала гораздо более язвительно, чем мне хотелось бы.

– А вы, вероятно, не испытываете особого уважения к католической церкви и ее представителям.

– Вы очень наблюдательны.

– Неужели вы так уверены в своей оценке этой организации, состоящей из сотен тысяч человек, которые в общем и целом стремятся творить добро?

– Интересно слышать подобные слова от человека, который скрывает правду о пропагандируемой им вере в подвале своей церкви.

Священник заерзал на стуле.

– Вы считаете, что это дает вам право осуждать меня?

– В отличие от вас, я не претендую на то, что владею истиной, и не пытаюсь учить людей, как им правильно жить. Но там, в склепе, я узнал, что ваши проповеди о смерти и воскресении Иисуса являются ложью и что вы в течение целых двадцати столетий скрывали правду только ради того, чтобы не лишиться своей... клиентуры.

Отец Диас поднялся со стула и, заложив руки за спину, подошел к окну. Он встал возле него так, чтобы солнечные лучи освещали его лицо.

– А что вы знаете о тамплиерах? – спросил священник, повернувшись к нам профилем.

Мы с Касси удивленно переглянулись.

Отец Диас, наблюдавший за нами краем глаза, задумчиво кивнул.

– Я расскажу вам одну историю, – сказал он, снова поворачиваясь к окну. – После того как Иерусалим был захвачен крестоносцами, некий Гуго Пайенский основал в 1118 году орден бедных рыцарей Христа, целью которого являлась защита прибывающих в Иерусалим христианских паломников. Сразу же после создания этого ордена Гуго Пайенский добился для него разрешения расположиться на развалинах храма Соломона – там, где сейчас находится площадь мечетей, – с тайной надеждой найти в подвалах этих давным-давно превратившихся в руины построек какую-нибудь реликвию, которая подняла бы престиж нового ордена. К несчастью, после тщательных поисков тамплиеры обнаружили под легендарным иудейским храмом склеп, в котором находилось нечто такое, что вызвало у них огромную тревогу.

– Оссуарий, – с дрожью в голосе прошептала Кассандра.

– Вы легко можете себе представить, – продолжал священник, как будто бы не услышав реплику Кассандры, – какое огромное впечатление произвела столь неожиданная находка на этих богобоязненных людей. Ведь вся жизнь тамплиеров, которые слепо верили каждому слову, написанному в Библии, была неразрывно связана с христианской религией и с вооруженной борьбой за Святую Землю. В четырнадцатом стихе пятнадцатой главы первого послания апостола Павла к коринфянам однозначно сказано: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша».

Отец Диас сделал паузу и, посмотрев на нас, тяжело вздохнул.

– Они были так сильно поражены этой находкой, что в течение нескольких первых лет существования ордена отказывались принимать в него новых членов, и их орден очень долго состоял, как и в момент своего создания, лишь из девяти человек, – продолжил священник. – Им нужно было «переосмыслить» свою веру в Бога и Церковь. И тамплиеры, проникнувшись некоторыми философскими мыслями, позаимствованными ими из религиозных традиций жителей Иудеи и эзотерических культов, сумели сохранить свою веру и примириться с тем фактом, что Иисус не воскрес, – причем не отрицая его божественности.

– А как им это удалось? – спросил я. – При помощи семантических пируэтов?

Священник, к моему удивлению, с грустью посмотрел на меня.

– Вы считаете, что мы циники?

– Это сказали вы, а не я.

Отец Диас задумчиво провел ладонью по затылку.

– Упомянутые мной философские мысли, которые тамплиеры позаимствовали у жителей Иудеи, содержались большей частью в гностических евангелиях. Эти евангелия император Константин в 325 году на никейском соборе не разрешил включить в Библию, а потому они не входят в ту Библию, которую мы знаем сегодня.

– Не понимаю. – Кассандра энергично покачала головой. – Гностические евангелия? Император Константин? Библия, которую мы знаем сегодня? А что, была и какая-то другая Библия?

– Дело в том, сеньорита, что до никейского собора не существовало книги, которую можно было бы назвать Библией. Только после того как Константин решил провозгласить христианство официальной религией своей империи, были собраны некоторые из текстов, написанные пророками и мучениками, и затем их – под руководством этого императора – собрали в одну книгу, которую стали называть Новым Заветом.

– Это сделал римский император? – недоверчиво спросила Кассандра.

– Именно так. Выслушав мнения своих советников и священников, он решил, какие евангелия нужно включить в Библию, а какие следует не только не включать, но и запретить как еретические. Разве вам никогда не казалось странным, что апостолов было тринадцать, а евангелий в Библии – только четыре?

– Вы хотели сказать, что апостолов было двенадцать, – поправил я отца Диаса.

– Нет, я сказал именно то, что и хотел сказать: их было тринадцать, – возразил священник. – Мария Магдалена тоже была одним из апостолов, причем едва ли не самым главным.

– Проститутка была апостолом?! – негодуя воскликнула Кассандра.

Отец Диас, снисходительно посмотрев на Касси, вздохнул.

– В действительности, сеньорита Брукс, Мария Магдалена была женой Иисуса из Назарета.

Кассандра замерла, словно превратившаяся в соляной столб жена библейского персонажа Лота – с отвисшей от удивления челюстью и широко раскрытыми глазами.

– Это всего лишь небольшая часть того, что решили сделать тайной на Никейском соборе, – продолжал священник. – Там также решили сделать тайной тот факт, что Иисус сам попросил Иуду предать его, чтобы таким образом он мог стать мучеником. Известно, что учение Иисуса было гораздо более сложным и гуманистическим, чем его пытались представить тогда еще совсем молодая христианская церковь. В евангелиях, которые не вошли в Библию, Иисус Христос изображен обычным смертным человеком, которому были свойственны идеализм, воинственность и изворотливость. Константину же был нужен совсем иной Иисус – пастор, приучающий подданных императора к покорности и готовности выполнить любое требование нового руководителя христианской церкви, каковым являлся он, Константин. Именно по этой причине император велел выбрать наиболее подходящие евангелия – как по заложенному в них смыслу, так и по доступности понимания. Людям всегда нравились – и нравятся до сих пор – легенды об обладающих сверхъестественными способностями полумифических персонажах, простые по содержанию вероучения, а также обещания спасения. Именно это и легло в основу созданного Константином варианта христианской доктрины.

– Но... но почему об этом никто ничего не знает? Есть какие-нибудь доказательства того, о чем вы нам сейчас рассказываете?

– Конечно. Вы слышали что-нибудь о послании Эвгноста? А о текстах Наг-Хаммади, найденных в Египте в 1945 году? А о Евангелии от Иуды, обнаруженном не так давно у одного из торговцев древностями? – Отец Диас на несколько секунд замолчал, ожидая от нас ответа, а затем сокрушенно покачал головой и продолжил: – Конечно нет... Те немногие, кого это интересует, предпочитают не предавать данные факты широкой огласке. – Священник снова замолчал – казалось, его утомлял собственный рассказ. – Да, сеньор Видадь, доказательства, о которых вы меня спросили, существуют. Но они уже ничего не могут изменить.

– Но если вы сами не верите в постулаты христианской религии, то как же вы можете носить одеяние священника и обижаться, когда вас называют циником?

Я ожидал от отца Диаса бурной реакции на мои слова, но он лишь слегка покачал головой.

– Я понимаю ваше недоумение, – медленно произнес он, – но позвольте мне все-таки рассказать до конца ту историю, которую я решил поведать вам.

Священник тяжело вздохнул и снова повернулся к окну, сцепив руки за спиной.

– Лишь после того как рыцарям-тамплиерам удалось переосмыслить свою веру, – продолжил он прерванный рассказ, – они наконец решили, что им делать дальше. Тамплиеры тайно перевезли оссуарий в Париж, сделав об этом запись, которая до сих пор хранится в соборе в Шартре, чтобы, во-первых, уберечь его от мусульман и, во-вторых, использовать его для давления на Папу Римского. Возможно, именно благодаря этому давлению храмовникам удалось добиться благословения их ордена Папой Римским в 1128 году на соборе в Труа – всего лишь через десять лет с момента образования ордена, что по тем временам было неслыханно. Чтобы уберечь оссуарий от длинных рук Папы Римского, тамплиеры периодически тайно перевозили его из одного специально подготовленного склепа в другой. Две сотни лет спустя, – священник в который раз повернулся к нам лицом, – а точнее в 1307 году, Папа Римский Климент V под давлением французского короля, возжелавшего завладеть богатствами ордена Храма, принял решение о его роспуске. Рыцарям-тамплиерам пришлось отправиться на поиски нового пристанища, и они прихватили с собой свое самое грозное оружие, обладание которым, однако, налагало на них огромную ответственность. Переплыв океан, они прибыли в эти земли, на которых в те времена все еще существовала успевающая прийти в упадок цивилизация майя. Майя приняли тамплиеров за посланцев бога Кукулькана и разрешили им создать свое собственное поселение здесь, в Текпане.

– И что затем произошло с этими тамплиерами? – поинтересовалась Кассандра.

– Ничего особенного: прошло время и они умерли от старости. Когда почти

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
двести лет спустя сюда прибыли испанцы, от немногочисленных построек, некогда возведенных здесь тамплиерами, остались лишь ничем не примечательные развалины. Когда же было принято решение построить в этом городишке новую церковь, кто-то позаботился о том, чтобы она была возведена именно на том месте, где когда-то стоял храм тамплиеров, и чтобы был воссоздан восьмигранный свод этого храма. В некоторых местах новой церкви даже были использованы тамплиерские символы.

– Вы намекаете на то, что, когда испанцы прибыли сюда в начале шестнадцатого века, среди них были тамплиеры? Но вы ведь сами только что сказали, что орден Храма был распущен двумя столетиями раньше!

Отец Диас улыбнулся.

– Нет, сеньорита Брукс, – ответил он, – тамплиеров среди прибывших сюда испанцев не было. Просто в те времена, когда Колумб приплыл к берегам Америки, они некоторым образом здесь все еще присутствовали.

– Они нарушили обет безбрачия? – удивленно спросила Касси.

– Вообще нет. – Священник отрицательно покачал головой. – Они просто обратили некоторых из туземцев в христианство и, взяв сыновей этих жителей к себе в ученики, привили им свои идеи и приучили их к своему образу жизни. Тамплиеры понимали, что европейцы рано или поздно приплывут сюда, как когда-то приплыли они сами, а потому создали тайный орден, в который входили исключительно туземцы. Единственная задача этого ордена состояла в том, чтобы хранить их главную тайну, которая так и осталась тайной вплоть до сегодняшнего дня.

Отец Диас, о чем-то задумавшись, замолчал.

– Все это очень хорошо, – произнес я, полагая, что рассказ священника окончен. – Однако я не понимаю, какое отношение ваше повествование имеет к тому, сообщим ли мы о своей находке или не сообщим?

– Причины, по которым члены ордена Храма в свое время решили не показывать никому мощи Христа, за прошедшие девятьсот лет не утратили своей актуальности. Человек испокон веку нуждался в некоей определенности, которую и давала ему религия. Более того, благодаря религии жизнь человека приобретала глубокий смысл. Церковь, несмотря на ее многочисленные недостатки, является тем инструментом, при помощи которого христиане приобретают веру, дающую им надежду на лучшую жизнь. Эта вера позволяет многим из них легче переносить тяготы их повседневного существования, ибо верующий человек уповает на то, что всемогущий Бог когда-нибудь воздаст ему за его страдания и он попадет в рай. – Священник подошел к стулу и сел. – Если бы верующие вдруг узнали, что всемогущий Бог не смог воскресить даже своего собственного сына, то что тогда осталось бы от их надежды попасть в Царствие Небесное? Если мы отнимем надежду у обездоленных, угнетенных и страждущих, они превратятся в озлобленных существ, а значит, перестанут быть людьми.

– Судя по вашим словам, вы считаете, что человек, утративший религиозную веру, автоматически превращается в зверя, – констатировал я. – А по-моему, вы очень сильно заблуждаетесь. Что-то я не видел ни одного атеиста, у которого выросли бы рога и когти.

– Сеньор Видаль, вы ведь имеете в виду зажиточных и пребывающих в добром здравии людей, которые считают, что им Бог не нужен. Или я ошибаюсь? – Отец Диас сделал паузу, а затем, не дождавись от меня ответа, продолжил: – Я же имею в виду миллионы верующих, которые приходят в церковь в поиске утешения, потому что окружающая их действительность слишком жестока и несправедлива. Скажите мне, сеньор Видаль, – священник слегка наклонился в мою сторону, – вы смогли бы отправиться в качестве миссионера в какую-нибудь деревушку, затерянную в джунглях Конго, или хотя бы сюда, в маленький городишко на гватемальском плоскогорье, чтобы объяснить задавленным нуждой людям, которым только и остается, что надеяться на загробную жизнь, где им воздастся за тяготы их земной жизни, что Бога нет, а стало быть, их жизнь уже не просто тяжка, но еще и лишена какого-либо смысла? – В черных глазах отца Диаса сверкнул гнев. – Вам и вашим друзьям-атеистам живется хорошо, – с пафосом продолжал он. – Вы можете позволить себе выбирать, чем вам в этой жизни заниматься, на ком жениться

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
или, попросту говоря, что вам съесть завтра на обед. А они, – повысив голос, священник показал рукой куда-то за окно, – не могут позволить себе этого!

Загнанный в угол доводами отца Диаса, я с трудом нашелся, чтобы ответить ему.

– Человек гораздо сильнее, чем кажется вам, священникам, – сказал я, – и было бы неправильно во всем опекать его и не давать ему возможности думать своей головой и поступать так, как он сам считает нужным. Проблема здесь заключается как раз в том, что нужно больше верить в человека и в его способность воспринимать окружающую действительность такой, какая она есть.

Отец Диас покачал головой с таким видом, как будто он только что услышал неудачную шутку.

– Способность воспринимать окружающую действительность такой, какая она есть? Вы это серьезно? – с неприкрытой насмешкой произнес он. – Даже вы, утонченные, самодостаточные и влюбленные в самих себя жители западного мира, и то не способны адекватно воспринимать реальную действительность вашего гедонистического существования! Вам приходится прибегать к изощренным развлечениям, различным нелепым идеям и даже к наркотикам, лишь бы только отвлечься от окружающих вас реалий, но вы при этом все равно тратите на психиатров и успокоительные средства больше денег, чем весь остальной мир тратит на вакцины и антибиотики. Если ваша культура, которую вы считаете высшим достижением цивилизации, едва способна удерживать вас, благополучных людей, в здравом уме и число нервных расстройств среди вас год от года растет, то как, по-вашему, можно удержать в здравом уме тех, кто каждый день сталкивается с унижением и голодом?

Доводы священника звучали настолько убедительно, что мне было трудно ему что-либо возразить, однако сдаваться я не собирался.

– А что думаешь ты, Касси? – спросил я, ища поддержки. – Уж больно ты стала молчаливая.

Кассандра посмотрела на меня, и я заметил в ее лучезарных зеленых глазах грусть.

– Я согласна с отцом Диасом, – печально заявила она. – Мне кажется, что мы не имеем права рассказывать кому-либо о том, что увидели в склепе, – как бы нам этого ни хотелось. На кону стоит и без того уже не очень-то обильный источник счастья миллионов людей, и я не могу позволить себе подвергать его риску из-за какой-то кучки костей.

Лицо отца Диаса смягчилось.

– Когда-нибудь христиане обязательно узнают правду о смерти Иисуса Христа, – с уверенностью произнес он. – Но пока, к сожалению, открывать им эту правду еще рано, а потому останки Сына Божьего должны, как и раньше, лежать в вырытом здесь для них склепе – последнем пристанище Иисуса Христа. Они должны лежать в нем до тех пор, пока не просветлеет разум человека и не станут все деяния человеческие настолько гуманными, что люди смогут взглянуть на них со стороны и не испугаться.

– А может, это произойдет двадцать третьего декабря 2012 года? – невольно вырвалось у меня.

Священник, устало вздохнув, улыбнулся.

– Возможно... Но мне все-таки кажется, что, судя по тому, как развиваются события в современном мире, нам придется прождать пять тысяч лет еще одного длинного счета.

Мне не оставалось ничего другого, как признать, что отец Диас абсолютно прав.

У каких бы людей вы ни спросили, что для них самое главное в жизни, ответ будет один: счастье.

Никто не скажет, что самым главным для него является правда.

«Истина делает вас свободными...» Где я это прочитал? Уж не в Библии ли? Было бы забавно, если именно в ней...

Я молча сидел за одним столом с загадочным приходским священником всего лишь в нескольких десятках метров от важнейшего во всей человеческой истории открытия и думал о том, что стоит мне только захотеть – и я смог бы за один день перевернуть мир. Для этого мне пришлось бы всего лишь рассказать о событиях, происшедших сегодня в скромной церквушке небольшого гватемальского городка.

Но я не стану этого делать.

Я и сам не заметил, как принял твердое решение хранить тайну о главном сокровище тамплиеров всю свою оставшуюся жизнь.

Времени до вылета нашего самолета оставалось совсем мало, а потому не было смысла продолжать дискуссию, в которой я все равно уже проиграл. Поэтому, шумно вздохнув, я посмотрел на священника и сказал:

– Я все еще не до конца уверен в том, что вы правы, отец Диас. Однако если бы я совершил неправильный поступок, который привел к тяжким последствиям, я потом не смог бы себе этого простить.

Поднявшись со стула, я протянул священнику руку:

– В общем, я никому не расскажу ничего из того, что я сегодня видел и слышал. Даю вам слово.

Отец Диас пожал руку сначала мне, а потом Кассандре, которая дала ему такое же обещание.

– Вы хорошие люди, – с теплотой в голосе произнес священник. – Да благословит вас Господь.

Понимая, что говорить с ним нам больше не о чем, мы стали прощаться, тем более что у нас едва хватало времени, чтобы доехать на такси из Текпана до столичного аэропорта.

Когда мы вышли от священника и, размышляя на ходу над волнующими событиями сегодняшнего дня, направились к выходу из церкви, мне вдруг пришел в голову еще один вопрос, который я просто не мог не задать.

– Отец Диас, – обратился я к провожавшему нас священнику. – Скажите, вы один из них?

– Один из кого?

– Вы – рыцарь-тамплиер?

Отец Диас, которого этот вопрос, похоже, совсем не удивил, разразился коротким смехом.

– Сеньор Видаль, – сказал он, бросая на меня лукавый взгляд. – Тамплиеры исчезли почти семь веков назад. Я – всего лишь скромный приходской священник... а это – маленькая невзрачная церковь в захолустном городишке.

Эпилог

Глухой гул двигателей, заставлявших аэробус A320 медленно катиться по взлетной полосе аэропорта Ла-Аурора, не позволял мне сосредоточиться, и я лишь рассеянно наблюдал через иллюминатор за красноватыми вспышками на вершине вулкана Пакайя. Этот вулкан проснулся еще пару дней назад и яростно извергал из себя во все стороны огненную лаву и пепел, в результате чего местные власти были вынуждены эвакуировать население из доброго десятка расположенных неподалеку от вулкана поселков и деревень.

У меня на коленях лежал свежий выпуск газеты «Пренса Либре», и я, увидев, что прикорнувшая на соседнем сиденье Кассандра заснула, крепко обхватив

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
обеими руками сумку, в которой лежало золотое распятие, решил отвлечься чтением последних новостей и всякой белиберды, лишь бы только не думать о происшедших с нами сегодня событиях. Я стал без особого интереса перелистывать страницы газеты – как обычно, от конца к началу. Просмотрев спортивный раздел и огорчившись по поводу нестабильной игры «Барселоны» в Лиге чемпионов, я вдруг натолкнулся в разделе чрезвычайных происшествий на расположенную в нижнем левом углу страницы коротенькую заметку, после прочтения которой у меня перехватило дыхание.

Невероятно!

Через три дня после того как бойцы Сапатистской армии национального освобождения обвинили прибывших на развалины города Яшчилан (штат Чьяпас, Мексика) американских археологов в расхищении культурного наследия майя и совершили на них вооруженное нападение, в ходе которого, по имеющимся данным, ни одному из археологов не удалось выжить, группой охотников из племени лакандонов в тропическом лесу неподалеку от этого древнего города майя был обнаружен некий мужчина, заявивший, что он гражданин Испании и что его зовут Эдуардо Кастильо. В настоящее время сеньор Кастильо находится в больнице города Теносике. По сообщению врачей, на его теле имеется несколько ран различной степени тяжести, которые он, по его словам, получил во время столкновения с сапатистами.

Примечания

1

лига – мера длины, равная 5572,7 м.

2

кока – тип средневекового судна.

3

Carpe diem – «лови день» (девиз эпикурейства, призывающий пользоваться радостями сегодняшнего дня и не терзать себя раздумьями о будущем) (лат.).

4

фабада – астурийское блюдо из фасоли с кровяной колбасой и салом.

5

milites templi – рыцари храма (лат.).

6

«*De laudibus novae militiae*» – «Похвала новому рыцарству» (лат.).

7

Слово «тамплиер» происходит от французского слова *temple*, означающего «храм».

8

Сантим – мелкая монета Франции.

9

Crazy – сумасшедший (англ.).

10

I'm still – я все еще (англ.).

11

Teacher – учитель (англ.).

12

Дублон – старинная испанская золотая монета.

13

Мохо – алкогольный напиток.

14

Tempus fugit – время бежит (лат.).

15

Сангрия – освежающий напиток с вином и лимонадом.

16

Приятно с вами познакомиться, мисс Брукс (англ.).

17

«Чапупин Колорадо» – мексиканский комедийный сериал.

18

Чурро – крендельки, поджаренные на масле.

19

Меренге – стиль музыки Доминиканской Республики.

20

Кумбия – стиль колумбийской музыки.

21

Добрый вечер (фр.).

22

Я забронировал номера на троих человек на имя Улисса Видаля (фр.).

23

Да, мсье (фр.).

24

Сколько времени вы намереваетесь здесь пробыть, мсье? (фр.)

25

Эту ночь (фр.).

26

Хорошо. Спокойной ночи, мсье (фр.).

27

Спокойной ночи (фр.).

28

Вы говорите по-английски? (англ.)

29

Это мой подарок (фр.).

30

Какой подарок, мсье? (фр.)

31

Это подарок для мой внука! Подарок к его свадьба! (фр.)

32

Где я могу найти вашу внучку? (фр.)

33

Она, это тот жена туарега (фр.).

34

Почему вы желаете знать мой внука? (фр.)

35

Та ящичек? (фр.)

36

Да, мсье...Та ящичек (фр.).

37

Но та ящичек не находится со мной внука! (фр.)

38

Что-что? (фр.)

39

Мсье... подарок это у родители мужа, в городе Табришат... Это такая традиция (фр.).

40

Вы говорите по-французски? (фр.)

41

Английский? (англ.)

42

Триста тысяч (фр.).

43

Идите, господа, идите! (фр.)

44

Так раньше назывались Канарские острова.

45

Данное название в переводе с испанского означает «борьба».

46

Крепость и святилище инков 15–16 вв. в древнем Перу.

47

Каюка – индейская лодка.

48

«Улисс» является латинизированной формой имени мифического царя Итаки Одиссея.

49

Ученое звание.

50

Неф – продольная часть христианского храма, обычно расчлененная колоннадой или аркадой на главный неф и боковые нефы.

51

Вот так! (фр.)

Последний тайник. Фернандо Гамбоа filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!